

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2021

№ 69

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва); **Ермекабай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, советник директора, заведующий отделом Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрялов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документо-ведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, зав. кафедрой археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Черная Людмила Викторовна**, ст. лаборант лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета (техническое редактирование контента); **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Номер подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Томского государственного университета.

This issue has been prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and Tomsk State University.

Научный редактор выпуска доктор исторических наук М.П. Чёрная.
Scientific editor of the issue Doctor of History M.P. Chernaya.

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus’» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, adviser to the Director, head of the Department Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Shilovskiy Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Head of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chernaya Lyudmila V.**, Snr laboratory assistant of the laboratory of archaeological and ethnographic research in Western Siberia, Tomsk State University (technical content editing); **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Бобров Л.А., Ожередов Ю.И., Богданов А.Е. «Рейтарский» шлем первой половины – середины XVII в. с Воскресенской горы (г. Томск) из собрания МАЭС ТГУ	5
Дашковский П.К. Комплексная хронология и социальная интерпретация кургана № 34 Пазырыкской культуры из могильника Чинета-II (Алтай)	17
Ефремова Н.С. Культы умерших в археологических культурах барабинской лесостепи: пространственно- хронологическая динамика	26
Заика А.Л. Антропоморфные личины в древнем искусстве Западной и Восточной Сибири	31
Марочкин А.Г., Герман П.В., Савельева А.С., Плац И.А., Веретеников А.В. Археологические микрорайоны и проблемы культурной хроностратиграфии на юге Томь-Чулымья (неолит–палеометалл– Средневековье)	37
Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Чёрная М.П., Тихонов С.С., Бен Н.С. Коллекция обуви Тары в контексте городской застройки (по материалам раскопок 2018 г.)	45
Степанова Н.Ф., Плетнёва Л.М., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья	55
Татауров С.Ф. Государственные институты Сибирского ханства в археологических материалах	62
Татаурова Л.В. Методические аспекты формирования археологического источника Нового времени	67
Чемякин Ю.П. Стратиграфия городищ эпохи раннего железа Барсов городок III/2–3	73
Черных Е.М. Последние язычники и первые христиане среди удмуртов в контексте погребального обряда Шарканского могильника второй половины XVIII – начала XIX в.	81

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

Атнагулов И.Р. Феномен нагайбакской идентичности как результат политико-административных реформ и русских культурных влияний второй половины XVI – начала XX в.	86
Луйли Ф. Использование пространства на зимних стойбищах степных скотоводов – этноархеологическая точка зрения	92
Майничева А.Ю. Информационные технологии в этнографических исследованиях	97
Мартынова Е.П. Праздники обских угров: традиции в меняющемся мире	101
Николаев В.В., Чемчинова А.П. Миграция кумандинцев в города Горно-Алтайск и Бииск в XX – начале XXI в.	107
Попова С.А. Мифоритуальное пространство медвежьего праздника северных манси	115
Тадышева Н.О. Современная свадебная обрядность тюрок Саяно-Алтая	120

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ

Бураев А.И. Скульптурные изображения как источник по антропологии средневекового населения Северной Евразии	126
Хохлов А.А., Григорьев А.П. Краниологические материалы из погребений абашевской культуры финала средней бронзы Поволжья и Приуралья	132

CONTENTS

PROBLEMS OF ARKHEOLOGY

Leonid A. Bobrov, Yuri I. Ozheredov, Andrey E. Bogdanov. The «reiterhelmet» of the first half – the middle of the XVIIth century from Voskresenskaya mountain (Tomsk city) from MAES TSU collection	5
Petr K. Dashkovskiy. Complex chronology and social interpretation of mound no. 34 of the Pazyryk culture from the Chineta-II burial ground (Altai)	17
Natalya S. Efremova. Cults of the dead in archaeological cultures of the Baraba forest-steppe: spatial and chronological dynamics	26
Alexander L. Zaika. Anthropomorphic faces in the ancient art of Western and Eastern Siberia	31
Alexey G. Marochkin, Pavel V. German, Anna S. Savel'eva, Ivan A. Plats, Alexey V. Veretennikov. Archaeological microdistricts and problems of cultural chronostratigraphy in the south of Tom-Chulyum region (Neolithic–Paleometal– Middle Ages)	37
Dmitry O. Osipov, Sergey F. Tataurov, Mariya P. Chernaya, Sergey S. Tikhonov, Nadezhda S. Ben. Tara's footwear collection in the context of urban development (based on materials from the 2018 excavations)	45
Nadezhda F. Stepanova, Lyudmila M. Pletneva, Dmitriy Yu. Rybakov. Features of initial raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk Ob region	55
Sergey F. Tataurov. State institutions of the Siberian khanate in archaeological materials	62
Larisa V. Tataurova. Methodological aspects of formation of an archaeological source of Modern time	67
Yury P. Chemyakin. Stratigraphy of Early Iron Age settlements Barsov Gorodok III/2–3	73
Elizaveta M. Chernykh. The last pagans and the first christians among the udmurts in the context of the funeral rites of the Sharkan cemetery (2nd half of the XVIII – early XIX century)	81

PROBLEMS OF ETHNOGRAPHY

Irek R. Atnagulov. The phenomenon of Nagaibak identity as a result of political and administrative reforms and Russian cultural influences of the second half of the XVI – early XX century	86
Francesca Lugli. The use of space in steppe pastoralist winter camps – an ethnoarchaeological point of view	92
Anna Y. Mainicheva. Information technology in ethnographic research	97
Elena P. Martynova. Ob Ugrian's holidays: traditions in the changing world	101
Vasily V. Nikolaev, Arzhana P. Chemchieva. Migration of Kumandy to the cities Gorno-Altai and Biysk in the XX – early XXI centuries	107
Svetlana A. Popova. Mythological and ritual space of the bear's holiday of the northern Mansi	115
Natalia O. Tadyшева. Modern Wedding Rituals of the Sayan-Altai Turks	120

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY

Alexei I. Buraev. Sculptural images as a source for anthropology of the medieval population of Northern Eurasia	126
Alexander A. Khokhlov, Artem P. Grigorev. Craniological materials from the burials of the abashev culture of the final Middle Bronze Age in the Volga and Ural regions	132

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Косых Е.Н., Фадеев К.В., Андриюкова С.В. Культурно-просветительная деятельность среди крестьян Томской губернии (1880–1917)	140
Федосов Е.А. «Товаришу Перче!»: специфика визуальной сатиры Советской Украины в условиях холодной войны (1954–1964)	149

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лыкова А.А. Исторические источники изучения деятельности региональных отделений политических партий России (на материалах Республики Алтай)	156
Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Поляки в Сибири (XIX – начала XX в.) в освещении постсоветской отечественной историографии	162
Стельмак М.М. Образ Японии в антибольшевистской правительственной прессе Западной Сибири в период российского правительства А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.)	171

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Кириянов В.П. Сравнительные характеристики авиационных прицелов РККА и люфтваффе в Великой Отечественной войне	182
---	-----

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Берсенов М.В., Зиновьева В.И. Безбарьерная среда образовательного пространства вуза: алгоритмы формирования	188
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Чуркин М.К. Рецензия: Комлева Е.В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение северо-восточной Евразии : монография / Е.В. Комлева; отв. ред. Н.П. Матханова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск : Параллель, 2018. 398 с.	196
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	200
----------------------------------	-----

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Evgenii N. Kosykh, Konstantin V. Fadeev, Svetlana V. Andryukova. Cultural and educational activities amongst peasants of the Tomsk province (1880–1917)	140
Egor A. Fedosov. «Comrade Pepper!»: the specific of visual satire of the Soviet Ukraine in conditions of the Cold war (1954–1964)	149

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Alyona A. Lykova. Historical sources for studying the activities of regional offices of political parties in Russia (based on materials from the Altai Republic)	156
Valeriy A. Skubnevskiy, Yuriy M. Goncharov. Poles in Siberia (the 19th – early of the 20th century) as viewed by contemporary Russian historiography	162
Maksim M. Stelmak. The image of Japan in the anti-bolshevik government press of the West Siberia at the time of the Russian government A.V. Kolchak (November 1918 – December 1919)	171

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Victor P. Kirianov. Comparative characteristics of aviation sights of the RKKA and Luftwaffe in the Great Patriotic war	182
--	-----

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Valentina I. Zinovieva, Maksim V. Bersenev. Barrier-free environment of the university educational environment: creating algorithms	188
--	-----

REVIEW

Mikhail K. Churkin. Review: E.V. Komleva. Siberian merchants: contribution to economic development and study of north-eastern Eurasia : monograph / E.V. Komleva., execut. ed. N.P. Matkhanova; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History. Novosibirsk : Parallel, 2018. 398 p.	196
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	200
--	-----

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.02

DOI: 10.17223/19988613/69/1

Л.А. Бобров, Ю.И. Ожередов, А.Е. Богданов

«РЕЙТАРСКИЙ» ШЛЕМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ – СЕРЕДИНЫ XVII в. С ВОСКРЕСЕНСКОЙ ГОРЫ (г. ТОМСК) ИЗ СОБРАНИЯ МАЭС ТГУ

*Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки
в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).*

Изучен шлем, обнаруженный у Воскресенской горы г. Томска в 1889 г. Установлено, что он относится к «германо-фламандской» разновидности европейских шишаков и был изготовлен мастерами Западной Европы или России. Согласно письменным источникам, доспехи европейского образца стали применяться томскими служилыми людьми не позднее середины 30-х гг. XVII в. В период своего нахождения в Томске шлем, возможно, принадлежал представителю командного состава или воину одного из кавалерийских подразделений.

Ключевые слова: служилые люди; рейтары; рейтарский шлем.

Военно-культурное наследие русских служилых людей Сибири и Дальнего Востока вот уже не одно столетие привлекает к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Однако вплоть до недавнего времени выводы относительно военного искусства землепроходцев конца XVI – XVII в. строились преимущественно на основе анализа письменных источников. Отмечая несомненную важность данных материалов, все же отметим, что для всестороннего изучения вооружения и тактики служилых людей Зауралья необходим комплексный подход, в рамках которого письменные свидетельства должны уточняться и дополняться с помощью вещественных и изобразительных источников [1; 2. С. 204–207]. В данной связи актуальным направлением современных исследований является введение в научный оборот подлинных образцов российского и европейского вооружения, найденных на территории Сибири и датированных эпохой позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В настоящее время одна из крупнейших в азиатской России оружейных коллекций хранится в фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Наряду с клинковым, древковым, огнестрельным оружием, а также луками, стрелами, корпусными панцирями, в собрании музея представлены и боевые наголовья – клепаные и цельнокованые шлемы, мисюрки, кольчатые капюшоны. Значительная часть данных образцов защитного вооружения поступила в Археологический музей Томского университета (прежнее название МАЭС ТГУ) еще в XIX в. К концу того же столетия в собрании насчитывалось не менее восьми боевых наголовий, которые были впервые опубликованы выдающимся российским исследователем В.М. Флоринским в 1890 и 1898 гг. [3. С. 158, 159;

4. С. 532, 533]. К сожалению, формат публикации не позволил ученому дать подробное описание конструкции и системы оформления указанных шлемов. Кроме того, как показал специальный анализ, некоторые атрибуты и датировки конца XIX в. нуждаются в уточнениях и корректировке [5, 6].

Наряду с прочими наголовьями в фондах МАЭС ТГУ хранится оригинально оформленный «железный шишак» (инв. № 2698), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, военных историков и оружейников. Он входит в число 11 шлемов русского и европейского производства конца XVI – XVII в., обнаруженных на территории Сибири [2. С. 204–207, 209, 210, 212]. При этом по своей конструкции и системе оформления он заметно отличается от большинства других боевых наголовий рассматриваемого региона, что подчеркивает его высокую научную ценность. Ранее данный образец защитного вооружения еще не становился объектом отдельного научного исследования.

Целью настоящей статьи являются детальное описание конструкции и системы оформления шлема № 2698 из собрания МАЭС ТГУ, уточнение его датировки и атрибуции, а также реконструкция вариантов первоначального внешнего вида наголовья.

Согласно данным В.М. Флоринского, интересующий нас шлем относится к числу случайных находок. Он был обнаружен на территории г. Томска в конце XIX в. в ходе земляных работ: «В музее Томского университета имеется... русский шлем, найденный весной 1889 г. в Томске при рытье погребка, во дворе дома Лаврентьева, в Подгорной улице, под Воскресенской горой (№ катал. 2698). При основании Томска на яру Воскресенской горы над этой частью Подгорной улицы существовала крепость (острог, обнесенный палисадом). Найденный булатный шлем должен отно-

ситься к этому времени (к первой половине XVII в.)» [4. С. 532, 533]. В музейное собрание наголовье было передано в том же 1889 г. студентом Томского университета Чикиневым [3. С. 159].

Первое описание конструкции шлема было выполнено В.М. Флоринским, который определил находку как «железный шишак»: «Он имеет форму широкой шапки, с выпуклыми боками и низким круглым верхом, снабжен козырьком и затылком; по длине идут выпуклые полосы, вроде дыни. Сохранился очень хорошо, со слабыми следами ржавчины» [4. С. 532, 533].

В дальнейшем сильно сокращенное описание В.М. Флоринского приводится А.П. Дульзоном при характеристике Томского острога [7. С. 114], а позднее – в справочнике «Археологическая карта Томской области», где артефакту присваивается индивидуальное наименование «Воскресенская находка I» [8. С. 119].

К сожалению, письменные свидетельства не позволяют проследить степень сохранности шлема в период его нахождения в музейном собрании. Так, например, в настоящее время от многочастного сегментного назатыльника наголовья осталось лишь две пластины. В приведенном описании В.М. Флоринский упоминает

«затылок» шлема, однако ничего не сообщает о конструктивных особенностях и количестве составляющих его пластин. Таким образом, не представляется возможным установить комплектность назатыльника шлема в момент его обнаружения. Не упоминает В.М. Флоринский и такие элементы наголовья, как подвижный наносник, наушы и наверхие. Это дает основание предположить, что либо данные элементы не были обнаружены вместе со шлемом, либо они по каким-то причинам не были переданы в музейное собрание.

Конструкция и система оформления шлема.

По материалу изготовления шлем № 2698 из собрания МАЭС ТГУ относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепаных, по форме купола – к типу полусферических (рис. 1–3). Общая высота наголовья – 15,5 см, диаметр лобно-затылочный – 23,9 см¹, височный – 20,3 см. Толщина стенок тульи по ребрам (верхняя рельефная часть шлема) – 1,0 мм, по венцу (нижняя гладкая часть шлема) – 1,5 мм, толщина козырька 1,5–2,0 мм, пластины назатыльника 1,0–1,2 мм. Масса шлема – 1,8 кг.

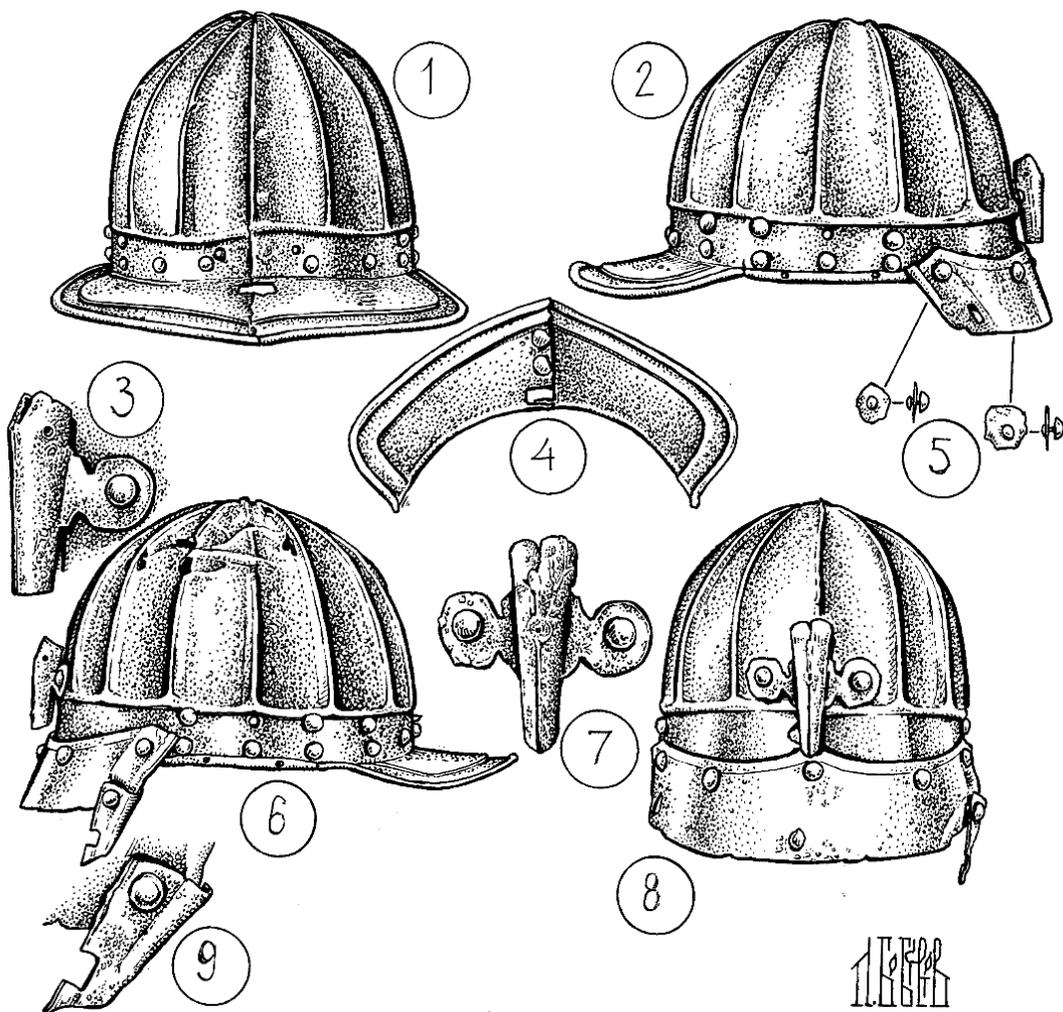

Рис. 1. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (рисунок Л.А. Боброва): 1 – шишак (вид спереди); 2 – шишак (вид слева); 3 – плюмажная трубка-втулка (вид справа); 4 – козырек (вид снизу); 5 – заклепки из медного сплава с железными «подложками»; 6 – шишак (вид справа); 7 – плюмажная трубка-втулка (вид спереди); 8 – шишак (вид сзади); 9 – малая (окантовочная) пластина назатыльника

Рис. 2. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (фото Ю.И. Ожередова): 1 – вид спереди; 2 – вид слева; 3 – вид справа; 4 – вид сзади

Рис. 3. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (фото Ю. И. Ожередова): 1 – вид сверху; 2 – вид снизу

Тулья шлема склепана из двух половин (стыковочный шов проходит по линии лоб–затылок). При этом левая пластина незначительно перекрывает правую (см. рис. 1, 1, 8; 2, 1, 4; 3). Для соединения железных элементов использованы заклепки с уплощенными шляпками, вбитые с внутренней стороны тульи шлема вдоль края стыковочного шва (см. рис. 3, 2). С внешней стороны тульи головки заклепок были зашлифованы, однако их следы все же заметны на плоскости наголовья (см. рис. 1, 1; 2, 1).

Поверхность тульи шлема (за исключением «венца» вдоль ее нижнего края) покрыта 16 вертикальными остроугольными ребрами жесткости, два из которых маскируют стыковочный шов. На лицевой части наголовья пластины тульи резко изгибаются (под углом около 90°) и переходят в длинный и широкий двухчастный козырек («полку»). Длина козырька 25 см, ширина 5,2–7,0 см (у края и в центральной части «полки» соответственно). У основания козырька (рядом со стыковочным швом) пробито сквозное отверстие прямоугольной формы (2,0 × 1,2 см), в которое вставлялся подвижный наносник-стрелка, защищавший лицо воина от рубящих ударов оружия противника (см. рис. 1, 1, 4; 2, 1; 3, 2)². Так как железные лопасти, формирующие козырек, составляют единое целое с соответствующими пластинами тульи, левая лопасть козырька незначительно перекрывает правую (см. рис. 1, 1, 4; 2, 1; 3, 2). С нижней стороны козырька вбиты две заклепки с уплощенными шляпками (диаметр 1,0 см) надежно фиксирующие лопасти «полки» между собой (см. рис. 1, 4; 3, 2). Пятиугольный козырек шлема имеет рельефную поверхность. Миниатюрная ступенька, проходящая ближе к внешнему краю «полки», делит плоскость козырька на верхний (примыкающий к ту-

лье) и нижний ярусы. Сам край козырька оформлен выпуклым бортиком (ширина 0,4 см). Боковые углы «полки» закруглены, а центральный, напротив, заострен (см. рис. 1–3).

Горизонтальное ребро жесткости отделяет ребристую (верхнюю) часть тульи от гладкого «венца» (ширина 3,0 см)³. В плоскости последнего пробиты 23 отверстия, в которые вставлены 19 больших и малых заклепок из медного сплава с выпуклыми полусферическими шляпками (диаметр 0,9 и 0,7 см соответственно).

Налобная часть шлема снабжена шестью отверстиями с четырьмя заклепками с полусферическими шляпками из медного сплава (см. рис. 1, 1; 2, 1). На внутренней стороне тульи заклепки дополнены плоскими железными «подложками» подпрямоугольной и подквадратной формы. Значительный интерес представляют два дополнительных отверстия, пробитых справа и слева от стыковочного шва. Левое из них в настоящее время пустое, однако в правом сохранился фрагмент железного штыря заклепки (см. рис. 1, 1, 6; 2, 1). По всей видимости, данные отверстия служили для крепления скобы-фиксатора подвижного наносника шлема (см. ниже).

Височные стороны наголовья снабжены 12 отверстиями, расположенными в два ряда (по 6 отверстий с каждой стороны, в том числе два пустых и 10 с заклепками из медного сплава). Отдельные заклепки на внутренней стороне тульи снабжены плоскими железными «подложками» округлой формы. С помощью заклепок на налобной и височных сторонах шлема к наголовью крепился подшлемник из мягких органических материалов (ткани, ваты, кожи и т.д.). Также весьма вероятно, что некоторые височные заклепки

служили для фиксации ремней, к которым подвешивались цельнокованные или клепаные науши.

Вдоль нижнего края тульи пропущен выпуклый бортик (толщина 0,5 см). На височных сторонах бортика проделаны небольшие парные отверстия (см. рис. 1, 2, 6; 2, 2, 3).

На макушечной части наголовья пробито еще одно сквозное округлое отверстие, с помощью которого к тулье крепилось навершие шлема (см. рис. 3).

Отогнутая назад затылочная часть тульи рассматриваемого наголовья имеет специальное расширение, предназначенное для крепления многочастного сегментного назатыльника типа «рачий хвост» (см. рис. 3, 2). Последний сохранился фрагментарно. В настоящее время он состоит из одной большой («базовой») и одной малой («окантовочной») пластины. Большая пластина выполнена в виде изогнутой железной полосы удлиненно-подпрямоугольной формы (ширина 4,0–4,8 см). Она вплотную прилегает к затылочной части тульи и в значительной степени повторяет ее изгиб⁴. Нижний край пластины – ровный, а верхний снабжен по центру остроугольным зубцом (см. рис. 1, 5, 6, 8; 2, 2–4). Боковые края пластины дополнены слабовыраженным бортиком. Вдоль верхнего края железной полосы бортик намечен лишь визуально, с помощью сплошной гравированной линии (см. рис. 1, 5, 6, 8).

Большая пластина назатыльника крепится к тулье шлема с помощью пяти заклепок с полусферическими шляпками, вбитыми вдоль ее верхнего края (см. рис. 1, 5, 6, 8; 2, 2, 3, 4). Как шляпки, так и стержни заклепок изготовлены из медного сплава. На внутренней стороне тульи заклепки снабжены плоскими железными «подложками» округлой формы (см. рис. 1, 5; 3, 2). Вдоль нижнего края пластины пробиты три сквозных отверстия. В центральное из них вставлена простая железная заклепка. Боковые отверстия имеют прямоугольную форму (0,8 × 0,4 см). В настоящее время левое отверстие пустует, в то время как правое используется для крепления малой «окантовочной» пластины сложной вырезной формы. Последняя соединяется с большой пластиной с помощью медной заклепки с полусферической шляпкой (см. рис. 1, 6, 8, 9; 2, 2, 4).

К затылочной части купола шлема (непосредственно над большой пластиной назатыльника) приклепан Ф-образный держатель плюмажа, представляющий собой коническую железную втулку (высота 5,8 см, диаметр 1,8 см) в обрамлении двух округлых фестонофиксаторов (диаметр 2,0 см), в плоскости которых вбиты заклепки, соединяющие держатель с тульей наголовья (см. рис. 1, 2, 3, 6–8; 2, 2–4). Плюмажная трубка-втулка не имеет донца, а на ее боковых сторонах пробиты миниатюрные сквозные отверстия (см. рис. 1, 2, 3, 6–8).

Если козырек и нижняя часть тульи шлема сохранились достаточно хорошо, то верхняя часть наголовья имеет существенные повреждения. В частности, на ее поверхности присутствуют большие и малые пробоины, а также «разрывы» железной основы (см. рис. 2, 2; 3, 2). На правой стороне тульи фиксируются глубокие вмятины – следы рубящих (?) ударов (см. рис. 1, 6; 2, 2). Кроме того, утеряны такие шлемовые элементы,

как наносник со скобой и фиксатором, навершие, науши, а также большая часть назатыльника.

Датировка и атрибуция

На основании особенностей конструкции и системы оформления рассматриваемое наголовье может быть отнесено к большой группе европейских шлемов раннего Нового времени, известных в Германии и Австрии как *zischagge* и *rappenheimer*, в Польше как *szyszak*, в Чехии – *sisak*, в Англии – *lobster-tail* и т.д. [9. S. 107; 10. P. 68–70; 11. С. 25, 28; 12. С. 128, 131, 132]. Данную группу шлемов можно обозначить как «шишаки европейского образца», или «европейские шишаки». Отличительной особенностью данных наголовий являлась низкая цельнокованая или клепаная тулья полусферической или сфероконической формы, дополненная козырьком с защитой лица в виде наносника-стрелки (или, реже, нескольких железных полос или прутьев), коротким навершием, парой наушей и сегментным назатыльником.

Появление данной разновидности боевых наголовий в составе комплекса защитного вооружения европейских воинов связано с влиянием Османской Турции. При этом, европейские мастера не просто скопировали османские шлемы, но и внесли в их конструкцию ряд важных изменений. Так, в частности, назатыльник шлема увеличился в размерах и из цельнокованого превратился в сегментный, изменилась система оформления (а в некоторых случаях и конструкция) тульи, козырька, наносника, наушей, навершия, держателя плюмажа и т.д.

Внутри группы европейских шишаков достаточно быстро сформировались различные региональные типы и варианты наголовий различавшиеся между собой особенностями конструкции и системы декоративного оформления. Так, например, в Польше *szyszaki* местных гусар стали часто дополняться особым типом наносника с широкой лопастью для защиты лица, характерными накладками из медного сплава, а в некоторых случаях – высоким продольным гребнем. В Англии наносник нередко заменяли специальной «решеткой» из трех соединенных железных полос или прутьев, при этом налобник и козырек могли подниматься вверх как забрало рыцарского шлема и т.д. [9. S. 107; 10. P. 68–70; 11. С. 25, 28; 12. С. 128, 131, 132, 149; 13. С. 66, 67, 110, 111; 14. С. 319].

Рассматриваемое наголовье из собрания МАЭС ТГУ относится к одной из разновидностей «европейских шишаков», которую с некоторой долей условности можно обозначить как «германо-фламандскую». Отличительными особенностями шлемов данной подгруппы являются низкая клепаная двухчастная (в редких случаях цельнокованая) тулья, верхняя часть которой покрыта ярко выраженными ребрами жесткости (выгнутыми непосредственно из плоскости тульи), и очень широкий и массивный козырек, сформированный в большинстве случаев двумя лопастями пластин тульи шишака⁵. В настоящее время нам известно о 29 подобных шлемах, хранящихся в музейных и частных собраниях России, Германии, Австрии, Ита-

лии, Великобритании, США и других стран [9; 10. Р. 68–70; 11. С. 28; 14. С. 319, рис. 2, 2; 15; 16]⁶.

Ближайший аналог «томского» шлема зафиксирован в фондах Государственного Эрмитажа (ГЭ) (инв. № 3.О.-7380)⁷. Сведения о данном наголовье ранее не публиковались и вводятся в научный оборот впервые (рис. 4).

Как и шишак из МАЭС ТГУ, шлем из ГЭ имеет двухчастную клепаную тулью (общая высота 19,9 см, высота тульи 15,0 см, диаметр лобно-затылочный 22,5, височный 20,0 см), пластины которой переходят в широкий и массивный козырек (длина 23,2 см, ширина 4,0–6,4 см). Толщина стенок тульи по ребрам (верхняя рельефная часть шлема) – 1,5 мм, по венцу (нижняя гладкая часть шлема) – 2 мм, толщина козырька 1 мм, пластины назатыльника 1,5 мм. Масса шлема 1,291 кг.

Двухчастная пятиугольная «полка» козырька снабжена характерной «ступенькой», бортиком по краю и прямоугольным отверстием для наносника-стрелки (1,75 × 1,3 см)⁸. Верхняя часть шлема покрыта 16 вертикальными ребрами жесткости (у наголовья из Томска их также 16). При этом «венеч» шишака (ширина 4,0 см) – гладкий. В отверстия, пробитые вдоль его нижнего края, вставлены заклепки из медного сплава. Кромка наголовья оформлена выпуклым бортиком (ширина 0,8 см). Верхняя пластина назатыльника – «рачий хвост» (длина 21,0 см, ширина 3,7–5,2 см) –

также весьма напоминает свой «томский аналог» (см. рис. 4, 2, 4). Она снабжена по центру остроугольным зубцом, заклепками с медными шляпками (диаметр 0,8 см) и сплошной гравированной полосой вдоль верхнего края пластины. Держатель плюмажа не сохранился, однако на его наличие в первоначальной комплектации шлема указывают характерные отверстия и заклепки на затылочной части шлема (см. рис. 4, 4). Таким образом, шишаки из МАЭС ТГУ и ГЭ имеют очень близкие размеры, практически идентичную конструкцию и систему оформления и различаются лишь отдельными деталями (см. рис. 1–4)⁹.

Важное значение для нас имеет тот факт, что шишак из ГЭ сохранил элементы, утерянные на «томском» шлеме. Так, на его налобной части фиксируется П-образная скоба с винтом, служившая для фиксации подвижного наносника-стрелки (см. рис. 4, 1–3). Неменьший интерес представляет ярусное навершие из медного сплава. Его подвершие изготовлено в форме уплощенной округлой пластины с остроугольными фестонами по краю (диаметр 7,1 см). Венчающее ее надвершие имеет цилиндрическую форму (высота 2,9 см, диаметр 1,05 см). Шейка надвершия снабжена выпуклым пояском и уплощенным «яблоком», покрытым косыми гравированными линиями (диаметр 1,45 см). В цилиндре подвершия проделано сквозное отверстие (диаметр 0,45 см).

Рис. 4. Шишак первой половины – середины XVII в., ГЭ, 3.О.-7380 (фото К.В. Синявского)

По всей видимости, классический вариант «германо-фламандских» шишаков сложился в первой четверти XVII в. и продолжал относительно широко использоваться на протяжении 20–60-х гг. XVII в. (а в некоторых районах Европы и позднее). Вещественные и изобразительные материалы позволяют предположить, что наиболее активно шишаки рассматриваемого типа применялись латниками Германии, Австрии и Фландрии. Несколько реже они встречались на вооружении конных воинов Италии, Англии, Швеции, Речи Посполитой и др. [10. Р. 70]. Судя по находке подобного наголовья на территории Южной Сибири, шишаки «германо-фламандского» образца носили и служилые люди Московского государства. Еще одним подтверждением бытования подобных шлемов в комплексе защитного вооружения российских воинов являются материалы Оружейной Палаты Московского Кремля (ОПМК). Так, в частности, академиком исторической живописи Ф.Г. Солнцевым в первой половине XIX в. было зарисовано несколько шишаков из арсенала

Оружейной Палаты, имевших близкую или аналогичную конструкцию тульи и шлемовых элементов (рис. 5)¹⁰.

Вопрос об основных центрах производства шишаков рассматриваемого образца и их дериватов остается открытым. Большая часть известных наголовий традиционно атрибутируется исследователями как изделия мастеров Южной Германии и Фландрии [16]. В Московское государство они могли попасть как в качестве трофеев (например, во время Смоленской войны 1632–1634 гг., Русско-Польской войны 1654–1667 гг. и др.), так и в рамках торговых сделок по закупке вооружения для создаваемых в России кавалерийских полков «Нового строя». Пик импортных поставок западноевропейских доспехов в Российское государство пришелся как раз на 30–60-е гг. XVII в. [17]. Так, например, полковник А. Лесли приобрел в начале 30-х гг. XVII в. в Голландии «...1 000 комплектов солдатских лат» [18. С. 347]. В 1659–1662 гг. при посредничестве голландских торговцев Х. Свелленгребела и Й. ван Сведена были приобретены десятки тысяч единиц ог-

нестрельного оружия, а также «латы и шишаки» европейского производства и т.д. [14. С. 320; 18. С. 380].

В то же время не исключено, что шлемы из МАЭС ТГУ, ГЭ, ОПМК и других собраний могли быть изготовлены на территории Российского государства по европейским образцам. Массовое производство «вестернизированного» защитного вооружения было развернуто в Московии еще в середине XVII в. усилиями европейских купцов и оружейников. В частности, рейтарские «шишаки и латы» изготавливались на Каширском Чернцовском заводе, построенном голландцами П. Марселисом и Ф. Акемой в 1653 г. [14. С. 320].

Объемы выпускаемой продукции исчислялись сотнями и тысячами комплектов защитного вооружения. При составлении передаточной описи заводского имущества на Чернцовском заводе находились: «...1 051 латы рейтарские с шишаки, 28 шишаков без лат, 621 доска латных, передних и задних» [14. С. 322]. При этом российские аналоги в некоторых случаях, были значительно дешевле иностранных прототипов. Так, П. Марселис поставлял в Оружейный приказ доспехи западноевропейского образца по стоимости 2 руб. за комплект, что было в полтора раза дешевле, чем, например, латы шведского производства [18. С. 379].

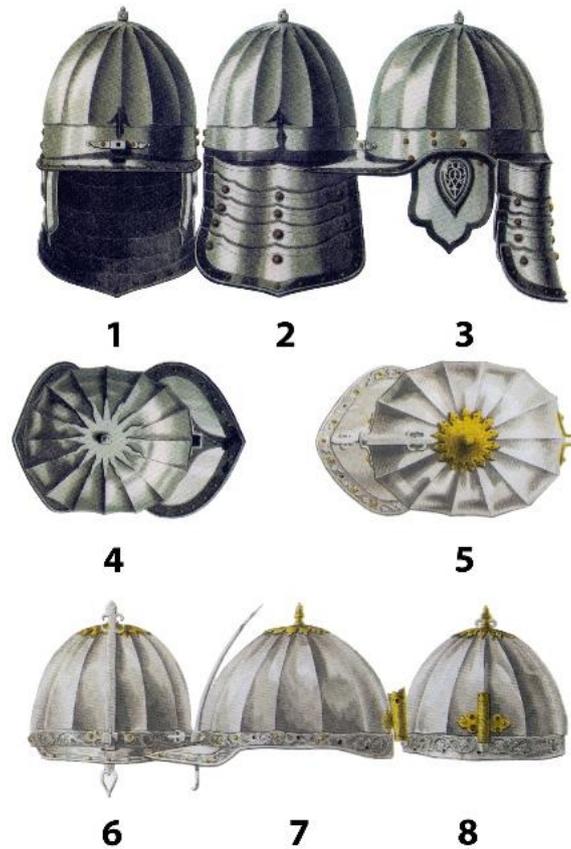

Рис. 5. Шишаки европейского образца из Оружейной Палаты Московского Кремля. Рисунок Ф.Г. Солнцева, первая половина XIX в.

Главными потребителями рассматриваемых шлемов в Европе были конные латники из числа рейтар, аркебузир и кирасир [11. С. 25, 28]. В европейской части России такие шишаки могли использоваться рейтарами, конными копейщиками и, менее вероятно, гусарами [19. С. 123–125].

В настоящее время не представляется возможным достоверно установить время и обстоятельства появления рассматриваемого шлема в Сибири. Шишак мог быть ввезен на территорию Зауралья как в частном порядке, так и в рамках официальных государственных поставок вооружения, предназначенных для оснащения служилых людей сибирских гарнизонов [2. С. 204, 205].

Наиболее ранние письменные сведения о применении служилыми людьми Сибири доспехов европейского образца относятся к первой половине XVII в. В частности, их в этот период использовали иностран-

ные офицеры, дети боярские, а также воины, входившие в разряд «служилой литвы» (в основном переселенные в Сибирь пленные из числа подданных Речи Посполитой) и др. Накануне похода на енисейских кыргызов в 1641 г. на отряд из 870 человек из Москвы были присланы «пищали добрые, латы с шишаками, прапорами, гротиками и барабанами» [20. С. 69]. Первый «вестернизированный» кавалерийский отряд, называемый в обиходе «рейтарской ротой», был создан в Таре еще в 1635 г. на основе сотни «нижегородских иноземцев и литвы и черкас» [Там же. С. 95]. Согласно данным Н.И. Никитина, рейтары Тары имели на вооружении «...латы и шишаки, и пищали съезжие» [21. С. 39]. В 1659 г. в Западной Сибири началось формирование «рейтарского полка», численность которого в 1661 г. достигла 786 чел. [20. С. 96]¹¹. В то же время особо подчеркнем, что принадлежность шлема к рейтарскому комплексу вооружения совершенно не

означает, что во время своего нахождения на территории Зауралья он мог использоваться исключительно западносибирскими рейтарами [20. С. 69, 71, 72].

Характерной особенностью применения доспехов европейского образца в Сибири являлся тот факт, что рейтарские и солдатские латы при случае активно использовались служилыми, не имевшими никакого отношения к полкам «Нового строя». В частности, зафиксированы случаи применения «лат» конными и пешими казаками, стрельцами, пушкарями и детьми боярскими. Как правило, шлемы и доспехи выдавались землепроходцам для несения различных «государевых служб». В результате «латы» и «шишаки» попадали вместе с их новыми владельцами в районы, отстоявшие от мест дислокации рейтарских и солдатских частей на сотни и тысячи километров [Там же. С. 95].

Особой спецификой отличалась система снабжения защитным вооружением служилых людей города Томска (основан в 1604 г.). Главной ударной силой гарнизона, наряду с пешими казаками и артиллерией, являлись многочисленные (по сибирским меркам) кавалерийские подразделения конных казаков (в том числе «служилой литвы»), которые должны были противостоять отрядам кочевников «в поле»¹². Доспехи европейского образца появились на вооружении томичей не позднее середины 30-х гг. XVII в. Так, в ожесточенном сражении томских служилых людей с енисейскими кыргызами и панцирниками («куяшниками») монголов-хотогойтов в урочище Черный Июс у Белого озера в 1635 г. в «шишак» и «латы» был облачен поляк Осип Михалевский. В ходе битвы он неоднократно сходилась с противником в рукопашной схватке, а во время кавалерийской вылазки «впадши в киргизские полки» лично сбил палашом шлем с головы князца Изергея и ранил князца Бехтенея. В ходе второго боя кавалерийский отряд Михалевского двигался в авангарде томских служилых. Закованный в доспехи латник представлял завидную мишень для степных лучников, которые буквально засыпали его стрелами. Сам О. Михалевский сообщал по этому поводу: «...от мугальских и киргизских стрел латы мне пробивались, на голове шишак пробиваючи, стрелы утыкали...» [Там же. С. 69]¹³.

Отмечая факт применения кавалерийским командиром О. Михалевским защитного вооружения европейского образца, в то же время отметим, что общее число панцирников среди томских служилых людей середины 30-х гг. XVII в. было крайне невелико. Характерно в данной связи, что в том же 1635 г. «томского города служилые люди литва и конные казаки» даже подготовили специальную челобитную на имя царя Михаила Федоровича, в которой отмечали нехватку у них шлемов и корпусных панцирей и называли это одной из главных причин неудачных действий против «доспешных» и «куяшных» енисейских кыргызов и ойратов: «...под твое государя под дальнюю царскую отчину под Томский город многие государевы изменники и непослушники немирных орды, киргизы и калмыки и иных многих немирных земель люди и приходят под твой государев Томский город и в твои государевы ясачные волости войною великим собраньем,

а люди, государь, у них все доспешны и куюшники и пансырники (здесь и далее курсив наш. – Авт.), и нам, государь, холопом твоим, противу твоих государевых изменников и непослушников *супротивиться невозможно, выезжать против их не в чем из города на вылазках*, и в частых посылках от твоих государевых изменников многия наши братья побиты и переранены, и лошадки под нами многия побиты и переранены же. И табуны у нас, у холопей твоих, отгоняют же *потому, что, государь, мы люди не одежные воинскою, збруи пансырей и куюнов и шапки у нас, у холопей, твоих нет, а взять, государь, негде, а купить не у кого и не на что...*» [22. С. 156–157]. Выход из сложившейся ситуации томские служилые люди видели в присылке им защитного вооружения «из царской казны»: «Милосердный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, смилуйся, *пожалуй нас, холопей, для ради нашия прежняя и нынешняя службы и частых кровавых безпрестанных посылок дари из своей царской казны воинскою збруи пансырей*, как тебе милосердному государю, об нас будет известить, чтобы мы холопи твои, впредь от твоих государевых изменников и достал в конец не погибли и разорены до конца не были и напрасною глядючею смертию от стрелных и от копыных ран не померли из твоей, государь, дальная царская вотчина от твоих государевых изменников впредь не запустела, царь государь, смилуйся, *пожалуй!*» [Там же].

Резкое обострение ситуации на степной границе и необходимость улучшения оснащения российских войск накануне большого похода на енисейских кыргызов в 1641 г. подвигли центральные российские власти на отправку в Зауралье значительных запасов вооружения, в том числе и доспехов западноевропейского образца – «лат с шишаками» [20. С. 69]. Учитывая, что томские служилые люди должны были выставить для готовящегося похода один из самых крупных воинских контингентов (200 чел.), весьма вероятно, что часть отправленных в Сибирь доспехов могла быть передана и в арсенал Томска. Не исключено, что в числе этого защитного вооружения находился и интересующий нас шлем. Однако приведенные гипотезы, конечно, не отрицают возможности передачи рейтарского шишака в Томск и в более поздний период – в 40–60-е гг. XVII в. Наиболее вероятно, что в момент своего нахождения в Томске шлем входил в состав комплекса защитного вооружения представителя командного состава и (или) воина одного из кавалерийских подразделений томских служилых (в том числе и из числа «литвы»).

Реконструкция первоначального вида шлема

Комплексный анализ собранных материалов позволяет предложить несколько вариантов реконструкции первоначального вида рассматриваемого наголовья. Процесс реконструкции существенно облегчается тем фактом, что до нашего времени дошли шлемы аналогичной или схожей конструкции, сохранившие утерянные на томском шишаке металлические, а иногда и органические элементы (рис. 4–6).

Отверстия и фрагменты стержня заклепки по центру лицевой стороны тульи шлема указывают на то, что к налобной части шишака была приклепана П-образная металлическая скоба, снабженная фиксатором для подвижного наносника-стрелки (рис. 6, 7). Последний представлял собой изогнутую железную полосу, один из концов которой мог быть раскован в плоский наконечник каплевидной (см. рис. 7, 1–3) или сложной вырезной формы (см. рис. 6, 3–5; 7, 4). Наносник продевался в отверстие на козырьке шлема и в зависимости от наличия или отсутствия опасности

мог опускаться вниз (защищая лицо латника от рубящего удара противника) или, напротив, подниматься вверх, улучшая обзор (см. рис. 6, 7). Стержень наносника-стрелки фиксировался в выбранном положении с помощью специального болта, вставленного в П-образную скобу. Навершие болта обычно расковывалось в плоскую пластину, имевшую форму круга, овала, капли (см. рис. 7, 3), стилизованного сердца (см. рис. 7, 1) или цветочного бутона с 3–7 лепестками (см. рис. 6, 1, 2, 4, 5)¹⁴. Болт закручивали вручную, удерживая его за плоское навершие, как дверной ключ.

Рис. 6. Шишаки западноевропейского производства первой половины XVII в.: 1, 2 – Фландрия, первая треть XVII в., частная коллекция (по: Attard, 2004); 3 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., Чикагский институт искусств (по: Karcheski 1995); 4 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., частная коллекция; 5 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., Чикагский институт искусств, 1982.2515; 6 – Южная Германия, г. Аугсбург, мастер Иеронимус Ринглер (Hieronymus Ringler), первая треть XVII в., ГЭ, З.О.-3028.

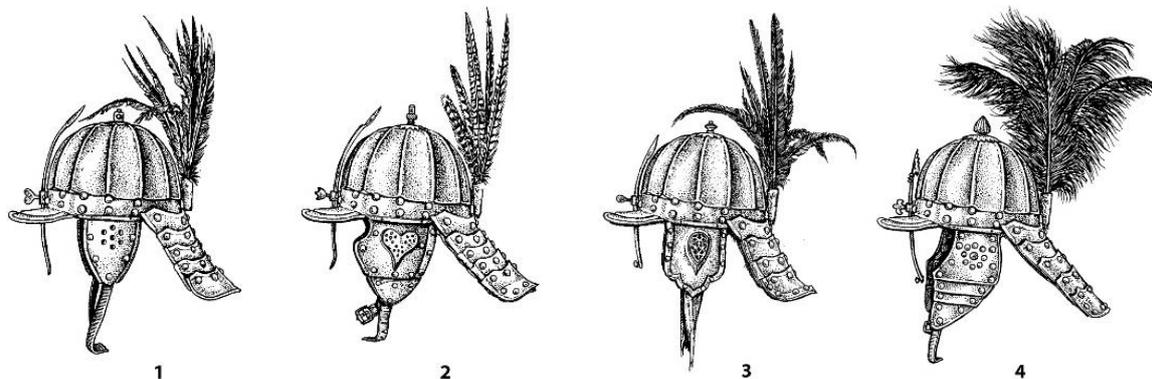

Рис. 7. Варианты реконструкции первоначального вида шишака с Воскресенской горы, г. Томск (реконструкция и рисунок Л.А. Боброва). 1, 2 – центральноевропейский (2 – южно-германский) вариант оформления шлемовых элементов; 3 – ориентальный вариант; 4 – фламандский вариант (перьевой плюмаж европейского образца)

Шишаки рассматриваемого типа обычно снабжались двухчастным навершием, состоящим из подвершия (пластины основания) и вертикального надвершия. Оба элемента выполнялись из железа или медного сплава (см. рис. 4; 5; 6, 1–5). Большинство подверший наголовий изучаемой серии имеют схожую конструкцию. Они представляют собой округлую слабовыпуклую пластину с ярко выраженными остроугольными фестонами по краю (см. рис. 4; 5; 6, 1–5; 7). В редких случаях все навершие состоит из одного подвершия выкованного в виде круглой бляхи с миниатюрным

умбончиком по центру (см. рис. 6, 6). Оформление надвершия было более разнообразным. Простейшей разновидностью надвершия была небольшая железная петля округлой, квадратной, трапециевидной или прямоугольной формы. Значительной популярностью (особенно среди представителей командного состава) пользовались надвершия луковичной, конической, «желудевидной» и «грибовидной» формы, поверхность которых была покрыта продольными гравированными линиями (см. рис. 6, 1–5, 7, 4). Один из рейтарских шишаков из собрания Оружейной Палаты был

снабжен ярусным надвершием в виде куба с шарообразным выступом наверху (см. рис. 5, 1–4). Известное распространение получили также цилиндрические (трубкообразные) и пиковидные надвершия, имитировавшие трубки-втулки азиатских шлемов (см. рис. 4; 5, 4–6). Однако в отличие от своих восточных аналогов европейские надвершия, как правило, снабжались не продольным, а поперечным отверстием (см. рис. 4). Шейки цилиндрических надверший нередко украшались уплощенными «яблоками», поверхность которых могла покрываться гравированными линиями (см. рис. 4; 5, 4–6). Именно таким надвершием, например, увенчан шлем № 3.О.-7380 из собрания ГЭ (см. рис. 4). Весьма вероятно, что схожее оформление имело и утерянное надвершие шишака № 2698 из МАЭС ТГУ (см. рис. 7, 2). Наряду с указанными образцами в комбинации с рейтарскими шишаками использовались надвершия, выполненные в виде граненой линзы (см. рис. 7, 3), шара, кольца и т.д.

Самым сложным элементом при реконструкции шлема являются наушы, которые отличались значительным типологическим разнообразием (см. рис. 5; 6). На основании особенностей конструкции все наушы, применявшиеся в комбинации с наголовьями рассматриваемой серии, можно разделить на цельнокованные и клепаные (сегментные).

Простейшая разновидность цельнокованого науша представляла собой пластину подтреугольной формы (часто с бортиком по краю), в плоскости которой были пробиты слуховые отверстия [23. S. 184, b. 5]. В большинстве случаев одно отверстие располагалось в центре, остальные по кругу (см. рис. 1, 1). В некоторых случаях конструкция и оформление одночастных наушей могли быть более сложными. Лицевая сторона снабжалась полукруглым вырезом, вдоль края науша вбивались латунные заклепки, а по центру размещался выпуклый каплевидный «умбон» со слуховыми отверстиями. Есть основание полагать, что воины Московского государства первой половины – середины XVII в. могли сочетать шишаки европейского образца с цельнокованными наушами восточного (ориентального) типа. Последние имели характерную пятиугольную форму (нижние боковые углы закруглены, а центральный, напротив, заострен). По краю пластины пропускался более или менее ярко выраженный бортик. Примерно по центру плоскости науша располагалась каплевидная выпуклость с прорезными слуховыми отверстиями (см. рис. 7, 3). Дополненный подобными ориентальными наушами европейский шишак из собрания Оружейной Палаты был зарисован в первой половине XIX в. Ф.Г. Солнцевым (см. рис. 5, 1, 3).

В Западной Европе наголовья рассматриваемого типа часто дополнялись клепанymi сегментными наушами, каждый из которых состоял из 2–5 железных пластин различных форм и размеров (см. рис. 6, 1–5; 7, 4), более крупные пластины обычно располагались в верхней, а мелкие в нижней части науша. Самые большие пластины (как правило, трапециевидной формы с полукруглыми вырезами на лицевой стороне) прикрывали непосредственно уши латника. Их поверхность могла украшаться фигурными прорезами и

(или) заклепками, складывавшимися в стилизованное изображение распустившегося цветочного бутона (см. рис. 6, 1–5, 7, 4). Более мелкие подпрямоугольные пластины образовывали два чешуйчатые лопасти, фиксировавшиеся под подбородком воина (крайний в ряду сегментов обычно имел форму трапеции или треугольника). Крепление пластин, составляющих сегментные наушы, осуществлялось с помощью кожаных ремней и заклепок с полусферическими шляпками. В большинстве случаев железные сегменты набивались внахлест таким образом, что верхняя пластина незначительно перекрывала нижнюю (в редких случаях наоборот). В боевом положении клепаные многочастные наушы защищали уши, скулы, щеки и частично подбородок латника (см. рис. 7, 4).

В Центральной Европе (южногерманские государства, Австрия и др.) кавалерийские шишаки иногда снабжались большими 2–3-частными клепанymi наушами, сочетавшими западноевропейские конструктивные решения с выпуклыми «умбонами» ориентального типа. Последние могли иметь как традиционную для Востока каплевидную, так и сердцевидную форму (см. рис. 6, 6). В плоскости умбона (а иногда и вокруг него) пробивались слуховые отверстия (см. рис. 7, 2).

В своей первоначальной комплектации «томский» шишак мог быть снабжен как цельнокованными (западноевропейскими или ориентальными), так и клепанymi сегментными наушами (см. рис. 7). Все виды наушей крепились с внутренней стороны купола шлема¹⁵ и снабжались матерчатой или кожаной подкладкой.

К затылочной части шлемов рассматриваемого типа традиционно крепился длинный и широкий сегментный назатыльник «рачий хвост», составленный из пяти (реже четырех, а в отдельных случаях – трех) изогнутых пластин с вырезным верхним краем (см. рис. 6). Сохранившийся сегмент назатыльника «томского» шишака позволяет с высокой степенью достоверности восстановить особенности конструкции и системы оформления данного защитного элемента (см. рис. 7).

Как уже отмечалось выше, несмотря на то что конструкция шишаков германо-фламандского образца в разных районах Европы была в целом схожей, некоторые элементы декоративного оформления тульи и шлемовых элементов имели определенную региональную специфику. С некоторой долей условности можно выделить центральноевропейский (см. рис. 7, 1, 2), ориентальный (см. рис. 7, 3) и фламандский стили (см. рис. 7, 4). Учитывая особенности оформления шишаков из МАЭС ТГУ и ГЭ, наиболее вероятно, что утерянные элементы данных наголовий были выполнены в центральноевропейской стилистике – гомогенные или 1–3-частные клепаные наушы, наносники с простым каплевидным наконечником и фиксатором, петлеобразные, округлые, кубические или трубкообразные надвершия с «яблоком» и т.д. (см. рис. 7, 1, 2). Наименее вероятно, что утерянные элементы были оформлены в фламандском стиле (см. рис. 7, 4).

В завершение отметим, что, как и большинство других наголовий подобного рода, шишак из МАЭС ТГУ имел подшлемник из мягких органических мате-

риалов. Кроме того, матерчатой подкладкой были, вероятно, снабжены все основные шлемовые элементы, в том числе козырек, на уши и назатыльник [9; 10. Р. 68, 69; 11. С. 29; 15; 16]. Крепление осуществлялось с помощью заклепок (в том числе с железными подложками), выполнявших роль фиксаторов органических частей наголовья (см. рис. 1, 5; 6, 1, 3; 7). К наушам шишака крепились подбородочные ремни из кожи (см. рис. 7, 1, 2, 4). В некоторых случаях могла применяться ориентальная система крепления в виде лент из нескольких слоев шелковой ткани (см. рис. 7, 3). Учитывая, что шлем использовался на протяжении длительного времени, маловероятно, что он сохранил оригинальный перьевой султан европейского образца (см. рис. 7, 4). Можно предположить, что со временем в затылочную трубку-втулку шлема стали помещаться маховые и хвостовые перья птиц, обитавших на территории Сибири (см. рис. 7, 1–3).

Учитывая комплектность шишака в момент его обнаружения, нельзя исключать, что некоторые поврежденные (?) шлемовые элементы были удалены / утеряны еще в ходе эксплуатации наголовья.

Выводы

Комплексный анализ собранных материалов позволил уточнить атрибуцию и датировку шлема № 2698 из собрания МАЭС ТГУ, а также реконструировать варианты его первоначального внешнего вида (см. рис. 7).

В частности, установлено, что наголовье относится к германо-фламандской разновидности шишаков европейского образца. Отличительной особенностью данных шлемов являлась низкая полусферическая тулья, склепанная из двух пластин, переходящая в очень широкий и массивный двухчастный козырек. Для усиления защитных свойств наголовья большая часть тульи покрывалась вертикальными ребрами жесткости. Увенчанный составным навершием купол шишака дополнялся подвижным наносником-стрелкой, парой цельнокованых или клепаных наушей и длинным сегментным назатыльником типа «рачий хвост». Металлические элементы наголовья соединялись между собой и органической подкладкой с помощью заклепок, выполненных из медного сплава и (или) железа. Основными потребителями подобных шлемов в Западной Европе являлись рейтары и кирасиры Германии, Австрии и Фландрии первой половины XVII в. Однако аналогичные, или схожие, наголовья также периодически использовались латниками Италии, Англии, Швеции, Речи Посполитой и других государств. Если шлем из МАЭС ТГУ был выполнен европейскими

(предположительно южно-германскими) оружейниками, то наиболее вероятной датой его изготовления следует считать 20–40-е гг. XVII в. На территорию Московского царства он мог попасть, как в качестве военного трофея, так и в числе прочих предметов защитного вооружения, закупленного российским правительством в 30-х – начале 60-х гг. XVII в. в Западной Европе для оснащения кавалерийских полков «Нового строя». В то же время нельзя исключать вероятности того, что шишак был выкован непосредственно на территории Российского государства по европейским образцам. В последнем случае наголовье может быть датировано серединой XVII в., т.е. временем массового производства «вестернизированных» кавалерийских доспехов на российских оружейных предприятиях.

Известные источники не позволяют достоверно установить время и обстоятельства появления рассматриваемого шлема в Сибири. На территорию Зауралья шлем мог быть ввезен как в частном порядке, так и в рамках официальных государственных поставок вооружения, предназначенных для оснащения служилых людей сибирских гарнизонов (в том числе западносибирских рейтар).

Согласно материалам письменных источников, доспехи европейского образца стали использоваться томскими служилыми людьми не позднее середины 30-х гг. XVII в. В Томск рассматриваемый шишак мог быть доставлен из арсеналов городов Западной Сибири или непосредственно с территории Европейской России. Наиболее вероятно, что в момент своего нахождения в Томске шлем входил в состав комплекса вооружения представителя командного состава и (или) воина одного из кавалерийских подразделений томских служилых людей. Весьма вероятно, что наголовье продолжало использоваться на протяжении длительного времени. Поверхность шишака имеет значительные механические повреждения. Некоторые из них могут быть атрибутированы как следы рубящих ударов и воздействия метательного оружия противника.

Рассматриваемый шишак входит в состав небольшой группы боевых наголовий российского и европейского производства, обнаруженных на территории Сибири, и представляет исключительную научную ценность. Его ближайшие аналоги хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, Оружейной Палаты Московского Кремля, а также европейских музейных собраний. Введение шлема в научный оборот позволяет уточнить целый ряд вопросов, связанных с особенностями эволюции комплекса защитного вооружения русских служилых людей XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Столь значительный диаметр шлема обусловлен тем, что затылочная часть тульи, предназначенная для крепления назатыльника, имеет небольшой внешний изгиб.

² Сам наносник не сохранился.

³ Горизонтальное ребро выполнено таким образом, что в комбинации с вертикальными ребрами тульи создает характерный визуальный эффект, благодаря которому верхняя (ребристая) часть тульи кажется значительно шире гладкой нижней части.

⁴ По данной причине большая пластина назатыльника имеет характерное С-образное сечение.

⁵ Длинный и широкий козырек, составляющий единое целое с куполом наголовья, а также особенности конструкции и системы оформления тульи отличают шлемы рассматриваемой серии от других популярных вариантов «европейских шишаков», применявшихся воинами Западной, Южной, Центральной, Северной и Восточной Европы [12. С. 126–131; 14. С. 319, рис. 2, 1, 3, 5, 6].

⁶ Большинство «германо-фламандских» шишаков с клепаной двухпластинчатой тульей имеет схожую конструкцию и систему оформления. В то же время среди рассматриваемой серии фиксируются экземпляры, отличающиеся богатой отделкой и многочисленными декоративными украшениями. Последний факт свидетельствует в пользу того, что шлемы подобного типа могли входить в состав комплекса защитного вооружения как рядовых латников, так и высокопоставленных воинов европейских армий [15]. Интересно, что некоторые офицерские шишаки, хотя и имеют более сложную конструкцию, тем не менее имитируют внешний вид простых двухчастных рейтарских шлемов (см. рис. 6, б), что, вероятно, свидетельствует о популярности данной разновидности наголовий даже среди представителей военной элиты западноевропейских государств.

⁷ Шлем передан в ГЭ из Института истории науки и техники Академии наук СССР (акт № 701 от 8 августа 1947 г.).

⁸ Все эти элементы присутствуют и на козырьке шишака из МАЭС ТГУ (см. выше).

⁹ Так, медные заклепки на височных сторонах тульи шлема из ГЭ расположены в один ряд, а на шишаке из МАЭС ТГУ – в два ряда. На шлеме из ГЭ правая пластина тульи незначительно перекрывает левую, а у «томского» наголовья – наоборот. Край нижней пластины тульи у шишака из ГЭ фестончатый, а у МАЭС ТГУ ровный и т.д.

¹⁰ Наличие нескольких практически идентичных шишаков свидетельствует в пользу серийного производства наголовий подобного типа.

¹¹ Рейтарские подразделения в Западной Сибири были окончательно расформированы только в 1678 г., а рейтары были переведены в традиционные категории служивых [20. С. 98].

¹² Согласно «Перечневому списку» в 1635 г. гарнизон Томска насчитывал 307 конных и 300 пеших казаков [22. С. 30].

¹³ Интересно, что некоторые отверстия на шлеме из МАЭС ТГУ могут быть атрибутированы как повреждения, нанесенные стрелами. Хронологические рамки бытования рассматриваемого шишака не исключают гипотетическую возможность его принадлежности О. Михалевскому. Однако данный вопрос требует отдельного исследования.

¹⁴ Благодаря подобной конструкции фиксатор наносника-стрелки визуально напоминал дверной ключ.

¹⁵ Для этой цели, как правило, применялись 2–3 коротких кожаных ремешка, зафиксированные металлическими заклепками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 52–59.
2. Бобров Л.А. Опыт реконструкции шлемов российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск–Тюмень–Екатеринбург : Магеллан, 2014б. Т. I. С. 204–214.
3. Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск : Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1890. С. 156–337.
4. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. II, вып. 2 // Известия Императорского Томского университета. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1898. Кн. 13. С. 401–571.
5. Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С. Сузунский шлем // Археология, этнография, антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 93–99.
6. Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Еще раз о «сузунском» шлеме // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 3 (19). С. 21–36.
7. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 89–316.
8. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
9. Das Munchner Zeughaus. Munchen–Zurich : Schnell und Steiner, 1982. 107 S.
10. Attard R. Collecting Military Headgear: F Guide to 5000 Years of Helmet History. Chicago : Schiffer Publishing, 2004. 304 p.
11. Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! // Армии и битвы. 2006. № 5. С. 23–29.
12. Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб. : Атлант, 2009. Кн. I. 400 с.
13. Сокровища Тауэра в Кремле. М. : Гос. музей Московского Кремля, 1998. 200 с.
14. Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская земля и ее соседи. Екатеринбург : БКИ, 2000. С. 315–332.
15. Vossia L.G., Rossi F., Morin M. Armi e Armature Lombarde. Milano : Electa Editrice, 1979. 174 p.
16. Karcheski W.J. Arms and Armor in the Art Institute of Chicago. Chicago : The ArtInstitute of Chicago, 1995. 33 p.
17. Малов А.В. Русско-шведская война 1656–1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 126–149.
18. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М. : Яуза ; Эксмо, 2010. 448 с.
19. Малов А.В. Конница Нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118–131.
20. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII вв. Вооружение и военная организация : учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012. 128 с.
21. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск : Наука, 1988. 255 с.
22. Томск в XVII веке: материалы для истории города. СПб. : Русская скоропечатня, 1911. 169 с.
23. Muller H., Kunter F. Europaische Helmeaus der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin : Militarverlagder Deutschen Demokratischen Republik, 1971. 416 S.

Leonid A. Bobrov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: spsml@mail.ru

Yuri I. Ozheredov, Museum of History of Tomsk (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nohoister@gmail.com

Andrey E. Bogdanov, State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russian Federation) E-mail: pereswetstation@yandex.ru

THE «REITERHELMET» OF THE FIRST HALF – THE MIDDLE OF THE XVIIth CENTURY FROM VOSKRESEN-SKAYA MOUNTAIN (TOMSK CITY) FROM MAES TSU COLLECTION

Keywords: service people; reiters; reiter helmet.

The analyzed iron helmet (inv. № 2698) is kept in Museum of Archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University. It was found during the earthworks at the foot of Voskresenskaya mountain (Tomsk city) in 1889. Previously this helmet didn't become the object of the independent scientific research. Judging by the material of manufacture the helmet refers to the class of the iron ones, by the construction of the crown – to the department of the riveted ones, by the shape of the dome – to the type of the hemispherical ones. The total height – 15,5 cm, the frontal-occipital diameter – 23,9 cm, the temporal one – 20,3. The weight of the helmet is 1,8 kg. The crown was riveted from two halves (the connecting seam is situated at the line «the forehead-the occiput»). Herewith the left half overlaps the right one slightly. The most part of the crown is covered with 16 vertical stiffening ribs. The plates of the crown bend and transform to the wide twofold peak (the length – 25 cm, the width: 5,2 – 7,0 cm) at the frontal part of the helmet. The plume holder and the plate neck-flap “crayfish tail” saved fragmentarily are riveted to the occipital part of the helmet. The rivets with the hemispherical heads on the crown and the neck-flap were made from the copper alloy. The characteristic holes in the helmet testify that it was

furnished with the nasal, the knob and the earpieces. The surface of the helmet has mechanic damages. Some of them can be the tracks of the chops and the enemies' arrows' impact.

It was found under the typological analysis that the helmet refers to the "German-Flemish" type of the European model's sisaks. The distinctive feature of these helmets was the low ribbed crown riveted from two halves transforming to the very wide twofold peak. If the helmet of MAES TSU was made by European (presumably South German) armorers the most likely date of its manufacture should be considered the 20-40ies of the 17th century. It could be appeared at the territory of Moscow state both as the war trophy and among other weapon bought by tsar government for the equipping of Russian reiters at the 30ies - the beginning of the 60ies of the 17th century in Western Europe. But the sisak could be forged directly at the territory of Muscovy. In last case the helmet can date from the middle of the 17th century that is from the time of cavalry armor's mass production of the Western European sample at the Russian weapon manufactures.

The helmet was delivered to the territory of Siberia privately or within the framework of the armor's state supply intended to equip the warriors of Siberian cities. According to written sources the armor of the European type was become to use by Tomsk service people no later than at the middle of the 17th century. Most likely that the helmet belonged to the officer or the warrior-cavalryman at the moment of its being in Tomsk.

The sisak from MAES TSU is among 11 helmets of Russian and European production discovered at the territory of Siberia and it has the considerable scientific value.

REFERENCES

- Bobrov, L.A. (2014a) Nauchno-istoricheskaya rekonstruktsiya shlema iz Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya [Scientific and historical reconstruction of a helmet from the Dalmatovsky Assumption Monastery]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Altai Cultural Heritage]. Vol. 20. Barnaul: Altai State University. pp. 52–59.
- Bobrov, L.A. (2014b) Reconstruction of helmets used by Russian warriors from Siberia of 16th– 17th centuries. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Researches]. Vol. 1. Omsk–Tyumen'–Ekaterinburg: Magellan. pp. 204–214. (In Russian).
- Florinsky, V.M. (1890) *Pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [Addition to the Archaeological Museum of Tomsk University Catalogue]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin. pp. 156–337.
- Florinsky, V.M. (1898) Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni. Ch. 2. Vyp. 2 [Primitive Slavs according to the monuments of their prehistoric life. Part II, no. 2]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 13. pp. 401–571.
- Ozheredov, Yu.I. & Khudyakov, Yu.S. (2007) The Suzun Helmet. *Arkheologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(29). pp. 93–99. (In Russian).
- Bobrov, L.A. & Ozheredov, Yu.I. (2017) Once again about the "Suzun" helmet. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 3(19). pp. 21–36. (In Russian). DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-02
- Dulzon, A.P. (1956) Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arkhologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological monuments of Tomsk Region (data for the archaeological map of the Middle Ob region)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 5. pp. 89–316.
- Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [Archaeological Map of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
- Anon. (1982) *Das Munchner Zeughaus*. Munich–Zurich: Schnell und Steiner.
- Attard, R. (2004) *Collecting Military Headgear: F Guide to 5000 Years of Helmet History*. Chicago: Schiffer Publishing.
- Kvitkovsky, Yu.V. (2006) My znaem svoikh "pappenkhaymerov"! [We know our "Pappenheimers"!]. *Armii i bitvy*. 5. pp. 23–29.
- Efimov, S.V. & Rymsha, S.S. (2009) *Oruzhie Zapadnoy Evropy XV–XVII vv.* [Weapons of Western Europe of the 15th – 17th centuries]. Vol. 1. St. Petersburg: Atlant.
- Richardson, T. & Rymer, R. (1998) *Sokrovishcha Tauera v Kremle* [Treasures from the Tower in the Kremlin]. Translated from English. Moscow: State Museum of the Moscow Kremlin.
- Zykov, A.P. & Mankova, I.L. (2000) Reytarskiy shlem XVII veka iz Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya: k sobytiyam 1662–1667 gg. v Yuzhnom Zaural'e [A Reitar helmet of the 17th century from the Dalmatovsky Assumption Monastery: on the events of 1662–1667 in the South Trans-Urals]. In: *Novgorodskaya zemlya i ee sosedi* [Novgorod Land and Its Neighbors]. Ekaterinburg: BKI. pp. 315–332.
- Boccia, L.G., Rossi, F. & Morin, M. (1979) *Armii e Armature Lombarde*. Milan: Electa Editrice.
- Karcheski, W.J. (1995) *Arms and Armor in the Art Institute of Chicago*. Chicago: The Art Institute of Chicago.
- Malov, A.V. (2002) Russko-shvedskaya vojna 1656–1658 gg. i voennoe stroitel'stvo v Rossii [The Russian-Swedish War of 1656–1658 and the military construction in Russia]. In: Lavrentiev, A.V. (ed.) *Rossiya i Shvetsii v srednevekov'e i novejshem vremeni: arkhivnoe i muzejnoe nasledie* [Russia and Sweden in the Middle Ages and Modern Times: The Archival and Museum Heritage]. Moscow: The State Historical Museum. pp. 126–149.
- Penskoy, V.V. (2010) *Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya* [Great Gunshot Revolution]. Moscow: Yauza; Eksmo.
- Malov, A.V. (2006) Konnitsa Novogo stroya v russkoy armii v 1630–1680-e gody [The New Order Cavalry in the Russian Army in the 1630s – 1680s]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 118–131.
- Bobrov, L.A., Borisenko, A.Yu. & Khudyakov, Yu.S. (2012) *Russkie voiny na yuzhnykh rubezhakh Sibiri v kontse XVI – XVII vv. Vooruzhenie i voennaya organizatsiya* [Russian soldiers on the southern borders of Siberia in the late 16th – 17th centuries. Armament and military organization]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- Nikitin, N.I. (1988) *Sluzhilye lyudi v Zapadnoy Sibiri XVII v.* [The Service Class People in Western Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk: Nauka.
- Golovachev, P.M. et al. (1911) *Tomsk v XVII veke: materialy dlya istorii goroda* [Tomsk in the 17th century: materials for the history of the city]. St. Petersburg: Russkaya skoropechatnya.
- Muller, H. & Kunter, F. (1971) *Europaische Helme aus der Deutschen Demokratischen Republik*. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik.

УДК 902

DOI: 10.17223/19988613/69/2

П.К. Дашковский

КОМПЛЕКСНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУРГАНА № 34 ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧИНЕТА-II (АЛТАЙ)

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена результатам комплексного изучения и социальной интерпретации материалов из кургана № 34 могильника Чинета-II, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края. На основании изучения артефактов и результатов радиоуглеродного анализа курган № 34 был датирован второй половиной IV – III в. до н.э. Особое внимание уделено изучению и реконструкции женского головного убора-парика.

Ключевые слова: пазырыкская культура; Алтай; погребальный обряд; артефакты; радиоуглеродный анализ.

Введение

На протяжении 20 лет Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством автора статьи проводит изучение разновременных памятников Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края. В пределах указанного микрорайона выявлены объекты от эпохи верхнего палеолита до Средневековья включительно [1]. Особое внимание в процессе экспедиционных исследований уделяется изучению памятников кочевников, которые относятся к скифо-сакской эпохе. Среди могильников, в которых выявлены погребения кочевников скифо-сакской эпохи, особое внимания заслуживает некрополь Чинета-II. Указанный могильник зафиксирован в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,4 км к ЮЮВ от с. Чинета. В настоящее время на некрополе исследовано 34 объекта, из которых 14 курганов относятся к скифо-сакскому периоду. Данная публикация посвящена итогам изучения, комплексного датирования и социальной интерпретации погребения в кургане № 34 могильника Чинета-II.

Описание погребального обряда

Курган № 34 находился в западной части могильника Чинета-II, в 10 м к востоку от полевой дороги, которая ведет из с. Чинета в с. Тигирек Краснощековского района Алтайского края. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 1–2 слоя из мелких и средних по размеру камней, составлял с севера на юг 10,5 м, а с запада на восток – 10,6 м. Высота сооружения из камня достигала 0,35 м, а вместе со слоем грунта – 0,5 м (рис. 1).

По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка – крепида – из более крупных камней. Под насыпью кургана выявлена могила под-

прямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии С–Ю. Она имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 3,2 × 2,1 × 2,9 м. Глубина могилы указана от нулевого репера на уровне современной поверхности. На дне могилы на глубине 2,8–2,9 м вдоль юго-восточной стенки обнаружено погребение женщины, которая была уложена в вытянутом положении на спине и ориентирована головой на юго-восток (рис. 2, 3).

Вдоль юго-восточной стенки выявлена деревянная плаха длиной 2,7 м и шириной до 0,3 м, которая является, вероятно, остатком деревянной конструкции в виде рамы. Под скелетом женщины зафиксированы остатки древесного тлена, возможно, от деревянного настила внутри рамы. На шее погребенной обнаружена бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой (рис. 4, 29–30). Под черепом зафиксировано пятно черной краски от окраски волос и остатки головного убора (рис. 4, 4–28). У кисти правой руки на глубине 3 м выявлено бронзовое зеркало (рис. 4, 2). В 0,35 м к северу от плечевой кости – остатки ритуальной пищи (кости барана) и железный нож (рис. 4, 3). В 0,1 м к северу от ритуальной пищи зафиксирован развал керамического сосуда (см. рис. 4, 31).

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 2,63–2,65 м на глиняной приступке обнаружено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот и ориентирована, как и человек, головой на юго-восток (см. рис. 2, 3). В зубах лошади обнаружены железные удила (см. рис. 4, 1).

Датировка и культурная принадлежность кургана

Особенности погребального обряда и инвентаря из кургана № 34 могильника Чинета-II имеют многочисленные аналогии среди артефактов, обнаруженных при исследовании курганов пазырыкской культуры как на северо-западе (некрополи Инской дол, Ханкаринский дол) [2, 3 и др.], так и других частях Алтая [4–9 и др.].

Рис. 1. Курган № 34 могильника Чинета-II после зачистки насыпи

Рис. 2. Погребение в кургане № 34 могильника Чинета-II

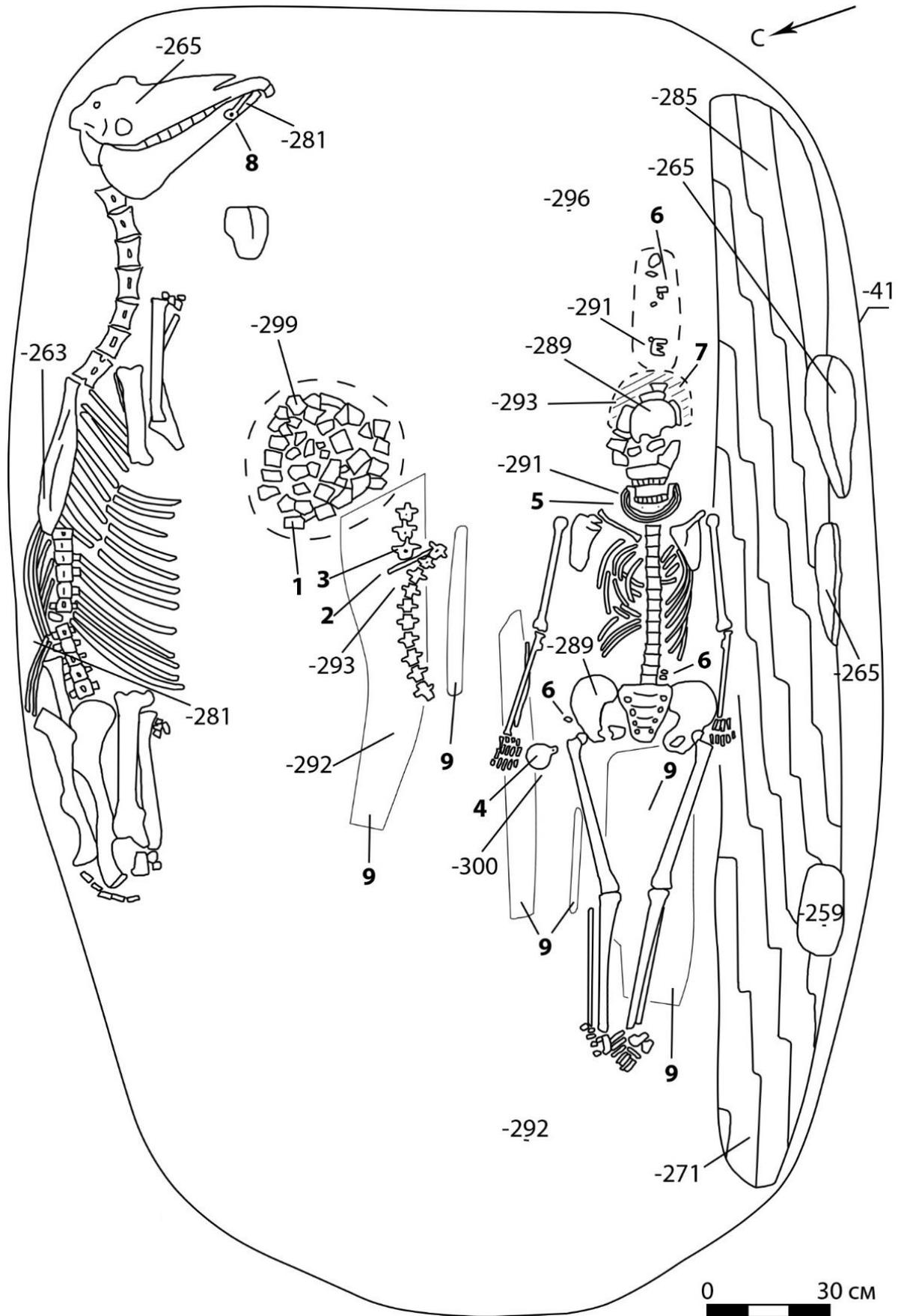

Рис. 3. План погребения в кургане № 34 могильника Чинета-II:
 1 – керамика; 2 – железный нож; 3 – кости барана; 4 – бронзовое зеркало; 5 – гривна;
 6 – золотая фольга; 7 – след от парика; 8 – железные удила; 9 – тлен настила

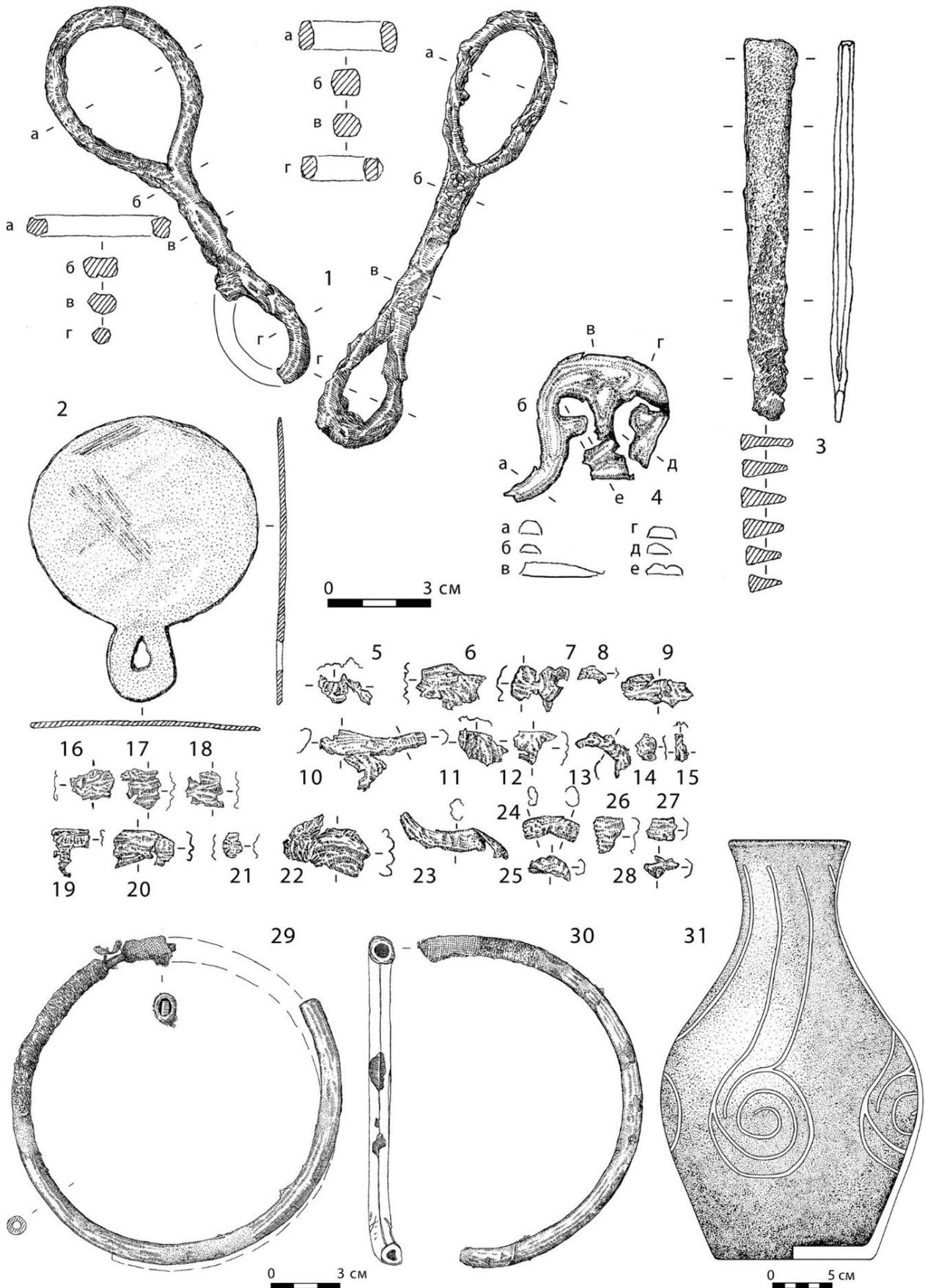

Рис. 4. Инвентарь из кургана № 34 могильника Чинета-II:

1 – железные щипцы; 2 – бронзовое зеркало; 3 – железный нож; 4 – аппликация из золотой фольги с головного убора; 5–28 – фрагменты золотой фольги от головного убора; 29–30 – бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой; 31 – керамический сосуд

Важным признаком, характеризующим погребальный обряд пазырыкской культуры Алтая, является наличие сопроводительного захоронения лошади вдоль северной стенки могильной ямы, в которой похоронен человек. При этом животное ориентировано головой относительно сторон горизонта в том же направлении, что и умерший человек в могиле, а именно на восток или юго-восток. Другими признаками погребального обряда данной культуры является положение умершего в скорченной позе на правом боку с подогнутыми ногами и с ориентацией головой на восток (юго-восток). Правда, в кургане № 34 могильника Чинета-II женщина находилась в вытянутом положении на спине, а не на правом боку с подогнутыми ногами. В то же время ранее такая особенность в положении умершего в могиле фиксировалась на других объектах. Во-первых, такая особенность выявлена в элитных курганах пазырыкской культуры, в которых обнаружены погребения с колодами. Внутри колод умершие как раз были положены вытянуто на спине. Во-вторых, серия таких погребений выявлена в Северо-Западном Алтае, а также в районе среднего течения Катуня [3; 9. С. 16–17; 10. С. 164–165]. Связано это, вероятно, с межкультурным взаимодействием различных племен в контактной зоне гор и предгорий.

Категории инвентаря их кургана № 34 могильника Чинета-II имеют устойчивые аналоги среди материалов пазырыкской культуры Алтая [4–8] в достаточно широком хронологическом диапазоне V–III вв. до н.э. Среди предметов из погребения подробнее можно остановиться на бронзовом зеркале (см. рис. 2, 2). Согласно классификации В.Д. Кубарева, зеркало из указанного кургана относится к 3-му типу, который характеризуется тем, что сбоку у бронзового диска есть круглая или овальная (каплевидная) рукоять [4. С. 90]. Согласно классификации, предложенной Ю.Ф. Кирюшиным и Н.Ф. Степановой, экземпляр из кургана № 34 могильника Чинета-II можно отнести к 1-му типу, 2-му варианту бронзовых зеркал, длина ручки у которых меньше радиуса диска. При этом ручка в этом типе изделий, как и в первой классификации, имеет округлую или овальную форму. Такого типа зеркала обнаружены, например, в кургане № 14 могильника Тыткескень-VI [9. С. 78, рис. 3, 12], курганах № 18, 25 могильника Кок-Су-I [11], курганах № 18, 23, 26, 27 могильника Юстыд XII [5]. По мнению исследователей, зеркала с боковыми ручками появляются в Горном Алтае с раннескифского времени, с VII–VI вв. до н.э., и сохраняются вплоть до III–II вв. до н.э. При этом наиболее ранними считаются зеркала с длинной боковой ручкой [9. С. 81–82]. Что касается зеркал с короткой боковой ручкой округлой или овальной формы, то они обнаружены преимущественно в курганах, которые датировались рубежом VI–V вв. до н.э. или V–IV вв. до н.э. К числу таких объектов можно отнести курган № 1 могильника Балык-Соок-I [7. С. 198, рис. 3, 6], курганы № 18, 23, 26, 27 могильника Юстыд XII, курган № 16 могильника Кайнду, курган № 14 могильника Тыткескень-VI, курганы № 18, 25 могильника Кок-Су-I [5. С. 133; 8. С. 107; 11. С. 20–21; 12 и др.]. В то же время зеркала с короткой боковой ручкой, но с прямо-

угольной петлей датированы преимущественно V–IV вв. до н.э. или IV–III вв. до н.э. [9. С. 82]. Экземпляр из кургана № 34 могильника Чинета-II имеет с двух сторон закругленную ручку, а с третьей – прямую. Возможно, это просто специфика отлива данного экземпляра. Учитывая все вышеназванные особенности изделия, можно констатировать, что данный тип зеркала бытовал в интервале V – начала III в. до н.э.

Железные двухсоставные с однокольчатый окончанием звеньев удила, обнаруженные в кургане № 34 могильника Чинета-II (см. рис. 2, 1), функционировали фактически на всем протяжении существования пазырыкской культуры. Аналогичное широкое хронологическое бытование артефактов наблюдается и в отношении керамического кувшина (см. рис. 2, 31), украшенного орнаментальными линиями и спиральями, а также прямого пластинчатого железного ножа без выделенной ручки и наверхия (см. рис. 2, 3). Еще один предмет из комплекта погребального инвентаря представлен гривной (см. рис. 2, 29–30). Изделие представляло собой бронзовое трубчатое основание, покрытое фольгой. Указанные категории вещей имеют аналоги в различных памятниках пазырыкской культуры, поскольку носили массовый характер [4–6; 9. С. 28–41, 70–74; 7 и др.]. Все указанные категории вещей датируются преимущественно в пределах V–III вв. до н.э.

Теперь обратимся к результатам радиоуглеродного анализа образца кости лошади из кургана № 34 могильника Чинета-II. Радиоуглеродный анализ осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, г. Томск). Получены следующие результаты: радиоуглеродный возраст – 2253 ± 103 , календарный возраст – по 1σ (68%) 480–90 до н.э., по 2σ (95%) 800 до н.э. – 50 н.э. (рис. 5).

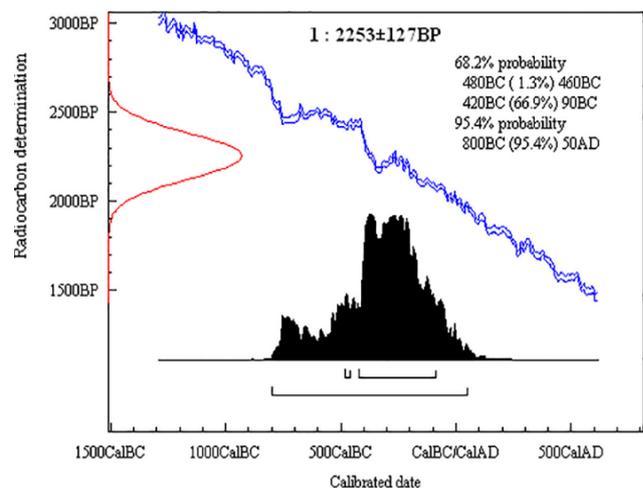

Рис. 5. Интервалы калиброванного календарного возраста

Интервалы калиброванного календарного возраста получены с помощью программы, разработанной в Оксфордском университете (Великобритания) и определены старшим научным сотрудником Института мониторинга климатических и экологических систем

Сибирского отделения РАН, кандидатом технических наук Г.В. Симоновой. Как видно из рис. 5, полученная радиоуглеродная дата в целом нивелируется с археологическим материалом из кургана № 34.

Таким образом, проведенный анализ погребального обряда и инвентаря из кургана № 34 могильника Чинета-II дает основания утверждать, что раскопанный курган относится к пазырыкской культуре Алтая. Следует добавить, что ранее для курганов № 21 и 31 этого же могильника, в которых были найдены предметы китайского импорта, были также получены радиоуглеродные даты, которые свидетельствуют о принадлеж-

ности раскопанных объектов к пазырыкскому времени [13, 14].

Реконструкция женского головного убора

Женские головные уборы являются довольно редкой находкой в курганах Южной Сибири и Центральной Азии скифо-сакского периода. В этой связи обнаружение каждого нового такого артефакта представляет несомненный научный интерес. Остановимся более подробно на находке женского головного убора (рис. 3; 6, 3) из кургана № 34 могильника Чинета-II и его аналогиях.

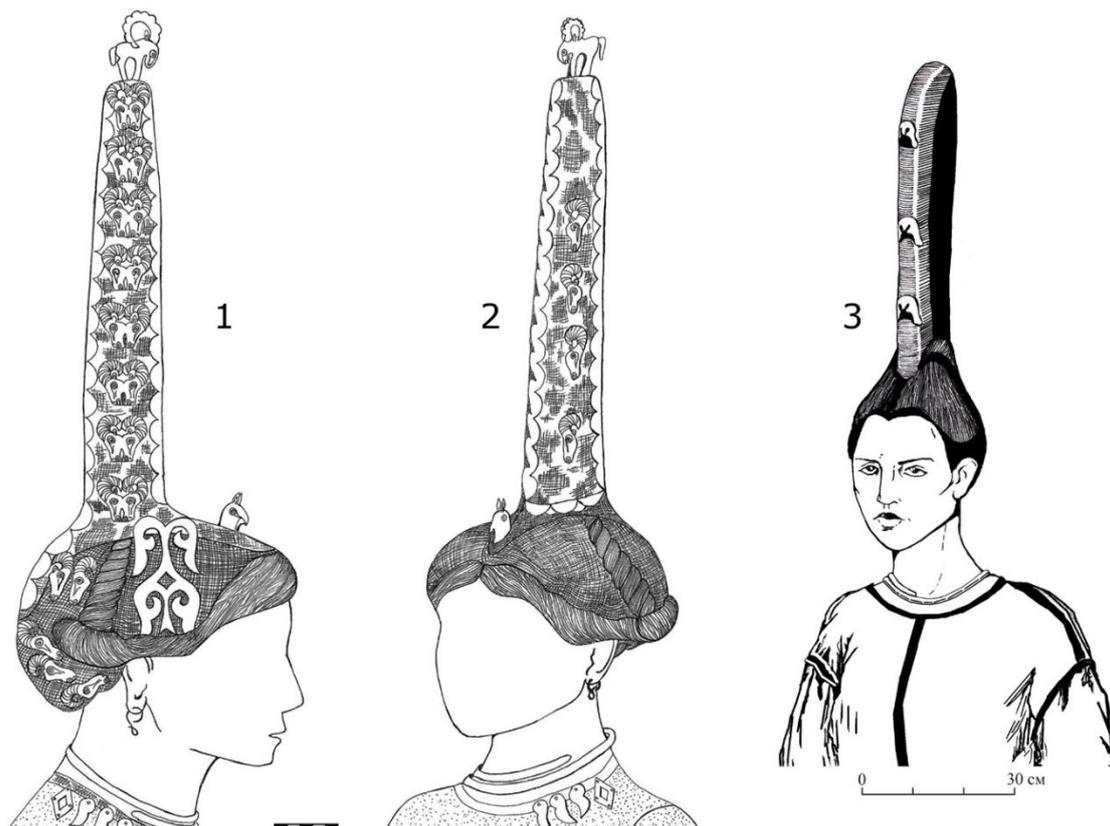

Рис. 6. Реконструкция женских головных уборов:

1, 2 – головной убор из кургана № 15 могильника Ханкаринский дол, 3 – головной убор из кургана № 34 могильника Чинета-II

Головной убор из кургана № 34 указанного могильника представлял собой, вероятно, так называемый головной убор-парик, известный по результатам раскопок памятников пазырыкской культуры Алтая. Данный головной убор практически не сохранился. Только к востоку от черепа прослежено три скопления мелких фрагментов фольги, которые маркировали форму женского головного убора. Длина головного убора составляла 36 см. В нижней части убора в 0,1 м от черепа выявлена аппликация из золотой фольги. Исходя из расположения аппликации, фрагментов фольги, а также пятна черной краски под черепом женщины, можно предположить, что головной убор представлял собой высокое сооружение, основу которого составляли, вероятно, углисто-глинистое вещество, волосы, войлок, ткань.

Следует отметить, что в определенной мере близкого типа головной убор обнаружен при исследовании

кургана № 15 могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (см. рис. 6, 1, 2), который расположен в той же речной долине, что и некрополь Чинета-II [15. С. 131–135]. Можно предположить, что навершия головных уборов из курганов № 34 могильника Чинета-II и № 15 некрополя Ханкаринский дол, судя по сохранившейся черной краске, могли быть изготовлено из войлока, обтянутого шерстяной тканью, которой покрывалась нижняя часть головного убора. На убор-парик вертикально в ряд нашивались аппликации, которые крепились с помощью отверстий, расположенных на них. Палочка-каркас с зооморфной фигуркой наверху с головного убора из кургана № 15 могильника Ханкаринский дол проходила через весь головной убор, что делало его устойчивым при ходьбе. Возможно, подобные палочки для каркаса убора были и в кургане № 34 могильника Чинета-II, но из-за особенностей грунта дерево в погребении практически не сохрани-

лось. Кроме этого, вся конструкция головного убора из кургана № 15 могильника Ханкаринский дол держалась благодаря нескольким шпилькам, которые закрепляли парик на затылке и по бокам головы.

Ближайшей аналогией головным уборам-парикам из кургана № 34 могильника Чинета-II и кургана № 15 могильника Ханкаринский дол является женский убор, который обнаружен при исследовании захоронения женщины в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 [16, 17].

Социальная интерпретация

Несмотря на то, что головной убор-парик из кургана № 34 из могильника Чинета-II уступал по богатству декора другим аналогичным изделиям из двух других памятников пазырыкской культуры (могильники Ханкаринский дол, Ак-Алаха-3), он является важным социальным маркером. Другим важным социодиагностирующим признаком выступает находка бронзовой гривны (см. рис. 4, 29–30), обложенной золотой фольгой. Исследователи в начале XXI в. отмечали, что известно около 60 гривен из курганов скифской эпохи Алтая, в том числе 20 металлических [18. С. 90; 19]. С учетом раскопок автором статьи курганов пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае на могильниках Чинета-II, Инской дол, Ханкаринский дол, их суммарное количество составило более 70 экземпляров, в том числе около 30 металлических. Если учесть, что в Горном Алтае раскопано более 600 погребений пазырыкского периода, то в количественном отношении погребения с находками гривен составляют менее 10%. Металлические гривны встречаются всего примерно в 3% погребений кочевников. В то же время в погребениях могильника Ханкаринский дол доля захороненной гривны составляет более 20%, а на некрополе Чинета-II – около 15%. При этом, конечно, необходимо учитывать, что часть курганов сильно разграблена, поэтому такие предметы могли быть похищены грабителями. Кроме того, в ряде курганов пазырыкской культуры обнаружены имитации гривен из тальниковых прутьев [5. С. 125]. Однако ученые отмечают, что деревянные гривны не были массовым украшением в предметном комплексе рядовых кочевников пазырыкского времени, поскольку являлись очень хрупкими и недолговечными [19. С. 60]. Существует и другая точка зрения, согласно которой гривны, в том числе и из дерева, выступали как символ принадлежности к определенному клану. При этом элита носила более дорогой символ, выполненный из золота, а низшие слои кочевого общества использовали деревянные предметы этой категории [20. С. 111].

По нашему мнению, металлические гривны, обложенные золотой фольгой, выступали как раз социальнодиагностирующим признаком и подчеркивали соци-

альный статус владельца. Примечательно, что металлические гривны, обложенные фольгой, обнаружены преимущественно в курганах пазырыкской культуры, в которых также выявлены сопроводительные захоронения лошадей. Деревянные копии гривен, которые тоже могли обкладываться фольгой, вероятнее всего, изготавливали именно для совершения погребальной практики, поскольку в реальной жизни они действительно были очень хрупкими. Следует также отметить, что гривны у ираноязычных народов выступали социальным маркером и символом верховной власти, на что уже обращалось внимание исследователями [4. С. 121; 21].

Кроме того, важнейшим социальнодиагностирующим признаком является наличие сопроводительных захоронений лошадей. Данный показатель зафиксирован в чуть более чем 37% погребений кочевников горных районов Алтая скифского времени [10. С. 142]. Примерно столько же случаев сопроводительного захоронения лошадей зафиксировано на некрополе Чинета-II, на котором из 14 курганов скифского времени этот показатель выявлен в 5 объектах (35,7%). Примечательно, что из 30 погребений пазырыкской культуры могильника Ханкаринский дол, который находился в той же речной долине, что и некрополь Чинета-II, данный признак зафиксирован в 18 случаях (60%). На третьем могильнике скифского времени Чинетиского археологического микрорайона – Инской дол – данный признак из 11 раскопанных курганов отмечен только 2 раза (18,1%). Важно подчеркнуть, что в женских погребениях сопроводительные захоронения лошадей встречаются крайне редко, что дополнительно подчеркивает их социальный статус.

Заключение

Таким образом, наличие социальнодиагностирующих предметов сопроводительного инвентаря (головной убор-парик, бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой), а также особенности погребального обряда (сопроводительное захоронение лошади) подчеркивают более высокий социальный статус погребенной в кургане № 34 могильника Чинета-II женщины. Во всяком случае, ее погребение отличалось относительной масштабностью и характером сопроводительного инвентаря от многих памятников пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая. Наличие указанных предметов и особенностей погребального обряда в большей степени сближает данное погребение с объектами, в которых были похоронены лица с более высоким социальным статусом, чем рядовые соплеменники. На основе сравнительно-исторического и радиоуглеродного анализа курган датирован второй половиной IV – III в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашковский П.К. Исследования Краснощечковской археологической экспедиции на Алтае в 2001–2016 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XIII. С. 83–87.
2. Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в историческом ретроспективе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. IX. С. 42–66.

3. Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 112–116.
4. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 302 с.
5. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.
6. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 220 с.
7. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
8. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. 234 с.
9. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. 292 с.
10. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
11. Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1974. Вып. 16. С. 62–91.
12. Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 242–270.
13. Дашковский П.К. Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15). С. 9–23.
14. Дашковский П.К. Радиоуглеродное датирование кургана пазырыкской культуры с предметами китайского импорта из могильника Чинета-II (Алтай) // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 147–158.
15. Дашковский П.К., Карымова С.М. Вещь в традиционной культуре Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 252 с.
16. Полосьямак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : Инфолио-пресс, 2001. 336 с.
17. Полосьямак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : Инфолио-пресс, 2005. 234 с.
18. Степанова Н.Ф. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая : известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 7. С. 89–94.
19. Кубарев В.Д. Диадемы и гривны из курганов Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 1 (21). С. 55–69.
20. Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 320 с.
21. Акишев А.К. Семантика и функции искусства «звериного стиля» саков Семиречья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л. : Наука, 1975. С. 57–60.

Petr K. Dashkovskiy, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

COMPLEX CHRONOLOGY AND SOCIAL INTERPRETATION OF MOUND NO. 34 OF THE PAZYRYK CULTURE FROM THE CHINETA-II BURIAL GROUND (ALTAI)

Keywords: Pazyryk culture; Altai; burial rite; artifacts; radiocarbon analysis.

The research aim is to highlight the results of a comprehensive study and social interpretation of materials from the mound number 34 of the Chineta-II burial ground, located in the Krasnoshchekovsky district of the Altai territory. In connection with this goal, the following tasks were supposed to be solved: characterization of the burial rite and inventory from the investigated mound; conducting archaeological and radiocarbon dating and comparing the results obtained; social interpretation of the investigated burial.

The methodological basis of the article is based on the principles of historicism, objectivity and determinism, which imply a comprehensive critical analysis of historical processes. An important methodological basis of the research is the principles of Russian social archaeology, according to which the funerary monuments and accompanying inventory reflect the peculiarities of social relations in ancient societies.

The source base of the research is the results of the author's archaeological research of Scythian monuments in the North-Western Altai, as well as comparison with synchronous monuments of other regions of Altai and Central Asia.

In the course of the research, the author came to the following conclusions. The features of the burial rite and inventory from the burial mound No. 34 of the Chineta-II burial ground have numerous analogies among the artifacts found during the study of the Pazyryk culture mounds both in the North-West (necropolis of the Inskaya Dol, Khankarinskaya Dol) so in other parts of Altai. Based on the study of artifacts and results of radiocarbon analysis, mound 34 was dated to the second half of the IV-III centuries BC. Special attention is paid to the study and reconstruction of the headdress-wig. The length of the headdress was 36 cm. Based on the location of the applique, fragments of foil, as well as spots of black paint under the skull of a woman from mound 34, it was detected that the headdress was a high structure, the basis of which was probably carbon-clay substance, hair, felt, fabric. A comparative-historical analysis of the headdress from barrow No. 34 of the Chineta-II burial ground with similar finds from other monuments of the Pazyryk culture of the Altai was carried out.

The presence of socially-diagnostic items of accompanying inventory (headdress-wig, bronze hryvnia, overlaid with gold foil), as well as the features of the funeral rite (accompanying burial of a horse), emphasize the higher social status of the woman buried in the burial mound number 34 of the Chineta-II burial ground. In any case, her burial was different in relative scale and character of accompanying inventory from many monuments of Pazyryk culture of the North-Western Altai. The presence of these items and features of the funeral rite to a greater extent brought this burial closer to the objects in which were buried persons with a higher social status than ordinary tribesmen.

REFERENCES

1. Dashkovskiy, P.K. (2017) Issledovaniya Krasnoshchekovskoy arkhologicheskoy ekspeditsii na Altae v 2001–2016 gg. [Research of the Krasnoshchekov archaeological expedition in Altai in 2001–2016]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Altai Cultural Heritage]. Vol. 13. Barnaul: Altai State University. pp. 83–87.
2. Dashkovskiy, P.K. (2016) Mogil'nik pazyrykskoy kul'tury Khankarinskij dol na Altae: kharakteristika pogrebal'nogo obryada i osnovnye napravleniya mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [The Khankarinsky dol burial ground, Pazyryk culture, in Altai: a description of the funeral rite and the main directions of interdisciplinary research]. In: Dashkovskiy, P.K. (ed.) *Mirovozzreniye naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [The world outlook of the South Siberian and Central Asian population in historical retrospective]. Vol. 9. Barnaul: Altai State University. pp. 42–66.

3. Dashkovsky, P.K. (2017) Rezul'taty izucheniya pogrebal'nogo obryada kochevnikov Severo-Zapadnogo Altaya skifskoy epokhi (po materialam mogil'nika Chineta-II) [The research findings of the funeral rite of the North-Western Altai nomads in the Scythian era (based on materials from the Chineta-II burial ground)]. *Proc. of the Fifth (21st) All-Russian Archaeological Congress*. Barnaul: Altai State University. pp. 112–116.
4. Kubarev, V.D. (1987) *Kurgany Ulandryka* [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka.
5. Kubarev, V.D. (1991) *Kurgany Yustyda* [Mounds of Yustyd]. Novosibirsk: Nauka.
6. Kubarev, V.D. (1992) *Kurgany Saylyugema* [Mounds of Saylyugem]. Novosibirsk: Nauka.
7. Kubarev, V.D. & Shulga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (Chuya and Ursula mounds)]. Barnaul: Altai State University, 2007. 282 s.
8. Kiryushin, Yu.F., Stepanova, N.F. & Tishkin, A.A. (2003) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [The Scythian Era of Gorny Altai]. Barnaul: Altai State University.
9. Kiryushin, Yu.F. & Stepanova, N.F. (2004) *Skifskaya epokha Gornogo Altaya* [The Scythian Era of Gorny Altai]. Barnaul: Altai State University.
10. Tishkin, A.A. & Dashkovsky, P.K. (2003) *Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epokhi* [The social structure and the system of worldviews of the Altai population of the Scythian era]. Barnaul: Altai State University.
11. Sorokin, S.S. (1974) Tsepechka kurganov vremen rannikh kochevnikov na pravom beregu r. Kok-Su (Yuzhnyy Altay) [A chain of mounds from the time of the early nomads on the right bank of the river Kok-Su (Southern Altai)]. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. 16. pp. 62–91.
12. Neverov, S.V. & Stepanova, N.F. (1990) Mogil'nik skifskogo vremeni Kayndu v Gornom Altai [The Kaindu burial ground of the Scythian time in Gorny Altai]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun]. Novosibirsk: Nauka. pp. 242–270.
13. Dashkovsky, P.K. (2018) Radiocarbon and archaeological dating of the burial of the Scythian period from burial Chineta-II (Altay). *Narody i religii Evrazii – Nations and Religions of Eurasia*. 2(15). pp. 9–23. (In Russian). DOI: 10.14258/nreur(2018)2-01
14. Dashkovsky, P.K. (2019) Radiocarbon Dating of the Kurgan of the Pazyryk Culture with Chinese Imports of the Burial Ground Chineta II (Altay). *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 3. pp. 147–158. (In Russian).
15. Dashkovsky, P.K. & Karymova, S.M. (2012) *Veshch' v traditsionnoy kul'ture Tsentral'noy Azii: filosofsko-kul'turologicheskoe issledovanie* [A Thing in the Traditional Culture of Central Asia: a Philosophical and Cultural Research]. Barnaul: Altai State University.
16. Polosmak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The Ukok Riders]. Novosibirsk: Infolio-press.
17. Polosmak, N.V. & Barkova, L.L. (2001) *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [The costume and textiles of the Altai Pazyryk people (4th – 3rd centuries BC)]. Novosibirsk: Infolio-press.
18. Stepanova, N.F. (2001) Grivny iz pogrebeniy skifskogo vremeni Gornogo Altaya [Torques from Scythian burials in Gorny Altai]. In: Soyonov, V.I. (ed.) *Drevnosti Altaya: izvestiya laboratorii arkheologii* [Altai Antiquities: News of the Archeology Laboratory]. Vol. 7. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 89–94.
19. Kubarev, V.D. (2005) Diademy i grivny iz kurganov Altaya [Diadems and torques from the Altai burial mounds]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(21). pp. 55–69.
20. Molodin, V.I. (2000) Kul'turno-istoricheskaya kharakteristika pogrebal'nogo kompleksa kurgana № 3 pamyatnika Verkh-Kal'dzhin II [Cultural and historical characteristics of the burial complex of Mound 3 of the Verkh-Kaldzhin II monument]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Fenomen altayskikh mumiy* [Phenomenon of Altai Mummies]. Novosibirsk: SB RAS.
21. Akishev, A.K. (1975) Semantika i funktsii iskusstva “zverinogo stilya” sakov Semirech'ya [Semantics and functions of the “animal style” art of the Semirechye Saks]. In: Gryaznov, M.P. et al. *Rannie kochevniki Sredney Azii i Kazakhstana* [Early Nomads of Central Asia and Kazakhstan]. Leningrad: Nauka. pp. 57–60.

УДК 903.5

DOI: 10.17223/19988613/69/3

Н.С. Ефремова

КУЛЬТЫ УМЕРШИХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40028
«Модели иррациональной деятельности населения юга Западной Сибири в голоцене».*

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматриваются особенности погребальных ритуалов археологических культур, существовавших на территории Барабинской лесостепи в эпоху бронзы. Присутствие в погребальных обрядах схожих элементов может свидетельствовать и о сходстве отдельных аспектов мировоззрения у представителей различных культур рассматриваемого региона. Исследование крупных разновременных некрополей позволило проследить как традиционность, так и вариативность обрядовой деятельности в рамках одной культурной общности.

Ключевые слова: могильник; погребальный обряд; мировоззрение; ритуал.

Изучение археологических памятников, связанных с погребально-поминальной обрядностью, позволяет получить комплексные сведения о жизни человека в древности. Артефакты, помещаемые в захоронения в качестве сопроводительного инвентаря, с одной стороны, свидетельствуют об уровне развития материальной культуры и приоритетах в хозяйственном укладе, с другой – могут обладать определенными коннотациями, связанными с духовной культурой коллектива. Поскольку культ предков в различных вариантах зафиксирован практически повсеместно (его существование находит подтверждение как в археологических, так и в этнографических источниках), именно он мог представлять собой основу для преемственности базовых идеологических представлений при смене поколений. Процент трансформации и изменчивости погребальной практики является незначительным, так как именно неизменность связанных с предками традиций выступает гарантией дальнейшего существования и процветания коллектива.

Устойчивость и традиционность погребального обряда любого общества позволяют исследователю использовать последний в качестве культуродиагностического маркера. Погребальные памятники дают возможность выйти на реконструкцию идеологических представлений древних народов, причем уникальными для изучения являются длительно существовавшие разновременные могильники, включающие захоронения различных культур. Материалы подобных объектов позволяют выявить признаки взаимопроникновения и взаимовлияния различных погребальных ритуалов, проследить динамику связанных с погребальной обрядностью мировоззренческих традиций.

Территория Обь-Иртышского междуречья, где расположена Барабинская лесостепь, во все эпохи пред-

ставляла интерес как для аборигенного, так и для пришлого населения [1. С. 10]. Климатические изменения обеспечивали подвижность границ ландшафтных зон: в более влажные периоды и лесостепь, и таежная зона смещались к югу, обуславливая разнообразие направлений хозяйственной деятельности, а также векторы периодических миграций. В целом природно-климатические условия рассматриваемого региона являлись благоприятными для жизнедеятельности человека [2. С. 55–56]. Сложность имевших здесь место этнокультурных процессов отражают обнаруженные на площади Барабы некрополи, в том числе и крупные, в течение последних десятилетий исследуемые академиком В.И. Молодиным. Наиболее интересными и информативными в свете рассматриваемой проблемы являются памятники Сопка-2, Тартас-1, Усть-Тартас-2 и др.

Самые ранние, отнесенные к *неолиту*, погребения отмечены на памятниках Усть-Тартас-2, Венгерovo-2А, Сопка-2/1 и др. Захоронение совершалось по обряду труположения, в узкой могильной яме с неровным дном. Отличительной особенностью ритуала, выявленной по материалам могильников этой эпохи, можно считать наличие каменных и костяных орудий, причем каменные топоры, помещенные под голову погребенного, расцениваются исследователями как традиционная черта погребальной практики; аналогичная деталь обряда была отмечена также в погребении могильника Корчуган-1 на севере Барабинской лесостепи [3. С. 364]. Захоронения *усть-тартасской культуры*, датирующиеся IV – первой половиной III тыс. до н.э., имели место на памятниках Сопка-2/3, 3А; Крючное-6, Гришкина Заимка, Тартас-1, Усть-Тартас-2 и отличались неординарным погребальным обрядом. Некрополи были разных размеров – от небольших до крупных, существовавших длительное

время. Захоронения сопровождали земляные сооружения с системой ям и рвов. Наряду с индивидуальными могилами отмечены коллективные погребения, насчитывавшие более 30 особей и формировавшиеся по принципу склепов. Имели место вторичные захоронения, следы расчленения либо помещения в емкость, воздействия огня. Так, в захоронении могильника Усть-Тартас-2 поверх скелета мужчины располагался скелет женщины с отсеченными кистями рук. Здесь же обнаружен череп женщины, помещенный среди костей ног первых двух погребенных. Сопроводительный инвентарь отличался архаичностью, что могло быть обусловлено устойчивостью традиций, берущих начало в местных археологических культурах каменного века. Усть-тартасский погребальный обряд обнаруживает аналогии как в близлежащих регионах (в низовьях р. Тара, в среднем Приобье), так и на значительном удалении от ареала – в материалах самарской энеолитической культуры, Хвалынского энеолитического могильника и ряде других [3. С. 365; 4. С. 182–183].

На памятнике Усть-Тартас-2 погребение рассматриваемой культуры было перерезано одиновским захоронением [5. С. 294]. Для погребений *одиновской* культуры, выявленных на памятниках Тартас-1, Сопка-2/4А, Преображенка-6 и др., характерно труположение на спине, с ориентацией умершего головой на СВ. Могилы располагались рядами либо группами. Отмечены захоронения с приподнятой верхней частью погребенного, ярусные могилы. Сосуды помещались как непосредственно в погребения (редко), так и в специальные ямы. В области кистей погребенных имели место острые колющие орудия – проколки и шилья из кости и бронзы, встречались яркие индивидуальные находки [6; 7. С. 12].

Погребальный обряд *кратовской* культуры, прослеженный на могильниках Сопка-2/4, Абрамово-11, отличался несовпадением курганных насыпей с захоронениями либо отсутствием первых. Погребенный помещался в могилу чаще в вытянутом положении на спине, головой на СВ. Могила могла иметь подбой. Встречались коллективные и ярусные, а также вторичные захоронения. Отмечено использование охры. Сопроводительный инвентарь – керамический, каменный, костяной, бронзовый и т.д. – неординарен и разнообразен. Рядом с погребениями иногда фиксировались ямы – пустые либо содержавшие керамику, встречены также захоронения животных. Отдельные находки – помещенные в могилы литейные формы и бронзовые изделия – свидетельствовали о существовании развитого бронзолитейного производства [1. С. 58–70, 75–84; 8].

Отличался разнообразием и погребальный обряд *андоновской (федоровской)* культуры эпохи развитой бронзы, наиболее полно исследованный на могильнике Тартас-1. Захоронения осуществлялись по обряду как труположения (скорченно, на боку), так и кремации, имели место биритуальные погребения. Индивидуальные захоронения, локализованные преимущественно в южной части некрополя, по мере распространения могильника в северном направлении заменяются достаточно крупными погребально-поминальными комплексами, в составе которых появляются рвы и объемные риту-

альные ямы [9]. Ров (как правило, разомкнутый) окружает могильную яму, помещенную в центральную часть локализованного сакрального пространства. В отличие от погребальных памятников федоровской культуры Южного Зауралья, где надмогильные и внутримогильные сооружения могли включать каменную оградку или ящик [10. С. 91], в захоронениях андроновской (федоровской) культуры Барабинской лесостепи не прослежено следов каменных подкурганых сооружений, что можно объяснить как отсутствием выходов камня в регионе, так и трансформацией данного аспекта погребальной обрядности в соответствии с природно-географическими условиями: возможно, для надмогильных сооружений использовался иной, не сохранившийся до настоящего времени материал.

Вероятно, локализация захоронения под курганной насыпью визуально определялась достаточно четко, поскольку большой процент погребений рассматриваемой культуры содержит следы ограбления в древности в виде фиксируемого на уровне материка пятна грабительской ямы, часто перерезающего стенку погребения. В ряде случаев расположенные в беспорядке в могильной яме части скелета погребенного залегают в сочленении, что свидетельствует о продолжавшемся процессе разложения мягких тканей умершего, тем не менее еще не завершено: проникновение в погребение происходило через относительно небольшой период, следовавший за захоронением.

В свете рассматриваемой проблемы небезынтересными представляются несколько аспектов. Одним из них является фиксируемая на значительной площади распространения андроновской (федоровской) культурной общности биритуальность погребального обряда: кремация и ингумация могут наблюдаться на одном некрополе и даже в одном захоронении. Учитывая, что погребальная обрядность в рамках ареала культуры достаточно однородна, предполагается существование возможных различий в мировоззренческой системе андроновских коллективов. У общин, хоронивших умерших по обряду кремации, вероятно, важную роль в идеологических представлениях играл огонь. Этот культ прослеживается и в погребальном обряде в форме ингумации, однако в последнем случае его место в ритуальных действиях не настолько значительно [11. С. 62]. Проявления данного культа (кремация в захоронении, золистые включения в заполнении могилы, участки прокаленной почвы в непосредственной близости от нее и др.) могли быть остатками «совершенно различных обрядовых действий, совершавшихся в разное время и по разным причинам» [12. С. 88].

О неоднозначном отношении к огню свидетельствуют и материалы погребальных памятников *ирменской* культуры. К следам огненных ритуалов относят кострища в виде прокалов и древесного угля в насыпях курганов, а также погребения по обряду трупобожжения и кремации на стороне; последняя восходит к погребальной традиции андроновской культуры [13. С. 105, 108]. Обряд захоронения включал погребение под небольшой курганной насыпью, как правило, выше материка; имели место первичные и вторичные захоронения. Погребенный помещался в могилу

в скорченном положении на правом боку, головой на юг. В погребении отмечались каменные или деревянные обкладки и перекрытия [1. С. 137].

В отличие от территории Новосибирского Приобья, Барабинской лесостепи и Кузнецкой котловины, в Барнаульском Приобье преобладают захоронения ирменской культуры, совершенные по обряду ингумации, процент кремаций не высок, и, как правило, сожжение выполнялось на стороне [14. С. 123]. На рассматриваемой территории сакральное пространство могло быть обозначено ровиком или ямами, в насыпи курганов и в самих погребениях имели место ритуально-жертвенные комплексы (кости животных, керамические сосуды, участки прокаленной почвы) [15. С. 16–17, 19].

В Барабинской лесостепи уникальный культовый комплекс ирменской культуры исследован В.И. Молодиным на памятнике Сопка-2. Он представлял собой разомкнутый ровик, ограничивающий сакральную площадь диаметром около 10 м, где были расположены две ямы, первая из них содержала клубни неокультурных растений, вторая – остатки длинных костей человека очень плохой сохранности; в самом ровике обнаружен ирменский керамический сосуд. На площади культового комплекса отмечено более шестидесяти небольших округлых ям, вероятно, представлявших собой следы каркасно-столбовой конструкции. Совокупность полученных материалов позволила интерпретировать данное сооружение именно как культовое и отнести к погребальным ритуалам, связанным с культом предков, существование которого уже отмечалось у носителей ирменской культуры [16].

Существование культовых объектов, приуроченных к некрополям, фиксируется и на памятнике Тартас-1, расположенном вблизи описанного выше могильника Сопка-2. Здесь отмечены захоронения восточного варианта *пахомовской* культуры, сопровождающиеся ритуальными комплексами, культовая деятельность на которых включала металлургические процессы и обряды жертвоприношения. На памятнике выявлено два типа захоронений: ряд безынвентарных погребений, расположенных в непосредственной близости от однокультурных ритуальных объектов, и захоронения, окруженные разомкнутыми ровиками, не имевшие внешних рельефных признаков в силу систематической распашки площади памятника. Культовые комплексы насчитывали как минимум пять объектов, часть которых, судя по большому количеству столбовых ямок, имела каркасно-столбовую конструкцию. На площади комплексов зафиксирован массовый материал в виде фрагментов керамики и костей животных (в том числе и в жертвенных ямах), единичные бронзовые изделия (наконечники копий, кельты), сплески бронзы, фрагменты тиглей и литейных форм, отмечены участки прокаленной почвы. Кроме того, имели место объемные ямы-печи и две жертвенные ямы, содержавшие неординарный набор прикладов

(в том числе фрагмент черепа лося со стесанными рогами, челюсти копытных, кости рыбы и др.). Отнесению данных объектов к категории культовых способствовало и присутствие здесь антропологических материалов (пяточной кости, фрагмента таза, резца человека), обнаруженных среди остеологических остатков [17, 18].

Параллели погребальным обрядам древнего населения Барабинской лесостепи и элементам отправлявшихся здесь культов в разные эпохи обнаруживаются на западе и северо- и юго-западе, а также в таежной зоне; вектор же совпадает с миграционными процессами, имевшими место на территории Барабинской лесостепи. Биритуальные и синкретичные захоронения могут олицетворять постепенную трансформацию обрядовой деятельности, когда в состав культа включались как традиционные, так и привнесенные элементы, этим же подчеркивается мирный характер данного процесса.

Основой идеологических представлений, по-видимому, являлись культы предков. В традиционном обществе умершие члены коллектива по-прежнему принадлежали роду, составляя с ним своеобразную сакральную общину. Существовала необходимость постоянной связи с потусторонним миром, поскольку, согласно культу, именно предки могли обеспечить благоденствие родового коллектива [19. С. 334]. Обилие керамического материала, помимо свидетельства о сопроводительной пище, может говорить об отправлении обрядов жертвоприношений – предкам или высшим силам. Существование на некрополях культовых комплексов и зафиксированные на них следы принесения в жертву человека говорят о степени значимости для социума представлений о потустороннем мире. Присутствие ценных в обществе предметов – орудий, оружия и украшений – является не только критерием социального статуса, но и свидетельством веры в загробную жизнь; также возможны неоднозначные коннотации у отдельных артефактов (обзор вещевого материала, связанного с погребальной обрядностью, является темой отдельной объемной статьи, поэтому вещевой комплекс здесь подробно не анализируется).

Появление обрядов кремации, возможно, указывает на растущую роль огня как элемента очищения или посредника в обрядах перехода. Появление ровов в ритуале говорит о возникшей необходимости локализации сакрального пространства и четкого отделения мира живых от мира мертвых, где ров мог выполнять как ограничительную, так и защитную функцию. Большое значение, по-видимому, имеет факт наличия на памятниках нарушенных погребений, где процесс разрушения связан не только с ограблением могилы, но и с определенными иррациональными взглядами.

Таким образом, обзор погребальных обрядов археологических культур Барабы позволяет предположить наличие у существовавших здесь древних этносов достаточно сложных идеологических представлений, связанных с потусторонним миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
2. Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи бронзы к железному веку. XIV–VIII века до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 54–63.

3. Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 363–367.
4. Молодин В.И. Устьтартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 180–184.
5. Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней–развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 293–298.
6. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
7. Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. С. 9–13.
8. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 452 с.
9. Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (федоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 358–362.
10. Алаева И.П. Вариативность погребального обряда федоровской культуры Южного Зауралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Самара : Изд-во СГСПУ, 2018. С. 89–92.
11. Бобров В.В. Биритуализм андроновского погребального обряда – нетрадиционная форма развития культуры // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 60–63.
12. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе : Илим, 1986. 135 с.
13. Ковалевский С.А. О роли огня в погребально-поминальной обрядности населения ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2 (68). С. 105–110.
14. Тырышкина Ю.Ю. Погребальный обряд ирменского населения Барнаульского Приобья // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. С. 122–124.
15. Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово : Изд-во КРИПКиПРО, 2006. 111 с.
16. Молодин В.И., Ефремова Н.С. Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. С. 71–77.
17. Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 231–236.
18. Ефремова Н.С., Молодин В.И., Дураков И.А., Васильев С.К., Селин Д.В. Животные в обрядовой практике носителей восточного варианта пахомовской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 381–387.
19. Бессмертная О.Ю., Рябинин А.П. Предки // Мифы народов мира : энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 333–335.

Natalya S. Efremova, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ens77@mail.ru

CULTS OF THE DEAD IN ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF THE BARABA FOREST-STEPPE: SPATIAL AND CHRONOLOGICAL DYNAMICS

Keywords: burial ground; funeral rite; worldview; ritual.

The article examines features of the burial rituals of archaeological cultures that existed on the territory of the Baraba forest-steppe in the Bronze Age. The study of large necropolises of different times made it possible to trace the traditionality and variability of ritual activities within the framework of a cultural community.

In the course of the research, we analyzed the materials of the autochthonous Neolithic, Ust-Tartas, Odinoovo, Krotov, Andronovo, Irmen and Pakhomovo archaeological cultures. Similar elements in burial rites may indicate the similarity of certain aspects of the worldview among representatives of different cultures of the region which we are considering. Biritual and syncretic burials could personify a gradual transformation of ritual activity, when traditional and introduced elements were included in the cult. This testifies to the peaceful nature of the process. Ancestor cults were probably the basis of ideological concepts. The ceramic material, in addition to evidence of accompanying food, could indicate the performance of rites of sacrifice – to ancestors or higher powers. The existence of cult complexes on the necropolises and the traces of human sacrifice recorded on them indicate the degree of significance for society of ideas about the other world. The presence of tools, weapons and ornaments is a criterion of social status and evidence of belief in an afterlife, as well as, possibly, of the ambiguous connotations of certain artifacts. The emergence of cremation rites may indicate the growing role of fire as an element of purification or as a mediator in rites of passage. The appearance of ditches in the ritual indicates the need to localize the sacred space and clearly separate the world of the living from the world of the dead, where the ditch could perform both a restrictive and a protective function. The fact that monuments have disturbed burials, where the process of destruction is associated not only with grave robbing, but also with certain irrational views, seems to be of great importance.

Thus, a review of the burial rites of the archaeological cultures of Baraba suggests the presence of complex ideological concepts associated with the other world among the ethnic groups who lived here. Similar features of the funeral rite that took place among the carriers of successive cultures here indicate the possible continuity of the most important aspects of the worldview for society and the transformation of funeral cults in accordance with the vector of ethno-cultural processes that took place here.

REFERENCES

1. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
2. Molodin, V.I. (2014) Ethnic and Cultural Mosaic in Western Baraba During the Late Bronze to Iron Age Transition (14th–8th centuries BC). *Arkhеologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4(60). pp. 54–63. (In Russian).

3. Molodin, V.I., Kobeleva, L.S., Durakov, I.A., Raynkhoid, S., Nenakhova, Yu.N., Borzykh, K.A. & Shvetsova, E.S. (2017) Mogil'nik Ust'-Tartas-2 – novyy pogrebal'nyy kompleks epokhi neolita, ranney i razvitoy bronzy v Barabinskoy lesostepi [Ust'-Tartas-2 Burial Ground - New Neolithic, Early and Middle Bronze age burial complex in the Baraba Forest-Steppe Region]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 23. Novosibirsk: SB RAS. pp. 363–367.
4. Molodin, V.I. (2005) Ust'tartasskaya kul'tura [The Usttartas culture]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Historical and Cultural Development of Ancient and Traditional Societies of Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 180–184.
5. Molodin, V.I., Kobeleva, L.S., Raynkhoid, S., Nenakhova, Yu.N., Efremova, N.S., Durakov, I.A., Mylnikova, L.N. & Nesterova, M.S. (2018) Stratigrafiya pogrebal'nykh kompleksov ranney–razvitoy bronzy na pamyatnike Ust'-Tartas-2 [Stratigraphy of the Early - Middle Bronze Funeral Complexes at Ust-Tartas-2]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 24. Novosibirsk: SB RAS. pp. 293–298.
6. Molodin, V.I. (2012) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury* [Monument Sopka-2 on the Om River. A cultural-chronological analysis of burial complexes of the Odino culture]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS.
7. Molodin, V.I. (2008) Odinovskaya kul'tura v Vostochnom Zaural'e i Zapadnoy Sibiri. Problema vydeleniya [The Odino culture in the Eastern Trans-Urals and Western Siberia. The problem of identification]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsional'nogo razvitiya* [Russia Between the Past and the Future: History of National Development]. Ekaterinburg: UrB RAS. pp. 9–13.
8. Molodin, V.I. & Grishin, A.E. (2016) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury* [Monument Sopka-2 on the Om River. A cultural-chronological analysis of burial complexes of the Krotovo culture]. Vol. 4. Novosibirsk: SB RAS.
9. Molodin, V.I., Durakov, I.A., Nenakhov, D.A., Raynkhoid, S., Efremova, N.S., Selin, D.V., Nesterova, M.S., Nenakhova, Yu.N., Khansen, S., Mylnikova, L.N. & Kobeleva, L.S. (2017) Sistema organizatsii sakral'nogo prostranstva v pogrebal'nykh kompleksakh andronovskogo (fedorovskogo) naseleniya Barabinskoy lesostepi. Pamyatnik Tartas-1 [System of Organizing the Sacred Space in the Burial Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Population in the Baraba Forest-Steppe Region. The site of Tartas-1]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 23. Novosibirsk: SB RAS. pp. 358–362.
10. Alaeva, I.P. (2018) Variativnost' pogrebal'nogo obryada fedorovskoy kul'tury Yuzhnogo Zaural'ya [Variation of the funeral rite of the Fedorov culture of the South Trans-Urals]. In: Vybornov, A.A. (ed.) *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* [The 21st Ural Archaeological Meeting]. Samara: Samara State Socio-Pedagogical University. pp. 89–92.
11. Bobrov, V.V. (2005) Biritualizm andronovskogo pogrebal'nogo obryada – netraditsionnaya forma razvitiya kul'tury [Biritualism of the Andronovo funeral rite - an unconventional form of cultural development]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Historical and Cultural Development of Ancient and Traditional Societies of Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 60–63.
12. Kuzmina, E.E. (1986) *Drevneyshie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya* [The Most Ancient Cattle Breeders from the Urals to the Tien Shan]. Frunze: Ilim.
13. Kovalevsky, S.A. (2010) Role of fire in funeral ceremonies of the population of Irmenskaya cultural and historical community in the South-Western Siberia. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4–2(68). pp. 105–110. (In Russian).
14. Tyryshkina, Yu.Yu. (2008) Pogrebal'nyy obryad irmenskogo naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya [A burial rite of the Irmen population of the Barnaul Ob Region]. In: Shamshin, A.B. (ed.) *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy* [Ethno-cultural Processes in the Upper Ob and Neighboring Regions at the End of the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 122–124.
15. Kovalevsky, S.A. (2006) *Pogrebal'no-pominal'nye pamyatniki irmenskoy kul'tury na territorii Kuznetskoy kotloviny* [Funeral and memorial monuments of the Irmen culture on the territory of the Kuznetsk depression]. Kemerovo: KRIPKiPRO.
16. Molodin, V.I. & Efremova, N.S. (2015) Ritual'nyy kompleks irmenskoy kul'tury: semanticheskie rekonstruktsii (po materialam mogil'nika Sopka-2) [A ritual complex of the Irmen culture: semantic reconstructions (a case study of Sopka-2 burial ground)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh* [Archaeological Research in Western Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 71–77.
17. Molodin, V.I., Nagler, A., Khansen, S., Durakov, I.A. et al. (2012) Ritual'nye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoy kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyskaya lesostep') [Ritual complexes of the eastern area of the Pakhomov culture at the Tartas-1 monument (Ob-Irtys forest-steppe)]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 18. Novosibirsk: SB RAS. pp. 231–236.
18. Efremova, N.S., Molodin, V.I., Durakov, I.A., Vasiliev, S.K. & Selin, D.V. (2019) Zhiivotnye v obryadovoy praktike nositeley vostochnogo varianta pakhomovskoy kul'tury [Animals in the ritual practice of the bearers of the eastern version of the Pakhomov culture]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 25. Novosibirsk: SB RAS. pp. 381–387.
19. Bessmertnaya, O.Yu. & Ryabinin, A.P. (1982) Predki [Ancestors]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow : Sov. entsiklopediya. pp. 333–335.

УДК 903.27

DOI: 10.17223/19988613/69/4

А.Л. Заика

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматриваются вопросы развития художественного творчества, межрегиональных культурных связей древних народов Восточной и Западной Сибири в эпоху неолита – ранней бронзы на примере сюжетов монументального и мобильного искусства в виде антропоморфных личин. Основной акцент исследования – антропоморфные образы на керамике самусьской культуры. Анализ иконографии масок-личин свидетельствует о тесных связях с культурами Ангары и Енисея. Доминирующие позиции занимает влияние искусства окуневской культуры.

Ключевые слова: древнее искусство; петроглифы; антропоморфные личины.

Введение

Вопросы развития художественного творчества, межрегиональных культурных связей древних народов Восточной и Западной Сибири на примере сюжетов монументального и мобильного искусства давно привлекают внимание ученых, не потеряли они своей актуальности и в настоящее время [1, 2]. В данном случае предметом исследования являются антропоморфные образы в виде личин, которые встречаются как самостоятельно в искусстве регионов, так и в качестве масок-личин антропоморфных фигур. Учитывая ограниченные рамки статьи, рассмотрим данные образы лишь в эпоху позднего неолита – ранней бронзы (вторая половина III – первая половина II тыс. до н.э.). Территориально сектор исследования включает Обско-Томскую лесостепь, ограниченную на юге Горным Алтаем, Средний Енисей и Нижнее Приангарье. Целью работы является рассмотрение вопросов генезиса региональных изобразительных традиций и роли межкультурных контактов в их развитии на основе сравнительного стилистического и иконографического анализа антропоморфных образов в рассматриваемый период.

Западносибирский регион в силу природно-ландшафтной ситуации не отличается наличием удобных для монументального творчества скальных выходов и каменных пород. Исключение составляет правый берег р. Томи на участке протяженностью 50 км, где на береговых выходах сланца на настоящий момент известно 6 писаниц (Томская, Тутальская, Новоромановская 1, Новоромановская 2, Висячий камень, Долгая). Поэтому искомые сюжеты в большинстве своем зафиксированы на керамике и в меньшей степени в предметах мелкой пластики. В восточной части исследуемой области Сибири, на Енисее и Ангаре, ситуация наблюдается диаметрально противоположная: рассматриваемые образы преобладают в монументальном искусстве

(наскальные рисунки, петроглифы на прибрежных валунах, менгирах, стелах и изваяниях, погребальных плитах) и сравнительно в небольшом количестве зафиксированы на предметах мобильного искусства (керамика, мелкая пластика).

Ряд исследователей совершенно справедливо критически относятся к сопоставлению сюжетов в наскальном искусстве с образами на предметах мобильного искусства, в первую очередь – в мелкой пластике [3. С. 19; 4. С. 154]. Принимая во внимание аргументы исследователей, мы в своей работе в большей степени ориентируемся на плоскостные носители искомых образов среди предметов мелкой пластики, сюжеты декора керамики, которые максимально соответствуют характеру изображений в петроглифах.

Характеристика антропоморфных образов

С целью продуктивной характеристики образов и проведения их сравнительного анализа необходимо обозначить опорные стилистические и иконографические параметры. Поэтому рассмотрим антропоморфные личины, исходя из наличия и вида их внешнего контура, характера внешнего и внутреннего оформления, вариантов сочетания с различного типа антропоморфными фигурами. За основу приняты авторские принципы классификации, использованные для антропоморфных образов в наскальном искусстве Нижней Ангары [5; 6; 7. С. 114–125].

По наличию внешнего абриса личины подразделяются на оконтуренные и неоконтуренные. По его виду – на округлые, параболаидные (полукруглые), сердцевидные. Среди деталей внешнего оформления личин мы берем во внимание «рога» – вертикальные линии наверху, центральный вертикальный «отросток», концентрические окружности, боковые или радиально расположенные линии-лучи. Последний вариант внешнего антуража, как правило, обозначает «солнце-

головые» образы. Внутреннее оформление («татуировку») следует подразделить на три вида: вертикальное, горизонтальное, комбинированное.

Многие личины являются масками антропоморфных фигур, которые подразделяются на два основных типа: фронтальные и фас-профильные. У фронтальных фигур все части тела развернуты в фас, у фас-профильных ноги показаны в профиль. Среди фронтальных образов следует выделить фронтально-симметричные фигуры, у которых конечности показаны зеркально по обе стороны линии туловища. Руки, как правило, разведены в стороны или опущены вниз, ноги согнуты в коленях и сведены вместе на уровне стоп или прямые, непропорционально короткие, расставлены в стороны. Промежуточное положение между основными типами антропоморфных фигур занимают изображения «идольчиков», или «клиновидных фигурок», [8. С. 202–204] и фас-аморфные фигуры. У обозначенных фигур конечности полностью или частично отсутствуют. У «идольчиков» туловище имеет клиновидную форму, у фас-аморфных нижние контуры туловища представляют аморфные очертания.

Учитывая ограниченные рамки статьи, мы будем акцентировать свое внимание на сюжетах самусьского искусства. В Западной Сибири, в бассейне р. Оби, известна большая группа антропоморфных образов, запечатленных на керамической посуде самусьской культуры. Выявлены они на территории поселения Самусь–IV и датируются эпохой ранней бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.). В большинстве своем представлены, практически в равной степени, фронтально-симметричные и фас-аморфные антропоморфные фигуры с «трехрогими» параболическими масками-личинами с боковыми лучами (более 60 фигур), причем центральный «рог», по всей видимости, обозначает у них вертикальный «отросток». Только на трех фрагментах керамики зафиксированы округлые солнцеголовые личины с радиальными лучами [2. Табл. 1, 135, 1, 2, 353] и одна округлая личина на дне сосуда в обрамлении концентрических окружностей [Там же. Табл. 1, 282]. В отличие от параболических личин, у них внутри контура прослеживаются варианты комбинированной «татуировки». Зафиксированы на керамике личины с сердцевидным (14) и округлым двойным или тройным контурами (12). Они, как правило, являются масками фас-аморфных фигур, имеют вертикальное наголовье и боковые «отростки» [Там же. Табл. 1, 142–152, 155–166]. В семи случаях присутствуют комбинированные варианты в виде сердцевидных личин, вписанных в концентрические окружности [Там же. Табл. 1, 167–170], у них детали внешнего оформления идентичны. Не имеют внешнего контура 33 личины [2. Табл. 1, 184–198, 344–346], они показаны условно в виде «трехточечных» образов. 14 личин с округлыми верхними и нижними очертаниями «втиснуты» между вертикальными линиями орнамента [Там же. Табл. 1, 171–177, 338–342]. У них превалирует горизонтальный мотив «татуировки». Внешнее оформление представлено вертикальным наголовьем из тройных линий, имеющих в основании косые боковые росчерки. В одном случае их заменяют

фигурно изогнутые рога по обе стороны четырехлинейного вертикального наголовья. У трех личин вертикальный «отросток» имеет вид вытянутого треугольного контура. Свообразием отличаются верхние фрагменты четырех округлых личин, которые имеют «медвежьи ушки», расположенные по обе стороны вертикального наголовья [Там же. Табл. 1, 179–181]. На фрагментах двух сосудов зафиксированы четыре личины с, надо полагать, овальным контуром, обрамленным косыми боковыми одинарными и двойными прямыми линиями [Там же. Табл. 1, 182–183]. Судя по сохранившемуся изображению одного антропоморфного образа, данные личины являются масками фас-аморфных фигур, туловище которых условно обозначено в виде вертикальной двойной линии. Кроме внешних боковых линий имеется вертикальный извилистый линейный «отросток». Обозначены глаза, ноздри и горизонтальная линия рта и, если верить прорисовке, показаны тонкими линиями горизонтальная «татуировка» и нос [Там же. Табл. 1, 182, 1].

В западносибирских петроглифах антропоморфные личины зафиксированы на писаницах Томской и Вишарийский камень. Представлены самостоятельные изображения сердцевидных личин и одного череповидного образа [2. Табл. 12; 9]. Округлые маски солнцеголовых фронтально-симметричных фигур и один «солнечный» нимб сравнительно недавно выявлены на Томской и Тутальской писаницах [2. Табл. 12; 10. Рис. 18].

На Среднем Енисее большинство антропоморфных образов зафиксировано на стелах, изваяниях и погребальных плитах, свод которых представлен в отечественной и зарубежной литературе [11, 12], меньшее количество личин выявлено на скалах, и единичные образы зафиксированы на мобильных носителях. Большая часть образов имеет округлый, реже – сердцевидный и в единичных случаях параболический контур с горизонтальной и комбинированной «татуировкой». В классическом «черновском» варианте (см.: [13]) они имеют вертикальный «отросток», боковые «рога», иногда – «уши». Представлены они, как правило, самостоятельно. Для «тасхазинской» группы личин характерна горизонтальная манера «татуировки». Внешний антураж: в различных вариантах «солнечное» обрамление или вертикальный конусовидный головной убор, встречаются комбинированные варианты, где кроме вышеуказанных деталей присутствуют «рога». Как правило, эти лики являются масками фас-аморфных, фас-профильных, реже – фронтально-симметричных фигур. «Джойская» группа личин не имеет внешнего контура, чаще встречается на писаницах Саян, у них превалирует горизонтальная манера «татуировки» [12. С. 20–21]. Д.Г. Савинов дополнительно выделяет на окуневских плитах «Кок-хайнскую» группу неоконтурных изображений, близких джойским, и Тейскую группу трехрогих округлых личин с горизонтальной «татуировкой» на изваяниях [14. С. 167, рис. 13, 14].

Свод источников по ангарским антропоморфным личинам приведен в авторской монографии [7]. В петроглифах доминируют личины с полным или частичным сердцевидным контуром, вертикальной манерой

«татуировки» и вертикальным наголовьем в виде ветвистого «отростка». Как правило, они встречаются самостоятельно, иногда являются масками фронтально-симметричных фигур. Параболоидные и округлые маски зафиксированы у «идольчиков», фас-профильных и фас-аморфных фигур, имеют два или три «рога», горизонтальный вариант «татуировки». «Солнцеголовые» персонажи практически отсутствуют. Неоконтурные «трехточечные» личины сконцентрированы на валунах местонахождения «Геофизик» (около 50 ликов), иногда они заключены в сердцевидный контур, концентрические окружности.

Вопросы формирования и развития изобразительных традиций

Вопросы происхождения самусьского искусства, его роли в развитии культуры древних народов Сибири актуальны на сегодняшний день [2. С. 162–183]. Чтобы приблизиться к решению данных вопросов, рассмотрим антропоморфные образы самусьской культуры в контексте развития древнего творчества на территории соседних регионов Западной и Восточной Сибири.

Фронтально-симметричный ракурс фигур в большей степени характерен для антропоморфных образов в петроглифах неолита – ранней бронзы Восточной Сибири (Ангара, Прибайкалье) [15. Табл. 9]. Учитывая, что они показаны в более реалистичном виде и в контексте многофигурных композиций, следует полагать, что данная традиция имеет автохтонное происхождение и проникла в Приобье с востока через Нижнее Приангарье, которое занимает пограничное положение между Западной и Восточной Сибирью [7. С. 141, 148, 152]. «Трехточечное» оформление неоконтурных личин, как и обрамление их концентрическими окружностями, также характерно для личин в петроглифах Нижней Ангары. В большинстве своем они выполнены путем выбивки с последующей шлифовкой, зафиксированы на периодически затопляемых прибрежных валунах местонахождения «Геофизик» и датированы поздним неолитом [Там же. С. 132–133, табл. 25, 26, 53, 102, 2, 106, 129; 16]. В единичных вариантах они выполнены охрой на других писаницах региона [Там же. Табл. 40].

С восточными влияниями следует также связать появление в самусьском искусстве и сердцевидных личин, контур которых на керамике принял угловатые формы. Полный или частичный сердцевидный абрис личин характерен для петроглифов Нижней Ангары. Наиболее ранние неолитические образы зафиксированы на местонахождении «Геофизик», наиболее поздние – в петроглифах писаницы Рыбное, которые датируются эпохой раннего железа. Основная группа личин соотносится с разными периодами эпохи бронзы [Там же. Табл. 129]. То есть данная традиция, имея глубокие корни, прочно вошла в культуру местных народов и не потеряла своей актуальности на протяжении многих веков. Соотнесение сердцевидных окуневских и самусьских образов достойно внимания [2. Рис. 64, 13–16], но оно иллюстрирует не гентическую, а опо-

средованную связь. Окуневские персонажи сердцевидного и череповидного облика единичны, появились на поздних этапах развития культуры под влиянием ангарских изобразительных традиций [17]. То же можно сказать и про сердцевидные личины на Томских писаницах. Влияние окуневских традиций здесь может наблюдаться на примере одного образа с горизонтальной линией «татуировки» [18. Рис. 272].

Интерес представляет своеобразное внешнее оформление самусьских личин: три вертикальных «рога» в сочетании с боковыми линиями-лучами. По всей видимости, данная традиция «солнцеголовости» сформировалась на территории Среднего Енисея. Об этом свидетельствует широкий спектр ее проявления на различных носителях (погребальные плиты, скальные плоскости, керамика) [19]. Судя по археологическим данным, этот процесс соотносится с ранним – «уйбатским» – этапом окуневской культуры, связан с распространением тас-хазинского стиля в искусстве Минусинской котловины. Формирование его могло происходить как на местной основе, так и под влиянием извне, что более вероятно. Надо полагать, что базовым был классический вариант «солнцеголовости». В одном случае он был воспринят практически без изменений, а в другом принял вид личин с боковыми лучами [8. Рис. 1; 12. Рис. 20, 1, 3, № 135, 220; 20. Табл. XVII, XIX, XX, XXII; 21. С. 71, рис. 2 и др.]. Боковое положение лучей было обусловлено необходимостью поместить в верхней части личины «рога» и вертикальный «отросток» между ними. Подобные трансформации классического варианта были обусловлены местными традициями, которые уходят своими истоками в эпоху неолита и в окуневское время нашли яркое отражение в личинах на классических изваяниях «черновского» типа. Основными элементами внешнего оформления личин являются «рога» и вертикальный прямой или извилистый «отросток» между ними. Вертикальное их наголовье несет ихтиоморфные черты и отражает верования, по всей видимости, местных охотников-рыболовов. Происхождение «рогов» может объясняться как влиянием афанасьевской скотоводческой культуры в эпоху энеолита, так и местными представлениями о мамонте [22], бивни которого в обилии встречаются по берегам Енисея и его притоков.

Традиция личин с боковыми лучами получила дальнейшее распространение в северо-западном направлении и повлияла на искусство самусьской культуры. Контакты могли осуществляться через Ачинско-Мариинскую лесостепь. Это подтверждается археологическими данными: находками самусьской керамики на северо-западе Минусинской котловины, наличием самусьского детского захоронения на оз. Утинка в Кемеровской области [23]. Данный процесс мог происходить, судя по датировке утинкинского захоронения, в пределах 4,5 тыс. л.н. [24. С. 273], т.е. уже на ранних этапах окуневской культуры, хотя, по мнению Д.Г. Савинова, появление антропоморфных сюжетов на самусьской керамике связано с влиянием окуневского искусства в период его расцвета [25. С. 44–47], что более вероятно. В отличие от окуневских образов, боковые лучи у самусьских антропо-

морфов приняли вид прямых линий, реже – ямок, что также свидетельствует об аллохтонности данной категории образов. «Рога» также показаны схематично – прямыми линиями, центральное вертикальное наголовье часто оканчивается условной развилкой в виде дуги, иногда представлено контурной треугольной фигурой, моделирующей вертикальный центральный «отросток» окуневских личин. Единичные факты присутствия в самусьской керамике личин с радиальными лучами могут также объясняться влиянием со стороны окуневской культуры Среднего Енисея. Но не исключен культурный импульс с территории Горного Алтая, тем более что вектор его распространения в северном направлении последовательно маркирован находкой костяного идольчика на р. Чумыш (Кораблик-1) [26], солнцеголовыми антропоморфами в петроглифах Томской и Тутагальской писаниц [2. Табл. 12; 10. Рис. 18], предметами мелкой пластики в крохалевакских захоронениях в г. Новосибирске [27, 28]. С влиянием окуневских традиций связано и преобладание горизонтального и комбинированного мотивов в «татуировке» самусьских личин.

Нельзя сказать, что самусьское искусство формировалось исключительно под влиянием извне. Параболоидный контур личин, показанный на хорошо обозначенной шее, не характерен для изобразительных традиций соседних регионов, как и внешнее оформление в виде равнозначных трех «рогов». Самусьское влияние прослеживается в петроглифическом искусстве Ангары и Прибайкалья. Показательным примером является изображение трехрогого «шамана» на писанице Манзя на р. Ангаре [15. Табл. 9, 16]. В окуневском искусстве оно проявилось на примере фронтально-симметричных фигур и параболоидных масок-личин. Особенно ярко маркирует самусьское влияние изображение антропоморфа на Шалаболинской писанице [29. Табл. 3, 4]. Не исключено, что появление «тейской» группы окуневских личин также связано с распространением самусьских изобразительных традиций. И.В. Ковтун расширяет «самусоидный» круг окуневских антропоморфных образов, куда включает многие личины с равнозначными тремя прямыми вертикальными «отросками-рогами» [10. Рис. 15].

Надо полагать, что признаки, характерные для слабо самусьских антропоморфных образов, формировались на местной основе. На вопрос, что лежит в основе иконографии параболоидных контуров, пока трудно ответить однозначно, но нельзя отрицать, что данная трактовка головной части антропоморфов не потеряла своей актуальности и в последующую эпоху раннего железа. Достаточно обратить внимание на

личины, отраженные в металлопластике и на керамических сосудах кулайской культуры [2. Табл. 72; 30]. Соответственно, подобные факты являются дополнительным аргументом в пользу автохтонности данного инварианта в самусьском искусстве.

Заключение

Появление личин в творчестве Восточной и Западной Сибири – явление в большей степени стадияльное в социально-экономическом и культурном развитии человеческого общества, когда уже в эпоху неолита на смену зооморфным объектам культа начинают появляться антропоморфные образы, напоминающие человеческое лицо [31]. В разных регионах они приняли свои доминирующие очертания: сердцевидные (Ангара), параболоидные (Обь), округлые (Енисей), которые наполнялись внешними и внутренними деталями, маркирующими как базовые черты в иконографии образов, так и инокультурные вариации.

Сложно отрицать превалирующую роль монументального творчества по отношению к мобильному искусству в отражении базовых позиций мировоззрения древнего населения. Поэтому, по нашему мнению, генерирующую роль в развитии искусства в обозначенных областях Сибири сыграл окуневский очаг древнего творчества на Среднем Енисее. В основе окуневского искусства лежат местные неолитические художественные традиции, на которые наложились культурные «инновации» пришлого афанасьевского населения. Культурный симбиоз не только обновил основы миропонимания, но и породил феномен окуневского искусства, которое оказало заметное влияние на культуру древнего населения соседних территорий Сибири.

Отсутствие долговечного материала для фиксации художественным языком моделей мироздания, мифических сюжетов и объектов поклонения спровоцировало массовое тиражирование их на мобильных носителях в западносибирском регионе. Производственно-культовым центром таковых, видимо, являлось местонахождение Самусь-IV. Возможно, это был сакральный центр, который играл коммуникативную роль для интеграции социума, с одной стороны, и трансляции идей за пределы ойкумены через сюжеты керамических изделий – с другой.

На примере антропоморфных образов можно проследить кардинальные изменения в мировоззрении древних социумов Сибири, особенности их художественной культуры, векторы межкультурных контактов в эпоху неолита – ранней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2001. 184 с.
2. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск, 2009. 256 с. (Труды Музея археологии и этнографии Сибири; т. II).
3. Молодин В.И. Еще раз о хронологии и датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 4–25.
4. Савинов Д.Г. Некоторые аспекты теоретического изучения петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 150–161.
5. Заика А.Л. Принципы классификации антропоморфных образов (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Homo Eurasicus у врат искусства. СПб., 2009. С. 307–325.
6. Заика А.Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 62–75.

7. Заика А.Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск : Красноярск. гос. пед. ун-т., 2013. 178 с.
8. Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 202–212.
9. Ковтун И.В. Петроглифы Висящего камня и хронология томских писаниц. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1993. 140 с.
10. Ковтун И.В. Хронология главной плоскости Тутальской писаницы // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2020. Вып. 11. С. 13–44.
11. Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. Steinstelen der Okunev-Kultur. Mainz : von Zabern, 2002. 238 S.
12. Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2006. 236 с.
13. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики). // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука, 1978. С. 88–118.
14. Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 157–190.
15. Заика А.Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 330–342.
16. Заика А.Л., Степанов Н.С., Матвеев В.Е. Новые петроглифы Ангары (предварительное сообщение) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2015. Вып. VII. С. 135–149.
17. Заика А.Л. Сердцевидные личины в петроглифах Оужной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 35–51.
18. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М. : Искусство, 1972. 257 с.
19. Поляков А.П., Есин Ю.Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017. Т. I. С. 340–345.
20. Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас-Хазаа // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 9–52.
21. Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. Абакан : Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 2010. 184 с.
22. Заика А.Л. Образ мамонта в искусстве древних и традиционных культур Северной Азии // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 2 (2). С. 95–103.
23. Бобров В.В., Волков П.В., Герман П.В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 76–84.
24. Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В. Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалевских и самусьских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017. Т. I. С. 269–274.
25. Савинов Д.Г. О стратиграфии окуневского искусства // Искусство бронзового века. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2015. С. 19–53.
26. Грушин С.П., Кокшенев В.В. Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 35–48.
27. Басова Н.В., Постнов А.В., Заика А.Л., Молодин В.И. Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 4. С. 53–65.
28. Заика А.Л., Басова Н.В., Постнов А.В. Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. М. ; Кемерово, 2018. С. 123–130.
29. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск : Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1985. 192 с.
30. Полосмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск : Наука, 1991. 92 с.
31. Заика А.Л. Антропоморфные личины и «неолитическая революция» в культуре древних народов Северной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. 2009. Т. 8, вып. 3. С. 98–112.

Alexander L. Zaika, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: zaika_al@mail.ru

ANTHROPOMORPHIC FACES IN THE ANCIENT ART OF WESTERN AND EASTERN SIBERIA

Keywords: ancient art; petroglyphs; anthropomorphic faces.

The subject of this research is anthropomorphic images in the form of a human face (masks), which are recorded in the monumental (rock paintings, statues) and mobile art of the ancient peoples of Western and Eastern Siberia in the Neolithic-Early Bronze Age. The article discusses the genesis of local artistic traditions, interregional cultural contacts. In Western Siberia, a large number of images of masks of anthropomorphic figures were recorded on ceramics of the Samus culture. According to the results of stylistic analysis, a semicircular contour of masks prevails here. In Eastern Siberia, images of masks are common among the rock paintings of the Angara. Most looks have a heart-shaped outline. The borderland (Middle Yenisei) has the largest number of anthropomorphic images. They are recorded both among the rock paintings and on the statues of the Okunev culture. Many masks of the Okunev culture have a rounded outline with different entourage.

Each region had its own artistic tradition origins. On the example of anthropomorphic images, close intercultural ties can be traced. They are reflected in the iconography of the masks. The art of Okunev culture had a strong influence on the artistic traditions of neighboring regions. In the art of Western Siberia, it can be traced on the example of the external design of masks of anthropomorphic figures: “horns”, central vertical line / triangular contour, “sun” rays. On the Angara - on the example of the horizontal manner of “tattooing” masks. The Angara traditions can be traced in the art of the Okunev and Samus cultures by the example of masks with a heart-shaped outline. The influence of the art of the Samus culture is marked by the presence of semicircular masks on anthropomorphic figures, the presence of three identical lines of “horns” among the petroglyphs of the Lower Angara and the Middle Yenisei.

The appearance of masks in the ancient art of Eastern and Western Siberia is a stage phenomenon in the socio-economic and cultural development of human society, when already in the Neolithic era anthropomorphic images resembling a human face began to appear to replace zoomorphic objects of worship. It was a revolutionary event: frontal projection onto the plane of a person's body and face. This tradition was born on a Neolithic basis. It received artistic embodiment first on organic media (wood, bone, leather, etc.), and later on stone.

In the Early Bronze Age, sacred centers were marked with statues (Middle Yenisei), boulders, rocks with petroglyphs (Angara). In Western Siberia, one of the sacred centers was the settlement Samus-IV. The lack of monumental, durable carriers of sacred information led to the mass production of ceramics with anthropomorphic images. The plots of the decoration of vessels illustrate the basic positions of the worldview, mythical plots, the appearance of objects of worship. The iconography of images was formed both on a local basis and under the influence of other cultures.

Using the example of anthropomorphic images, one can trace the cardinal changes in the worldview of the ancient societies of Siberia, the features of their artistic culture, vectors of intercultural contacts in the Neolithic-Early Bronze Age.

REFERENCES

1. Kovtun, I.V. (2001) *Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noy i Severo-Zapadnoy Azii* [Fine arts traditions of the Bronze Age in Central and Northwest Asia]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura* [Ancient Art of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Molodin, V.I. (1993) Eshche raz o khronologii i datirovke Turochakskikh pisanits (nekotorye problemy khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti petroglifov Yuzhnoy Sibiri) [The chronology and dating of the Turochak writings (some problems of chronology and cultural affiliation of the petroglyphs of Southern Siberia) (revised)]. In: Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (eds) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [Culture of Ancient Peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 4–25.
4. Savinov, D.G. (2009) On the interpretation of Central Asian and South Siberian rock art. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2(38). pp. 150–161. (In Russian).
5. Zaika, A.L. (2009) Printsipy klassifikatsii antropomorfnykh obrazov (po materialam petroglifov Nizhney Angary) [Principles of classification of anthropomorphic images (based on petroglyphs of the Lower Angara)]. In: Okladnikova, E.A. (ed.) *Homo Eurasicus u vrat iskusstva* [Homo Eurasicus at the Gates of Art]. St. Petersburg: Asterion. 307–325.
6. Zaika, A.L. (2012) Face images in the Lower Angara rock art. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(49). pp. 62–75. (In Russian).
7. Zaika, A.L. (2013) *Lichiny Nizhney Angary* [The Lower Angara Face Images]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
8. Savinov, D.G. (1997) K voprosu o formirovaniy okunevskoy izobrazitel'noy traditsii [On the formation of the Okunevo art tradition]. In: Savinov, D.G. & Podolsky, M.L. (eds) *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [The Okunevo Collection. Culture. Art. Anthropology]. St. Petersburg: Petro-Rif. pp. 202–212.
9. Kovtun, I.V. (1993) *Petroglify Visyashchego kamnya i khronologiya tomskikh pisanits* [Petroglyphs of the Hanging Stone and the Chronology of the Tomsk carvings]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
10. Kovtun, I.V. (2020) Khronologiya glavnoy ploskosti Tural'skoy pisanitsy [Chronology of the main plane of the Tural Carvings]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomsкая pisanitsa"*. 11. pp. 13–44.
11. Leontiev, N.V. & Kapelko, V.F. (2002) *Steinstelen der Okunev-Kultur*. Mainz: von Zabern.
12. Leontiev, N.V., Kapelko, V.F. & Esin, Yu.N. (2006) *Izveyaniya i stely okunevskoy kul'tury* [Statues and steles of the Okunevo culture]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
13. Leontiev, N.V. (1978) Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoy kul'tury (problemy khronologii i semantiki) [Anthropomorphic images of the Okunevo culture (problems of chronology and semantics)]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti. Neolit i epokha metalla* [Siberia, Central and East Asia in Ancient Times. Neolithic and Metal Era]. Novosibirsk: Nauka. pp. 88–118.
14. Savinov, D.G. (2006) O vydelenii stiley i ikonograficheskikh grupp izobrazheniy okunevskogo iskusstva [On the selection of the Okunevo art styles and iconographic groups of images]. In: Savinov, D.G. & Podolsky, M.L. (eds) *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i ee okruzhenie* [The Okunevo Collection. Culture and its Environment]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 157–190.
15. Zaika, A.L. (2006) Antropomorfnye lichiny Nizhney Angary v kontekste razvitiya naskal'nogo iskusstva Azii [Anthropomorphic faces of the Lower Angara during the development of Asian rock art]. In: Savinov, D.G. & Podolsky, M.L. (eds) *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i ee okruzhenie* [The Okunevo Collection. Culture and its Environment]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 330–342.
16. Zaika, A.L., Stepanov, N.S. & Matveev, V.E. (2015) Novye petroglify Angary (predvaritel'noe soobshchenie) [New petroglyphs of the Angara (a preliminary report)]. In: Mandryka, P.V. (ed.) *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri* [Antiquities of the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 135–149.
17. Zaika, A.L. (2013) Heart-shaped face-masks in petroglyphs of South Siberia. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 1(5). pp. 35–51. (In Russian).
18. Okladnikov, A.P. & Martynov, A.I. (1972) *Sokrovishcha Tomskikh pisanits. Naskal'nye risunki epokhi neolita i bronzy* [Treasures of the Tomsk Carvings. Rock Paintings of the Neolithic and Bronze Age]. Moscow: Iskusstvo.
19. Polyakov, A.P. & Esin, Yu.N. (2017) Kuril'nitsa s antropomorfnyimi izobrazheniyami iz ranneokunevskogo pogrebeniya mogil'nika Itkol-II [A censer with anthropomorphic images from the early Okunevo burial of the Itkol-II burial ground]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. (eds) *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the Fifth (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University. pp. 340–345.
20. Lipsky, A.N. & Vadetskaya, E.B. (2006) Mogil'nik Tas-Khazaa [The Tas-Khazaa burial ground]. In: Savinov, D.G. & Podolsky, M.L. (eds) *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i ee okruzhenie* [The Okunevo Collection. Culture and its Environment]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 9–52.
21. Esin, Yu.N. (2010) *Tayna bogov drevney stepi* [The Secret of the Ancient Steppe Gods]. Abakan: Khakassia Research Institute for Language, Literature and History.
22. Zaika, A.L. (2014) The image of a mammoth in the art of ancient and traditional cultures of North Asia. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University, Historical Studies*. 2(2). pp. 95–103. (In Russian).
23. Bobrov, V.V., Volkov, P.V. & German, P.V. (2010) The Utinka burial. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4(44). pp. 76–84. (In Russian). DOI: 10.1016/j.aecae.2011.02.006
24. Kovtun, I.V., Marochkin, A.G. & German, P.V. (2017) Radiouglerodnye daty i otositel'naya khronologiya seyminsko-turbinskikh, krokhalevskikh i samus'skikh drevnostey [Radiocarbon dates and relative chronology of the Seima-Turbino, Krokhalev and Samus antiquities]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. (eds) *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the Fifth (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University. pp. 269–274.
25. Savinov, D.G. (2015) O stratigrafii okunevskogo iskusstva [On the stratigraphy of the Okunevo art]. In: *Iskusstvo bronzovogo veka* [The Bronze Age Art]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 19–53.
26. Grushin, S.P. & Kokshenev, V.V. (2004) Zakhronenie s antropomorfnoy skulpturoy v Srednem Prichumysh'e [A burial with an anthropomorphic sculpture in the Middle Chumyshye]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [The Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 35–48.
27. Basova, N.V., Postnov, A.V., Zaika, A.L. & Molodin, V.I. (2019) Objects of portable art from a Bronze Age cemetery at Tourist-2. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 47(4). pp. 53–65. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2019.47.4.053-065
28. Zaika, A.L., Basova, N.V. & Postnov, A.V. (2018) Antropomorfnyaya mnogofigurnaya kompozitsiya iz pogrebeniya na poselenii Turist-2 v Novosibirsk [An anthropomorphic multi-figure composition from the burial at the Turist-2 settlement in Novosibirsk]. In: Devlet, M.A. (ed.) *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva* [Fine arts and technological traditions of early art forms]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 123–130.
29. Pyatkin, B.N. & Martynov, A.I. (1985) *Shalabolinskije petroglify* [The Shalabolinsk petroglyphs]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
30. Polosmak, N.V. & Shumakova, E.V. (1991) *Ocherki semantiki kulayskogo iskusstva* [Essays on the Kulai Art Semantics]. Novosibirsk: Nauka.
31. Zaika, A.L. (2009) Anthropomorphous masks and “Neolithic revolution” of the culture of ancient peoples of North Asia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Novosibirsk State University Bulletin*. 8(3). pp. 98–112. (In Russian).

А.Г. Марочкин, П.В. Герман, А.С. Савельева, И.А. Плац, А.В. Веретенников

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИКРОРАЙОНЫ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ХРОНОСТРАТИГРАФИИ НА ЮГЕ ТОМЬ-ЧУЛЫМЬЯ (НЕОЛИТ–ПАЛЕОМЕТАЛЛ–СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области – Кузбасса в рамках научного проекта № 20-49-420005 р_а.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассмотрены проблемы археологического микрорайонирования на юге Томь-Чулымья. Обосновано выделение пяти археологических микрорайонов (АМР), включающих разновременные комплексы: на стыке Среднего и Нижнего Притомья (Новоромановский АМР), лесостепной части бассейна р. Яи (Яйский АМР), лесных пространств в нижнем течении р. Кии (Колеульский АМР), лесостепных ландшафтов среднего течения р. Кии (Среднекийский АМР), лесостепных северо-восточных предгорий Кузнецкого Алатау (Тисульский АМР). Сравнительный анализ локальных культурно-хронологических схем удостоверяет роль южного Томь-Чулымья как контактной зоны древних и средневековых культур.

Ключевые слова: неолит; бронзовый век; ранний железный век; Средневековье; культурная хроностратиграфия; археологические микрорайоны; контактная зона; южное Томь-Чулымье; Обь-Енисейское междуречье.

Томь-Чулымье является частью Обь-Енисейского междуречья, самобытного субрегиона на стыке Западной и Восточной Сибири. В археологическом аспекте эта территория выступала контактной зоной Верхнеобского и Среднеенисейского центров древних и средневековых культур. Южное Томь-Чулымье, находясь в центре субрегиона, занято про-

странствами Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи. Они разделены северными отрогами Кузнецкого Алатау, но не изолированы. Корреляция древностей этой территории фундаментально значима для археологического моделирования процессов этнокультурного взаимодействия по линиям запад–восток и север–юг.

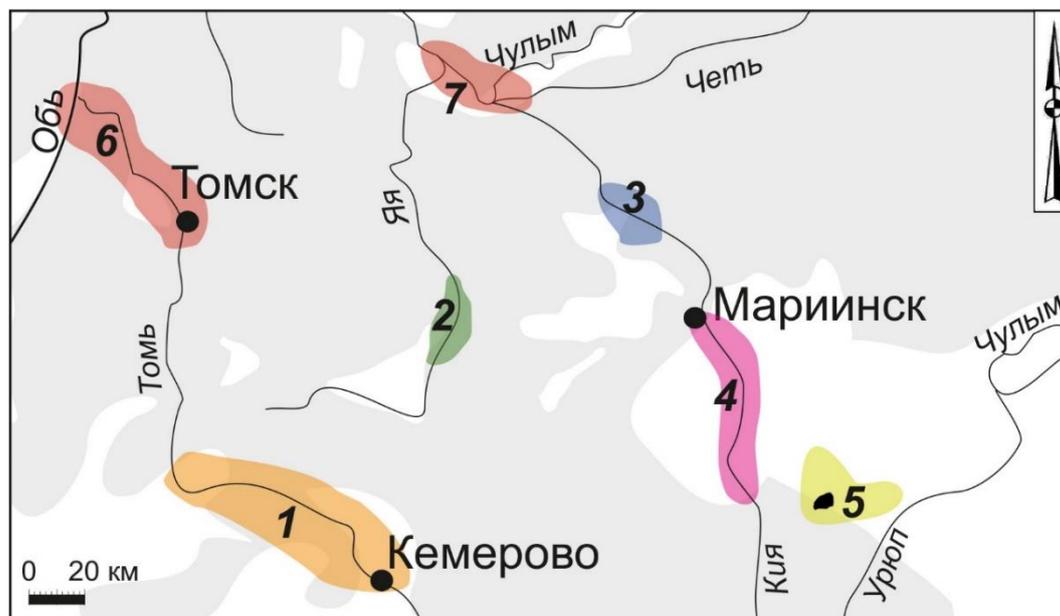

Рис. 1. Карта археологических микрорайонов (АМР) юга Томь-Чулымья:

1 – Новоромановский АМР; 2 – Яйский АМР; 3 – Колеульский АМР; 4 – Среднекийский АМР; 5 – Тисульский АМР; 6 – концентрация памятников в Томском Приобье; 7 – концентрация памятников зырянской группы в устьях рек Яи и Кии

Для построения сравнительной культурно-хронологической схемы южного Томь-Чулымья целесообразно выделение археологических микрорайонов (АМР) как мест концентрации археологических памятников разных типов и культурно-хронологической принадлежности. Этот метод апробирован в сибирской археологии (см. обзор: [1. С. 7–68]). Изучение АМР южного Томь-Чулымья ставит задачей получение локальных культурно-хронологических колонок. В перспективе (при сопоставлении с материалами сопредельных комплексов) это решает задачу по созданию интегрированной культурно-хронологической схемы, пригодной для экстраполяции на прилегающие районы Обь-Енисейского междуречья.

Картографирование археологических объектов юга Томь-Чулымья выявляет пять зон их концентрации, образующих «дугу», с запада на восток огибающую северные отроги Кузнецкого Алатау (рис. 1, 1–5). Все предлагаемые к выделению АМР приурочены к определенным участкам долин разных рек или к озерным системам, имеющим ландшафтно-экологическое своеобразие. Очевидна их связь с другими концентрациями исследованных археологических объектов через «рассеянные» памятники. Например, с выразительными памятниками

Томского Приобья и объектами зырянской группы в устьях Кии и Яи (см. рис. 1, 6, 7) или памятниками Назаровской котловины, а также комплексами Среднего Притомья. С запада на восток последовательность обозначенных АМР выглядит следующим образом.

1. Новоромановский АМР локализован по берегам р. Томи от г. Юрга до пос. Известкового (рис. 1, 1; 2). Общая площадь – до 250 км². Находится на стыке низинных лесостепных и лесных ландшафтов Нижнего Притомья, лесостепных водоразделов Кузнецкой котловины и западных скалистых предгорий черневой тайги Кузнецкого Алатау. Особенность – большая протяженность вдоль течения реки – до 60 км, при небольшой ширине. Количество памятников – свыше 40, с преобладанием разновременных стоянок и поселений. Известны 6 курганных могильников и 1 городище. Репрезентативные материалы ряда раскопанных стоянок в совокупности формируют хроностратиграфическую колонку, включающую комплексы большинства периодов голоцена (таблица). В данной работе не привлекаются дискуссионные материалы восьми петроглифических комплексов (Нижнетомский очаг наскального искусства, по И.В. Ковтуну).

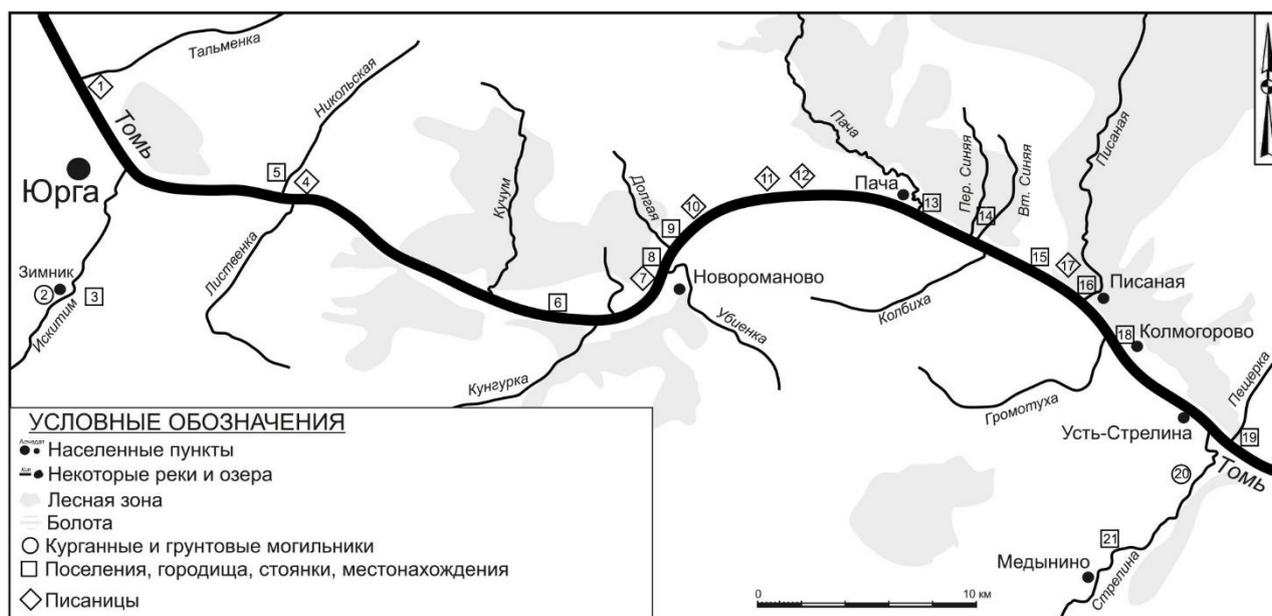

Рис. 2. Карта памятников Новоромановского археологического микрорайона:

1 – Тутальская Писаница; 2 – к.м. Зимник I; 3 – пос. Зимник II; 4 – Никольская писаница; 5 – пос. Усть-Никольская I; 6 – пос. Крылово I; 7 – Вторая Новоромановская писаница, Висящий камень; 8 – пос. Новороманово I, Новороманово II; 9 – пос. Долгая I–II, гор. Долгая IV, к.м. Долгая III, V–VII; 10 – Новоромановская писаница; 11 – писаница Крутая II; 12 – писаница Крутая I; 13 – пос. Пача I–IV; 14 – пос. Синеречка I–III; 15 – пос. Ивановка I–II; 16 – пос. Писаная I–IV, Бондарева гора–I; 17 – Томская писаница; 18 – гор. Колмогорова, пос. Заимка I; 19 – пос. Пещерка I–II; 20 – к.м. Медынино; 21 – пос. Медынино I. Сокращения: к.м. – курганный могильник, гор. – городище, пос. – поселение, с.н. – случайные находки, г.п. – грунтовое погребение, м/н – местонахождение

Подробная периодизация древностей Новоромановского АМР уже становилась предметом специальной работы, что позволяет ограничиться ее общей характеристикой. В частности, в АМР зафиксированы комплексы раннего неолита (изылинский тип), позднего неолита – энеолита (кипринско-ирбинский культурный массив, единичные инфильтрации игрековской, большемысской и артынской (?) посуды), ранней – начала развитой бронзы (крохалевская культура, самумская культура, комплексы с гребенчато-ямочной

керамикой), поздней бронзы и переходного времени к эпохе раннего железа (ирменская культура, тургайские комплексы с крестово-штамповой керамикой), скифского периода раннего железного века (кижировская-шеломокская культура), кулайского периода раннего железного века (саровский этап кулайской культуры), раннего Средневековья (лачиновская культура, стоянки с верхнеобской керамикой), развитого Средневековья (курганные могильники верхнеобской культуры (?), стоянки басандайской культуры).

Синхронистическая таблица археологических комплексов неолита – палеометалла – Средневековья южного Томь-Чулымья

Период / Хронология	НОВОРОМАНОВСКИЙ АМР	ЯЙСКИЙ АМР	КОЛЕУЛЬСКИЙ АМР	СРЕДНЕКЕЙСКИЙ АМР	ТИСУЛЬСКИЙ АМР	
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	XIII-XVI вв. н.э.	Верхнебская культура (Зимник), Басандайская культура (Долгая-1, Долгая-4)	Чулымские торки (Уколь)			
	IX-XII вв. н.э.					
	IV-VIII вв. н.э.	Лачиновская культура (Пача 4, Ивановка-1, Новороманово-2)	Лачиновская (Колеул I, ст.)	К.м.: Шестаково II, Шестаково III, Михайловский; пос.: Михайловское, Шестаково I, II, XI	Таштынская культура Утинка I пос.	
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК	II в. до н.э. - III в. н.э.	Ивановка-1	Кулайская культура Лысая гора I	Колеул I к.м.	Тазарская культура К.м.: Алчедат I-III, Курск-Смоленка I, II, Усть-Серта I, II, Шестаково I; пос.: Кубаево I-IV, Шестаково I-VII, XI, XIII-XV, XVII, XVIII, XX-XXIII, Чумай IV, VIII, IX; Тазаро-кулайские комплексы I, II. Тазаро-кулайские комплексы (Шестаково I к.м., Арчак I пос., Шестаково II пос., Арчак - с.н.)	
	VII-III вв. до н.э.	Кижировская/шеломанская культура (Долгая-1, Ивановка-1, Томская писаница, Синеречка-2)	Кижировская/шеломанская (Лысая гора I); ? (Мальцево III к.м.; Яя IV, Мальцево IV)	? (Колеул III к.м.)	Тургайская культура (Смирновский ручей 1)	
	IX-VIII вв. до н.э.	Ирменская культура (?), тургайская культура (Долгая-1, Синеречка-1)	? (Мальцево I, II)	Эпоха поздней бронзы (Таежная Александровка I, II)	Молчановская культура (Соколиное гнездо; Устье-Кожуха I); Лузавская культура (Арчак I пос., Смирновский ручей 1); Ирменская культура (Шестаково XIX); Еловская культура (Шестаково XIX)	Молчановская культура (Тамбар III, Б. Берчикуль 7); Лузавская культура (Городок II, М. Берчикуль 4, Тамбар III); Ирменская культура (Тамбар III)
	XIII-X вв. до н.э.	Ирменская культура (Медрино-1, Писаная-1, Долгая-1, Синеречка-1)				
ЭПОХА БРОНЗЫ	XVI-XIV вв. до н.э.	Крохалевская культура (?), Комплексы гребенчато-ямочной керамики (Новороманово-2)	? (Мальцево I, II)		Андроновская культура Михайловский к.м. Тамбар III	
	XXII-XVII вв. до н.э.	Самусьская культура, Крохалевская культура (Долгая-1, Долгая-2, Ивановка-1, Ивановка-2, Синеречка-1)				
	XXXI-XXIII вв. до н.э.	Ранняя бронза (Яя II, IV, VI, Новониколаевка)	? (Колеул I, ст.)	Комплексы гребенчато-ямочной керамики (Шестаково XIX, Шестаково IIIа, Устье-Кожуха I), Третьяковский тип (Шестаково XIX, Устье-Кожуха I)	Третьяковский тип (Тамбар III); Самусьская культура (Утинка II мог.); Окулевская культура (Б. Берчикуль 1 п., Тамбар III); Комплексы гребенчато-ямочной керамики (Б. Берчикуль 4, 7)	
	XIII-XXXII вв. до н.э.	Кипринско-ирбинско-новокусовские комплексы, игрековские и большемыские комплексы, артыньские (?) материалы (Новороманово-2, Долгая-1, Писаная-4)				Смирновский тип (Смирновский ручей 1)
НЕОЛИТ	Ш-ХШ вв. до н.э.	Изыльинские комплексы (Долгая-1; Писаная-4)			Карасевский тип (Тамбар III)	

Колонка свидетельствует о вовлеченности Новоромановского АМР в этнокультурные процессы, имевшие место на территории Кузнецкой котловины и Томского Приобья во все периоды. Абсолютная хронология комплексов (см. таблицу) неолита, позднего неолита-энеолита, начала развитой бронзы, поздней бронзы, кулайского периода раннего железного века фундирована серией радиоуглеродных дат.

2. Яйский АМР локализован в лесостепном бассейне р. Яя, в ее нижнем течении (рис. 1, 2; 3). Общая площадь – около 70 км². Территория микрорайона включает участок нижнего течения р. Яя от границы горно-таежного и лесостепного ландшафтов в устье р. Алчедат до д. Арышево. Микрорайон включает 21 объект археологии, которые локализованы на коренных берегах и надпойменных террасах р. Яя и ее притока р. Золотой Китат.

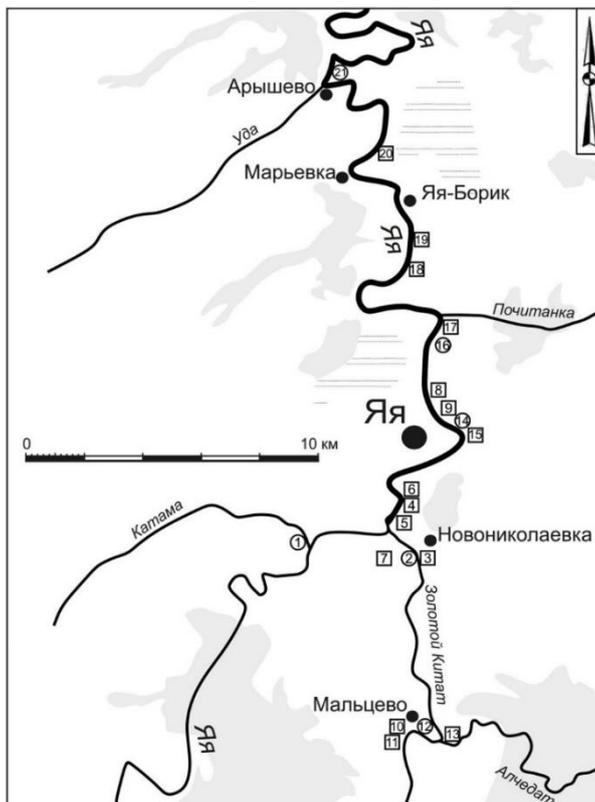

Рис. 3. Карта памятников Яйского археологического микрорайона:

1 – к.м. у устья р. Катама; 2 – к.м. Яя I; 3 – ст. Золотокитатская (Новониколаевка); 4 – ст. Яйская (Яя I); 5 – ст. Яя II (Двухслойная); 6 – ст. Яя III; 7 – м/н Яя IV; 8 – м/н Яя V; 9 – м/н Яя VI; 10 – ст. Мальцево I; 11 – ст. Мальцево II; 12 – к.м. Мальцево III; 13 – ст. Мальцево IV; 14 – к.м. Шигарское I; 15 – пос. Шигарское II; 16 – г.м. Яя VII; 17 – пещерная ст. Нижнепочитанка; 18 – ст. Алексеевский; 19 – ст. Яя-Борик; 20 – ст. Марьевская; 21 – к.м. Арышево

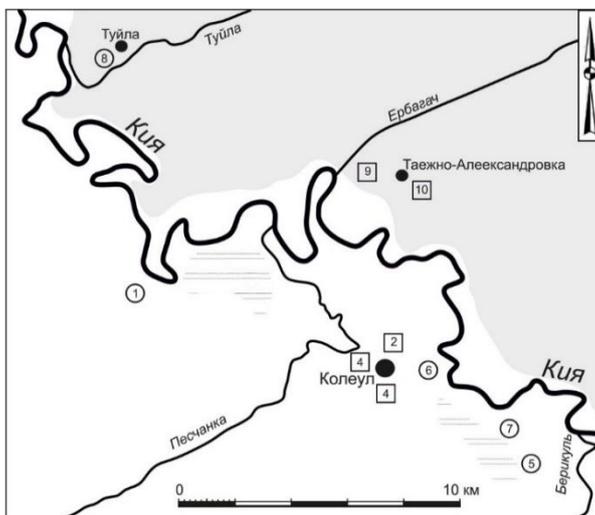

Рис. 4. Карта памятников Колеульского археологического микрорайона:

1 – к.м. Уколь; 2 – ст. Колеул I; 3 – пос. Колеул III; 4 – гор. Колеул II; 5 – к.м. Колеул I; 6 – к.м. Колеул II; 7 – к.м. Колеул III; 8 – к.м. Туйла; 9 – пос. Таяжная Александровка I; 10 – пос. Таяжная Александровка II

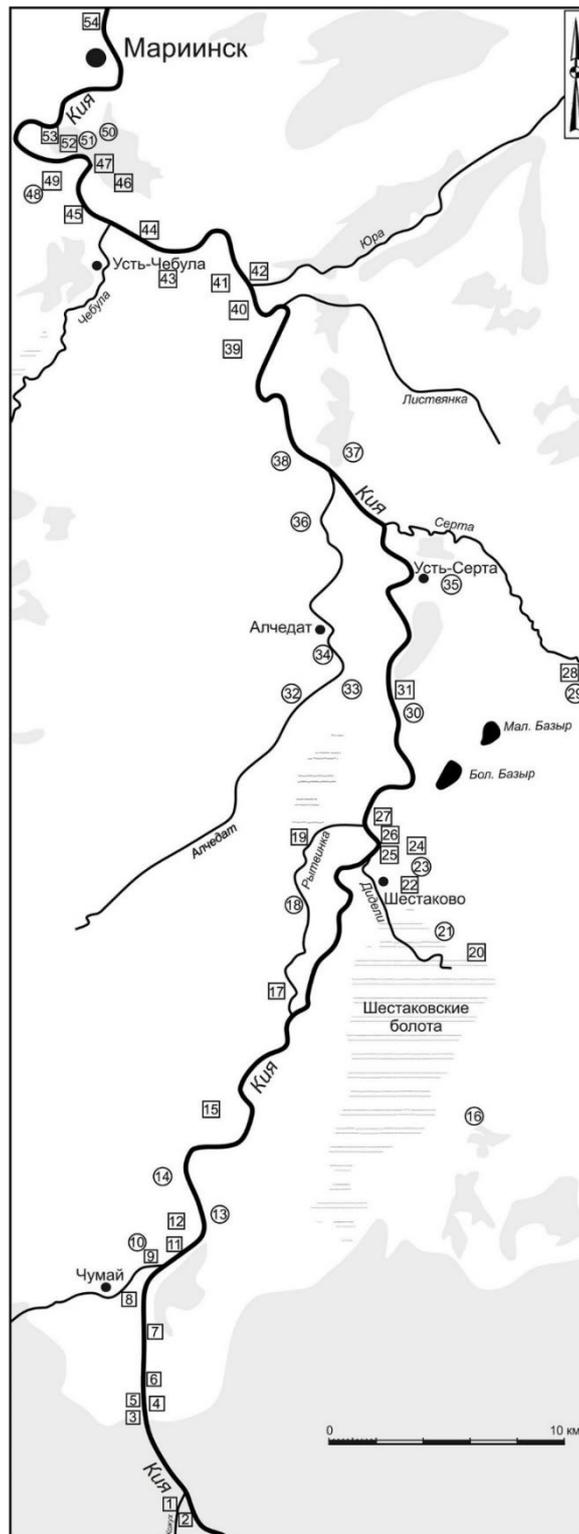

Рис. 5. Карта памятников Среднекиевского археологического микрорайона

1 – ст. Кожух I; 2 – ст. Устье Кожуха I; 3 – пос. Смирновский ручей III; 4 – пос. Чумай I; 5 – пос. Смирновский ручей I, II; 6 – пос. Чумай II, IX, пос. Бухтай; 7 – ст. Чумай VI, м/н Чумай X; 8 – пос. Чумай XI; 9 – пос. Чумай IV; 10 – к.м. Чумай I; 11 – пос. Чумай V; 12 – ст. Чумай III; 13 – к.м. Кураково; 14 – к.м. Чумай II; 15 – пос. Чумай VIII; 16 – к.м. Новоивановский; 17 – пос. Михайловское; 18 – к.м. Михайловка; 19 – пос. Михайловка II; 20 – пос. Шестаково IV, V; 21 – к.м. Шестаково III; 22 – гор. Шестаково I, пос. Шестаково II, III, VI, XVI, XVII, м/н Шестаково VIII, XXIII; 23 – к.м. Шестаково I, II; 24 – пос. Шестаково XX; 25 – пос. Шестаково XVIII, XIX, ст. Шестаково XXII, м/н Шестаково XXIV; 26 – пос. Шестаково VII, X, ст. Шестаково IX; 27 – пос. Шестаково XI, XIII–XV, XXI, ст. Шестаково XII; 28 – пос. Курск-Смоленка I, II; 29 – к.м. Курск-Смоленка I, II; 30 – к.м. Усть-Серта I; 31 – пос. Усть-Серта; 32 – о.к. Алchedat I; 33 – о.к. Алchedat III; 34 – к.м. Алchedat II; 35 – к.м. Усть-Серта II; 36 – о.к. пос. Дмитриевка; 37 – к.м. Подаик; 38 – о.к. Балка; 39 – пос. Кубаево IV; 40 – пос. Кубаево II, III; 41 – пос. Кубаево I; 42 – пос. Раевка; 43 – пос. Усть-Чебула I, II; 44 – пос. Арчекас V, VI; 45 – о.к. Усть-Чебула; 46 – пос. Арчекас II; 47 – гор. Арчекас I; 48 – к.м. Баим; 49 – пос. Усть-Чебула III, Баим; 50 – к.м. Арчекасские курганы II; 51 – к.м. Арчекасские курганы I; 52 – пос. Соколиное Гнездо; 53 – пос. Арчекас III, IV; 54 – пос. Мариинск I, гор. Мариинск II

Часть выявленных объектов относится к неолитическому времени (Яйский неолитический могильник, Яя-Борик, Яя I–VI, Новониколаевка, Марьевка). Надежная культурно-хронологическая атрибуция неолитических памятников затруднена. Показательна историография Яйского могильника, отнесенного как к кузнецко-алтайской культуре, так и к раннему этапу развития верхнеобской неолитической культуры (см. обзор: [2]). Отдельные находки на неолитических объектах могут быть датированы периодом ранней бронзы.

Материалы раннего железного века представлены на культовом месте Лысая гора I (раскопки С.К. Кузнецова 1891, 1892 гг.). Здесь обнаружено в общей сложности 232 предмета из бронзы, железа, кости и камня, большую часть из них составляют наконечники стрел (152 экз.). Среди последних присутствуют типичные кулайские экземпляры, а среди предметов мелкой пластики некоторые аналогичны изделиям кижировской / шелокомской культуры.

Известные на р. Яя курганные захоронения средневекового времени (Лысая гора II, Арышево, Шигарское) также исследованы С.К. Кузнецовым в конце XIX в., но их материалы полностью утрачены.

3. Колеульский АМР локализован по залесенным берегам нижнего течения р. Кия в окрестностях с. Колеул Мариинского района (рис. 1/ 3; 4). Площадь – до 200 км².

Колеульский АМР включает 10 памятников, в том числе 4 поселения, 4 курганных могильника, 1 стоянку и 1 городище. Культурная атрибуция и датировка этих комплексов, известных в историографическом аспекте, остаются дискуссионными. Исключение составляют материалы раннего и позднего Средневековья. Сохранившиеся в фондах МАЭС ТГУ находки со стоянки Колеул I имеют отчетливо выраженное сходство с валиковой керамикой лачиновской культуры Притомья. К периоду позднего средневековья (чулымские тюрки, XVI–XVII вв.) относится курганный могильник Уколь (раск. В.В. Радлова в 1863 г.).

4. Среднекийский АМР занимает участки среднего течения р. Кии на западе Мариинской лесостепи (рис. 1, 4; 5). Территория протяженностью около 90 км и площадью до 540 км² включает более 80 памятников, в том числе стоянки, городища, курганные могильники. Особенностью этого АМР выступает внутренняя локализация комплексов в три группы – Арчекаскую (Мариинскую), Шестаковскую и Чумайскую, что ранее предлагалось И.И. Баухником и А.М. Кулемзиным. Каждая группа наделена определенным своеобразием, но картографирование объектов Среднекийского АМР позволяет говорить об условности их разграничения.

У с. Чумай преобладают поселения и стоянки, могильники единичны. Преобладают объекты эпох неолита и бронзы. По результатам исследования стоянки Смирновский ручей I В.В. Бобровым выделен смирновский тип керамики периода ранней бронзы. Материалы развитой и поздней бронзы отражают связь местного населения с племенами таежных районов Томь-Чулымья (степановская, молчановская, тургайская культуры). Местонахождения раннего железного века малочисленны (поселения Чумай VIII и IX,

могильники Чумай I и II). Расположение чумайского участка на границе горно-таежного и лесостепного ландшафтов в среднем течении р. Кии характеризует его в качестве территории промысловой охоты и добычи рудных ископаемых в древности.

Возле с. Шестаково открыто более 30 археологических памятников, датированных от эпохи палеолита до Средневековья. Территория участка представляет собой микрокотловину в долине р. Кия с расположением разновременных комплексов в пойме, на террасе и по обоим коренным берегам. Шестаковская группа продолжает цепочку археологических объектов, тянувшихся с незначительными разрывами от с. Чумай. Датировка большинства из них ранним железным веком (тагарская и таштыкская культуры) подтверждает непрерывность освоения лесостепного пространства р. Кии в этот период.

С севера Среднекийский АМР замыкают археологические объекты урочища Арчекас и окрестностей г. Мариинска. Преобладают поселения, датированные ранним железным веком и периодом поздней бронзы. Особенностью арчекаской группы является «культовый» характер ряда объектов, расположенных на вершинах высоких холмов [3]. Комплексы с крестово-штамповой керамикой эпохи поздней бронзы и «тагаро-кулайский» образ многочисленных предметов мелкой пластики подтверждают роль данной территории для контактов древних насельников таежного и лесостепного Нижнего Причулымья и Мариинской лесостепи.

5. Тисульский АМР включает памятники по берегам р. Тисульки в окрестностях пос. Тисуль, серию археологических комплексов в районе оз. Большой Берчикуль и Малый Берчикуль, а также группу объектов по берегам р. Дудет в окрестностях с. Тамбар (рис. 1, 5; 6). Ландшафт АМР лесостепной с горно-таежными останцами, вплотную примыкает к северным отрогам Кузнецкого Алатау. Площадь микрорайона – до 350 км², включает более 50 памятников.

Памятники неолита рассеяны вдоль южной границы микрорайона, по горным останцам у озер Утинка, Малый и Большой Берчикуль – более 10 стоянок и производственных площадок. На многослойном поселении Тамбар III исследовано разрушенное неолитическое погребение [4].

На разновременном поселении Тамбар III получены материалы развитой (окуневская, андроновская культуры) и поздней бронзы (лугавская и ирменская культуры) с количественным преобладанием последних. Калибровка радиоуглеродных датировок лугавско-ирменских комплексов подтверждает их абсолютную хронологию в пределах XIII–XI вв. до н.э. Одна радиоуглеродная дата с калиброванным диапазоном XXVII–XXII вв. до н.э. получена нами для погребения периода развитой бронзы (самусьская культура) на оз. Утинка, но она нуждается в проверке.

Большинство комплексов Тисульского АМР относится к тагарской культуре. Радиоуглеродные даты по комплексам сопредельных территорий (Большепичугинские курганы) свидетельствуют о заселении этого района тагарскими племенами не позднее VI в. до н.э. Среди материалов позднетагарских поселений и в по-

гребальных комплексах присутствуют фрагменты и целые сосуды с кулайской орнаментацией. Данная ситуация аналогична наблюдениям В.В. Боброва на объектах раннего железного века Среднекийского АМР. Таштыкские материалы представлены на разновременном поселении Утинка I, и их верхнюю дату, согласно современной хронологии, следует доводить до VII в. н.э. Постташтыкские комплексы в Тисульском АМР неизвестны.

Сравнение локальных культурно-хронологических схем (таблица) обнажает проблему разности источниковедческих потенциалов. Наиболее репрезентативными выступают Новоромановский и Среднекийский АМР. Колеульский и Яйский АМР являются наименее изученными. Продолжение систематических разведок и стационарных раскопок во всех АМР (особенно в Яйском и Колеульском) предстает первоочередной задачей.

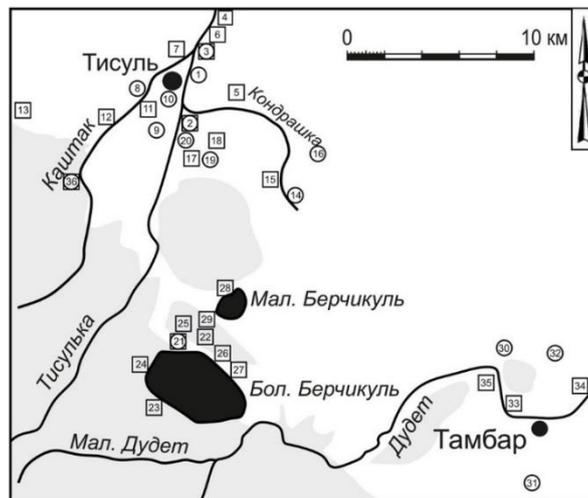

Рис. 6. Карта памятников Тисульского археологического микрорайона:

1 – пос. Тисуль I, III, IV; 2 – пос. Тисуль II, к.м. Тисуль III; 3 – о.к. Тисуль IV, пос. Тисуль V, X–XII; 4 – пос. Тисуль VI; 5 – пос. Тисуль VII; 6 – пос. Тисуль VIII, IX; 7 – пос. Тисуль XIII; 8 – к.м. Тисуль I; 9 – о.к. Тисуль II; 10 – о.к. Тисуль V; 11 – пос. Цимлянское озеро I, II; 12 – пос. Каштак; 13 – пос. Пустое Озеро; 14 – к.м. Кондрашка; 15 – пос. Кондрашка; 16 – к.м. Кондрашка II; 17 – пос. Утинка I; 18 – пос. Утинка II, III; 19 – к.м. Утинка; 20 – г.п. Утинка II; 21 – пос. и к.м. Большой Берчикуль I; 22 – пос. Большой Берчикуль II; 23 – пос. Большой Берчикуль III; 24 – пос. Большой Берчикуль IV–VII; 25 – пос. «Рыбхоз»; 26 – ст. Большой Берчикуль VII; 27 – ст. Большой Берчикуль VIII; 28 – пос. Малый Берчикуль I, III; 29 – пос. Малый Берчикуль II; 30 – к.м. Выселки I, II; 31 – о.к. Тамбар I; 32 – к.м. Тамбар II; 33 – пос. Тамбар I; 34 – пос. Тамбар II; 35 – пос. Тамбар III; 36 – Каштакское городище и рудник, к.м. Каштак I

В 1990-х гг. В.В. Бобровым установлена тенденция взаимного проникновения верхнеобских и среднеенисейских этнокультурных ареалов для эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области. Эта концепция прошла проверку новыми источниками [5]. Отметим, что проблема переходного времени от бронзы к раннему железу требует дальнейшей проработки ввиду дискуссионности выделения позднеирменских комплексов в Кузнецкой котловине и соотношения тургайских и молчановских комплексов в Мариинской лесостепи. Попытки подтверждения или отрицания данной тенденции для неолита пока малопродуктивны из-за лакунарности источников и неразработанности подходов к культурно-хронологической интерпретации раннеголоценовых комплексов Мариинской лесостепи. Единственным ис-

точником в установлении культурно-типологических связей между западными и восточными памятниками неолита Томь-Чулымья остаются отдельные предметы каменного инвентаря грунтовых погребений [4].

Проведенная корреляция показывает сохранение обозначенной тенденции для раннего железного века: сначала при формировании «синтетической» кижировской (шеломокской) культуры, а затем при вовлечении всего Томь-Чулымья в этнокультурный ареал поднекулайских сообществ. Для средневековых материалов эта тенденция скорее нехарактерна из-за устойчивости таштыкской традиции в Мариинской лесостепи. Но и в данном случае находки лачиновской (?) керамики в Колеульском АМР ставят вопрос о некоторой связанности происходивших процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. Омск : Наука, 2011. 196 с.
2. Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень : Изд-во ИПСО СО РАН, 2003. 168 с.
3. Бобров В.В., Боброва Л.Ю. Бронзовые предметы скифского времени с горы Арчекас (Кузнецкий Алатау): новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 2. С. 78–86.
4. Бобров В.В. Каменные орудия разрушенных погребений из северных предгорий Кузнецкого Алатау // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2015. С. 139–145.
5. Бобров В.В. Периодизация эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М., 2008. С. 288–291.

Alexey G. Marochkin, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: comcon@yandex.ru

Pavel V. German, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lithos@mail.ru

Anna S. Savel'eva, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru

Ivan A. Plats, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ivanplac@yandex.ru

Alexey V. Veretennikov, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: veretennikov862@gmail.com

ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICTS AND PROBLEMS OF CULTURAL CHRONOSTRATIGRAPHY IN THE SOUTH OF TOM-CHULYM REGION (NEOLITHIC–PALEOMETAL–MIDDLE AGES)

Keywords: Neolithic; Bronze Age; Early Iron Age; Middle Ages; cultural chronostratigraphy; archaeological microdistricts; contact zone; southern Tom-Chulyum region; Ob-Yenisei interfluve.

Tom-Chulyum region is a part of the Ob-Yenisei interfluve at the junction of Western and Eastern Siberia. In ancient times and the Middle Ages it was a zone of interaction between the Upper Ob, Middle Yenisei and Middle Ob centers. Mapping of archaeological sites in the south of Tom-Chulyum region reveals 5 archaeological microdistricts (AMD). The AMD's sites correlate with the complexes of neighboring territories. Local AMD materials are a basis of the integrated cultural-chronological scheme of the Tom-Chulyum region.

1) Novoromanovskiy AMD is located along the banks of the Tom River from the Yurga town to the Izvestkovyy village. The total area is up to 250 sq. km (stretched along the river for 60 km). It is located at the junction of low-lying forest-steppe and forest landscapes of the Lower Tom region, the forest-steppe watersheds of the Kuznetsk depression and the western rocky foothills of the black taiga of the Kuznetsk Alatau. The number of archaeological sites is over 40. The dating of the various complexes includes Early Neolithic, Late Neolithic – Eneolithic, Early and beginning of the Developed Bronze Age, Late Bronze Age, transitional period from the Bronze Age to the Early Iron Age, Early Iron Age (Scythian and Kulai periods), Early Middle Ages, Developed Middle Ages.

2) Yayskiy AMD is located in the forest-steppe basin of the river Yaya, in its middle course. Its area is up to 150 sq. km. It includes 21 archaeological sites. AMD contains settlement and burial complexes, but cultural interpretation and absolute chronology of the most of them needs clarification.

3) Koleul'skiy AMD is located along the forested banks of the lower reaches of the Kiya river in the vicinity of the Coleul village of the Mariinsky district. Its area is up to 200 sq. km. It includes 9 archaeological sites. Their cultural interpretation is debatable.

4) Srednekiyskiy AMD occupies the western end of the Mariinsky forest-steppe, in the middle reaches of the Kiya river. Its area is up to 540 sq. km. It includes more than 80 archaeological sites. The complexes are conditionally localized into three groups – Archemasskaya (Mariinskaya), Shestakovskaya and Chumayskaya. Historiographically archaeological sites of the Upper Paleolithic, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age (most of the monuments) and the Middle Ages have identified.

5) Tisulsky AMD includes monuments along the banks of the Tisulka river, in the area of the lakes Big Berchikul and Small Berchikul, on the banks of the Dudet river. The landscape is forest-steppe with mountain-taiga outliers. Its area is up to 350 sq. km. It includes more than 50 archaeological sites. It contains the materials of the Mesolithic, Neolithic, Bronze and Early Iron Ages.

The correlation of local cultural and chronological schemes confirms the role of the southern Tom-Chulyum region as a contact zone of ancient and medieval cultures of the Upper Ob and Middle Yenisei regions. The emergence of this trend was recorded in the Neolithic complexes, multiplied in the Bronze Age and remained at a high level throughout the entire Early Iron Age, gradually died out by the Middle Ages.

REFERENCES

1. Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S., Sherstobitova, O.S. & Garkusha, M.A. (2011) *Arkheologicheskie mikrorayony Zapadnoy Sibiri: teoriya i praktika issledovaniy* [Archaeological microdistricts of Western Siberia: theory and practice of research]. Omsk: Nauka.
2. Zakh, V.A. (2003) *Epokha neolita i rannego metalla lesostepnogo Prisa-lair'ya i Priob'ya* [The Neolithic and Early Metal Age of the Forest-Steppe near-Salair and Ob Region]. Tyumen. 168 p.
3. Bobrov, V.V. & Bobrova, L.Yu. (2017) Newly Discovered Bronze Artifacts of the Scythian Period from Archemass Mountain, Kuznetsk Alatau. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 45(2). pp. 78–86. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2017.45.2.078-086
4. Bobrov, V.V. (2015) Kamennye orudiya razrushennykh pogrebeniy iz severnykh predgoriy Kuznetskogo Alatau [Stone tools of destroyed burials from the northern foothills of the Kuznetsk Alatau]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archeology of Western Siberia and Altai: An Interdisciplinary Research]. Barnaul: Altai State University. pp. 139–145.
5. Bobrov, V.V. (2008) Periodizatsiya epokhi bronzy Kuznetsko-Salairskoy gornoy oblasti [Periodization of the Bronze Age of the Kuznetsk-Salair mountain region]. In: Derevyanko, A.P. & Makarov, N.A. (eds) *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the 2nd (18th) All-Russian Archaeological Congress]. Moscow: RAS. pp. 288–291.

УДК 902

DOI: 10.17223/19988613/69/6

Д.О. Осипов, С.Ф. Татауров, М.П. Чёрная, С.С. Тихонов, Н.С. Бен

КОЛЛЕКЦИЯ ОБУВИ ТАРЫ В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2018 г.)

Исследование проведено при поддержке гранта РНФ «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена характеристике кожаной обуви Тары из раскопок 2018 г., пополнившей собрание «археологической кожи» города. Основная часть материала происходит из напластований конца XVIII – конца XIX в. В отличие от материалов раскопок прежних лет в коллекции 2018 г. практически полностью отсутствуют детские и женские модели, а также поршни и обувь аборигенного населения. При этом обнаруженные сапоги характеризуются единообразием кроя и соответствуют форменной военной обуви. Концентрация фрагментов форменных сапог около руин срубной постройки, атрибутированной как дом инвалидной команды г. Тары и отмеченной на исторических планах города, объясняется тем, что жившие в ней солдаты-ветераны занимались ремонтом обуви.

Ключевые слова: Тара; дом тарской инвалидной команды; конец XVIII – конец XIX в.; коллекция «археологической кожи»; форменные сапоги; ремонт обуви.

Исследование посвящено анализу коллекции «археологической кожи» из раскопок в острожной части Тары в 2018 г., проведенных совместной экспедицией Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН и Национального исследовательского Томского государственного университета. Раскопки продолжили исследования застройки острога, начатые в предыдущие годы.

Стратиграфические характеристики культурного слоя раскопа 2018 г. следующие. Мощность достигает 1,5–1,8 м, но около 0,5 м составляет современная отсыпка грунта. Датировка культурных напластований укладывается в период с конца XVIII в. до рубежа

XIX–XX вв. Заключение сделано на основе стратиграфических наблюдений, анализа собрания монет (88 ед.), большинство которых (70%) отчеканено во время правления Павла I, Александра I и Николая I, а также таких датирующих находок, как фрагменты китайского фарфора периода Цяньлун. Стратиграфически слои, предшествовавшие напластованиям середины XIX – начала XX в., разделены дорожками из кирпича, которые датируются по клеймам тарского купца Е. Волкова, начавшего кирпичное производство на рубеже XIX / XX вв. Единичные находки более раннего времени попали в слой случайно при перемещении грунта в ходе хозяйственной деятельности жителей Тары.

Рис. 1. Фрагмент карты г. Тары с указанием места расположения раскопа 2018 г. На карте в непосредственной близости от раскопа указаны здания: 31 – духовное правление; 32 – сборный дом инвалидной команды; 33 – городская богадельня; 35 – дом пожарных инструментов [1]

Соотнесение исследуемого участка с исторической застройкой на картах Тары 1775 и 1861 гг. позволило идентифицировать выявленные в 2017 и 2018 гг. объекты и уточнить исторический контекст коллекции археологической кожи, собранной около руин одной из построек. На обследуемой территории располагалось несколько исторических объектов (рис. 1): здание богадельни (33), сборный дом тарской инвалидной команды (32), справа от богадельни – дом пожарных инструментов (35), слева от инвалидного дома – здание духовного управления (31). Перечисленные здания на карте 1861 г. указаны с пометкой «упраздняются». В последней четверти – конце XIX в. они были снесены, и на этом участке поставили пожарное депо и каланчу.

Рис. 2. Основание постройки, входившей в комплекс зданий сборного дома инвалидной команды с сеними и кирпичной дорожкой

Максимальная концентрация обрезков кожи и обувных деталей зафиксирована в заполнении избы и в непосредственной близости от нее. Кроме ремесленных отходов в постройке и на прилегающей к ней территории найдены ремесленные инструменты: обломок сапожного ножа и два фрагмента точильных камней со следами заточки шильев и игл (рис. 3, 6–8).

Сырьем для изготовления подавляющей части изделий служила кожа крупного рогатого скота, дубленая с помощью растительных экстрактов. В отличие от коллекций 2012–2014 гг. [2. С. 112–120], на данном участке отсутствуют изделия из ровдуги. Вкладыши жесткого задника и простилки¹ между подошвой и стелькой изготовлены из бересты. Для крепления каблучных фликов и деталей подошв использованы деревянные шпеньки. С целью утепления кожаной обуви применялись вкладные войлочные стельки. Каблуки подбиты врезными и набивными железными подковками² (см. рис. 3, 1, 3–5) и гвоздиками с выпуклой шляпкой диаметром 10 мм. В единственном числе имеется железный геленок (супинатор³), изготовленный в виде двояко-изогнутой пластины (см. рис. 3, 2). Металлические накладные супинаторы, появившиеся

В 2017 г. были раскопаны остатки богадельни. В 2018 г. выявлены руины срубной постройки, по расположению и характеру находок атрибутированной как дом тарской инвалидной команды. Она представляла небольшую избу (2,5 × 2,5 м), в северо-восточном углу которой находился развал печи, под настилом пола небольшой подпол, а с южной стороны были пристроены сени (1,5 × 2,5 м). На публичный характер строения указывала подходящая к сеним с западной стороны дорожка, вымощенная кирпичами с клеймами купца Е. Волкова (рис. 2). Культурный слой с остатками постройки и прилегающей к ней мощеной дорожки по находкам монет и клеймам на кирпичах датируется концом XVIII – концом XIX в.

в конце XVIII в. [3. С. 66], обеспечивали дополнительную жесткость конструкции, предотвращали деформацию каблука, одновременно являясь набойкой в нижней его части.

Анализ раскроя и сборки найденных деталей позволяет заключить, что основная часть имеющихся в коллекции обувных деталей принадлежит высокой обуви (сапогам). На это указывает крой деталей верха, а также тип и расположение швов. Об этом же свидетельствует форма сапожных головок с развитым язычком, по верхнему обрезу которых проходит линия выворотного шва (рис. 4, 1, 4), а также заостренный верх внутренних деталей задников (см. рис. 4, 7). Отсутствие в коллекции голенищ объясняется широко распространенной практикой их вторичного использования.

Наличие рантов (рис. 5, 6, 7) указывает на принадлежность сапог к рантовой⁴ конструкции, изготовленной деревянно-шпилечным методом⁵ крепления деталей низа. Детали низа, кроме подошвы и наборного каблука, включают основную (втачную) кожаную стельку и берестяную простилку (см. рис. 5, 4, 5, 9). Судя по форме кроя сохранившихся сапожных подошв и головок, в исследуемый период доминировали сапо-

ги с тупыми носами, имевшие наборный каблук высотой не более 2,5 см. Единственный сохранившийся прямой деревянный каблук по форме аналогичен наборным. Каблуки со скошенной задней кромкой, характерные для модельной обуви, в коллекции отсут-

ствуют. Детали детской обуви представлены единственной фрагментарно сохранившейся полупарой со стелькой длиной 16,5 см (рис. 6, 3). Согласно европейской (штих-массовой) шкале такая обувь имеет 26-й размер, что соответствует ребенку в возрасте 4 лет.

Рис. 3. Подковка обувная, врезная (1); супинатор железный (2); подковка набивная (3); подковка набивная (4); подковка набивная (5); оселка обломок (6); ножа сапожного обломок (7); оселка обломок (8)

Отдельно стоит описать мужской сапог без голенища, он обнаружен в западной части раскопа и не связан с описанной постройкой (см. рис. 6, 4). Резиновая подошва, скрепленная с верхом алюминиевыми гвоздиками, указывает на значительно более позднюю дату изготовления этой полупары⁶. Об этом же свидетельствует клеймо с буквами «КИ», заключенными в треугольную рамку (см. рис. 6, 4 а). Клеймо маркировало кирзовую обувь, голенище которой изготавливалось из плотной ткани, пропитанной синтетическим каучуком. Цифрами 8 и 61, расположенными рядом с клеймом, обозначены полнота модели⁷ и год ее выпуска (1961). Очевидно, что в слой XIX в. кирзовый сапог попал вместе с переотложенным грунтом.

«Кирза» до сих пор активно используется в качестве дешевого заменителя кожаного голенища. Сапоги с тканевым голенищем, пропитанным смесью парафина, канифоли и яичного желтка, появились в 1904 г. В 1934 г. советские химики Борис Бызов и Сергей Лебедев разработали способ получения дешевого бутадиен-натриевого каучука, которым пропитывалась ткань, приобретая сходство с натуральной кожей. Промышленное же производство «кирзачей», в кото-

рых остро нуждалась армия, сумел наладить Иван Васильевич Плотников, отмеченный за этот вклад Сталинской премией. В конце Великой Отечественной войны кирзовые сапоги носило большинство советских солдат [4. С. 10–11]. Название «кирза» не имеет однозначного толкования. Одни источники связывают его с производителем – **Кировским заводом**, другие – с названием ткани keeseu, из которой поначалу изготавливали тканевую основу для сапожных голенищ [5].

Кроме обувных деталей в коллекции присутствуют обрывок конской упряжи в виде кожаного ремня с железной пряжкой прямоугольной формы (см. рис. 6, 7) и две круглые заплаты, одна из которых, судя по отсутствию шовных отверстий, является заготовкой (см. рис. 6, 5, 6).

Отсутствие обрезков первичного края и срезов с края кожевенного листа указывает на то, что в найденной нами мастерской занимались не изготовлением новых моделей, а исключительно ремонтом старой обуви. Сырьем для ремонта служили вторично использованные детали со следами протертостей и линий швов.

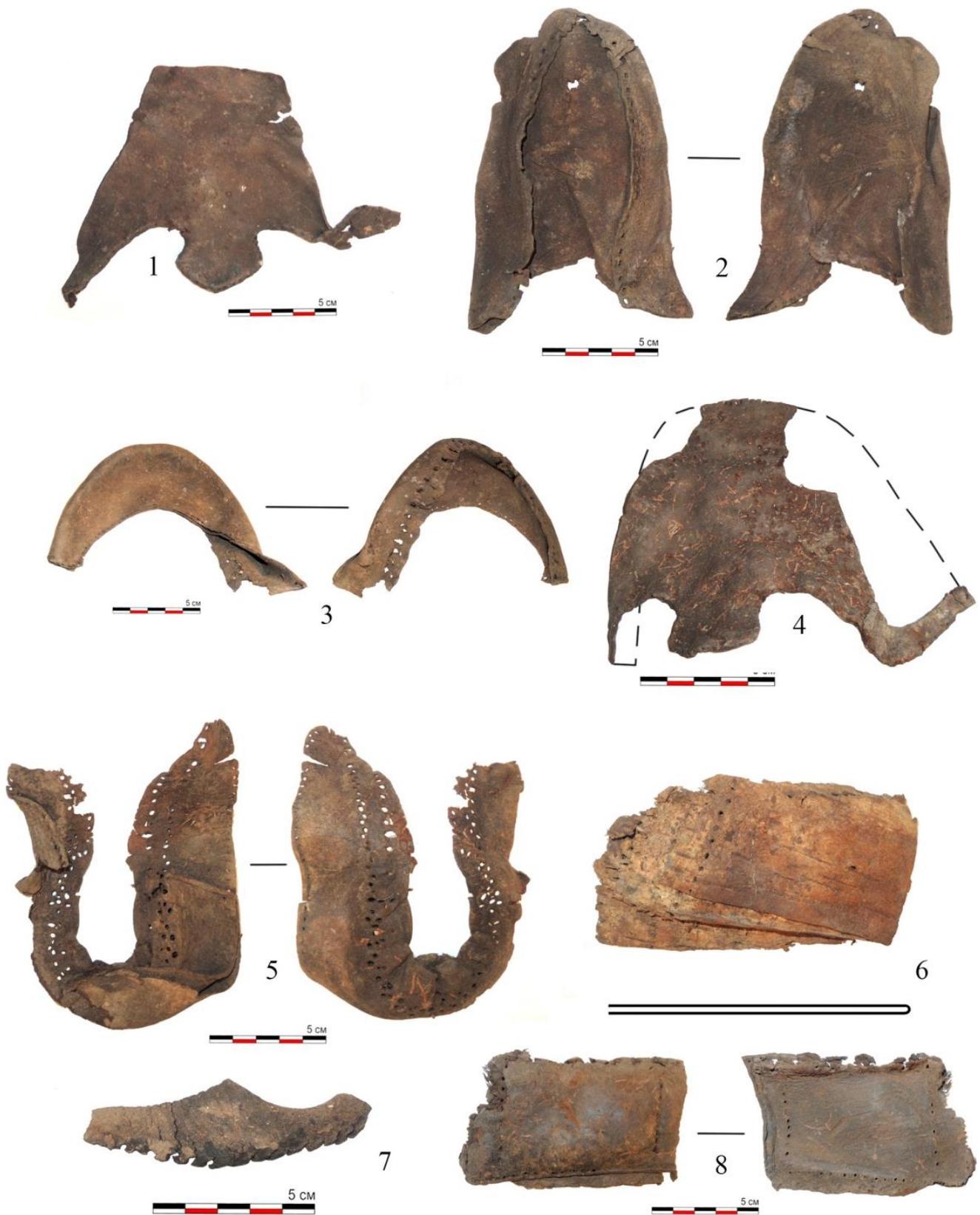

Рис. 4. Головка сапожная (1, 2); накладки на носочную часть головки (3); головка сапожная (4); задник (5); вставка задника (6); внутренняя деталь задника (7); задник, наружная деталь (8)

Рис. 5. Подошва (1); стелька вшивная (2); подошва с фрагментом ранта (3); стелька вшивная (4); простилка берестяная (5); ранта фрагменты (6, 7), подошвы обрывок (8); простилка берестяная (9); подошвы обрывок (10); нижняя часть сапога (11)

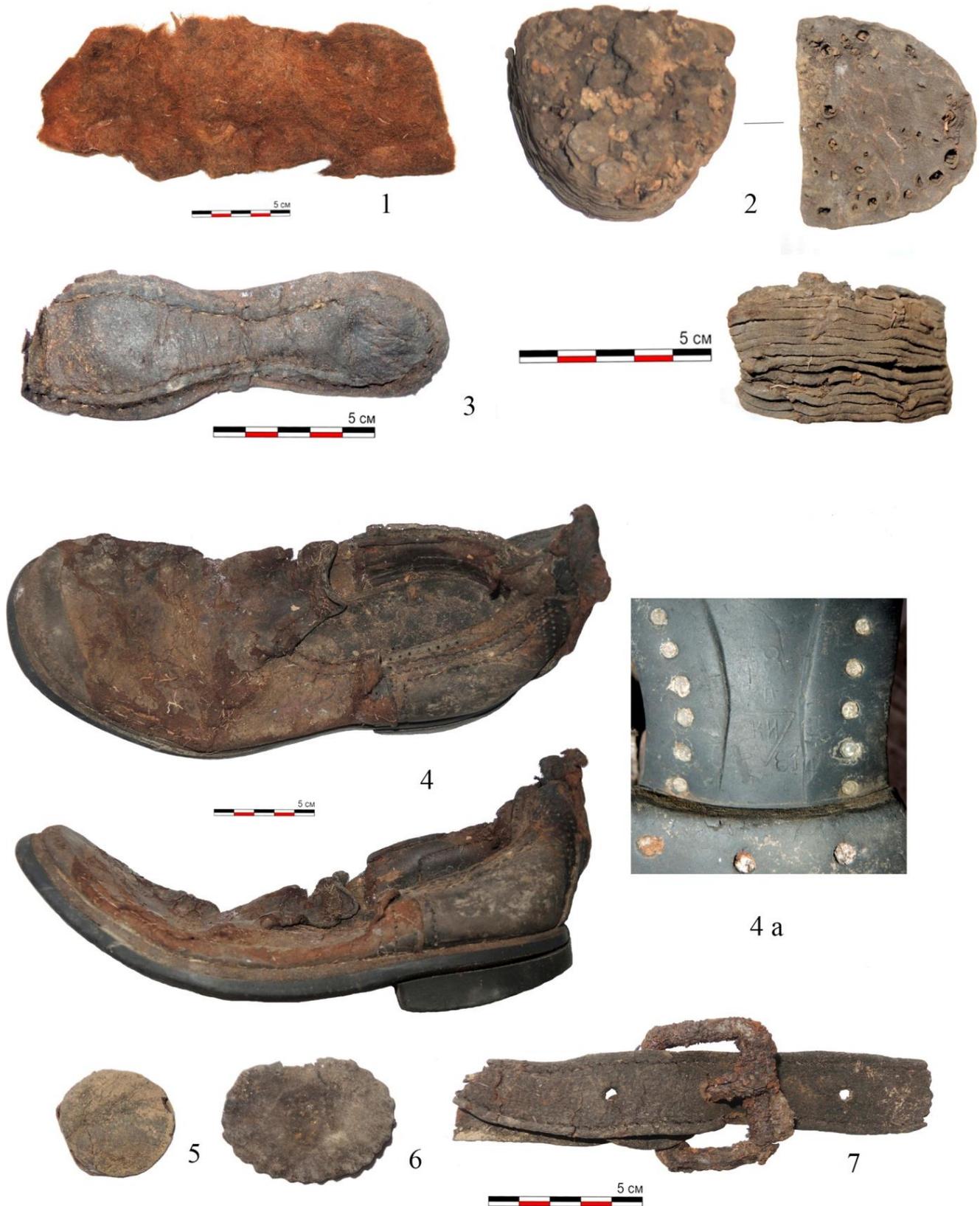

Рис. 6. Стельки войлочной обрывок (1); каблук наборный (2); стелька детская (3); сапог без голенища (4), клеймо (4 а); заготовка под заплатку (5); заплатка (6); ремня обрывок с железной пряжкой (7)

Рис. 7. Обрезки от вторичного кроя

Аккуратные следы проколов, сохранившихся в носочной части подошв, маркируют крепление подметок достаточно профессиональным сапожником. Об этом же свидетельствуют накладки на носочную часть головок, найденные в заполнении мастерской (см. рис. 4, 3). Такими накладками закрывались места порезов или других дефектов, появившихся в носочной части обуви, что позволяло восстановить внешний вид и продлить срок ее использования.

За пределами скопления деталей и обрезков вторичного кроя (рис. 7), маркирующих местоположение сапожной мастерской, были зафиксированы отмеченные выше кожаные заплатки округлой формы. Такие заплатки, как правило, устанавливающиеся на месте протертостей на складках в нижней части голенища, более характерны для так называемого «домашнего» ремонта, не требующего профессиональных навыков.

Анализ представленного в коллекции материала позволяет нам сделать следующие выводы.

– Основная часть обуви, собранной в напластованиях конца XVIII – конца XIX в., представлена сапогами рантовой конструкции на невысоком наборном каблуке. Отличие коллекции 2018 г. от материалов раскопок 2012–2014 гг. [2. С. 112–120] заключается в единообразии кроя найденных сапог при практически полном отсутствии детских и женских моделей, а также поршней и обуви аборигенного населения.

– Локальное скопление в заполнении и в непосредственной близости от срубной постройки обувных деталей, инструментов и обрезков ремесленных отхо-

дов позволяет считать ее сапожной мастерской, специализирующейся на ремонте обуви, поскольку среди ремесленных отходов присутствуют лишь обрезки вторично использованных обувных деталей. Починка сапог включала набивку подметок на подошву, замену каблука, укрепление его железными гвоздиками или обувными подковками, а также частичную замену обувных деталей на месте небольших дефектов (порезов, потертостей).

– При Александре I взамен использовавшихся при Павле I башмаков вся русская пехота была переведена на ношение сапог [6. С. 14]. Согласно источникам, Тарский гарнизонный батальон состоял из четырех гренадерских рот [7. С. 202]. Солдаты и унтер-офицеры, а также нестроевые чины гренадерских полков носили сапоги, поверх которых надевались панталоны с кожаными крагами⁸, застегивающимися на пуговицы [Там же. С. 37].

При тарском гарнизоне существовала инвалидная команда, сборный дом которой в конце XVIII – конце XIX в. располагался на исследуемом участке. В обязанности солдат-инвалидов (внутренней стражи), входило сопровождение арестантов по Сибирскому тракту, надзор за порядком в городе и уезде, тушение пожаров и т.д. [9. С. 95–99]. Крой найденных здесь сапог соответствует высокой обуви солдат и унтер-офицеров батальонов внутренней стражи⁹, изображенных в известном труде А.В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск» [10. Рис. № 1795 и др.] (рис. 8).

Рис. 8. Унтер-офицеры батальонов и полубатальонов внутренней стражи, 1811–1812. [11. С. 89, рис. 23]

– Отсутствие на исследуемом участке аборигенной обуви, а также женских и детских моделей объясняется его расположением на территории инвалидной команды. По-видимому, проживающие здесь солдаты-инвалиды организовали мастерскую, занимавшуюся исключительно ремонтом форменной обуви. Располагая свободным временем, инвалиды нередко организовывали мастерские, а вырученные деньги обращали на собственные нужды [12. С. 604].

– Концентрация археологической кожи внутри и вокруг мастерской и малочисленность находок за ее пределами указывают на стремление поддерживать территорию в чистоте. Для жителей городов проблема санитарной гигиены всегда была актуальной. Воеводские указы и свидетельства вывоза мусора сохранились со времени позднего Средневековья [13. С. 29, 66]. Соблюдения чистоты требовал и военный устав, которому подчинялись инвалидные команды, преобразованные в 1811–1812 гг. в «Корпуса внутренней стражи» [9. С. 95–99].

– Практически вся присутствующая в коллекции обувь сильно изношена и имеет следы ремонта, что

свидетельствует о невысоком социальном статусе и низком материальном положении проживающих здесь ветеранов. Полученные археологические данные согласуются с историческими исследованиями, посвященными системе призрения (социального обеспечения), правительственной и частной поддержке отставных военнослужащих и военных инвалидов [14. С. 200–204].

– На исследованном участке нет фрагментов валяной обуви. Вместо нее для утепления обуви тарчане использовали войлочные стельки, хорошо сохранившиеся в культурном слое. Отсутствие в данной коллекции высокой валяной обуви косвенно подтверждает достаточно позднее распространение валенок, появление которых зафиксировано в Семеновском уезде Нижегородской области лишь в конце XVIII в. [15. С. 67].

Выявление типологических особенностей обувной коллекции 2018 г. стало новым археологическим свидетельством, раскрывающим исторический контекст Тары как поселения, где доля военных всегда была сравнительно высока, а присутствие элементов военного быта отражалось в культурном облике города.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Внутренняя деталь, расположенная между стелькой и подошвой.

² Врезные подковки, бытовавшие в XVII столетии, попали в напластования рубежа XVIII–XIX вв. из нижнего горизонта культурного слоя.

³ Супинатор – внутренняя деталь низа обуви, предназначенная для уменьшения нагрузки на свод стопы и формоустойчивости в области пяточной кости (геленка). Обязательно присутствуют в высококаблукной обуви.

⁴ Рант – деталь обуви в виде кожаной полоски, предназначенной для скрепления втачной стельки с подошвой.

⁵ Крепление деталей низа с помощью тексов – деревянных гвоздиков. Широко используется для изготовления военной обуви. При намокании подошвы деревянные тексы набухают, что увеличивает прочность крепления.

⁶ Процесс получения резины из каучука был запатентован в 1844 г. Чарльзом Гудьиром. Под действием серы при умеренном нагревании каучук приобретал большую прочность и становился менее чувствительным к перепадам температуры. Изделия из резины (вулканизированного каучука) начали быстро завоевывать рынок. Первая обувь на резиновой подошве появилась лишь в 1860-х гг. Современный метод получения алюминия получил промышленное применение только в начале XX в. [4. С. 83].

⁷ В России, согласно ГОСТ 3927–88, для обозначения полноты мужской и женской обуви применяются цифры от 1 до 12 с интервалом 4 мм.

⁸ Краги (нем. *Kragen* – воротник). Многозначное понятие. В данном случае означает плотные кожаные накладки, охватывающие икры ног и голени [8. С. 277].

⁹ Специальное воинское формирование в Российской империи, предназначенное для внутренней службы с полицейскими функциями. Внутренняя стража существовала в России с 1811 г. по 6 августа 1864 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карта города Тары 1861. URL: http://taragorod.ru/_ph/44/164868011.jpg
2. Осипов Д.О. Татауров С.Ф. Тихонов С.С. Чёрная М.П. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 112–120.
3. Алешина Т.С. Историко-культурный потенциал обуви городского типа XVIII – начала XX вв.: производство, торговля, технология, мастера : дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
4. Сандлер Р.А., Ратнер А.Х. Электрометаллургия алюминия и магния. Л. : ЛГИ, 1983. 392 с.
5. Глезер Г.М. Кирза // Химия и жизнь. 2013. № 2.
6. Ульянов И., Королев В. Армия Александра I. Пехота. Обувь. Чулки. Портянки // Старый Цейхгауз. 2011. № 1 (39).
7. Попов С.А. Армейская и гарнизонная пехота Александра Первого. Полковые униформы. М. : Русские витязи, 2010. 288 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Сов. энциклопедия, 1973. 842 с.
9. Колпаков П.А. Становление внутренней стражи Российской империи 1811–1816 гг. Историко-правовой аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). С. 95–99.
10. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1857. Ч. 13. 204 с.
11. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб. : В.С. Балашов и К, 1901. Ч. 13. URL: http://prussia.online/Data/Book/is/istoricheskoe-opisanie-odezhd-i-vooruzheniya-rossijskih-voysk/1900_Viskovatov_13_rs101004073704.pdf
12. Военная энциклопедия / ред. В.Ф. Новицкий. СПб., 1912. Т. X. 642 с.
13. Сорокин А.Н. Благоустройство Древнего Новгорода. М. : О-во историков архитектуры, 1995. 128 с.
14. Щербинина Ю.В. Социальные практики и призрение военных инвалидов в Российской империи в XIX в. // Социально экономические явления и процессы. 2012. № 7–8. С. 200–204.
15. Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. : Материалы охранных археологических исследований. М. : Институт археологии РАН, 2006. 202 с.

Sergey F. Tataurov, Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Mariya P. Chernaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mariakreml@mail.ru

Sergey S. Tikhonov, Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation). E-mail: semchi957@gmail.com

Nadezhda S. Ben, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ben.nadezhda@gmail.com

TARA'S FOOTWEAR COLLECTION IN THE CONTEXT OF URBAN DEVELOPMENT (BASED ON MATERIALS FROM THE 2018 EXCAVATIONS)

Keywords: Tara; house of the Tara veteran team; late 18th – late 19th centuries; collection of "archaeological leather"; uniform boots; shoe repair.

The purpose of the article is to present the results of a typological analysis of leather products collected during excavations in the fortified part of the town of Tara in 2018, and also to attribute a log building with a passage, around which most of the fragments of leather shoes were concentrated, to characterize the historical context of the "archaeological leather" collection.

A comparative historical and cartographic analysis made it possible to identify the remains of the log building, excavated in 2018, with the prefabricated house of the Tara veteran team. According to stratigraphy of bedding, finds of coins, marks on bricks, which paved the path leading to the building, the building itself and the archaeological leather gathered around it dates from the late 18th - late 19th centuries, which is consistent with the data of historical maps.

The typological analysis of the shoe collection yielded the following results.

The type of raw material and the technology of its processing have been established: leather of cattle, tanned with the help of plant extracts.

The technological features of the manufacture of the found footwear are revealed. They are as follows: the use of birch bark inserts in the hard back and between the sole and the insole, the use of wooden pins for attaching heel flakes and soles details, lining of heels with mortised or nailed heeltaps and studs, use of an iron shank (insole support) to give additional rigidity to the structure and prevent deformation of the heel, attachment of felt insoles for the insulation of leather shoes.

Judging by the cutting and assembly features, the main part of the collection's shoe parts belongs to high shoes - welted boots. The cut of the preserved boot soles and heads indicates the dominance of the collection of boots with blunt noses and stacked heels up to 2.5 cm high.

On the basis of the conducted research the authors came to certain conclusions.

The difference between the 2018 collection and the materials of the excavations of previous years is the uniformity of the cut of the found boots, appropriate high jackboots for soldiers and non-commissioned officers of the internal guard battalions.

The local accumulation of shoe parts, tools and scraps of recycled craft waste around the log building allows us to consider it a shoemaker's workshop, specializing in the repair of footwear. Tara veteran soldiers who lived in the house of the disabled team organized a workshop, where quite professionally engaged in the repair of uniform shoes.

The location of the study site on the territory of the veteran team explains the absence of aboriginal footwear in the 2018 collection, as well as women's and children's models that are present in the footwear collections of previous excavations.

Attribution of the building as the home of the Tara veteran team and features of the collection, represented by uniform shoes, reveal the historical context of Tara as a town, in the appearance and life of which there were military features up to the end of the 19th century.

REFERENCES

- Anon. (1861) *Karta goroda Tary 1861* [Map of the city of Tara 1861]. [Online] Available from: http://taragorod.ru/_ph/44/164868011.jpg
- Osipov, D.O., Tataurov, S.F., Tikhonov, S.S. & Chernaya, M.P. (2017) Leather Artifacts from Tara, Western Siberia, Excavated in 2012–2014. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 45(1). pp. 112–120. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2017.45.1.112-120
- Aleshina, T.S. (1997) *Istoriko-kul'turnyy potentsial obuvi gorodskogo tipa XVIII – nachala XX vv.: proizvodstvo, trgovlya, tekhnologiya, mastera* [Historical and cultural potential of urban footwear of the 18th – early 20th centuries: production, trade, technology, craftsmen]. History Cand. Diss. Moscow.
- Sandler, R.A. & Ratner, A.Kh. (1983) *Elektrometallurgiya alyuminiya i magniya* [Electrometallurgy of Aluminum and Magnesium]. Leningrad: Leningrad State Institute.
- Glezer, G.M. (2013) Kirza [Tarpaulin]. *Khimiya i zhizn'*. 2.
- Ulyanov, I. & Korolev, V. (2011) *Armiya Aleksandra I. Pekhota. Obuv'. Chulki. Portyanki* [The Army of Alexander I. Infantry. Footwear. Stockings. Footcloths]. *Staryy Tseykhgauz*. 1(39). pp. 14–22.
- Popov, S.A. (2010) *Armeyskaya i garnizonnaya pekhota Aleksandra Pervogo. Polkovye uniformy* [Army and garrison infantry of Alexander the First. Regimental uniforms]. Moscow: Russkie vityazi.
- Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1973) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Kolpakov, P.A. (2015) Formation of the interior guard of the Russian Empire in 1811–1816: historical and legal aspect]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 10(3). pp. 95–99. (In Russian).
- Viskovatov, A.V. (1857) *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk s risunkami, sostavlennoe po vysochayshemu povelению* [Historical Description of Clothing and Weapons of the Russian Troops with Drawings, Compiled by the Highest Order]. Vol. 13. St. Petersburg: [s.n.].
- Anon. (1901) *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk* [Historical Description of Clothing and Weapons of the Russian Troops]. Vol. 13. St. Petersburg: V.S. Balashov i K. [Online] Available from: http://prussia.online/Data/Book/is/istoricheskoe-opisanie-odezhdi-i-vooruzheniya-rossiyskih-voysk/1900_Viskovatov_13_rsl01004073704.pdf
- Novitsky, V.F. (ed.) (1912) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 10. St. Petersburg: [s.n.].
- Sorokin, A.N. (1995) *Blagoustroystvo Drevnego Novgoroda* [Improvement of Ancient Novgorod]. Moscow: O-vo istorikov arkhitektury.
- Shcherbinina, Yu.V. (2012) *Sotsial'nye praktiki i prizrenie voennykh invalidov v Rossiyskoy imperii v XIX v.* [Social practices and charity of military invalids in the Russian Empire in the 19th century]. *Sotsial'no ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Socio-Economic Phenomena and Processes*. 7-8. pp. 200–204.
- Osipov D.O. (2006) *Obuv' moskovskoy zemli XII–XVIII vv.: Materialy okhranykh arkheologicheskikh issledovaniy* [The Moscow footwear of the 12th – 18th centuries. Proceedings of Protective Archaeological Research]. Vol. 7. Moscow: RAS.

УДК 903.23

DOI: 10.17223/19988613/69/7

Н.Ф. Степанова, Л.М. Плетнёва, Д.Ю. Рыбаков

ОСОБЕННОСТИ ИСХОДНОГО СЫРЬЯ И ФОРМОВОЧНЫХ МАСС ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ ИЗ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ

Исследование выполнено в рамках госзадания: тема № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях», и научного проекта при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Представлены результаты изучения керамики раннего железного века и Средневековья из Томского Приобья в рамках историко-культурного подхода. Установлено, что использовали слабо- и нежелезные пластичные глины, добавление дресвы – местная традиция, шамота – принесенная. Смешение навыков отражают рецепты с двумя минеральными примесями. Рецепт «глина + органика» встречается редко. Видимо, он связан с немногочисленной группой населения на исследуемых памятниках. Выбор минеральных примесей зависел от доступности камня.

Ключевые слова: керамика; Томское Приобье; ранний железный век; Средневековье; формовочные массы; исходное сырье.

Значение керамики для изучения истории древнего населения сложно переоценить. К сожалению, пока еще не всю информацию, заложенную в этом источнике, удастся получить. Одним из наиболее перспективных методов изучения керамики остается историко-культурный подход, разработанный А.А. Бобринским [1, 2]. В рамках этого подхода в последние годы проводится изучение разновременной керамики с территории Томского Приобья [3–9 и др.]. Основная задача технико-технологического анализа керамики из Томского Приобья сводится к выявлению специфики культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс). Рассматриваются вопросы выделения культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс, выявления местных и неместных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, признаки смешения традиций. С помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C изучаются изломы и поверхности образцов. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливаются степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей. Для определения степени ожелезненности глин образцы дополнительно нагреваются в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850°C. В результате изучения керамики из других регионов отмечена зависимость выбора минеральных примесей для добавления в формовочные массы от ландшафтных характеристик территорий [10]. Поскольку Томское Приобье по физико-географическим характеристикам отличается от равнинного, горного и предгорного Алтая, то одной из целей было выявление традиций в выборе минеральных примесей в этом ре-

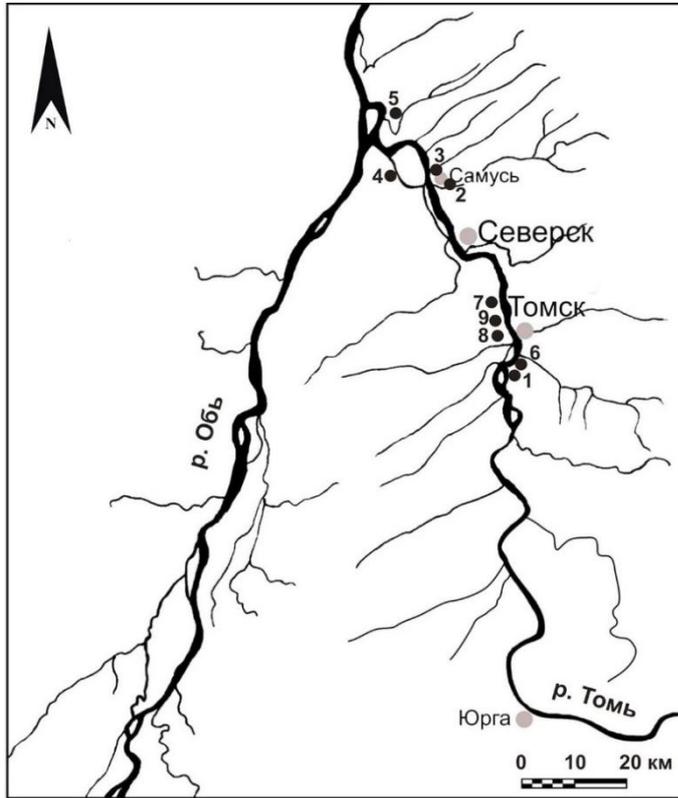
гионе и зависимости их от наличия поблизости от местонахождения памятников камня, пригодного для дробления и добавления в формовочные массы.

Томское Приобье расположено в лесостепной зоне на стыке двух крупных природно-географических поясов и характеризуется расчлененным рельефом. Практически везде в основании террас р. Томи имеется обломочный материал из гальки, гравия, реже валунов с разнородным песком, представляющим собой отложения руслового типа. На малых реках в правобережье Томи также имеются редкие скальные выходы [11]. Большинство памятников раннего железного века региона (поселения Шеломок I, II, III, Самусь II, Кижирова II, Аникино I), керамика с которых была изучена в рамках историко-культурного подхода, расположено на высоких – третьей и четвертой – террасах, которые подходят близко к реке. На левом берегу Томи памятников значительно меньше (городище Тимирязево III). Отдельную группу представляют городище Мурашка и поселение Мурашка IV, самые северные из них, которые расположены на борových гривах в устье рч. Шишкобойка. Некоторые памятники, например Шеломок I, II, III, находятся на близком расстоянии друг от друга, не превышающем 0,5 км. Максимальное расстояние между наиболее удаленными памятниками, расположенными на рч. Шишкобойка, и урочищем Шеломок – не более 80 км.

Всего исследовано около 400 фрагментов от разных сосудов с 16 памятников (рис. 1, 1). Однако часть образцов не имела свежих сломов и не была дополнительно нагрета в муфельной печи, поэтому в данной работе использованы материалы с 11 памятников, образцы с которых дополнительно нагревались. Различаются и количественные показатели по разным па-

мятникам: например, с поселения Шеломок II исследовано 136 образцов, а с Самусь II – всего 5 [5, 7]. Однако для предварительной общей характеристики культурных традиций в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс в Томском Приобье в древности полученных данных достаточно. Важным для составления представления о культурных традициях остаются и такие факторы, как, например, то, что на поселении Кижирово II исследованы разновременные

комплексы, а памятники Шеломок I, II, III расположены в непосредственной близости. Это позволяет рассмотреть в культурно-хронологическом срезе навыки в изготовлении посуды на одной территории и сделать более объективные выводы. Основное количество изученных сосудов относится к шеломокской культуре (VI–IV вв. до н.э.) и томскому варианту кулайской культурно-исторической общности (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.), меньшее – к эпохе Средневековья (IX и XVII вв.).

- 1 - поселения Шеломок I, II, III;
- 2 - поселение Самусь II;
- 3 - поселение Кижирово II;
- 4 - городище Рюзаково (Духовое);
поселение Рюзаково (Духовое);
- 5 - городище Мурашка,
поселение Мурашка IV;
- 6 - поселение Аникино I;
- 7 - городище Тимирязево III;
- 8 - Кисловский комплекс
археологических памятников;
- 9 - городище Тоянов Городок

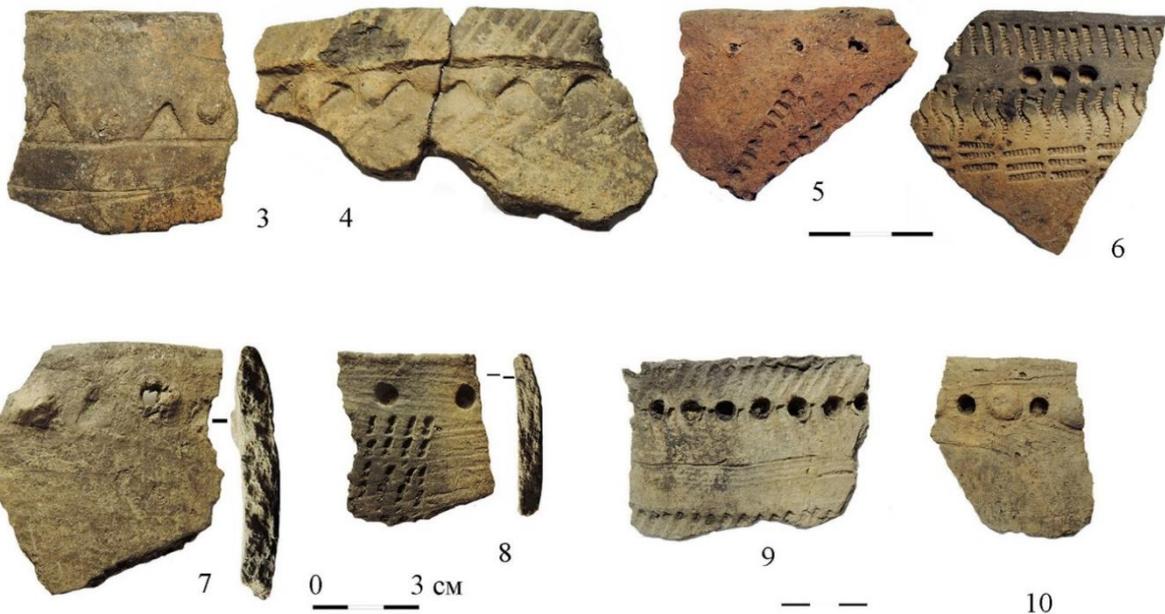

Рис. 1. Расположение памятников раннего железного века и средневековья на карте Томского Приобья (1); фрагменты керамики с нехарактерным исходным сырьем (2–10) или формовочными массами (3–7, 9); 2 – керамика с поселений Кижирово II, 3–5 – Шеломок II, 6 – Аникино I, 7, 8 – Шеломок I, 9, 10 – городища Мурашка

Исходное сырье. В результате исследований установлено, что в древности в Томском Приобье глиняную посуду изготавливали из качественно разных глин – ожеженных и нежеженных¹. Сравнительный анализ показал, что гончары из Томского Приобья предпочитали слабо- и нежеженные пластичные глины (табл. 1). Во многих случаях слабожеженное сырье из Томского Приобья незначительно отличается по цвету от нежеженного, в то же время разница между средне- и слабожеженными глинами по этому признаку четкая. В общей сложности посуда из слабо- и нежеженных глин составляет на разных памятниках от 67 до 100% (см. табл. 1). Ис-

ключение составляет Шеломок III, где глиняной посуды из нежеженных глин не выявлено, а из слабожеженных всего 30%. Древним гончарам Томского Приобья были известны среднежеженные глины, однако сосуды из них лепили редко. На некоторых памятниках керамики из такого сырья нет совсем, на других она составляет от 8 до 33%. Особое место занимает поселение Шеломок III, где посуды из такого сырья 70%. Еще реже применялись сильно (высоко) ожеженные глины. Посуда из таких глин выявлена на трех памятниках (городище Мурашка, поселения Кижирово II, Шеломок II) и составляет от 3 до 6%.

Таблица 1

Характеристика исходного сырья с памятников Томского Приобья

Памятник	Датировка, культурная принадлежность	Пластичность сырья, %			Ожеженность сырья, %			
		пластичное	среднепластичное	низкопластичное	сильноожеженное	среднеожеженное	слабоожеженное	нежеженное
Шеломок II/135	V–III вв. до н.э., шеломокская культура	98,5	1,5	–	6	12	3	79
Шеломок I		83	8,5	8,5	–	25	58	17
Самусь 2		80	–	20	–	–	80	20
Кижирово II	VI в. до н.э. – II в. н.э.	100	–	–	3	11	78	8
	VI–IV вв. до н.э., шеломокская культура	100	–	–	–	25	75	–
	Конец IV в. до н.э. – II в. н.э., /томский вариант кулайской КИО	100	–	–	3	7	79	11
Рюзаковский комплекс	Конец IV в. до н.э. – II в. н.э., томский вариант кулайской КИО	98	–	2	–	7	7	86
Мурашка; Мурашка IV	I в. до н.э. – II в. н.э., томский вариант кулайской КИО	87,5	8,3	4,2	4,2	8,3	33,5	54
Аникино I	III–IV вв. н.э., томский вариант кулайской КИО	94	3	3	–	28,5	23	48,5
Шеломок III	Конец II – первая треть III в. н.э., томский вариант кулайской КИО	100	–	–	–	70	30	–
Тимирязево III	IV в. н.э., томский вариант кулайской КИО	100	–	–	–	14	43	43
Кисловские поселения	IX в.	100	–	–	–	–	–	100
Тоянов Городок	XVII в.	17	83	–	–	33	67	–

Применялись преимущественно пластичные глины, в которых такая естественная примесь, как песок, обычно отсутствует или минимальна (1–2 фракции на 1 см²). Как правило, это кварцевый песок с диаметром частиц от 0,3 мм и больше. Редко встречается и такая распространенная естественная примесь, как бурый железняк (рис. 2, 8). В формовочных массах сосудов с разных памятников иногда прослеживаются отпечатки или невыгоревшие остатки чешуи рыб (см. рис. 2, 2, 3, 5). По исходному сырью выделяется коллекция из Тоянова Городка, где всего 17% сосудов изготовлено из пластичного сырья, в то время как на остальных памятниках керамики из таких глин от 80 до 100%. Посуда из средне- и низкопластичного сырья выявлена на 7 памятниках и составляет от 1,5 до 20%. К этой категории сырья относятся глины, в которых зафиксирован кварцевый песок (диаметр частиц обычно от 0,3 до 1,0 мм) в концентрации от 1:4–5 до 1:1.

Формовочные массы. Зафиксировано 8 рецептов, которые по минеральным примесям можно объединить в 4 группы: 1) с добавлением дресвы (дробленого камня); 2) с добавлением шамота; 3) дресвы и шамота одновременно; 4) без искусственно введенных минеральных примесей (табл. 2). Рецепты группы 1 состав-

ляют от 77 до 100%. Выделяется поселение Самусь II (40%). Рецепт группы 2 (глина + шамот + органика) зафиксирован на 5 памятниках (Шеломок II, Самусь II, Рюзаковский комплекс, Мурашка и Тоянов Городок). Такая посуда на трех памятниках составляет по 4%, а на двух (Тоянов Городок и Самусь II)² – 17 и 20%. Рецепты группы 3, отражающие смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей (глина + глиня + дресва + шамот + органика, глиня + дресва + шамот + органика, глиня + дресва + шамот), выявлены на 9 памятниках. На одном памятнике рецепты с двумя минеральными примесями составляют от 4–8 до 30%, а на Самусь II – 40%. Выделяются поселения Шеломок II, III, Кижирово II, где в общей сложности такой посуды от 23 до 30%. Рецепт группы 4 (глиня + органика) относится к числу необычных. Он зафиксирован на трех памятниках (Шеломок I, Мурашка и Аникино I) и составляет от 3 до 8,5%. Особо отметим рецепты с двумя глинами. Они зафиксированы на 5 памятниках и составляют от 1 до 8%, а на Самусь II – 20%. Как правило, подобные рецепты свидетельствуют о появлении нового населения, которое приспособлялось к местным глинам и вступало в контакты с местным населением.

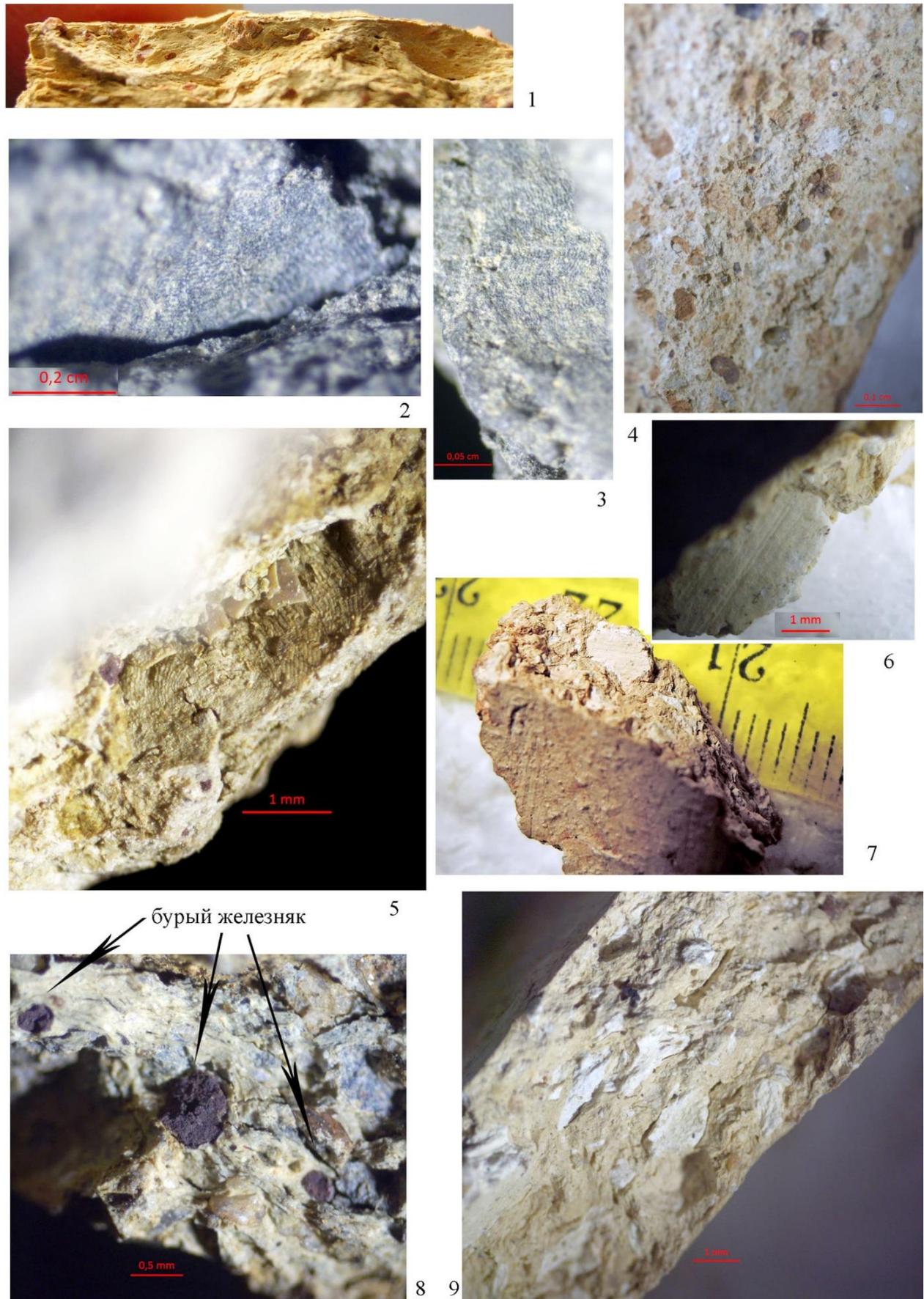

Рис. 2. Примеси в формовочных массах:
 1 – дресва; 2, 3, 5 – отпечатки чешуи рыбы; 4, 5, 7, 9 – шамот; 8 – бурый железняк;
 6, 7 – на частицах шамота видны следы обработки поверхности

Таблица 2

Состав формовочных масс

Памятник	С одной минеральной примесью, %			С двумя минеральными примесями, %		С двумя глинами, %			Без минеральных примесей, %
	дресва		шамот	дресва + шамот					
	г + д + о	г + д	г + ш + о	г + д + ш + о	г + д + ш	гож + гнож + д + о	гож + гнож + д + ш + о	г + г + д + ш + о	г + о
Шеломок II	63	10	4	19	3	–	–	1	–
Шеломок I	83	–	–	8.5	–	–	–	–	8.5
Самусь II	40	–	20	20	–	–	–	20	–
Кижирово II	72	8	–	14	6	–	–	–	–
	100	–	–	–	–	–	–	–	–
	64	11	–	18	7	–	–	–	–
Рюзаковский комплекс	89	–	4	7	–	–	–	–	–
Мурашка; Мурашка IV	84	–	4	–	–	4	4	–	4
Аникино I	88	–	–	6	–	3	–	–	3
Шеломок III, 10 экз	70	–	–	30	–	–	–	–	–
Тимирязево III	92	–	–	5	–	–	3	–	–
Кисловские поселения	100	–	–	–	–	–	–	–	–
Тоянов Городок		67	17	17	–	–	–	–	–

В целом в Томском Приобье предпочитали дробить камень для добавления его в формовочные массы. Почти на всех памятниках преобладает рецепт «глина + дресва + органика» (от 63 до 100% и на Самусь II – 40%), а на Тояновом Городке основной рецепт глина + дресва (67%). В основном использовали граниты с преобладанием прозрачного и белого кварца, однако на многих памятниках изредка встречается керамика, для изготовления которой применяли граниты с включениями красноватого или розового кварца (см. рис. 2, 1). Такие сосуды необычны для большинства коллекций. Использование дробленого камня при изготовлении глиняной посуды в Томском Приобье является местной традицией. Применение шамота – это принесенная традиция, так как она нехарактерна для изученных коллекций. Гончары Томского Приобья, имевшие возможность добывать камень, так же как и гончары горных и предгорных районов из других регионов, предпочитали добавлять в формовочные массы дробленый камень, а не шамот.

Подводя итог, отметим, что остается неясным: почему древние гончары Томского Приобья редко применяли среднежелезистые глины. Это может быть связано как с меньшей доступностью таких глин, так и со сложившимися традициями. В ряде случаев такому редкому признаку, как средняя железистость, сопутствует еще один необычный признак – низкая пла-

стичность. Керамика из таких глин часто имеет и другие необычные черты, в том числе в орнаментации. Не исключено, что посуда из среднежелезистых глин была изготовлена пришлым населением или была неместной на памятниках Томского Приобья. Обычно гончары с соседних территорий, в частности Алтая, Казахстана, использовали среднежелезистое сырье, а слабо- и нежелезистые глины, напротив, применяли редко [10, 13, 14]. В этом отношении выделяется коллекция из поселения Шеломок III. Она отличается от других памятников Томского Приобья тем, что высок процент сосудов из среднежелезистой глины и совсем нет изделий из нежелезистой глины. Очевидно, что для гончаров Шеломка III характерны другие навыки в выборе сырья. Возможно, они связаны с новым населением на данной территории или же традиция использовать слабо- и нежелезистое сырье характерна не для всех хронологических периодов. Особо отметим рецепт «глина + органика», который встречается редко и только в памятниках раннего железного века. Видимо, он связан с группой населения, которая могла отличаться и другими чертами, однако на исследуемых памятниках была немногочисленной. Дальнейшие исследования керамики из этого региона являются очень перспективными и, вероятно, помогут найти ответы на вопросы, связанные с контактами и взаимодействием населения в древности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степень железистости природных глин зависит от количества окислов железа, присутствующих в ней и окрашивающих ее после обжига в окислительной среде при температуре каления глины в теплые красновато-коричневые тона. В ходе специальных экспериментов, проведенных в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН (Москва), было установлено, что в результате обжига до температуры 850°C «высокожелезистая» природная глина приобретает интенсивно красную окраску, «среднежелезистая» глина – красно-коричневую, «слабожелезистая» глина – желтовато-коричневую или светло-кремовую, а «нежелезистая» глина – белую окраску [12. С. 157–158].

² Из Самусь II и Тоянова Городка исследована незначительная серия сосудов (6 и 5 экз.), поэтому выводы по этим двум коллекциям по количественным показателям здесь и далее предварительные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

3. Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзакovo (Духовое) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 86–90.
4. Рыбаков Д.В., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. Вып. 49. 2017. С. 56–63.
5. Плетнёва Л.М., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Шеломок II // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3 (21). С. 107–117.
6. Степанова Н.Ф., Боброва А.И. Особенности исходного сырья и состава формовочных масс керамических комплексов из Томского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 324–328.
7. Плетнёва Л.М., Рагимханова И.Ж., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики из могильника Шеломок I, поселений Кижирова, Самусь II // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 4 (26). С. 120–127.
8. Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Первые результаты технико-технологического анализа керамики городища Тимирязево III кулайской культурно-исторической общности // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 420–423.
9. Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. Т. XXV. С. 607–613.
10. Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 401–404.
11. Парначев В.П., Парначев С.В. Геология и полезные ископаемые окрестностей города Томска : материалы к полевой геологической экскурсии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 141 с.
12. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2017. 384 с.
13. Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тыс. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.
14. Рахимжанова С.Ж. Керамические традиции в эпоху энеолита-ранней бронзы на территории степного Обь-Иртышского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 25 с.

Nadezhda F. Stepanova, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nstepanova10@mail.ru

Lyudmila M. Pletneva, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tspu_kae@mail.ru

Dmitriy Yu. Rybakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dima0183@yandex.ru

FEATURES OF INITIAL RAW MATERIALS AND POTTERY PASTE OF ANCIENT CERAMICS FROM THE TOMSK OB REGION

Keywords: ceramics; the Tomsk Ob region; early Iron Age; Middle Ages; pottery paste; initial raw materials.

Studying of ceramics from the Tomsk Ob region for the purpose of identification of specifics of initial raw materials and preparation of pottery paste is carried out within historical and cultural approach. About 400 samples from different vessels from 16 monuments are investigated. The majority of them belongs to the Shelomok culture and the Tomsk local version of the Kulai cultural and historical community (VI century BC – IV centuries AD), minority belongs to the Middle Ages (9th and 17th century).

As a result of research, it was found that ceramics were made from qualitatively different clays: the ferruginous and the noferruginous. In total, utensils made of such clays on different sites range from 67 to 100 %. Medium iron clays were known to the ancient potters, but vessels were rarely modeled from them. Ceramics from such raw materials make up from 0 to 33 %, but in the settlement of Shelomok III - 70 Strongly (highly) ferruginous raw materials were used even less often (3–6 %). Mainly plastic clays were used, of which 80 to 100 % were vessels, with the exception of Toyanov Gorodok (17 %). Ceramics from medium and low plastic raw materials - from 1.5 to 20 %.

8 recipes for molding masses have been recorded, which, according to mineral impurities, are combined into 4 groups: 1) with the addition of grit (crushed stone) (77–100 %); 2) chamotte (on 4 %); 3) grit and chamotte at the same time, reflecting the mixing of cultural traditions in the use of mineral admixtures, range from 4-8 to 30 %; 4) without artificially introduced mineral impurities (3–8.5 %). The recipe for the last group is unusual.

Summing up, we note that in the Tomsk Ob region they preferred to crush the stone to add it to the molding mass. Granites with a predominance of transparent and white quartz were used; sometimes, on the monuments, there are ceramics with grit from granites with reddish or pink quartz. The use of crushed stone for the manufacture of pottery is a local tradition, fireclay is brought. The ancient potters rarely used medium iron clays. This may be due to the lesser availability of such clays, and to the established traditions. Often, vessels made of clays of medium iron content and low plasticity have other unusual features, it is possible that they were made by an alien population or were non-native on the sites of the Tomsk Ob region. Perhaps, a recipe without artificially introduced mineral impurities is also associated with a special group of the population. Recipes with two clays (1–8 %) tend to indicate a new population that has adapted to the local clays.

REFERENCES

1. Bobrinsky, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy* [Pottery of Eastern Europe]. Moscow: Nauka.
2. Bobrinsky, A.A. (1999) *Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kulturnogo izucheniya* [Pottery as an object of historical and cultural study]. In: Bobrinsky, A.A. (ed.) *Aktualnye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Topical problems of studying ancient pottery]. Samara: Samara State Pedagogical University. pp. 5–109.
3. Rybakov, D.Yu. & Stepanova, N.F. (2013) Results of technical-technological analysis of the Kulai ceramics of a Ryuzakovo (Duhovoye) settlement complex. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(22). pp. 86–90. (In Russian).
4. Rybakov, D.V. & Stepanova, N.F. (2017) The Results of Technical and Technological Analysis of Ceramics of the Kulai Cultural-Historical Community's Sites from the Tomsk and Narym Ob Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 56–63. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/49/9
5. Pletneva, L.M. & Stepanova, N.F. (2018) Results of the technical and technological analysis of ceramics from Shelomok II settlement. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(21). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2018-3-107-117
6. Stepanova, N.F. & Bobrova, A.I. (2018) Osobennosti iskhodnogo syr'ya i sostava formovochnykh mass keramicheskikh kompleksov iz Tomskogo Priob'ya [Features of the Raw Materials and Composition of Pottery Paste of the Ceramic Complexes from Tomsk Ob Region]. In: Derevyanko, A.P. (ed.)

- Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 24. Novosibirsk: SB RAS. pp. 324–328.
7. Pletneva, L.M., Ragimkhanova, I. Zh. & Stepanova, N.F. (2019) Results of technical and technological analysis of ceramics from the Shelomok I burial ground, Kizhirovo, Samus II settlements. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 4(26). pp. 120–127. DOI: 10.23951/2307-6119-2019-4-120-127
  8. Stepanova, N.F. & Rybakov, D. Yu. (2016) Pervye rezultaty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki gorodishcha Timiryazevo III kulayskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [The first results of the technical and technological analysis of the ancient settlement Timiryazevo III ceramics of the Kulay Cultural and Historical Community]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 22. Novosibirsk: SB RAS. pp. 420–423.
  9. Stepanova, N.F. & Rybakov, D.Yu. (2019) Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass drevney keramiki iz Tomskogo i Narymskogo Priob'ya [Features of the raw materials and molding masses of ancient ceramics from the Tomsk and Narym Ob regions]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 25. Novosibirsk: SB RAS. pp. 607–613.
  10. Stepanova, N.F. (2017) Osobennosti iskhodnogo syr'ya iz gornykh i lesostepnykh rayonov Altaya i sopredel'nykh territoriy (po materialam keramicheskikh kompleksov epokhi neolita – rannego zheleznogo veka) [Pottery Raw Materials from the Mountainous and Forest-Steppe Altai and the Adjacent Territories (Based on Pottery Assemblages of the Neolithic-Early Iron Age)]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 23. Novosibirsk: SB RAS. pp. 401–404.
  11. Parnachev, V.P. & Parnachev, S.V. (2010) *Geologiya i poleznye iskopaemye okrestnostey goroda Tomsk: materialy k polevoy geologicheskoy ekskursii* [Geology and Minerals of the Environs of the city of Tomsk. Materials for the Field Geological Excursion]. Tomsk: Tomsk State University.
  12. Tsetlin, Yu.B. (2017) *Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ceramics. Concepts and Terms of the Historical and Cultural Approach]. Moscow: RAS.
  13. Loman, V.G. (1993) *Gonchamaya tekhnologiya naseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana vtoroy poloviny II-go tys. do n.e.* [Pottery technology of the Central Kazakhstan population in the second half of the 2nd millennium BC]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
  14. Rakhimzhanova, S.Zh. (2018) *Keramicheskie traditsii v epokhu eneolita-ranney bronzy na territorii stepnogo Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya* [Ceramic traditions in the Eneolithic-Early Bronze Age on the territory of the steppe Ob'-Irtys interfluve]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.

УДК 94(57)

DOI: 10.17223/19988613/69/8

С.Ф. Татауров

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ СИБИРСКОГО ХАНСТВА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Анализируются археологические материалы памятников XVI–XVII вв. лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири с целью выявления маркеров, которые являлись символами государственной власти существовавших на данных территориях тюрко-татарских государственных образований – ханств. К таким символам власти следует отнести как определенные объекты – пограничные городки и культовые места (астана), так и категории предметов личного пользования – украшения (перстни), одежду, оружие. Данное исследование направлено на поиск дополнительных источников в археологических материалах для характеристики сибирской тюрко-татарской государственности указанного периода.

Ключевые слова: Западная Сибирь; тюрко-татарская государственность; городки; астана; перстни; оружие.

Тюрко-татарские государственные образования в Западной Сибири во II тыс. н.э. играли достаточно значительную роль на политической арене Сибири, Средней Азии и сопредельных территорий. В литературе на основании письменных источников достаточно подробно описаны политическая история сибирских ханств, биографии их правителей и их военные походы, дипломатические отношения с соседними государствами и т.д. Из всего этого складывается представление об их достаточно высоком уровне государственности, но гораздо сложнее обстоит дело с фактической характеристикой этих государств. Документы не дают нам представления о границах и инфраструктуре ханств, не сохранили для нас описаний городов, облика их жителей и их занятия. Например, столицы ханств – Чимги-Тура, Кизыл-Тура, Искер – волей природы и человека либо практически полностью разрушены, либо находятся под современной застройкой. Как писал в свое время один из авторов раскопок столицы Сибирского ханства – Искера – В.Н. Пигнатти, «ни в одной из сибирских летописей, при самом внимательном их обзрении, нет рассказа о том, каков был при Кучуме Искер, и что с ним сделалось после падения: представлял ли он из себя военную лишь крепость, населенную лишь ратными людьми, или это был город в обычном смысле слова – человеческое поселение. Не только внутреннего содержания поселения, кто жил и как жили, но и чисто внешнего описания остатков разгромленного города в летописях нет» [1. С. 186]. По этой причине смоделировать города не помогут нам и археологические исследования. Те опыты, которые были проделаны в этом направлении, не выдерживают критики [2]. Мы не можем воссоздать дворцы правителей и административные здания, храмы и производственные мастерские – то, что является визитной карточкой любого государства.

Такая же ситуация и с государственной символикой тюрко-татарских государств – ее нет ни в коллекциях музеев, ни на страницах исторических документов. На настоящий момент мы можем только предполагать, под каким знаменем шли ханские отряды в боевые походы, какие регалии выделяли хана и его приближенных, чем и как заверялись государственные документы. В.В. Трепавлов приводит один из немногих документов, посвященный переговорам с Девлет-Гиреем, где указывается, что «Аблай передал посланцу изображение родовой тамги (типичный позднеджучидский тарак – гребень), а Тауке – прядь своих волос и тоже нарисовал тамгу» [3. С. 101]. Приходится констатировать, что в отличие от памятников поволжских и крымского ханств, где изображения тамги правителей присутствуют на различных предметах [4. Рис. 162], в материалах археологических комплексов Сибири этих изображений пока не найдено.

Следует отметить, что историки периодически обращаются к поиску государственных символов сибирских ханств [5, 6], и в их работах рассматривались самые широкие спектры предметов материальной культуры, которые могли быть маркерами положения в государственной структуре, – одежда, доспехи и оружие, лошади, мебель, дворцы и т.д., но пока это остается на уровне предположений, и проблема далека до решения. При этом надежда на грядущие открытия в данном направлении весьма слаба. Я уже писал о недостаточном использовании археологических материалов при создании характеристики сибирских ханств [7]. Несмотря на определенное сокращение археологических исследований комплексов, соотносимых с историей сибирских тюрко-татарских государственных образований, публикации материалов раскопок XIX и XX вв. [8–10] позволяют выделить круг фактов, которые характеризуют как сибирскую госу-

дарственность в целом, так и статус определенных категорий людей в этих образованиях.

На мой взгляд, есть несколько направлений исследований археологических материалов, которые позволяют более точно охарактеризовать государственные институты сибирских ханств, в том числе и их государственную символику. Для их общей характеристики как никогда актуально в настоящее время картографирование археологических памятников, соотносимых с их территорией и временем существования. Эта работа, начатая В.И. Соболевым [11], так и не была продолжена. Расположение столиц ханств и административных центров, культовых мест (астана), связывающей их системы путей сообщения показывает достаточно стройную систему государственной инфраструктуры. Это позволяет нам воссоздать структу-

ру административного деления и управления данными государственными образованиями. Выделение укрепленных пограничных линий наглядно и четко показывает как границы государств, так и структуру одного из важнейших государственных институтов – армии. Городки, прикрывающие провинции ханств, выделяются своей фортификацией, коллекции с этих комплексов показывают специфику их внутреннего устройства, вооружения и снабжения. Все эти моменты наглядно представляют данные раскопок Тунусского городка на р. Таре (рис. 1, 1). По сути дела, именно пограничные городки, устроенные на рубежах своего ханства Кучумом, в настоящий момент являются единственным неопровержимым археологическим доказательством наличия государственных объектов (комплексов) на его территории.

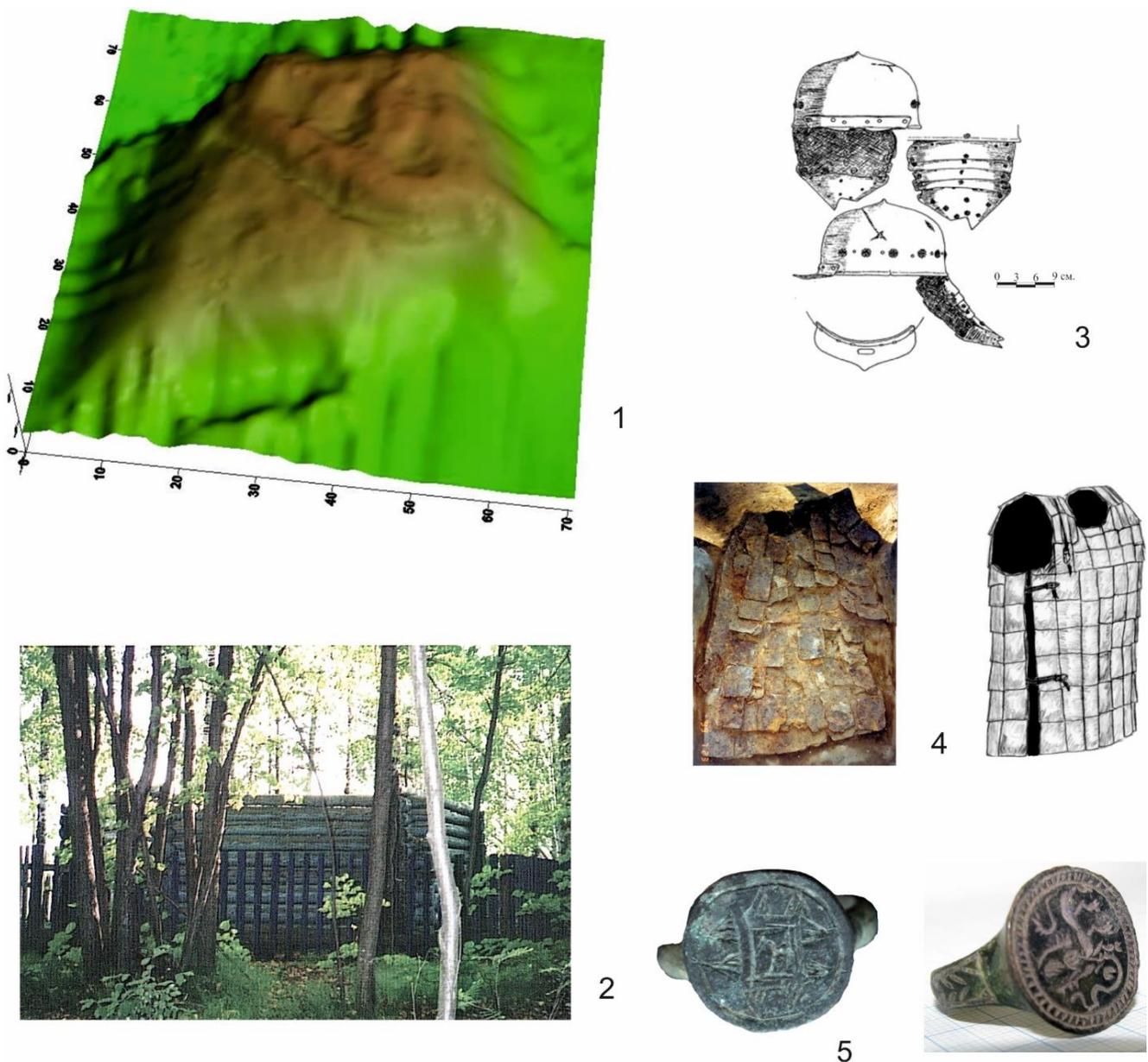

Рис. 1. Археологические маркеры и предметы-маркеры государственных институтов сибирских ханств: 1 – Тунусский городок в Тарском Прииртышье (съемка С.Ф. Татаурова, 2004 г.); 2 – Астана у д. Аллагулово Вагайского района Тюменской области (фото А.Г. Селезнева 2004 г.); 3 – шлем князя Илегея; 4 – доспех из могильника Окунево VII; 5 – перстень из могильника Тоянов Городок; 6 – перстень из могильника Сеитово IV

Другой категорией археологических памятников, имеющих определенный государственный статус, являются культовые места – астана (см. рис. 1, 2). Их появление связано с политикой хана Кучума по распространению ислама. По сути, для XVI в. это были монументальные символы государства хана Кучума, они олицетворяли для местного населения новую религию и новую власть. На настоящий момент известно около 80 таких комплексов в Тюменской и Омской областях. Основная часть находится в Вагайском, Тобольском, Уватском, Яркском и отчасти в Аромашевском и Тюменском районах Тюменской области. Самой северной является Цингальская астана у с. Цингалы Ханты-Мансийского района Ханты-Мансийского автономного округа, а самая южная находится в Усть-Ишимском районе Омской области. Наиболее полная информация о сибирских астанах на настоящий момент изложена в коллективной монографии «Культы святых в сибирском исламе: специфика универсального» [12]. По письменным источникам, этот момент связан с могилами пришедших в Сибирь из Бухары исламских миссионеров братства Накшбандийа, которые погибли в религиозных столкновениях с местными язычниками в 797 г. хиджры (1394–1395) [13]. В полной мере астана вошла в жизнь сибирских татар в период управления Сибирским ханством хана Кучума. Астана стала одним из ключевых пунктов в проведении им политики исламизации населения. При хане Кучуме культ святых стал элементом государственной политики. Погибших стали почитать как мучеников за веру, к их могилам начали совершать паломничество. Эту категорию археологических памятников, так как в конце XX в. их стали ставить на охрану в качестве объектов археологического наследия, в полной мере можно отнести к государственным комплексам сибирских тюрко-татарских государств. Их исследование, возможно, даст новые материалы для изучения татарских государств. При этом ни один из комплексов астана на настоящий момент археологически полностью не исследован, поэтому вопрос о времени появления первых астана остается открытым. Подчеркивая значение астана как уникального явления религиозной культуры, ученые отмечают необходимость самостоятельного комплексного научного изучения этого вида памятников с применением методов и подходов различных научных дисциплин. Тот факт, что они конструктивно и планиграфически выделяются из обычных погребальных комплексов, может дать шанс исследователям выделить определенные черты, которые станут своеобразными маркерами для захоронений на могильниках XV–XVII вв., и связать их с конкретными моментами существования Сибирского ханства.

Анализ погребальных памятников данного периода лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири показывает, что эти объекты дают наибольшую информацию как по социальному уровню развития населения сибирских ханств, так и по наличию маркеров, соотносимых с государственной символикой. Погребальные комплексы позволяют выделить традиции, показывающие определенные социальные связи между отдельными провинциями ханств – в устройстве

надмогильных сооружений, использовании огня при захоронениях, в категориях сопровождающего инвентаря и т.д. Могильники показывают синхронность процессов социального расслоения общества – по размерам надмогильных сооружений и по особо значимым предметам в погребениях. Изучение погребальных объектов этого времени позволяет определить время и характер распространения ислама у населения Западной Сибири. В ранней части могильника Бергамак 2, расположенного на правом притоке Иртыша – Таре, находится группа курганов диаметром около 78 м и высотой до 1 м, а в остальной части могильника надмогильные холмы не превышают 45 м в диаметре и 0,5 м высоты. В одном из таких могильных комплексов (№ 41) умерший был положен на белый войлок, в качестве сопроводительного инвентаря положен богатый комплекс оружия, бронзовый котел, конская упряжь, украшения и т.д. Рядом с ним располагались захоронения № 33, 34 с наборами оружия и конской упряжи [14. С. 166167]. При раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево, примерно в 15 км ниже могильника Бергамак 2, под таким выделяющемся из общего ряда своей насыпью кургане было исследовано погребение № 267 представителя знати, облаченного в железный пластинчатый доспех с богатым набором оружия (см. рис. 1, 4). Рядом с этим погребением располагаются погребения воинов с оружием и конской упряжью (мог. № 248, 260) [15. С. 36]. Такие же, выделяющиеся из общего ряда, захоронения мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово-10 выделяются погребения с наборами оружия [16. С. 139142].

В качестве примера знатности доспехов можно привести шлем Илегея (см. рис. 1, 3). По преданию он принадлежал татарскому князьку Илегею, владевшему землями по берегам р. Исети. Данный шлем хранится в областном краеведческом музее в Екатеринбурге и был опубликован в самом конце XX в. [17. С. 110115].

Практически во всех районах лесостепной полосы Западной Сибири, где и располагались сибирские ханства, выделяются погребения с наличием предметов власти, в первую очередь перстней с определенной символикой. Такие перстни выделяются из всего ряда подобных украшений своей печаткой – она более значительных размеров и имеет специфическую форму – прямоугольник (вписанный в круг) или круг с большим ободком. Из изображений на печатках выделим изображения всадников с поднятой вверх саблей. К.Н. Тихомиров в своей публикации приводит два перстня из могильников Бергамак 2 и Сеитово 4. На щитке перстня из Бергамака 2 изображено животное, похожее на лошадь, с антропоморфной фигурой на нем. На перстне из могильника Сеитово 4 изображен кентавр с коротким копьём острием вниз в правой руке и саблей острием вверх (см. рис. 1, 6). Данный перстень имеет аналогии в памятниках европейской России, но подобный сюжет известен в Азии с XIII в. [18. С. 210]. Примерно такой же перстень был передан местными жителями с. Сеитово К.Н. Тихомирову с пояснением, что сравнительно недавно этот перстень

использовали вместо печати на местных расписках. В архиве М.П. Грязнова, хранящемся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, в материалах раскопок 1924 г. в Томском Приобье курганного могильника Тоянов Городок есть рисунки погребений с подобными перстнями. В кургане 1 в захоронении было зафиксировано два перстня, где в круглую печатку был вписан прямоугольник, обрамленный с четырех сторон рисунками шатров, а внутри изображен всадник на лошади с поднятой вверх саблей (см. рис. 1, 5). Всего в ходе раскопок этого года было найдено семь перстней с подобными композициями [19].

Включение археологических материалов в характеристику сибирских тюрко-татарских государственных

образований при крайней ограниченности письменных источников в настоящий момент является наиболее перспективным направлением. Помимо рассмотренных нами категорий памятников и предметов, есть еще такие показательные для памятников этого времени категории объектов и предметов, как жилища, надмогильные конструкции, металлическая и керамическая посуда, украшения и т.д. Введение в научный оборот этих материалов позволит решить многие актуальные вопросы как по уровню развития их государственных институтов, например касающихся структуры армии и защиты государственных границ, административно-территориального деления, так и по этнической истории в этот период локальных групп тюркоязычного населения Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Искер столица Сибирского ханства. Казань : Ин-т истории им. Ш. Маджани, 2010. С. 186–226.
2. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Рецензия на монографию: Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир – Городище Искер (историко-археологическое исследование) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 644–655.
3. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
4. Ситдииков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань : Фолиань, 2006. 288 с.
5. Исхаков Д.М. Быть верным с друзьями и притворно равнодушным с врагами (культура государственной жизни в тюрко-татарских обществах XV–XVI вв.) // Гысылар Авызы / Эхо веков. Казань, 2007. № 1. С. 39–46.
6. Беляков А.В. В поисках инсигний служивых чингисидов в России XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59) С. 50–59.
7. Татауров С.Ф. Археологические памятники сибирских ханств – поиск маркеров государственности // Золотоордынское обозрение. 2017. № 5. С. 352–362.
8. Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок: каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм). Томск–Сургут : Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.
9. Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование). М. : Наука – Вост. лит., 2017. 559 с.
10. Татауров С.Ф. Тоянов Городок на этнополитической карте Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 497–508.
11. Соболев В.И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск : Наука, 2008. 356 с.
12. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М. : Марджани, 2009. 216 с.
13. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. 1903. Кн. XII. С. 133–146.
14. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. : опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск : Наука, 2003. 192 с.
15. Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Ом VII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск : Омск. гос. ун-т, 2003. 64 с. (Новое в археологии Прииртышья; вып. 3).
16. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 260 с.
17. Зыков А.П., Манькова И.Л. «Шлем Илигея» – реликвия Далматовского Успенского монастыря (к вопросу о формировании культа праведного Далмата) // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. С. 110–115.
18. Тихомиров К.Н. Город Тара как центр экономического и культурного развития сибирских татар в Тарском Прииртышье в XVI–XVIII веках // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. С. 187–223.
19. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III (М.П. Грязнова). Дело «Тояновская культура».

Sergey F. Tataurov, Omsk Laboratory of the Institute of Archeology, Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

STATE INSTITUTIONS OF THE SIBERIAN KHANATE IN ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

Keywords: Western Siberia; Turkic-Tatar statehood; towns; Astana; rings; weapons.

Siberian Turkic-Tatar state formations left a rather bright trace in the history of the region in the second half of the II millennium AD. Particularly should be noted Siberian Khanate, whose borders occupied almost all forest-steppe and southern taiga zones of Western Siberia. Khan Kuchum, who became its leader, had a serious influence on the Central Asian-Siberian political arena. At present, the entire history of these state formations is based mainly on written sources. Unfortunately, the documents do not give a complete description of these states - we do not know their borders and infrastructure, the symbols of the state, there are no markers that would allow scientists to link the famous archaeological complexes with specific khanates. Presented in this article research is devoted to revealing markers of state institutes of khanates in available archaeological materials. The presence of such symbols of the state will allow structuring the archaeological complexes as territorially so as chronologically.

In this article two directions of search for these markers are highlighted - archaeological complexes that were founded or created by the central government and carried a specific state burden and personal items that played a status value for their owners.

In the first case, I single out the border towns built by Khan Kuchum to protect the borders of his khanate on the southern border of the Barabinsk forest-steppe and on the border of the eastern Irtysh valley in Tara Irtysh area. These towns stand out from other fortified complexes by strategical location, fortification having European and Central Asian features, dwellings and supply system (according to osteological materials). Among the state complexes, I include cult places built by Khan Kuchum as part of the spread of the Muslim religion - Astana. These sites began to play not only the role of new religious centers, but also symbolized the central government and became places where many local disputes and problems were solved.

I consider weapons, armor and rings to personal items. We know a certain significance of armor and weapons for state leaders of that time. We know what importance was attached to Yermak's armor by the Tatar people. The museums keep the helmets of military leaders, for example, the helmet of Eligey. In the materials of Tatar burial grounds of the 16-17 cc. we find burials with rich armor (Okunevo VII) or weapons (Bergamak 2). Special importance had the rings, the signposts of which depicted horsemen with weapons or mythological creatures.

My research shows the prospects of using archaeological materials for a deeper characterization of the Siberian Turkic-Tatar state formations and provides an opportunity for further search for their symbols.

REFERENCES

- Pignatti, V.N. (2010) Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (Kuchumovo settlement)]. In: Pignatti, V.N. et al. *Isker stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker the capital of the Siberian Khanate]. Kazan: Sh. Madjani Institute of History. pp. 186–226.
- Maslyuzhenko, D.N. & Tataurov, S.F. (2018) The town of Sibir – the ancient settlement of Isker (a historical-archaeological research). *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 6(3). pp. 644–655. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.644-655
- Trepavlov, V.V. (2012) *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovich i v bor'be za revansh* [The Siberian yurt after Yermak: Kuchum and Kuchumovich in the fight for revenge]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Sidikov, A.G. (2006) *Kazanskiy kremli': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [The Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Research]. Kazan: Folian".
- Iskhakov, D.M. (2007) Byt' vernym s druz'yami i pritivorno ravnodushnym s vragami (kul'tura gosudarstvennoy zhizni v tyurko-tatarskikh obshchestvakh XV–XVI vv.) [To be faithful with friends and feigningly indifferent to enemies (the culture of state life in the Turkic-Tatar societies of the 15th – 16th centuries)]. *Gysyrlar Avyzy*. 1. pp. 39–46.
- Belyakov, A.V. (2015) V poiskakh insigniy sluzhilykh chingisidov v Rossii XVI–XVII v. [In search of insignias of service Chinggisids in Russia of the 16th – 17th centuries]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 1(59) pp. 50–59.
- Tataurov, S.F. (2017) Archaeological monuments of the Siberian Khanates: search of the markers of the statehood. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 5. pp. 352–362. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362
- Yakovlev, Ya.A. (2009) *Mogil'nik Toyanov Gorodok: katalog kollektsii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm)* [Toyanov Gorodok burial ground: The Catalog of F.R. Martin's collection of 1891 from the funds of the State Historical Museum (Stockholm)]. Tomsk–Surgut: Tomsk State University.
- Zykov, A.P., Kosintsev, P.A. & Trepavlov, V.V. (2017) *Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [The town of Sibir – Isker settlement (a historical and archaeological research)]. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura.
- Tataurov, S.F. (2019) The Toyanov Town on the ethnopolitical map of the Siberian Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 7(3). pp. 497–508. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.497-508
- Sobolev, V.I. (2008) *Istoriya Sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam)* [History of the Siberian Khanates (based on archaeological materials)]. Novosibirsk: Nauka.
- Seleznev, A.G., Selezneva, I.A. & Belich, I.V. (1903) *Kul't svyatykh v sibirskom islama: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Siberian Islam: Specificity of the Universal]. Moscow: Mardzhani.
- Katanov, N.F. (1903) O religioznykh voynakh uchenikov sheykha Bagautdina protiv inorodtsev Zapadnoy Sibiri [About religious wars of Sheikh Bagautdin's students against foreigners of Western Siberia]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 12. pp. 133–146.
- Korusenko, M.A. (2003) *Pogrebal'nyy obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.: opyt analiza struktury i sodержaniya* [The burial rite of the Turkic population in the Lower Tara in the 17th – 20th centuries: an analysis of structure and content]. Novosibirsk: Nauka.
- Matyushchenko, V.I. (2003) *Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (Om VII). Raskopki 1998, 1999 godov* [The burial ground on the Tatarsky Uval near the village of Okunevo (Om VII). Excavations 1998, 1999]. Omsk: Omsk State University.
- Molodin, V.I., Sobolev, V.I. & Soloviev, A.I. (1990) *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the late Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.
- Zykov, A.P. & Mankova, I.L. (1999) "Shlem Iligeya" – relikviya Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya (k voprosu o formirovaniy kul'ta pravdnogo Dalmata) ["Helm of Iligey" – a relic of the Dalmatov Dormition Monastery (on the formation of the Righteous Dalmatian cult)]. *Istoriya tserkvi: izuchenie i prepodavanie* [History of the Church: Study and Teaching]. Proc of the Conference. Ekaterinburg, November 22–25, 1999. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 110–115.
- Tikhomirov, K.N. (2014) Gorod Tara kak tsentr ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya sibirskikh tatar v Tarskom Priirtysh'e v XVI–XVIII vekakh [The city of Tara as a center of economic and cultural development of the Siberian Tatars in the Tara Irtysh region in the 16th – 18th centuries]. In: Alferov, S.A. (ed.) *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th – 19th centuries – a Russian fortress on the banks of the Irtysh]. Omsk: Amfora. pp. 187–223.
- The Archive of MAE OmSU. Fund III (M.P. Gryaznov). The Toyanov Culture Case.

УДК 902.01

DOI: 10.17223/19988613/69/9

Л.В. Татаурова

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассмотрены методические приемы в построении типологий археологических материалов русских комплексов XVI–XIX вв. и возможности привлечения для этого данных этнографии. Проанализированы проблемы, связанные с использованием этнографических и письменных источников в создании археологических типологий, реконструкций и интерпретаций. Проведенное исследование подчеркивает необходимость рассмотрения археологических предметных комплексов Нового времени в той социокультурной среде, частью которой они являлись.

Ключевые слова: русские Сибири; археология; методика; типологии; источник.

Концепция и специфика археологического источника Нового времени уже попадали в поле зрения ученых. Для его получения необходимы методические приемы, набор исследовательских процедур, а комплексное изучение в совокупности с письменными и этнографическими материалами позволит приобрести объективную информацию о многообразии и взаимосвязях элементов изучаемой культуры, атрибутировать археологические предметы по их функциональному назначению и применению [1. С. 98, 99].

«Оживить» этот источник можно, используя аналогии «с живыми обществами, где подобные материальные вещи функционируют в живой культуре, и это может дать археологу ключ к диагностированию, интерпретации и реконструкции» [2. С. 60]. Для этого предлагаются разные способы и методы [3. С. 95; 4. С. 15–17; 5. С. 213–230]. К их числу относится и этноархеология, «занимающаяся изучением того, как материальная культура живого общества связана в нем с прочими сторонами культуры и как она была бы (и будет) представлена в археологическом материале» [2. С. 59].

Для исследования археологических памятников русского населения Сибири Нового времени это особенно актуально, так как в них есть комплексы предметов и объектов, использование которых было, во-первых, более продолжительным по сравнению с европейской частью России [6. С. 260, 261; 7. С. 167]. Во-вторых, отдельные категории предметов (например, керамика, кресала, светцы и др.) вышли из употребления только к середине XX в. [7. С. 167; 16. С. 144; 8. С. 337].

Это позволяет группировать археологические объекты и артефакты в соответствии с описаниями ассортимента предметов в этнографических и письменных источниках. Такие типологии должны быть репрезентативными и работающими, так как выработаны самой культурой, где каждый тип имеет свое название, назначение и соответствует традиционным функциям и связям.

Однако реальная практика использования этого подхода высвечивает несколько сложных и порой трудноразрешимых вопросов.

Привлекая для построения типологий накопленные этнографические знания, мы сталкиваемся с проблемами, актуальными для всех временных периодов и территорий. По мнению Ю.М. Лесмана, они состоят в том, что, во-первых, имеется источниковедческий разрыв между археологическими материалами, обработанными по правилам археологической науки (типологии, хронологии, ареалы распространения), и материалами этнографии и музейными коллекциями. Разрыв этот методический, связанный с отличающимися принципами обработки материала в археологии и этнографии. Во-вторых, этнографические материалы собирались выборочно и малосопоставимы с археологическими коллекциями [9. С. 87].

Объективность этих проблем рассматривалась в публикациях [6. С. 260, 261; 10. С. 124, 125].

Еще одна проблема связана с репрезентативностью использования этнографических описаний русского мира Сибири XVI–XIX вв., имеющихся в письменных источниках, записках путешественников. Несмотря на то, что в них отражено время, синхронное существованию изучаемых археологических памятников, они, как и археологические материалы, требуют применения определенных методических приемов для получения информации, которую можно использовать в создании типологий и интерпретациях. Но она также будет иметь дискретное содержание.

Поэтому чаще всего в исследованиях по археологии русских Сибири для систематизации коллекций применяются классификационные схемы, построенные на материалах Древней Руси, несмотря на временной и территориальный разрыв. С одной стороны, это обусловлено исторической преемственностью русской культуры. Древнерусские древности обработаны по требованиям археологической науки, письменные ис-

точники многочисленны, разнообразны, дополняя друг друга, они менее дискретны и хорошо изучены.

С другой стороны, использование их как базы для изучения периода XVI–XIX вв. создает парадоксальную ситуацию [11. С. 114]: направление процесса исследований идет не от этнографической современности в древность (от известного к неизвестному), а наоборот – от моделей, полученных на древнерусских материалах, к Новому времени и сопоставлению их с этнографией.

Цель работы – проанализировать методические приемы, направленные на эффективное и репрезентативное использование данных этнографии и письменных источников в построении типологий отдельных археологических предметных комплексов и объектов. Обращение к методическим основам типологий неслучайно. В развитии научного направления «археология русских» это одна из ключевых исследовательских тем, так как систематизация материалов позволит сопоставить предметные комплексы во времени и пространстве. В силу ограниченности объема статьи невозможно рассмотреть все имеющиеся классификации предметов и объектов материальной культуры русского населения.

Пожалуй, самой удачной на сегодняшний день работой, объединившей археологические, письменные и этнографические материалы всего сибирского региона, является исследование А.В. Шаповалова, посвященное культуре потребления табака [12]. Стоит отметить, что рассмотрение предметных комплексов (трубок, аксессуаров и др.) и типологии археологического материала проводилось с точки зрения их места в культурном ландшафте русского и других народов Сибири в XVII–XX вв.

Систематизацию курительных принадлежностей XVII–XVIII вв. на археологических материалах Левобережной Украины выполнила О.В. Коваленко, взяв за основу использование предметов, технологию их изготовления и морфологию [13]. Исследователь рассмотрела два типа трубок: «восточный» (северно-причерноморские, крымские, болгарские, турецкие) и «западный» (голландские) [14. С. 242–249]. Эти типы встречаются в культурных слоях Нового времени городов европейской части России и Сибири.

Типологии А.В. Шаповалова и О.В. Коваленко, дополняя друг друга, позволяют представить целостную картину этого культурного явления.

Подобный прием использован П.А. Корчагиным в попытке построения типологии гвоздей [11; 15. С. 56–63]. Отталкиваясь от современных ГОСТов номенклатуры этих предметов, автор, используя энциклопедические словарные собрания разных периодов и архивные данные, рассматривает внутреннюю структуру в типе «гвоздь» на основе критериев назначения каждого вида (сорта) метизов, потому что именно функциональные качества определяли размерные характеристики и форму. По результатам работы получен вывод, что начиная с современных ГОСТов систематизации материалов в рамках типа «гвоздь» условны. Связано это с тем, что номенклатуры внутри типа, отличающиеся назначением и, соответственно, размерно-весовыми характеристиками, зависели от потребностей рынка и заказов

ремесленников. Несмотря на общую схожесть, виды гвоздей имели региональные особенности [15. С. 61].

Еще сложнее разобраться с классификациями самого массового археологического материала – керамики. Разные методы ее типологий уже рассматривались автором [16. С. 142–144]. Большая часть проведенных исследований была нацелена лишь на систематизацию материала и не предусматривала рассмотрение глиняной посуды в рамках окружающей ее культурной среды. А ведь в культуре русских сибиряков глиняная посуда вышла из повседневного обихода только к середине XX в.

В свое время Л.В. Татауровой предпринималась попытка сделать типологию русской археологической посуды на основе созданной эталонной этнографической структуры [Там же. С. 147–154; 17]. Однако этнографический источник пришлось использовать только как наглядное пособие, потому что в связи с обозначенной выше проблемой предметных серий керамических типов в музейных коллекциях нет. Не поможет в данном случае и «типология глиняной посуды, приведенная в словаре В.И. Даля» [18. С. 40]. Она дает лишь описательные характеристики некоторых типов изделий, зачастую схожие для разных форм предметов, но полезна в плане понимания функций и назначения обозначенных типов. Пожалуй, выходом из этой ситуации может стать междисциплинарный подход к использованию естественнонаучных методов.

Архитипичными почти 1 200 лет в культуре разных народов и русского населения Сибири можно считать огневые приборы. Калачевидные кресала в нескольких вариантах среди других типов кресал, как и глиняная посуда, использовались до середины XX в. [8. С. 338, 339]. Их исследованию и систематизации О.А. Митько посвятил серию публикаций, объединив в них археологический материал разных периодов, территорий и народов, этнографические и письменные источники [Там же. С. 340].

Ряд предметных систематизаций сделан на основе археологических коллекций конкретных памятников.

Типология кожаной обуви Мангазеи, представленная на материалах раскопок 2001–2007 гг., построена на комплексном подходе, включающем изучение расположения артефактов в культурном слое, их типовое разнообразие, различающееся конструктивными особенностями обуви, материалом и технологиями производства изделий [19]. Собственно исследование включает несколько классификационных разделов для разных категорий находок: виды сырьевых ресурсов [Там же. С. 34–37]; типологию обуви, основанную на конструктивных и технологических отличиях фасонов [Там же. С. 37–55]; типологию обувных подковок на примере разработанной Б.А. Колчиным для древнерусских материалов [Там же. С. 55–58]; типологии других деталей костюма, выполненных из кожи, ремесленных инструментов кожевенно-обувного производства и т.д. Для реконструкции культурного контекста использования выделенных типов обуви и другой одежды из животного сырья привлекались обширные этнографические материалы, письменные источники: зарубежные, древнерусские и европейской части России, сибирские.

При огромном объеме археологического материала из Мангазеи, к сожалению, в работе недостает конструкторско-технологической и графической реконструкций выделенных типов обуви, которые позволили бы более детально сравнивать коллекции сибирских памятников с материалами европейской части России, а также с зарубежными собраниями, определить условия, влиявшие на распространение как отдельных элементов в обуви, фасонов, так и целых форм.

Другой подход в изучении обуви на материалах сельских памятников Омского Прииртышья был предложен В.Б. Богомоловым и Л.В. Татауровой. Коллекции деталей кожаной обуви систематизированы, описаны и изучены с точек зрения технологии, конструирования и дизайна. На основе полученной информации реконструирована форма изделий, выделены десять типов обуви, характерных для конца XVII–XVIII вв. Основой для выделения типов взяты назначение обуви и связанные с ним конструктивные и технологические особенности [20–23].

Отличием этого подхода от использованного для Мангазейской коллекции является то, что конструктивные детали каждого типа обуви рассматривались с позиции их расположения в целых формах, что находило воплощение в натурной реконструкции. Технологические сюжеты и детали конструкции каждого типа прорисовывались в графической модели. Культурный ландшафт использования каждого типа обуви представлялся по письменным источникам и данным этнографии.

Сложнейшей проблемой в плане интеграции различных источников является реконструкция аспектов духовной культуры. Прежде всего это относится к культовому литью. Для предметов, полученных из культурных слоев археологических памятников (крестов-тельников, икон, складней), начиная с XIX в. предложено много типологий [24. С. 39, 40].

На сибирских материалах (коллекция Илимского острога) В.И. Молодиным выработана типология крестов на основе методик А.К. Жизневского и Э.П. Винокуровой. Но в «классификационные разработки указанных авторов», внесены изменения и дополнения, которые являются «обязательным условием разработки типологии любой коллекции, поскольку создание универсальной типологии, которая учитывала бы все ставрографическое многообразие предмета, мало осуществимо» [Там же. С. 40].

В целом все имеющиеся классификации медного литья изучаются в рамках одного или нескольких исследовательских подходов.

Первый подход можно назвать сугубо искусствоведческим. Он направлен на изучение иконографии креста и аспектов, связанных с этой проблемой.

Второй можно определить как исторический. В его границах кресты-тельники рассматриваются в структуре историко-культурных комплексов, прежде всего погребальных. Особое значение имеет контекст памятника, позволяющий решать проблемы, связанные с хронологией комплекса, а следовательно, крестов, в том числе с внутренней периодизацией, вопросы имущественной и социальной дифференциации, определять черты погребальной обрядности.

Как отдельное направление по изучению крестов можно выделить историко-культурологический подход, близко стоящий по своим методикам к этнографии.

В современных исследованиях преобладает искусствоведческое направление, хотя стало появляться больше работ, в которых крест изучается в археологическом контексте: как датирующий предмет [25], конфессиональный маркер [26–28]. В Сибири развивается «технологическое» направление изучения культового литья методами естественных наук [29–32].

К сожалению, очень мало исследований в историко-культурологическом направлении. Кресты выступают как символы веры, но интерпретация каждого отдельного типа и всего типологического разнообразия в системе жизненных ценностей и внутреннего мира их носителей нам мало доступна. Ни этнография, ни письменные источники пока не дают нам на это ответа. Культовое литье изучено с точки зрения иконографии, морфологии, художественного смысла. Но эти знания не позволяют определить, по какому признаку человек выбирал тот или иной тип (вариант) креста, ведь даже деление на «мужские» и «женские» не имеет бесспорной доказательной базы.

В заключение стоит отметить, что изучение систем жизнеобеспечения и культуры повседневности русского населения Сибири в контексте общерусской культуры Нового времени при кажущемся обилии археологического и других видов источников требует создания продуманной универсальной методической основы не только для построения типологических конструкций, но и для их репрезентативной интерпретации. Это позволит выполнить углубленный сравнительный анализ «европейского» и «сибирского» вариантов русской культуры в XVI–XIX вв., выявить общее и особенное, проследить традиции и инновации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татаурова Л.В. Специфика археологического источника Нового времени // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (36). С. 98–103.
2. Клейн Л.С. Археология и этнография: проблема сопоставления // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, 1998. Т. 3. С. 29–65.
3. Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления. Методы. Москва : Наука, 1988. С. 95.
4. Томилов Н.А. Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, 1996. Т. 1: Культура тарских татар. С. 10–25.
5. Татаурова Л.В. О методике получения этноархеологического источника // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск : Наука, 2011. С. 213–230.
6. Артемьев А.Р. О типологии и хронологии некоторых бытовых предметов XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 260–267.

7. Татаурова Л.В. «В горнице моей светло»: осветительные приборы в русских жилищах (по материалам археологических комплексов XVII–XVIII вв. Омского Прииртышья) // *Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время*. Томск : Д-Принт, 2017. С. 167–171.
8. Митько О.А. Кресала из археологических памятников русского населения Сибири // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск : Изд-во Омский ин-т РГТЭУ, 2011. С. 336–341.
9. Археология позднего периода истории // *Российская археология*. 2005. № 1. С. 81–89.
10. Артемьев А.Р. Памятники истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования*. Владивосток : Дальнаука, 2007. Т. 5, ч. 1. С. 124–171.
11. Самигулов Г.Х. Историко-археологические исследования русских поселений Нового времени Урала и Сибири. К вопросу о методологии исследований // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. Пермь, 2007. Вып. 4. С. 113–119.
12. Шаповалов А.В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири: XVII – первая половина XX в. Новосибирск : Прогресс-Сервис, 2002. 257 с.
13. Коваленко О.В. Глиняні люльки XVII–XVIII століть (за матеріалами Полтавщини). Описне : Українське Народознавство, 2008. 144 с.
14. Коваленко О.В. Курительные трубки XVII–XVIII веков (по материалам левобережной Украины) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 1. С. 242–249.
15. Корчагин П.А. Возможности интерпретации археологических источников Позднего средневековья и Нового времени: гвозди // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск : Изд-во Омский ин-т РГТЭУ, 2011. С. 56–62.
16. Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // *Современные подходы к изучению древней керамики*. М. : ИА РАН, 2015. С. 142–154.
17. Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума*. Новосибирск : Наука, 1998. Т. 3. С. 88–123.
18. Самигулов Г.Х. Письменные и археологические источники Нового времени (замечки об интерпретации материала) // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 1. С. 113–119.
19. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург : Магеллан, 2011. 216 с.
20. Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2016. № 44 (2). С. 109–117.
21. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 2. С. 7–18.
22. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Коты – кожаные туфли без каблука (по археологическим материалам Омского Прииртышья) // *Народный костюм Сибири*. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 20–22.
23. Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология*. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 107–120.
24. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : Инфолио, 2007. 248 с.
25. Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // *Вестник Омского университета*. 2012. № 4. С. 222–226.
26. Молодин В.И. Старообразческие нательные кресты из Илимской коллекции // *Исторический ежегодник. Специальный выпуск*. Омск : Изд-во ОмГУ, 2001. С. 20–30.
27. Молодин В.И. Очерки по ставрографии. Красноярск, 2008. 164 с.
28. Татаурова Л.В. Нательные кресты как конфессиональный маркер (по археологическим материалам русского комплекса Изюк-1) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. Т. 23, № 2. С. 28–32.
29. Сальникова И.В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология*. 2016. Т. 15, № 5. С. 50–69.
30. Сальникова И.В. Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология*. 2016. Т. 15, № 7. С. 39–48.
31. Татаурова Л.В. Тишкин А.А. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // *Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки*. 2018. № 1 (17). С. 220–231.
32. Боброва А.И. Нательные кресты с Тискинского курганного могильника // *Археология, этнография, антропология Евразии*. 2004. № 4. С. 107–115.

Larisa V. Tataurova, Omsk Laboratory of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of RAS (Omsk, Russian Federation). E-mail: li-sa65@mail.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF AN ARCHAEOLOGICAL SOURCE OF MODERN TIME

Keywords: Russian Siberians; archeology; methodology; typology; source.

In the formation of the archaeological source of Modern time on the materials of Russian sites in Siberia it is important to take into account the peculiarities of ethnographic (selectivity, different from archaeological methods of processing) and written (fragmentary) sources. This is especially important in the construction of typological structures, the interpretation of which should lie in a certain cultural landscape of the studied population. There are different typologies in available publications. The part is based on original archaeological, as well as techniques developed for the ancient Russian materials, and the selected types are verified by ethnographic analogies, including written sources. Some typologies are built on ethnographic basis with the use of encyclopedic publications (assortment, purpose, name, use), and also museum collections. Archaeological object complexes in such typologies are processed according to archaeological requirements. The third are based on archaeological methods of material processing, but written and ethnographic sources cannot be used for their interpretation. Different approaches to systematization of archaeological collections do not allow to get a complete picture in the study of elements of life support systems and culture of everyday life. Although there are successful examples of typologies that complement each other, for example, in the study of smoking accessories. Some subject complexes (ceramics, steels) continued to be used in the 20th century. Systematization of fire apparatus due to a small variety of types proved to be representative. Typologies of archaeological ceramics are diverse and poorly comparable with ethnography, so to solve the problem of their systematization requires additional research, including natural scientific methods. Classification of nails with orientation to modern standards shows that in the making of these items, despite the similar purpose, there were regional differences in production. There are serious difficulties in ethnographic interpretation of typologies of spiritual culture objects, such as cult casting. So far, the selected types have been studied more from the point of view of art history and historical and archeological context within the framework of the cultural layer of the site, funeral rites, confessional features, and technological traditions. The diversity of methodological approaches does not

allow for comparative analysis of subject complexes in time and space. This problem is one of the most urgent in the archeology of Russians in Modern time.

REFERENCES

- Tataurova, L.V. (2015) The specificity of archaeological sources of Modern Age. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 3(36). pp. 98–103. (In Russian).
- Klein, L.S. (1998) Arkheologiya i etnografiya: problema sopostavleniya [Archeology and ethnography: the problem of comparison]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka. pp. 29–65.
- Shnirelman, V.A. (1988) Etnoarkheologiya [Ethnoarcheology]. In: Kryukov, M.V., Zelnov, I. & Shnirelman, V.A. (1988) *Etnografiya i smezhnye distsipliny, etnograficheskie subdistsipliny, shkoly i napravleniya. Metody* [Ethnography and related disciplines, ethnographic subdisciplines, schools and trends. Methods]. Moscow: Nauka. p. 95.
- Tomilov, N.A. (1996) Etnoarkheologiya i etnografo-arkheologicheskiy kompleks [Ethnoarcheology and ethnographic-archaeological complex]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka. pp. 10–25.
- Tataurova, L.V. (2011) O metodike polucheniya etnoarkheologicheskogo istochnika [On the method of obtaining an ethnoarchaeological source]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Metodika mezhdistsiplinarnykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Methodology for Interdisciplinary Archaeological Research]. Omsk: Nauka. pp. 213–230.
- Artemiev, A.R. (2005) O tipologii i khronologii nekotorykh bytovykh predmetov XVII–XVIII vv. [On the typology and chronology of some household items of the 17th – 18th centuries]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Researches]. Omsk: Omsk State University. pp. 260–267.
- Tataurova, L.V. (2017) “V gornitse moey svetlo”: osvetitel'nye pribory v russkikh zhilishchakh (po materialam arkheologicheskikh kompleksov XVII–XVIII vv. Omskogo Priirtysh'ya) [“There is light in my room”: lighting devices in Russian dwellings (based on materials from archaeological complexes of the 17th – 18th centuries in the Omsk Irtysh region)]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Kul'tury i narody Severnoy Evrazii: vzglyad skvoz' vremena* [Cultures and Peoples of Northern Eurasia: a Look Through Time]. Tomsk: D-Print. pp. 167–171.
- Mitko, O.A. (2011) Kresala iz arkheologicheskikh pamyatnikov russkogo naseleniya Sibiri [Steels from archaeological sites of the Russian population of Siberia]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* [Culture of Russians in Archaeological Research: Interdisciplinary Methods and Technologies]. Omsk: Omsk Institute of Russian State University of Trade and Economics. pp. 336–341.
- Belyaev, L.A. et al. (2005) Arkheologiya pozdnego perioda istorii [Archeology of the Late Period of History]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 81–89.
- Artemiev, A.R. (2007) Pamyatniki istorii osvoeniya russkimi Sibiri i Dal'nego Vostoka na sovremennom etape arkheologicheskogo izucheniya [Monuments of the history of the development of Siberia and the Far East by the Russians at the present stage of archaeological study]. In: Artemiev, A.R. & Artemieva, N.G. (eds) *Russkie pervopromkhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv.: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya* [Russian pioneers in the Far East in the 17th – 19th centuries: historical and archaeological research]. Vol. 5(1). Vladivostok: Dal'nauka. pp. 124–171.
- Samigulov, G.Kh. (2007) Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya russkikh poseleniy Novogo vremeni Urala i Sibiri. K voprosu o metodologii issledovaniy [Historical and archaeological research of Russian settlements of the New Age in the Urals and Siberia. On the research methodology]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. 4. pp. 113–119.
- Shapovalov, A.V. (2002) *Ocherki istorii i kul'tury potrebleniya tabaka v Sibiri: XVII – pervaya polovina XX v.* [Essays on the history and culture of tobacco consumption in Siberia: the 17th – first half of the 20th century]. Novosibirsk: Progress-Servis.
- Kovalenko, O.V. (2008) *Glinyani lyul'ki XVII–XVIII stolit' (za materialami Poltavshchiny)*. Opischnya: Ukrain'ske Norodoznavstvo.
- Kovalenko, O.V. (2014) Pipes of the 17th – 18th centuries (based on left-bank Ukraine materials). In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 242–249.
- Korchagin, P.A. (2011) Vozmozhnosti interpretatsii arkheologicheskikh istochnikov Pozdnego srednevekov'ya i Novogo vremeni: gvozdi [Possibilities of interpreting archaeological sources of the Late Middle Ages and the New Age: nails]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* [Culture of Russians in Archaeological Research: Interdisciplinary Methods and Technologies]. Omsk: Omsk Institute of Russian State University of Trade and Economics. pp.56–62.
- Tataurova, L.V. (2015) O tipologii russkoy keramicheskoy posudy XVIII v. [On the typology of Russian pottery of the 18th century]. In: Tsetlin, Yu.B. (ed.) *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki* [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics]. Moscow IA RAN, 2015. pp. 142–154.
- Tataurova, L.V. (1998) Tipologiya russkoy keramiki (po etnograficheskim materialam) [Typology of Russian ceramics (based on ethnographic materials)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka. pp. 88–123.
- Samigulov, G.Kh. (2014) Written and Archaeological Sources in Modern Period Archeology (Notes on Material Interpretation). In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 113–119. (In Russian).
- Vizgalov, G.P., Parkhimovich, S.G. & Kurbatov, A.V. (2011) *Mangazeya: kozhanye izdeliya (materialy 2001–2007 gg.)* [Mangazeya: leather products (materials of 2001–2007)]. Ekaterinburg: Magellan.
- Tataurova, L.V. & Bogomolov, V.B. (2016) Women's High Heel Leather Shoes from 17th–18th Century Russian Villages Near Omsk. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2016. № 44 (2). pp. 109–117. (In Russian).
- Bogomolov, V.B. & Tataurova, L.V. (2014) Funeral Leathern Footwear of Russians in the Omsk Irtysh Region in the 17th – 18th centuries In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 7–18. (In Russian).
- Bogomolov, V.B. & Tataurova, L.V. (2017) Koty – kozhanye tufli bez kabluka (po arkheologicheskim materialam Omskogo Priirtysh'ya) [Koty – leather slippers without a heel (based on archaeological materials from the Omsk Irtysh region)]. In: Fursova, E.F. (ed.) *Narodnyy kostyum Sibiri* [Siberian Folk Costume]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 20–22.
- Tataurova, L.V. & Bogomolov, V.B. (2018) Low and Medium Heeled Women's Leather Shoes (Based on Materials from Russian Archaeological Complexes of Omsk Irtysh Region). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 17(7). pp. 107–120. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-7-107-120
- Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Pectorales of the Ilimsky gaol]. Novosibirsk: Infolio.
- Kromm, I.D. & Berdnikov, I.M. (2012) [Revealing the possibility of dating the stavrographic collection of the Omsk Priirtysh region by the method of comparative analysis with materials from the necropolises of Irkutsk. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4. pp. 222–226. (In Russian).

26. Molodin, V.I. (2001) Starobryadcheskie natel'nye kresty iz Ilimskoy kollektzii [Old Believers' pectorales from the Ilim collection]. In: Berezhnova, M.L. & Yakub, A.V. (eds) *Istoricheskiy ezhegodnik. Spetsial'nyy vypusk* [Historical Yearbook. Special Issue]. Omsk: Omsk State University. pp. 20–30.
27. Molodin, V.I. (2008) *Ocherki po stavrografii* [Essays on Stavrography]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
28. Tataurova, L.V. (2016) Pectoral crosses as confessional markers (on archaeological materials of Russian complex Izyuk-I). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 23(2). pp. 28–32. (In Russian).
29. Salnikova, I.V. (2016) Elemental analysis of orthodox copper art casting as a method of chemico-technological attribution. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 15(5). pp. 50–69. (In Russian).
30. Salnikova, I.V. (2016) Statistical analysis of chemical-technological research on copper baptisval cross collection from Ilimsk fortress. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 15(7). pp. 39–48. (In Russian).
31. Tataurova, L.V. & Tishkin, A.A. (2018) Results of X-ray Fluorescence Analysis of Cult Casting Products from the Collections of Archaeological Objects of the 17th – 18th Centuries Among the Russian Population of the Omsk Irtysh Region. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Historical Studies*. 1(17). pp. 220–231. (In Russian).
32. Bobrova, A.I. (2004) Natel'nye kresty s Tiskinskogo kurgannogo mogil'nika [Pectoral crosses from the Tiskinsky burial ground]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 107–115.

УДК 902 (571.1)
DOI: 10.17223/19988613/69/10

Ю.П. Чемякин

СТРАТИГРАФИЯ ГОРОДИЩ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА БАРСОВ ГОРОДОК III/2–3

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена анализу раскопок городищ Барсов городок III/2–3. При их исследовании были изучены остатки девяти построек в границах оборонительной системы и шести за их пределами. Стратиграфические наблюдения в ходе раскопок и анализ керамической коллекции позволили выделить три последовательно сменявшихся культурных типа, позднее отнесенных к белоярской, калининской и кулайской культурам.

Ключевые слова: ранний железный век; Сургутское Приобье.

До начала 1970-х гг. Сургутское Приобье на археологической карте России представляло собой практически белое пятно. Исключением являлись раскопки Ф. Мартина средневекового могильника Барсов городок, долгие годы являвшегося важнейшим источником по средневековой истории таежного Приобья [1, 2], и небольшие по объему работы В.А. Посредникова [3] в бассейне р. Вах. Ситуация изменилась с началом спасательных работ Уральской археологической экспедиции УрГУ в зоне строительства железнодорожного моста через р. Обь и железной дороги Тюмень–Сургут в урочище Барсова гора (правый берег р. Оби, в 8–15 км к западу от г. Сургута). В первые же годы раскопок на Барсовой горе были выявлены десятки поселений и городищ, остатки сотен жилищ, давшие оригинальные материалы от неолита до Нового времени, часто не имевшие аналогов на сопредельных территориях. Актуальной задачей стало создание культурно-хронологической схемы древностей Сургутского Приобья. И важную роль в этом сыграли стратиграфические наблюдения на ряде памятников.

Особенно остро стояла проблема датировки памятников конца бронзового – начала железного века, наиболее многочисленных среди раскопанных в зоне строительства. В 1972 г. автор исследовал городища Барсов городок III/2–3 (рис. 1). На первом плане, снятом в 1971 г. В.М. Морозовым и Н.А. Алексахеном, они были обозначены как объект 239. Памятник выглядел как двухплощадочное городище, расположенное в лесу в 350 м от края берега протоки Утоплой и окруженное руинированными остатками древних построек. Оно имело шестиугольную форму, площадь около 1 020 м². Было окружено рвом шириной 1,0–1,5 м, глубиной 0,3–0,5 м и валом шириной 1,0–3,0 м и высотой 0,2–0,4 м. На внутренних площадках фиксировались четыре впадины (от 4,0 × 3,0 до 6,5 × 4,0 м), две приподнятые площадки (11,0 × 7,0 и 9,0 × 7,5 м) и неглубокая впадина с обваловкой (9,0 × 7,5 м), окруженные канавками. Раскоп I накрыл полностью объект 239 и пять объек-

тов к северу, югу и востоку от него. В ходе раскопок выяснилось, что западная площадка представляла собой самостоятельное городище (Барсов городок III/3), возникшее на площадке более раннего памятника (Барсов городок III/2). В свою очередь, при сооружении городища Барсов городок III/2 были частично нарушены руины жилой постройки (объект 240 селища Барсова гора III/3). При анализе керамических коллекций оказалось, что они представляют разные культурные типы, позднее отнесенные к белоярской, калининской и кулайской культурам.

Наиболее ранним являлся объект 240 – одна из двух белоярских построек в раскопе. Остальные объекты, объединенные в селище Барсова гора III/3 и изученные раскопом, содержали кулайскую керамику. Объект 240 представлял собой остатки жилой постройки в виде приподнятой до 10 см над окружающей поверхностью площадки с обваловкой. Высота обваловки до 8 см от уровня площадки, ширина до 2 м. Вокруг нее (исключая западную часть, разрушенную рвом) находилось 8 внешних ям округлой или овальной формы размерами от 1,5 × 0,9 до 2,9 × 2,7 м, глубиной 35–65 см. Жилище подпрямоугольное, продольной осью было ориентировано по линии З–В. Размер его 11,0 × 5,5 м. Пол, судя по залеганию керамики, проходил на уровне погребенной почвы или чуть ниже. Вдоль продольной оси жилища обнаружено 2 очага в виде линз бурой супеси, подстилавшихся проколами. Напротив северо-восточного угла постройки находилась самая большая внешняя яма округлой формы диаметром около 3,5 м. Она осталась, по-видимому, от хозяйственного сооружения (пристройки), углубленного в землю примерно на 0,5 м.

В жилище найдены керамика, обломки тигля и маленькая фигурка из бронзы (рис. 2, 11). Среди фрагментов девяти сосудов шесть котловидных, один чашевидный и один горшковидный (см. рис. 2). Форма еще одного не установлена. Есть три поддона (не исключено, что два из них в действительности небольшие

неорнаментированные чаши; см. рис. 2, 4). Все венчики, кроме двух, орнаментированы. Узоры покрывают и верхнюю часть сосудов. Они представляют собой горизонтальные пояски вертикальных и наклонных, редко горизонтальных, оттисков различных штампов (змейковидных на 3 сосудах, птичководных 2 экз.,

гребенчатых 4 экз., треугольных 2 экз. и ромбических 1 экз.). Под венчиком, чуть ниже первого орнаментального пояса или поверх него, расположен так называемый разделительный пояс в виде ряда ямок. Посуда типична для белоярской культуры [4. С. 69–70, рис. 56].

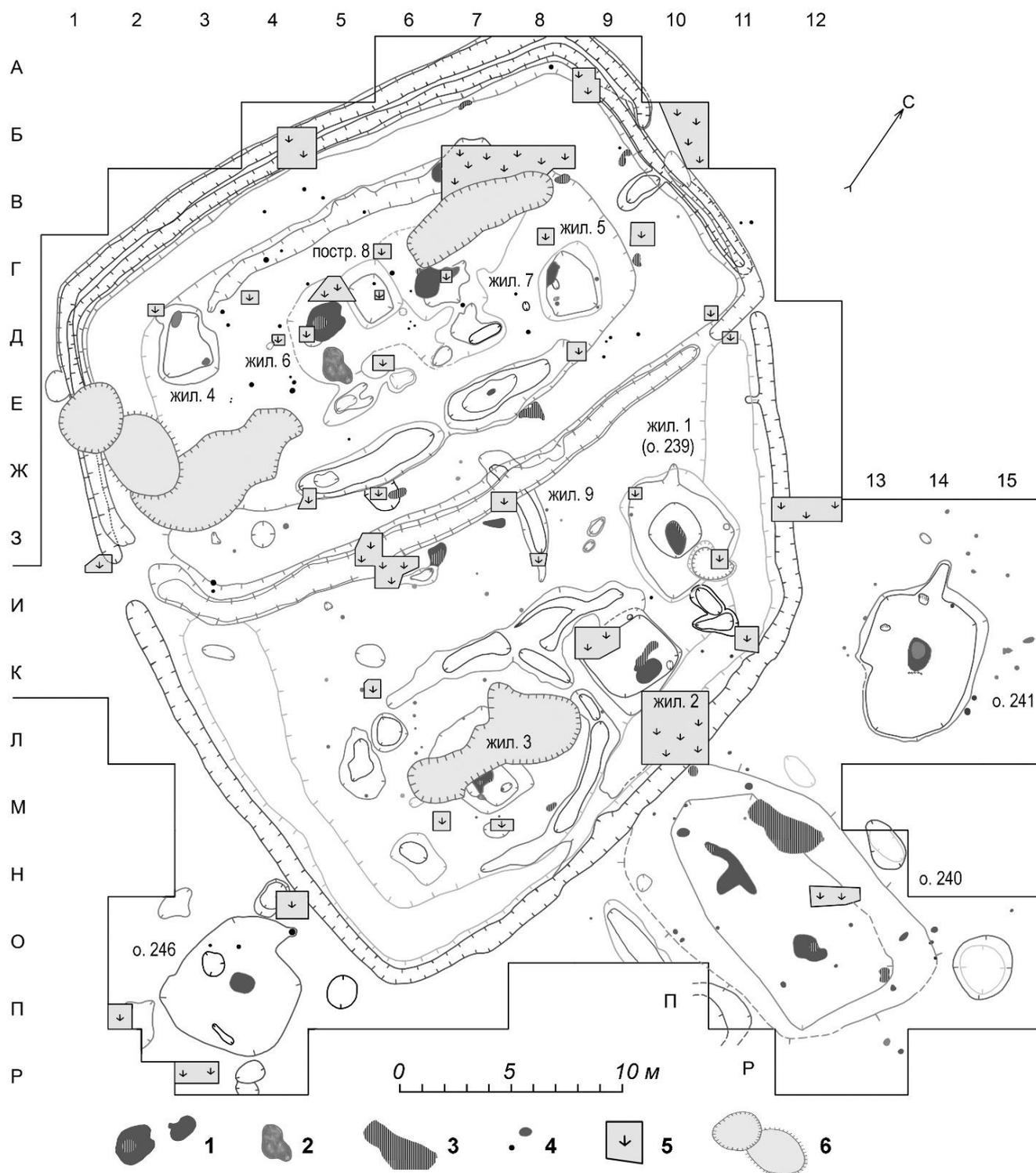

Рис. 1. Городища Барсов городок III/2–3. План раскопа:

1 – очаги; 2 – выбросы из очагов; 3 – прокалы; 4 – ямки от столбов; 5 – пни, деревья; 6 – современные разрушения; А – уровни фиксации объектов белоярской культуры; Б – уровни фиксации объектов калининской культуры; В – уровни фиксации объектов кулайской культуры; Г – фиксации объектов, культурно не определенных

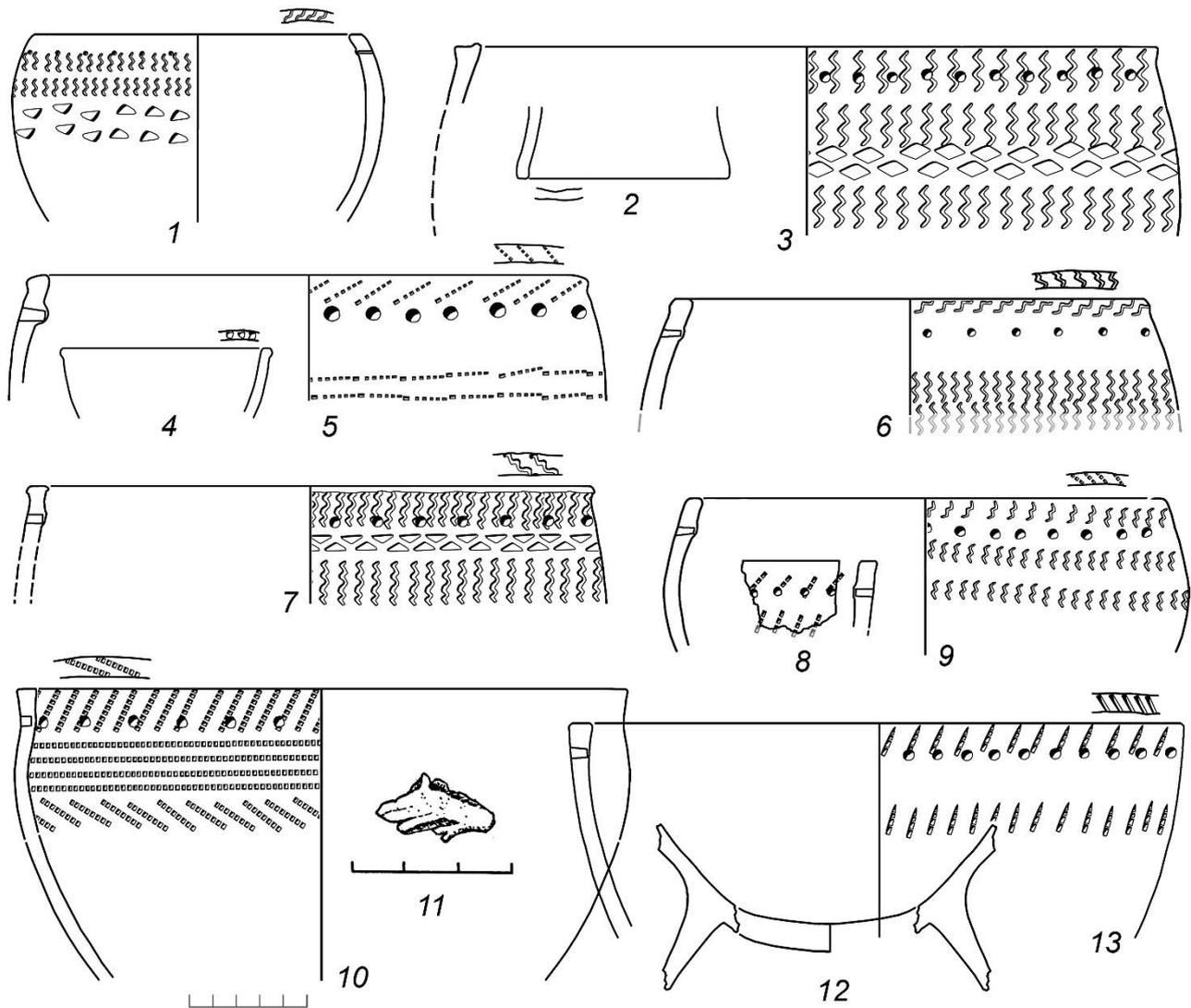

Рис. 2. Селище Барсова гора III/3, объект 240 (белоярская культура):
1–10, 12, 13 – керамика; 11 – культовое литье (бронза)

Западная стена жилища и обваловка с этой стороны были нарушены рвом городища Барсов городок III/2, имевшим шестиугольную (близкую к прямоугольной) форму, максимальный размер $37,0 \times 34,0$ м. Оно было окружено валом и внешним рвом. Ров в профиле параболический, шириной 1,0–1,5 м, глубиной 0,8–1,15 м от уровня древней поверхности. Вал сильно расплылся, ширина его составляла 1,0–3,0 м, высота до 0,3 м от древней поверхности. Выходы из городища находились в углах с северо-восточной и юго-западной сторон. Раскопками выявлено пять построек, относившихся к городищу. Три наземных жилища, примыкавших друг к другу длинными сторонами и разделенных обваловками и внешними канавами, располагались вдоль вала с юго-западной стороны. Две углубленных постройки примыкали к крайним из них.

Жилище 2 выглядело как неправильно-округлая впадина диаметром около 4 м, углубленная на 25 см. Ее восточная сторона примыкала к валу, южная – к жилищу 3. Котлован жилища подквадратной формы размером $3,5 \times 3,7$ м был углублен на 25–35 см. Стенки его относительно крутые, пол понижался к центру.

Выход не обнаружен. В центре находился очаг в виде вытянутого прокала, с южной стороны перекрытого бурным очажным слоем, содержащим мелкие фрагменты костей. Мощность прокала 5–8 см. С восточной стороны к нему примыкала овальная яма размером $1,3 \times 0,75$ м, глубиной до 35 см от уровня пола. С западной стороны в нее спускался языком толщиной 5 см темно-бурый очажный слой. Находок в яме нет. В северо-восточном углу жилища зафиксирована еще одна яма $0,4 \times 0,23$ м, глубиной 16 см. В северо-западном углу котлована находился округлый камень диаметром около 15 см. У северной стенки лежал раздавленный сосуд, декорированный вдавленными палочками.

С западной и частично южной сторон жилище окружала канава 1, примыкавшая к его северо-западному углу. С восточной стороны к жилищу подходила канава 2. Обе являлись продолжением канав вокруг жилища 3.

Жилище 3 находилось в юго-восточном углу городища. Его центральная часть была разрушена современной канавой, в результате чего впадина не фикси-

ривалась на поверхности, но наблюдалась ее обваловка. Размер объекта вместе с ней примерно $8,0 \times 7,5$ м. С южной стороны к жилищу примыкали две внешние овальные ямы, с трех других его окружали две канавы.

Котлован жилища подпрямоугольной формы размером около $4,4 \times 3,5$ м был углублен на 15–20 см от уровня древней поверхности. Стенки его покатые, пол слегка понижался к центру. В центре находился очаг, разрушенный современной ямой. Сохранилась часть линзы бурой супеси с большим содержанием органики, в том числе мелко фрагментированных костей, а также керамики и обломков тиглей. Размер ее $1,0 \times 0,5–0,7$ м, толщина 5–6 см. В центре под линзой был прокол толщиной 6 см. В северо-восточном углу жилища выявлена овальная яма размером $0,5 \times 0,3$ м, глубиной 20 см от уровня пола. В котловане и вокруг него обнаружено 12 столбовых ям.

Жилище было окружено обваловкой, сложенной из песка, взятого из вырытых с внешней стороны ям и канав. Высота ее 15–30 см от уровня древней поверхности, ширина около 1,5 м. Под насыпью в юго-восточном углу найдены развалы трех сосудов, лежавших на погребенной почве. С восточной стороны под обваловкой зафиксированы прокол и яма овальной формы размером $1,0 \times 0,7$ м, глубиной около 30 см от древней поверхности. Еще одна яма находилась с южной стороны.

Вокруг жилища с внешней стороны обваловки находились ямы и канавы. Канавы 1 шириной 0,6–2,2 м протянулась с юга на север на 12,5 м, окаймляя западные стороны жилищ 2 и 3. Ее северный конец, загибаясь к востоку, подходил вплотную к жилищу 2. От ее середины отходило ответвление длиной 2,2 и шириной 1,5 м, разделявшее два жилища. В профиле канава параболическая, в заполнении были видны следы заплывов – прослойки погребенного подзола, на дне отмечен слой погребенной почвы. Канавы 2 с восточной стороны жилища имела вид пологой дуги длиной 11 и шириной до 1 м. В профиле она параболическая, заполнение такое же, как в канаве 1. С южной стороны жилища зафиксированы три ямы размерами от $1,7 \times 1,5$ до $3,3 \times 2,0$ м, глубиной до 50–65 см от древней поверхности. Их заполнение – желтый песок со следами заплывов, на дне погребенная почва мощностью 5–10 см.

Жилище 4 в юго-западном углу городища представляло собой овальную впадину размером $3,5 \times 2,7$ м, углубленную на 35 см. С запада она примыкала к валу. Котлован жилища был углублен на 85–90 см от уровня древней поверхности. Заполнение – сверху белый подзол мощностью до 25 см, прорезавшийся примерно посередине линзой желтого песка. Под ним желто-серый песок, подстилавшийся погребенной почвой, общей толщиной до 28 см. Этот слой образовался во время существования позднего городища. Ниже залегал желто-серый песок, у пола приобретающий темно-серую, почти черную окраску; его мощность до 35–40 см. Слой относится к раннему городищу. Очертания позднего котлована размером $3,3 \times 2,6$ м зафиксированы на глубине –20 см. Он имел подпрямоугольную форму с небольшой выемкой в северном углу,

ориентирован в направлении СЗ–ЮВ. Жилище имело небольшие уступы с северо-западной и юго-восточной сторон. Второй, возможно, связан с выходом. Стенки жилища покатые, пол неровный, углубленный в юго-западной половине, где достигал 80–95 см от уровня древней поверхности.

На глубине –45 см в восточном углу котлована, связанного с ранним периодом, фиксировалось овальное очажное пятно в виде линзы светло-коричневого песка с включениями органики размером $0,35 \times 0,25$ м, толщиной 7 см. Следов прокала не выявлено. В метре к юго-западу от очага стоял сосуд, украшенный гладким штампом. Недалеко от него обнаружена линза из рыбьей чешуи. На удалении до 1,5 м от жилища с северной и восточной сторон отмечен ряд столбовых ям, а в 1 м к югу зафиксированы два больших прокала.

Жилище 6 на поверхности было выражено слабо. Его окружала валообразная насыпь. Размеры жилища вместе с обваловкой около $15,0–16,0 \times 9,0$ м. Ширина насыпи 2,0–3,0 м, высота около 30 см от окружающей поверхности. Котлован жилища вытянутых пропорций был углублен на 15–20 см от уровня древнего горизонта. В северной части он полностью разрушен более поздними сооружениями. Ширина его около 4,0 м, длину установить невозможно. Стенки пологие, пол неровный. В южной части жилища находился очаг в виде неправильно-овальной линзы темно-бурого слоя мощностью до 30 см, насыщенного мелкими фрагментами костей и керамикой. Ее размер $1,6 \times 1,5$ м. В центре отмечен прокол толщиной до 7 см. Под очагом находилась округлая яма диаметром около 1,0 м, глубиной 40 см. Очевидно, в центре жилища находилась яма округлой формы диаметром 0,4 м, глубиной 15 см. В ней найден развал сосуда, украшенного гладким штампом.

За пределами жилища с южной стороны зафиксированы столбовые ямки. Возможно, к жилищу относятся и ямки, выявленные в его северной и центральной частях. С восточной стороны жилища под обваловкой выявлена цепочка из 4 ям размерами от $1,0 \times 0,5$ до $1,5 \times 0,5$ м, глубиной 25–50 см. В их заполнении фиксировались слои заплывов, в том числе связанные с поздним городищем. В нижних слоях одной из ям найдена керамика, декорированная гладким штампом.

Возможно, с конструкцией жилища 6 связаны канавы 4–6. Канавы 4 и 5 вытянуто-овальной формы, ориентированы по линии СВ–ЮЗ, в профиле трапециевидные, размерами $7,0 \times 1,9$ и $6,7 \times 2,2$ м, глубиной 50–60 и до 80 см соответственно. Находились в линию с восточной стороны жилища и цепочки ям, в 1,5 м от последних. В придонной части канавы 4 встречены фрагменты керамики. Восточнее канав выявлена цепочка прокалов различных размеров. Мощность их не превышала 3 см. Канавы 6 длиной 16,0 и шириной 0,7–1,0 м находилась с западной стороны жилища, между ним и валом. В профиле параболическая, глубиной 70–75 см. У северного конца она делала поворот к востоку и обрывалась в современной яме. В придонной части канавы найдена керамика, украшенная гладким штампом.

Жилище 9 было разрушено рвом городища Барсов городок III/3 и на поверхности не наблюдалось. Судя по выявленным деталям, это была наземная постройка, расположенная между жилищами 3 и 6 и примыкавшая южной стеной к валу. С западной и восточной сторон она была ограничена канавами 1 и 4, общими с жилищами 3 и 6 соответственно, с северной стороны – канавой 3. Вдоль продольной (?) оси жилища выявлено два очага в виде линз бурой супеси, насыщенных органикой, мелкими фрагментами костей. Южный очаг неправильной формы, размером $1,8 \times 0,8$ м, толщиной 7–10 см, подстилался ярко-оранжевым прокалом мощностью до 5 см. В очажном слое найдены мелкие фрагменты керамики и обломок бронзовой пластинки. К очагу примыкала яма размером $1,1 \times 0,5$ м, глубиной 30 см. Северный очаг грушевидной формы, размером $1,1 \times 0,45$ м, толщиной до 10 см. В нем также найдены мелкие обломки сосудов, украшенные гладким штампом. В центральной части постройки зафиксировано шесть столбовых (?) ямок. Предположительно, вдоль южной стены жилища находились две ямы размерами $0,4 \times 0,35$ и $1,3 \times 1,0$ м, глубиной 17 и 10 см.

Канавы 3 на поверхности выглядела как углубленная на 10 см впадина, вытянутая по линии СЗ–ЮВ. Длина ее 7,5 м, ширина 1–1,5 м. В западной части она нарушена рвом позднего городища. В профиле канава параболическая, глубиной до 70 см. В ее придонной части найдены обломки керамики, в том числе декорированные гребенчатым и гладким штампами.

Северо-восточный сектор площадки городища не был застроен.

На памятнике найдены фрагменты тиглей и обломки минимум 55 сосудов (рис. 3). Преобладают чашевидные формы, с вертикальными или слегка отогнутыми наружу стенками. Есть слабо профилированные горшковидные, близкие чашевидным. Найдено несколько поддонов. Орнамент украшал венчики и верхнюю часть сосудов. Большая часть узоров нанесена гладким штампом, использовался также гребенчатый. Свообразием композициям придают пояски из горизонтальных отгисков, расположенных в шахматном порядке и нередко заключенных между поясками таких же отгисков, но поставленных вертикально или наклонно. Разделительный пояс под венчиком образован ямками, жемчужинами или их сочетанием. Такая керамика характерна для калинкинской культуры [4. С. 76, рис. 64].

После запустения городища через какое-то время на его западной половине было возведено новое (Барсов городок III/3), трапециевидной формы, площадью около 580 м^2 ($31,0 \times 20,0$ м). При этом с трех сторон были использованы остатки ранних фортификаций. Городище было окружено трапециевидным в сечении рвом шириной 1,0 м, глубиной 0,3–0,5 м и валом шириной 2,0–3,0 м и высотой 0,2–0,4 м. Два выхода из него находились с северной и южной сторон. Небольшой разрыв в оборонительной системе выявлен и у северо-восточного угла. На внутренней площадке наблюдались две впадины и между ними приподнятая площадка, окруженная канавами.

Жилище 5 в северной части городища представляло собой округлую впадину диаметром около 4,0 м, углубленную на 25 см. Его подпрямоугольный котлован со скошенным западным углом размером $3,5 \times 2,7$ м был углублен на 40 см. В западной части выявлен чуть углубленный очаг размером $1,2 \times 0,5$ м – линза бурой супеси толщиной до 10 см, насыщенная костями и керамикой, украшенной гребенчатым и уточковидным штампами. Рядом с ним расчищена линза рыбьей чешуи.

С жилищем 7 связан подпрямоугольный котлован размером около $4,0 \times 3,7$ м, углубленный на 20 см от древней поверхности. Почти в центре его находился углубленный очаг в виде линзы бурой супеси мощностью до 30 см с включениями кальцинированных костей, керамики, обломков тиглей и бронзовых вещей. Черепки украшены штампами в виде уточки или змейки, резе гребенчатым. Вероятно, жилище было больше котлована, и значительная часть его, судя по распространению керамики, была неуглубленной. Оно перекрывало наземное же жилище 6 предшествующего времени, из-за чего очертания обеих построек были размыты. С внешней стороны жилище было ограничено ямами и канавами 4–6, возникшими еще вокруг постройки предыдущего периода и использовавшимися вторично. В канаве 6 в позднем слое выявлен очаг – округлая линза бурой супеси диаметром около 1,0 м, толщиной до 20 см, насыщенная костями, керамикой, украшенной гребенчатым и уточковидным штампами, обломками тиглей.

К котловану жилища 7 с южной стороны примыкала постройка, на поверхности выглядевшая как округлая впадина диаметром около 3,0 м, глубиной 15–20 см. Она осталась от прямоугольного котлована размером $2,8 \times 2,25$ м, глубиной 30–35 см от древней поверхности. Кроме нескольких фрагментов керамики, декорированных гребенчатым штампом и штампами в виде уточки или змейки, в нем ничего не найдено. Постройка носила, видимо, хозяйственный характер и возникла на месте жилища 7 в результате перестройки.

Еще одна постройка (4а?) была сооружена во впадине от жилища 4. Котлован ее имел подпрямоугольную форму с небольшой выемкой в северном углу, размер $3,3 \times 2,6$ м. В его юго-западной половине в слое, связанном с поздним городищем, зафиксировано пятно прокала $0,8 \times 0,3$ м, мощностью до 10 см. Прокал начинался на глубине –30 см и достигал уровня –60 см. В заполнении постройки найдена калинкинская керамика, на мой взгляд, попавшая туда при заплыве выкида из котлована, содержащего ранние материалы.

С городища Барсов городок III/3 происходят обломки тиглей, капли бронзы, фрагменты 32 сосудов (рис. 4). Это преимущественно горшковидные круглодонные емкости, с вертикальной или чуть отогнутой наружу шейкой, украшенные горизонтальными поясками разнонаклонных отгисков гребенчатого, гладкого и различных фигурных (в виде уточки, птички, скобки) штампов. Разделительный пояс выполнен ямками, жемчужинами, в том числе приплюснутыми, или их сочетанием. Сосуды типичны для кулайской культуры [4. С. 84–86, рис. 73–74].

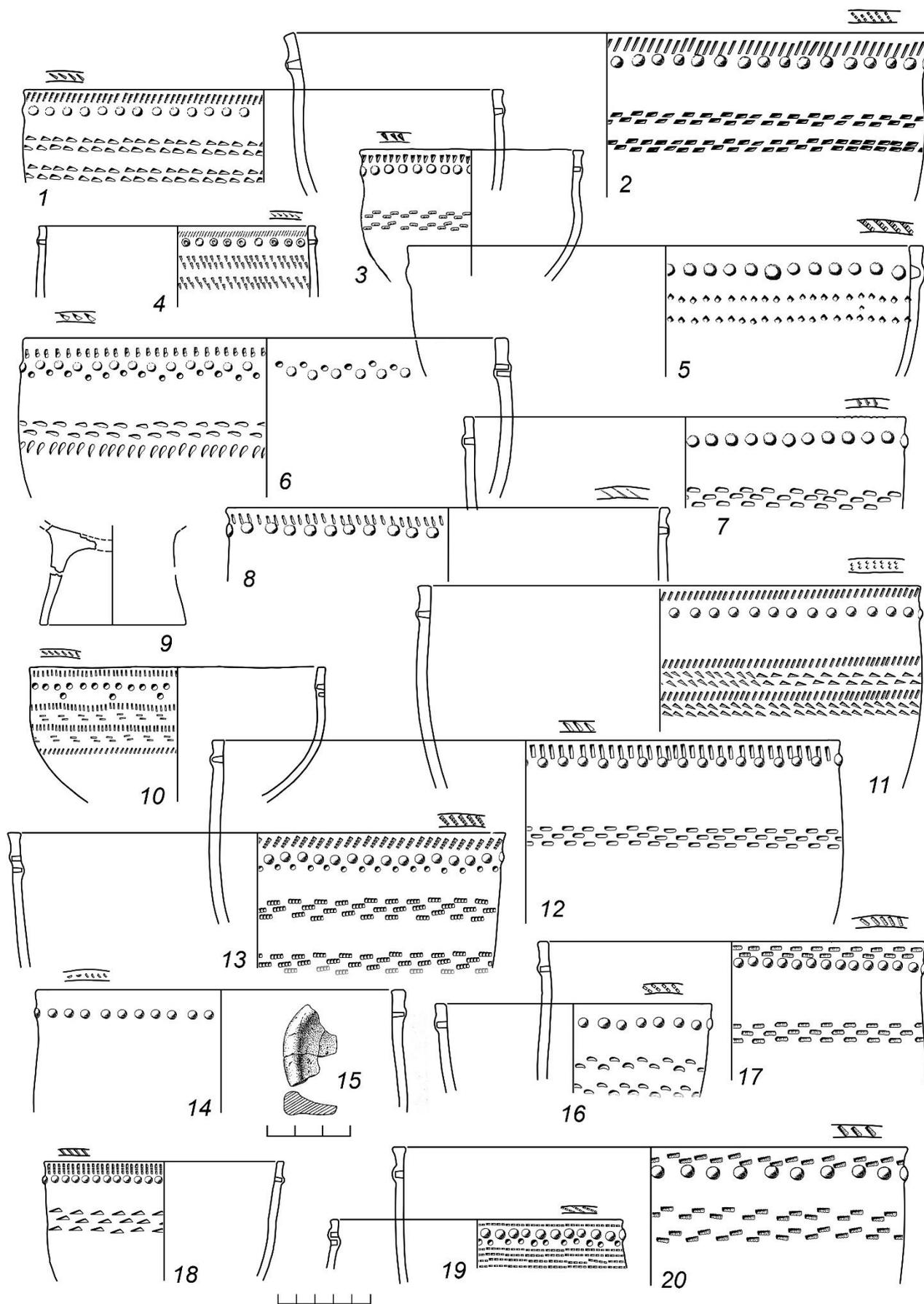

Рис. 3. Городище Барсов городок III/2 (калинкинская культура):
1-14, 16-20 – керамика; 15 – обломок тигля (глина)

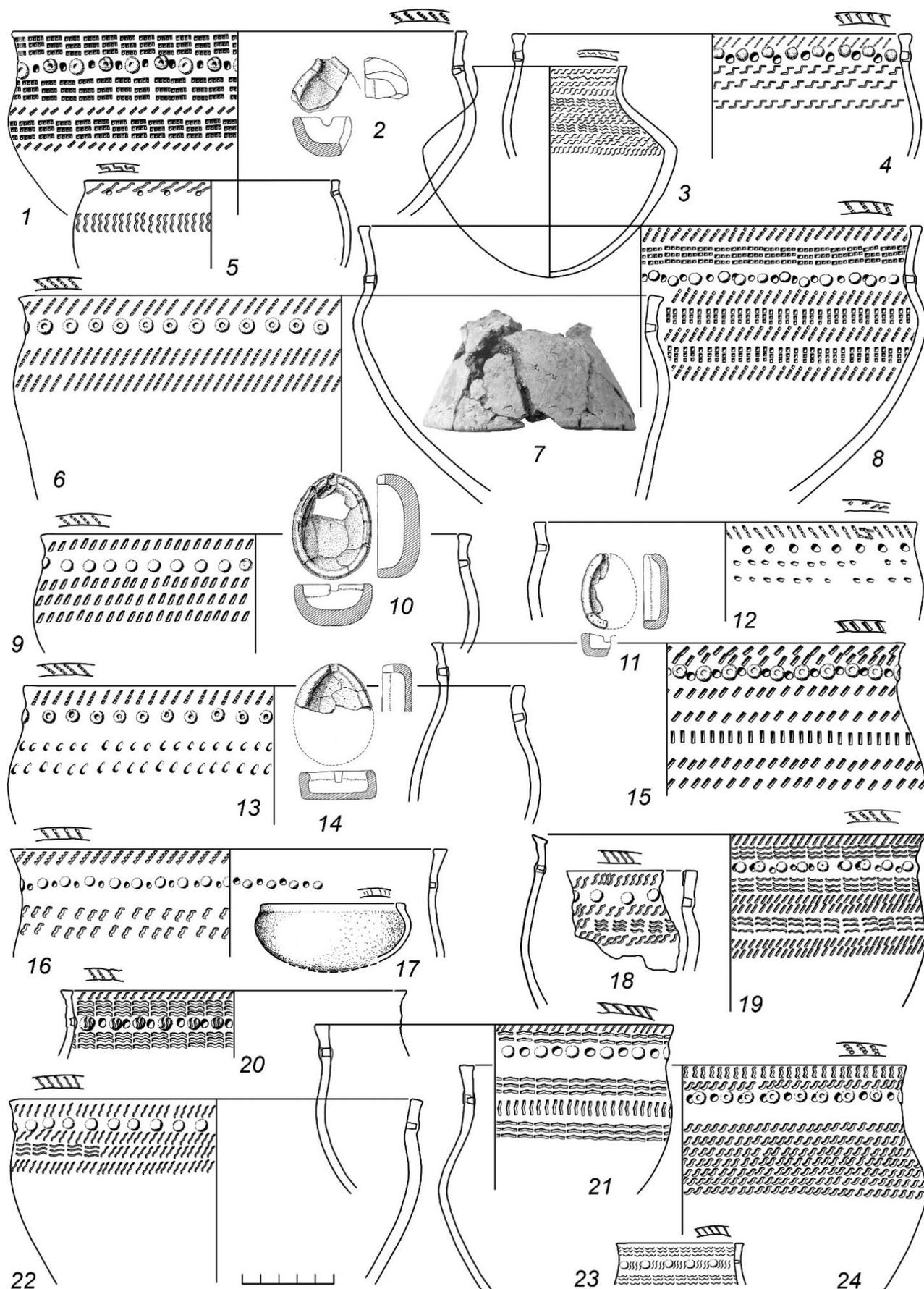

Рис. 4. Городище Барсов городок III/3, селище Барсова гора III/3 (кулайская культура):
 1, 3-9, 12-13, 15-24 – керамика; 2, 10, 11, 14 – тигли (глина); селище Барсова гора III/3:
 1, 4, 5 – объект 239; 3 – объект 241; остальное – городище Барсов городок III/3

Восточнее городища Барсов городок III/3, на площадке городища Барсов городок III/2, было исследовано еще одно подпрямоугольное жилище I размером 5,5×4,7 м, глубиной 40–50 см от древней поверхности (позднее ему был присвоен № 239). В центре котлована в яме находился очаг размером 1,55 × 0,8 м. На дне ямы зафиксирована углистая прослойка. Юго-восточнее очага найден раздавленный сосуд, украшенный штампом в виде уточки, в других местах были обломки еще двух горшков (см. рис. 4, 1, 4, 5). Жилище, вероятно,

одновременно городищу III/3. Кроме того, за пределами городища, но в непосредственной близости от него, раскопаны еще четыре постройки с кулайской керамикой (см. рис. 4, 3).

Стратиграфия, прослеженная при раскопках городищ Барсов городок III/2–3, позволила выделить три хронологических этапа и культурных типа керамики, а впоследствии и три археологических культуры эпохи раннего железа Сургутского Приобья: белоярскую, калинкинскую и кулайскую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arne T.J. Barsoff Gorodok. Ein westsibirisches Gräberfeld aus der Jüngerer Eisenzeit. Stockholm, 1935. 131 p.
2. Арне Т.Й. Барсов Городок. Западносibirский могильник железного века. Екатеринбург ; Сургут : Уральский рабочий, 2005. 184 с.
3. Посредников В.А. Большеларьякское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 5. С. 65–93.
4. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.

Yury P. Chemyakin, Ural state pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: yury-che@yandex.ru

STRATIGRAPHY OF EARLY IRON AGE SETTLEMENTS BARSOV GORODOK III/2–3

Keywords: early Iron Age; Surgut Ob region.

Ural State University started working in the Surgut Ob region in the early 1970s. Their work during this time allowed to create a cultural-chronological scheme of early historical developments in the region. Studies of multilayer stratified sites, like the settlements of Barsov Gorodok III/2–3, played an important role in this process. During their excavations, the remains of 9 buildings inside and 6 outside the defensive system were carefully studied. Stratigraphic observations and analysis of the ceramic pottery made it possible to distinguish three successive cultural types. All types of pots are characterized by decoration of only the upper part of the vessel, a belt of dimples or pearls under the rim, round or pointed bottom, and the presence of pallets.

The earliest are the remains of dwelling 241. It was a large above-ground structure with two hearths, where fragments of pottery, crucibles and a bronze figurine were unearthed. Most of the ceramic pots have the shape of a cauldron. They are decorated with belts of vertical and inclined, rarely horizontal imprints of various stamps: in the form of a snakes, birds, combs, triangles and rhombuses. Such vessels are typical for the Beloyarskaya culture. The western wall of the dwelling was broken by a Barsov Gorodok III/2 settlement's moat.

This settlement was surrounded by a rampart together with an outer moat and had two exits. Five buildings were found within the rampart, as well as crucibles and fragments of 55 ceramic pots. Pottery types in the form of bowls prevail. Its patterns are applied with a smooth, sometimes comb stamp. Belts of horizontal imprints arranged in a checkerboard pattern and often confined between the belts of the same vertical or inclined imprints, give a very specific look to these patterns. Such pottery is typical to the Kalinkinskaya culture.

This settlement was abandoned and after a while a new one, named Barsov Gorodok III/3, was built on the same place. It was half the size, and the ruins of the old fortification were used to build it from three sides. In three excavated buildings fragments of crucibles, drops of bronze and fragments of 32 ceramic pots were found. For the most part these pots have vertical or slightly bent outward neck. They are decorated with belts of differently inclined imprints of smooth, comb-like, and various figurative (including duck-like) stamps. This pottery is typical for the Kulai culture.

Stratigraphy, that have been identified during excavations of Barsov Gorodok III/2–3 settlements made it possible to distinguish three chronological stages and cultural types of pottery, and subsequently three archaeological cultures of the Early Iron Age of Surgut Ob region: Beloyarskaya, Kalinkinskaya and Kulai cultures.

REFERENCES

1. Arne, T.J. (1935) *Barsoff Gorodok. Ein westsibirisches Gräberfeld aus der Jüngerer Eisenzeit*. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets.
2. Arne, T.J. (2005) *Barsov Gorodok. Zapadnosibirskiy mogil'nik zheleznogo veka* [Barsov Gorodok. West Siberian burial ground of the Iron Age]. Translated from German by Zh.N. Trufanova. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skiy rabochiy.
3. Posrednikov, V.A. (1973) Bol'shelar'yakskoe poselenie II – arkheologicheskii pamyatnik Surgut'skogo Priob'ya [Bolshelaryak Settlement II – an archaeological monument of the Surgut Ob region]. In: Moshinskaya (ed.). *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University. pp. 65–93.
4. Chemyakin, Yu.P. (2008) *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgut'skogo Priob'ya. Drevnost'* [Barsova Gora: essays on the archeology of the Surgut Ob region. Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati.

УДК 904(470.51):393(=511.131)(045)
DOI: 10.17223/19988613/69/11

Е.М. Черных

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ И ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ СРЕДИ УДМУРТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ШАРКАНСКОГО МОГИЛЬНИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматриваются особенности нового погребального памятника одной из групп удмуртов, датируемого по находкам монет в составе погребального инвентаря. Основные черты погребального обряда в основном характеризуют православный канон, в то время как сопровождающий инвентарь манифестирует приверженность языческому мировоззрению. Привлечение свидетельств миссионеров и документов XIX в. позволяет понять исторический контекст археологического источника и дать одно из объяснений такому симбиозу в традиционной культуре удмуртов на раннем этапе их христианизации.

Ключевые слова: удмурты; христианизация; язычество; погребальный обряд.

Шарканская группа удмуртов выделяется в структуре удмуртского этноса особенностями диалекта, традиционной культуры [1. С. 113; 2. С. 159–168; 3. С. 38–52]. До начала XX в. шарканские удмурты населяли северо-восточную окраину Сарапульского уезда Вятской губернии. На востоке район граничит с территорией Пермского края и, если бы не близость Камско-Воткинского завода, в прошлом вполне отвечал понятию «медвежьего угла». В составе населения района удмурты и сегодня составляют большинство (83,6%); а в середине XIX в. единичные русские деревни можно было встретить только вдоль основного тракта, связывавшего волостной центр – с. Шаркан – с заводом, да еще в северо-восточном, затерянном в лесах «углу», где сформировался небольшой старообрядческий «анклав».

Повсеместное распространение христианства среди удмуртов, как считается в официальной историографии, пришлось на XVIII в., когда Российским государством и Православной Церковью были предприняты целенаправленные усилия по искоренению язычества среди инородцев. Статистика демонстрирует почти полную вовлеченность удмуртов в православную веру к концу этого столетия (по данным П.Н. Луппова, 98%) [4. С. 188]. Но даже столетие спустя, в начале XX в., в отчетах вятских генерал-губернаторов можно видеть указания на наличие значительных групп удмуртов-язычников. Неслучайно важнейшей миссией Церкви на протяжении XVIII–XIX вв. рассматривалось утверждение новокрещенных в православии. В указах миссионерам и православному духовенству удмуртских приходов среди языческих заблуждений вотяков, с коими надлежало бороться, непременно упоминались языческие поминки и обращение к предкам за помощью [5. С. 104–110, 126–127].

Со времени публикации П.Н. Лупповым на рубеже XIX–XX вв. значительного корпуса материалов по

христианизации удмуртов эта тема систематически становилась предметом внимания историков, этнографов, краеведов. Но тем не менее некоторые социально-ментальные особенности распространения православной веры среди язычников-удмуртов могут быть существенно дополнены и поняты с введением в научный оборот археологических источников, прежде всего после раскопок могильников. По данным Н.И. Шутовой, обобщившей в конце 1980-х гг. результаты археологического изучения удмуртских кладбищ позднего Средневековья и Нового времени, подавляющее их большинство оказалось заброшенным в начале XVIII в. [6. С. 97]. По мнению исследовательницы, обращенных в новую веру удмуртов на родовых языческих кладбищах уже не хоронили. К такому выводу склоняет и ряд распоряжений Св. Синода о необходимости расселения крещеных и язычников. Однако, как показывает статистика, результативность таких указов была минимальной – во всей Вятской епархии было переселено только три (!) семьи [5. С. 105]. В то же время некоторые документы содержат прямые указания на сохранение обычаев среди удмуртов хоронить на старых кладбищах: «да оные новокрещенцы мертвые тела свои отвозят на старые свои шаймы в леса» (искаженное «шай», т.е. кладбище. – Е.Ч.) [7. С. 186]. Шарканский могильник, спасательные раскопки которого были проведены в 2019 г. [8. С. 4–5], предоставил новые основания считать, что разрыв во взаимоотношениях язычников и новокрещенных одной деревенской общины не был радикальным.

Новый памятник был обнаружен при строительных работах в черте современного с. Шаркан, и, как можно видеть по архивным материалам, территория кладбища уже в начале XX в. находилась под усадебными участками. Это была северная окраина села, конец основной сельской улицы (Церковная), через которую проходил тракт, связывавший село с Воткинским за-

водом на юге и с. Дебесы на Сибирском тракте – на севере. Дома по улице и приусадебные участки с покосами здесь принадлежали церковному причту. Сама церковь, построенная и освященная в честь св. апостолов Петра и Павла в 1838 г., располагалась на другом конце улицы, в 500 м от выявленного кладбища. Опрос жителей села в ходе раскопок показал, что о старинных захоронениях здесь мало кто слышал, сохранились лишь робкие высказывания хозяев близлежащих домов о находках человеческих костей при копке ям-погребов.

Раскопками в границах землеотвода под строительство изучено 42 погребения с 66 костяками¹. Могила располагалась на длинном языковидном отроге водораздельного склона, с севера и юга ограниченном небольшими речками – Шаркан и Малый Шаркан. Ширины мысовидного выступа достаточно было для размещения на нем только одной сельской улицы. Кладбище же занимало южный пологий склон, обращенный к р. М. Шаркан. Довольно четко выявляется расположение могил в рядах, вытянутых с севера на юг. При очевидной разреженности могил отмечены единичные случаи подхоронения родственников в существующую могилу и нарушения одной могилы другой. В целом можно говорить о соответствии размеров ям антропометрическим характеристикам погребенных. Форма ям прямоугольная, реже – овальная. Ориентировка умерших – головами на ЮЗ или З. Поскольку для языческих могильников удмуртов господствующей считается северная ориентация с сезонными отклонениями к СВ или СЗ [6. С. 65], в данном случае уже явно чувствуется влияние православного канона. Случаи юго-западной и западной ориентации погребенных были прежде выявлены в могильниках XVIII в., где христианские черты также хорошо заметны: Можгинский I, Чужьяловский, Ляльшурский вужшай [Там же. Табл. 7]. Следованием христианскому канону можно считать и большую в среднем глубину захоронений; показатель этого признака для Шарканского могильника очень неустойчив – от 0,2 до 1,3 м. В языческих могильниках глубина редко превышает 0,8 м от современной поверхности [Там же. С. 60]. В нескольких случаях удалось установить характер погребальных конструкций: это были узкие ящики, сколоченные из расколотых вдоль еловых сучковатых бревен, без гвоздей. Но в большинстве могил зафиксированы лишь следы тлена под костяками. Таким образом, по признаку погребального обряда «характеристика погребальных сооружений» выявленный могильник в большей степени соответствует христианским.

В то же время бросается в глаза большое количество коллективных захоронений на изученном участке кладбища (16 могил, 39%). Это совместные захоронения взрослых – женщина и мужчина (2 погребения), захоронения детей (4 погребения), взрослые с детьми: женщина (или две женщины) с детьми (7 погребений), мужчина с детьми (3 погребения). Факт более позднего помещения детей в могилу установлен лишь трижды (по разрушению частей основного скелета в месте подхоронения). Количество мужских и женских захоронений примерно равное – 15 и 12. Среди умерших

мужчин абсолютно преобладают пожилые – старше 45 лет (их 10)². Средний возраст смерти в шарканской выборке 40 лет. Совсем нет молодых мужчин призывного возраста. Зато среди женских костяков около половины принадлежали особям детородного возраста – 20–30 лет. Процент детских захоронений высок – на их долю приходится 59%, причем 32 погребения (т.е. более 82%) принадлежали новорожденным и детям до 2 лет. Данные цифры в целом не противоречат уже известным данным: Н.И. Шутова отмечала, что высокая детская смертность вообще была характерной для удмуртов XVI–XIX вв. [Там же. С. 87–88]. Тогда как практика коллективных погребений, скорее всего, – дань прежним языческим традициям.

На то, что часть захороненных в момент смерти являлись паствой православной церкви, помимо некоторых особенностей погребального обряда, безусловно, указывают находки в могилах христианских крестов. Всего найдено 24 нательных крестика³ в 17 могилах: 5 – в погребениях взрослых мужчин; 5 – в женских, 14 крестиков сопровождали захоронения детей. Велика доля погребений (75%), когда помимо нательного креста с умершими укладывали предметы быта, орудия, украшения одежды, что свидетельствует, несмотря на влияние православия, о довольно прочных языческих традициях в данной социальной группе.

Значительное количество предметов в составе погребального инвентаря для христианских кладбищ вообще несвойственно. В мужских погребениях Шарканского могильника обычными были железные ножи и скобы для подвешивания топора, как правило, уложенные на поясе, т.е. на месте их ношения при жизни. Довольно необычным выглядит погребение 19, в котором крупный нож – длиной 35 см – был уложен поперек груди умершего. Но этот мужчина старше 45 лет был захоронен с крестиком на груди. По поверьям удмуртов, крупные ножи в погребения XVI–XVIII вв. укладывались как экзотические атрибуты гадателей, ворожеев, знак их магической силы. Удмурты верили в силу и мощь ножа, используя его в заговорно-заклинательной практике. Нож выполнял важную функцию в проведении выборов удмуртского жреца *туно*.

Столь же широко, как в утилитарной сфере, при похоронах и поминках у удмуртов, всю жизнь проводивших в лесу, использовались топоры, способные оградить живых людей от соприкосновения с миром мертвых [9. С. 192–197].

В женских погребениях частой находкой являлись стеклянные бусы разнообразной формы и цветовой гаммы. В детских погребениях нательный крестик почти всегда встречался в низке с двумя-тремя бусинками. Помимо бус, в составе женских комплектов были обнаружены медные перстни и браслет, гребень с зооморфной рукоятью. В одном случае в изголовье умершей были уложены костяная игольница и деревянный футляр с маленькими щипчиками, очень характерные находки для погребений бассейна Чепцы и Верхней Камы в более ранний период, V–XIV вв. Женщин хоронили в особом головном уборе, также расшитом бусами, бисером и монетами и, очевидно, манифестирующем особенности местной этнической

традиции. Так, этнографы отмечают, что среди традиционных женских головных уборов шарканских удмуртов отсутствует *айшон* – высокий головной убор на твердой основе. Здешние удмуртки носили холщевый чепец с разомкнутым верхом и завязками на затылке, называвшийся *подурга*. Поверх подурги надевали платок, украшенный аппликацией. Праздничный платок украшали еще и вышивкой позументной нитью «вприкреп». По мнению И.А. Косаревой, подурга обнаруживает близкое подобие в бесермянском уборе *кашту* и в уборе закамских удмуртов *манлай* [3. С. 41]. Возможно, следы позумента и бисер, выявленные в особом порядке в области головы и плеч захороненных на могильнике женщин (например, погребение 20), можно рассматривать как остатки такого головного убора.

Шарканский могильник дал неожиданно яркие этнографические параллели, сохранив во влажном глинистом грунте ряда погребений органические материалы (дерево и кожу). Так, и в мужских, и в женских захоронениях обнаружены детали кожаных рукавиц, намеренно разорванных (или разрезанных) и уложенных компактно рядом с умершими. Это были обычные рабочие рукавицы, но некоторые с тисненым орнаментом. Иногда внутри рукавиц (ладонная часть или надпалок) были уложены медные монеты. Выдающийся этнограф и священник Г.Е. Верещагин, долгое время проживший среди шарканских удмуртов, оставил на этот счет следующие свидетельства: «...Положив тело в гроб, кладут мужчине шапку, рукавицы, деньги, коточик и, кто курил табак, трубку и пр., приговаривая, что пусть он там не нуждается в этих вещах...» [10. С. 45]. Действительно, в трех мужских погребениях были найдены детали курительных трубок, вырезанных из капа – древесного нароста. В дневниковых заметках Д.Г. Мессершмидта, проезжавшего через удмуртские земли в первой половине XVIII в., находим, что промысел капа среди удмуртов был чрезвычайно развит, а чаши из него, искусно выточенные русскими мастерами в Хлынове (Вятке), охотно скупались путешественниками [11. С. 101–102]. По всей видимости, не только чаши...

Характер погребальной обрядности, фиксируемой в Шарканском могильнике, свидетельствует об устойчивом двоеверии удмуртов. Под двоеверием в данном случае рассматривается «религиозная система, в которой языческие верования и обряды сохраняются под наружным слоем христианства» [12. С. 12]. Православные миссионеры и приходские священники в XIX в. были единодушны в оценке религиозного сознания удмуртов: «Хотя вотяки в Глазовском уезде уже крещены, но доселе почти все, за малыми исключениями, сильно придерживаются языческих заблуждений... и при неимении ими элементарных понятий о православной вере, у вотяков истинная вера во многих случаях заменяется различными суевериями; лучше ска-

зать, вотяк двоевер: он и Богу истинному поклоняется, и языческие божества не позабывает умиловать» [13. С. 543–544].

Дата захоронений на кладбище устанавливается по монетам (всего найдено 95 экз. в 38 погребениях). Самая старшая монета датирована 1746 г., самая младшая – 1840 г., с учетом того, что ближайший православный приход был открыт в с. Чутырь в 1752 г. (40 верст от Шаркана, если по прямой; в обход некоторых непроходимых и сейчас участков лесов – значительно больше). К нему относилась и Шарканская волость. С появлением первых новокрещенных из числа местных удмуртов хоронить их на прежнем кладбище было затруднительным (тем более что языческие кладбища удмуртов, как правило, принадлежали отдельным воршудно-родовым группам), а возить в Чутырь или «в завод» – еще сложнее. Вот и был положен почин выделить место для нового кладбища на северной окраине деревни. Но в 1764 г., в процессе церковной реформы, последовало упразднение новокрещенской конторы, а следом, в 1773 г., вышел указ Екатерины II о веротерпимости. Количество крещений резко пошло на спад. Шарканские удмурты отныне хоронят членов своих семей, независимо от вероисповедания, на одном кладбище. Удмуртские семьи были многочисленными, многоколенными: кладбище заполнялось быстро.

В 1837 г. в д. Лонлэсь-Докья (будущее с. Шаркан) был выделен самостоятельный приход из приходов Чутырского и Камско-Воткинского завода. Неудивительно, что с. Шаркан становится центром притяжения для крестьян из разных мест этого края: крестившиеся предпочитали селиться ближе к церкви. В 1838 г. в Шаркане была построена церковь, освященная во имя св. апостолов Петра и Павла [14. С. 293]. По свидетельству протоиерея Воткинского Благовещенского собора о. Василия Блинова, о строительстве церкви хлопотали сами новокрещенные (подчеркнуто нами. – Е.Ч.) вотяки Шарканской волости, «причем обещали давать причту приличное содержание и предоставлять квартиры до постройки домов» [15. С. 13].

Таким образом, резюмируя приведенные факты, а также учитывая общую датировку погребений, можно высказать предположение, что на выявленном кладбище удмурты д. Лонлэсь-Докья хоронили членов своей общины, одновременно и новокрещенных, и язычников. Этому способствовала общая обстановка, сложившаяся в тот момент в делах православной миссии. По всей видимости, продолжаться это могло до начала 1840-х гг., до открытия в Шаркане самостоятельного прихода и строительства православного храма. После строительства и освящения храма последовало выделение нового участка под православное кладбище, а старое было со временем забыто. В начале XX в. место было занято усадьбами того самого причта, что полтора столетия так усердно трудился на поприще борьбы с языческим культом вотяков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Формат спасательных раскопок ограничил возможности для полного исследования выявленного объекта, а с учетом плотной застройки в этой части села не представляется пока выполнимой задача определения действительных границ его территории.

² Половозрастные определения умерших выполнены кандидатом исторических наук И.Г. Широковым (МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург)

³ По данным, собранным Н.И. Шутовой, на 107 поздних удмуртских могильников XVI – первой половины XIX в. приходилось не более 10 находок нательных крестиков [б. С. 239–258].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева С.Х., Атаманов М.Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 112–150.
2. Атаманов М.Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск : Удмуртия, 2005. 216 с.
3. Косарева И.А. Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения). Ч. I: Текст // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. Т. 37, № 2. 196 с.
4. Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 390 с.
5. Берестова Е.М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века) : социально-культурная деятельность. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. 232 с.
6. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. : по данным могильников. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 364 с.
7. Хрестоматия по истории Удмуртии. Ижевск, 2007. Т. 1: Документы и материалы. 1136–1917. 816 с.
8. Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Спасательные археологические работы на территории Удмуртской Республики // Археологические открытия в Удмуртии – 2019. Ижевск, 2020. С. 4–6.
9. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции : опыт комплексного исследования. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.
10. Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края // Собрание сочинений : в 6 т. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. Т. 1. 260 с.
11. Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Ижевск : Удмуртия, 2001. 224 с.
12. Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России. М. : Индрик, 2004. 216 с.
13. Крекнин С. Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. 1889. № 11. С. 542–563 // Коробейников А.В., Чураков В.С. Православные священники об удмуртах : аннот. хрестоматия. URL: <http://books.google.ru/books?printsec=frontcover&id=J2FhWSyuKLOC>
14. Православные храмы Удмуртии : справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Изд. 2-е. Ижевск, 2017. 607 с.
15. Веселых И.Е. Шаркан. Страницы истории. Шаркан, 1998. 170 с.

Elizaveta M. Chernykh, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: emch59@mail.ru

THE LAST PAGANS AND THE FIRST CHRISTIANS AMONG THE UDMURTS IN THE CONTEXT OF THE FUNERAL RITES OF THE SHARKAN CEMETRY (2ND HALF OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURY)

Keywords: Udmurts; Christianization; paganism; burial rite.

The study is dedicated to explaining the archaeological evidence of the simultaneous burial of pagans and newly baptized in a common cemetery. The conviction established in the regional scientific literature claims that christianized Udmurts were not buried in pagan cemeteries (Udmurt “Shai”).

Primary sources of the proposed research are funeral rite and grave goods of the previously unknown necropolis, discovered during the construction work on the territory of the modern village Sharkan, Udmurt Republic. Another group of sources consists of ethnographic materials and historical documents that testified process of the conversion of the Sharkan Udmurts to Orthodoxy in the second half of the 18th - first half of the 19th centuries. The new archaeological site was explored during the rescue archaeological work. The site was occupied by residential buildings before construction began. 42 graves with 66 skeletons were examined in the excavation. The graves were arranged in clear rows, had a rectangular shape in plan, sizes corresponded to the anthropometric characteristics of the buried. The depth of the pits varied from 0.2 to 1.3 m. The dead were placed in narrow plank boxes made of spruce blocks (without nails), or on decks, stretched out on their backs, with their heads facing west or southwest. Thus, formally, burials correspond to the Christian canon. But at the same time, the large percentage of collective burials (almost 40 %) is, i.e. joint burials of adults, adults with children, only children. The paleodemographic parameters of the group (58 % of the deceased are children, the average age of death of adults is 40 years) corresponded to those expected for the groups of the population of Russia in the New Age, in which high infant mortality is compensated by high fertility. No traces of violent death were found in the burials; pathologies are rare, as are lifetime traumas.

The presence and variety of accompanying implements clearly reflected the pagan beliefs of the buried, despite the fact that in 24 of them Orthodox crosses were found. The variety of the artifacts is common for the pagan burial grounds of the Udmurts of the late Middle Ages and early modern times. Explanations for some of the most striking objects in burials are easily found in the traditional culture and beliefs of the Sharkan Udmurts of the 19th century, primarily in the ancestors' cult.

Referring to the written sources suggests that this burial ground, dated according to the accompanying inventory (priority is given to coins), was left by a local group of Udmurts (one village – Lonles-Dokya), some of whom had already been baptized, but continued to observe the previous pagan rituals, which is found explanation in the policy of the state and the Church in the second half of the 18th–early 20th century.

REFERENCES

1. Lebedeva, S.Kh. & Atamanov, M.G. (1987) Kostyumnye komplekсы udmurtov v svyazi s ikh etnogenezom [The Udmurt costumes and their ethnogenesis]. In: Atamanov, M.G. (ed.) *Problemy etnogeneza udmurtov* [Problems of the Ethnogenesis of the Udmurts]. Ustinov: Research Institute under the Council of Ministers of the Udmurt ASSR. pp. 112–150.
2. Atamanov, M.G. (2005) *Ot Dondykara do Ursyugurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyugurt. From the history of the Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya.
3. Kosareva, I.A. (2017) Etnograficheskie gruppy udmurtskogo naroda (opyt vydeleniya) [Ethnographic groups of the Udmurt people (the experience of identification). Part I: Text]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete – Proceedings of The Society for History, Archaeology and Ethnography at the Kazan University*. 37(2).

4. Luppov, P.N. (1999) *Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestiy o nikh do XIX v.* [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them until the 19th century]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
5. Berestova, E.M. (2005) *Pravoslavnaya tserkov' v Udmurtii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'* [Orthodox Church in Udmurtia (second half of the 19th – early 20th century): Social and cultural activities]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
6. Shutova, N.I. (1992) *Udmurty XVI – pervoy poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov* [The Udmurts of the 16th – first half of the 19th century: based on burial grounds]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature.
7. Anikina, G.K. et al. (2007) *Khrestomatiya po istorii Udmurtii* [The Reader on the History of Udmurtia]. Vol. 1. Izhevsk: Udmurtiya.
8. Perevozchikova, S.A. & Chernykh, E.M. (2019) Spasatel'nye arkhologicheskie raboty na territorii Udmurtskoy Respubliki [Rescue archaeological work on the territory of the Udmurt Republic]. In: Perevozchikova, S.A. et al. *Arkheologicheskie otkrytiya v Udmurtii – 2019* [Archaeological discoveries in Udmurtia – 2019]. Izhevsk: [s.n.]. pp. 4–6.
9. Shutova, N.I. (2001) *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian religious monuments in the Udmurt religious tradition: a comprehensive study]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
10. Vereshchagin, G.E. (1995) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collection of Works: in 6 vols]. Vol. 1. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
11. Napol'skikh, V.V. (2001) *Udmurtskie materialy D.G. Messershmida* [D.G. Messerschmidt's Udmurt Materials]. Izhevsk: Udmurtiya.
12. Levin, Iv. (2004) *Dvoeverie i narodnaya religiya v istorii Rossii* [Dual faith and folk religion in the history of Russia]. Moscow: Indrik.
13. Kreknin, S. (1889) Votyaki Glazovskogo uezda i kratkiy ocherk khristianskoy missii sredi nikh [The Votyaks of the Glazovsky district and a brief sketch of the Christian mission among them]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. pp. 542–563.
14. Kutyavin, A.N. & Tronin, A.A. (eds) (2017) *Pravoslavnye khramy Udmurtii: spravochnik-ukazatel' po dokumentam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Udmurtskoy Respubliki* [Orthodox Churches of Udmurtia: a reference guide to the documents of the Central State Archives of the Udmurt Republic]. 2nd ed. Izhevsk: Udmurtiya.
15. Veselykh, I.E. (1998) *Sharkan. Stranitsy istorii* [Sharkan. Pages of History]. Sharkan: [s.n.].

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

УДК 39:94(4/5)"16/19"
DOI: 10.17223/19988613/69/12

И.Р. Атнагулов

ФЕНОМЕН НАГАЙБАКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ И РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧАЛА XX в.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена анализу развития новых этнических процессов в Поволжье и Приуралье, причиной которых стала русская колонизация. На историко-этнографическом материале автор рассматривает генезис и механизм появления новой этнической идентичности – нагайбаков, решающую роль в которых сыграли тесные контакты с русскими казаками и политика государства. Нагайбаки в своем развитии прошли путь от сословия казаков в составе крещеных татар до народа с оригинальной культурой и самосознанием. Феномен нагайбакской идентичности рассматривается как результат политико-административного, социального и культурного воздействия русских.

Ключевые слова: славяне; тюрки; этноистория; идентичности; нагайбаки.

Введение

Славяно-тюркские взаимодействия в панораме этнических процессов Евразии имеют тысячелетнюю историю. Со второй половины XVI в. их интенсивность возросла настолько, что одним из результатов стало возникновение новых идентичностей. Эти процессы наблюдались повсюду, но особенно заметны они были в Среднем Поволжье и Приуралье. Русское государство, заботясь о защите новых границ и безопасности на приграничных территориях, занялось социальным строительством среди местного аборигенного и вновь прибывающего сюда восточнославянского населения. Одной из важнейших задач в этом деле было формирование у неславянских народов лояльного отношения к новым властям. Реализация этой программы происходила на фоне непрекращающихся народных восстаний среди татар, чувашей, марийцев, удмуртов и башкир. Начались они с момента взятия Казани Иоанном Грозным в 1552 г. и закончились в последней трети XVIII в. – в период окончания крестьянской войны под предводительством Е. Пугачёва.

Деятельность государственного аппарата по приведению неславянского населения в подчинение российскому законодательству и его интеграции в русское культурное пространство осуществлялась по трем основным направлениям – политико-административному устройству, социальной организации и культурному влиянию. Вниманию читателя предлагается сюжет возникновения и развития нагайбаков – новой идентичности как продукта государственной деятельности

и сложных межэтнических контактов в Среднем Поволжье и на Южном Урале.

Нагайбакский феномен является удобным примером для объяснения причин, движущих сил и механизмов возникновения и трансформаций новых идентичностей. Генезис и развитие нагайбакской идентичности являются одним из эпизодов в длительной истории славяно-тюркских взаимоотношений и контактов. Например, появление казачьих объединений между Доном и Яиком не позднее первой половины XIV в. было связано в том числе с присутствием и активным участием в этом процессе тюркских компонентов [1. С. 165; 2. С. 3–4]. Институт степной вольницы, использовавший в качестве самоназвания слово «казак», был известен широко – от Северного Причерноморья до Западной Сибири. Как эндоэтноним он исторически закрепился как среди части славяноязычного (русского и украинского) населения, так и тюркского – этнос казахов.

В происхождении нагайбаков принимало участие множество этнических групп, о чем подробно будет сказано ниже. Присутствия среди них каких-либо восточнославянских компонентов не наблюдается. Говоря о нагайбаках как о продукте славяно-тюркских взаимоотношений, следует иметь в виду контакты политические, социальные и культурные. Последние проявлялись в первую очередь в религиозной политике. Формирование этой группы произошло по историческим меркам весьма стремительно. По окончании Оренбургской экспедиции 1730–1740-х гг. П.И. Рычковым была написана книга, в которой показаны социальные условия возникновения нагайбакской идентично-

сти, описан этнический, сословный и конфессиональный состав их субстрата [3. С. 204–209].

Религиозная политика

Первой по времени реализации государственной программой было обращение средневожских татар и других народов региона в христианство. Это был один из опорных камней, заложенных в фундамент будущей нагайбакской идентичности. Принятие государственной религии мусульманами и прочими поклонниками родоплеменных культов бывшего Казанского ханства рассматривалось русскими властями как единственный путь интеграции в новое социально-политическое пространство. Результатом этой политики стало возникновение новой идентичности – крещеных татар с самоназванием-конфессионализмом «керэшен», мн. ч. – «керэшеннэр». Дальнейшее их этнокультурное развитие привело к формированию самосознания с признаками этнического, что было зафиксировано в материалах переписей населения 1926, 2002 и 2010 гг. [4–6]. В русских документах и литературе они обозначались раньше и записываются до сих пор как «кряшены». Эта группа явилась самой крупной по численности новой идентичностью, возникшей как результат русского влияния в Среднем Поволжье. Появление на этнической карте региона кряшен можно охарактеризовать как следствие культурной политики государства. Именно из среды кряшен, попав под воздействие других государственных проектов, в дальнейшем выделились нагайбаки.

Русское христианское влияние в регионе дало также обратный эффект. Следствием политики насильственной христианизации стало появление новых этноконфессиональных идентичностей с оригинальными комплексами культуры и самосознанием – чувашские мусульмане [7. С. 101] и некрещеные [8. С. 357], восточные марийцы [9. С. 14–20] и закамские удмурты [Там же. С. 91–93]. Данные группы, противясь христианизации, предпочли территориальную изоляцию, выбрав для этого башкирские земли. Они либо сохраняли прежнее религиозное состояние, либо принимали мусульманство, предпочитая сблизиться с татарами, нежели с русскими [7. С. 104–105]. Московское царство, а затем Российская империя, ставя своей задачей, очевидно, сближение народов Поволжья с русскими, получило не упрощение, а усложнение этнокультурной картины. Русское влияние отразилось не только в аккультурации и даже ассимиляции части финноугорского и тюркского населения Поволжья и Приуралья, но и в появлении множества новых этнокультурных идентичностей.

Социальное строительство

Вторым государственным проектом по формированию лояльного режима населения было сословное строительство. Осуществление данного проекта происходило уже на этнически смешанных территориях. Сложность этнокультурного состава в отдельных уездах, волостях и населенных пунктах делала необходи-

мым строгое маркирование населения по этническому, конфессиональному и социальному признакам. На протяжении XVII в. в Среднем Поволжье происходили миграционные процессы. Главным направлением передвижений населения был путь на восток – в Восточное Закамье и Приуралье. Основной массой мигрантов были русские крестьяне, как государственные, так и помещичьи, покидавшие родные места при разных обстоятельствах, но с одной целью – освобождения от феодальной зависимости и получения возможности свободно заниматься земледелием на Урале и в Западной Сибири [10. С. 314]. Вместе с русскими в миграционные потоки вовлекались и другие народы региона. Одним из ведущих факторов государственной стратегии колонизации Южного Приуралья было строительство укрепленных поселений для создания контроля над новыми границами и подавления народных восстаний среди башкир. Основными поселенцами на оборонительных линиях были прибывшие сюда из разных войск русские и малороссийские казаки, а также поверстанные в казаки крестьяне, в том числе нерусские [11. С. 330].

Среди последних наиболее заметными были старокрещеные и новокрещеные татары. Различались они по времени принятия христианства. Старокрещеные – это потомки, тех, кого обращали с 1552 г., новокрещеные – в первой трети XVIII в. В числе новообращенных были не только бывшие мусульмане, но и «идолопоклонники» [3. С. 206–207]. Это позволяет предполагать, что к ним могли примкнуть чувашские, марийские или удмурты. Весь этот конгломерат народов, именуемых в русских документах как крещеные, в XVII – первой трети XVIII в. обитал в разных уездах. Наиболее восточные группы этого населения проживали в Уфимской провинции и находились под пристальным вниманием русской администрации, особенно в связи с башкирскими восстаниями. По ходатайствам местных властей крещеных селили отдельно от татар-мусульман, опасаясь их влияния [12. С. 58–59]. В феврале 1736 г. преданность крещеных татар Уфимской провинции государственной власти была замечена и оценена императрицей Анной Иоанновной. Согласно Указу от 11 февраля их было велено перевести из ясачных в казаки [13. С. 190–198]. Как было сказано выше, одной из важнейших задач, решаемых властью на Южном Урале, было обеспечение государственной безопасности внутри региона и надежной охраны границ. Из всего инородческого населения крещеные являлись наиболее надежными. Переход части крещеных татар в сословие казаков послужил импульсом для начала формирования новой идентичности – этносословной. В дальнейшем к ним присоединяли все неславянские группы Оренбургской губернии, обращенные из мусульманства в христианство [3. С. 189–192]. Крепость, в которой находился административный центр этих казаков, была основана обер-секретарем Сената И.К. Кириловым весной 1736 г. и, в соответствии с местной топонимией, получила название Нагайбакской [Там же. С. 205].

Ближайшие сородичи нагайбакских казаков – татары христиане и мусульмане – видели в них принци-

альных отличий одно-два. Для христиан они были татарами казаками, для мусульман – татарами-казаками христианами. Все прочие этнические признаки, включая язык, были общими. Именно в этой социальной обстановке нагайбакские казаки усвоили новую идентичность – сословную. Это ощущение усиливалось в связи с регулярными контактами с русскими казаками. Вместе русскими казаки-нагайбаки отправлялись на охрану внешних линий вдоль киргиз-кайсацких степей, а также совершали длительные заграничные военные походы. Казачий быт и военный образ жизни крещеных татар-казачков очень сблизил их с казаками русскими. Среди мужчин распространилось татарско-русское двуязычие. Женщины, по словам очевидцев XIX в., еще долго сохраняли архаику в быту, одежде и не говорили на русском языке [14. С. 22; 15. С. 262].

Весной 1843 г. началось осуществление нового государственного проекта по укреплению внешних границ. С этим событием связан поворот вектора развития идентичности казаков-нагайбаков. По плану командования Оренбургского войска для создания «санитарной зоны» между враждующими друг с другом башкирами и казаками в Южное Зауралье на постоянное поселение были отправлены вместе с семьями казаки внутренних уездов. В зауральской степи для них было организовано строительство сети поселений. Этническим большинством среди них являлись русские. Крещеные татары-казаки бывшей Нагайбакской станицы были организованы в отдельные поселки, которые находились в близком соседстве с русскими. Из других этнических групп, переселенных в Зауралье, были казаки-калмыки упраздненного Ставропольского на Волге войска. Расселили их дисперсно, малыми группами в русских и нагайбакских поселках. Новыми этническими соседями казаков-нагайбаков стали казахи. Несмотря на языковое родство, между ними существовала ощутимая социальная дистанция. Крещеные татары-казаки, таким образом, оказались в принципиально новой этносоциальной среде. В отличие от прежней этнической территории, где их соседями были соплеменники неказачьего сословия, в Южном Зауралье они находились среди русского казачьего населения. Русские воспринимали их не столько как казаков или православных христиан, сколько как иноподцев, говорящих на непонятном языке, со своими этнокультурными особенностями. Благодаря близкому соседству с русскими и влиянию русской позиции на идентичность татар-казачков, последние начали ощущать себя отдельным народом. Внешнее название «нагайбакские казаки», или просто «нагайбаки», стало восприниматься как этноним. Сами нагайбаки активно использовали его при общении с русскими и другими народами. Внутригрупповым самоназванием продолжало оставаться «керэшеннэр» (см. выше). Такое правило использования этнонимов сохраняется и в настоящее время [12. С. 249].

Этническая идентичность нагайбаков складывалась хотя и в условиях преобладающего русского окружения, но при некоторых контактах с тюркоязычными соседями – казаками и башкирами [16. С. 179–180]. Имеются данные о сохранении в XIX в. родственных

связей нагайбаков Верхнеуральского уезда с крещеными татарами Белебеевского уезда [15]. Находясь под значительным русским влиянием, нагайбаки раньше других тюрков стали говорить по-русски [14. С. 22]. Ближайшими тюркоязычными соседями нагайбаков являлись и до сих пор являются казахи. Роль нагайбаков в славяно-тюркских взаимоотношениях на Южном Урале заключается в создании этнического симбиоза русских, нагайбаков и казахов. Владея в одинаковой степени русским и казахским языками, нагайбаки стали своего рода «культурным мостом» между этими народами.

Формирование нагайбакской идентичности принимает законченную форму в конце первого десятилетия советской власти. Социально-политические реформы советского государства отменили прежнюю сословную структуру общества, а официальная атеистическая политика, проводимая властями, конфессиональную идентичность низвела до минимального значения. Обе эти идентичности у нагайбаков (сословная и конфессиональная), к тому же ослабленные во второй половине XIX в., к концу третьего десятилетия XX в. перестали быть актуальными окончательно. В документах по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. они впервые отмечены как отдельный народ с этнонимом «нагайбаки». Это явилось катализатором дальнейшего развития этнической идентичности нагайбаков, которая, как известно, получила импульс развития с 1843 г. – времени переселения в Южное Зауралье. Дальнейшее развитие нагайбакской идентичности оказалось под воздействием государственной национальной политики, связанной с сокращением списка народов СССР. Нагайбаки, как и прочие татароязычные идентичности (кряшены, тептяри, мещеряки), стали фиксироваться в документах как «татары». Здесь следует обратить внимание на то, как отдельные представители нагайбаков реагировали на смену идентичности. Часть нагайбаков Чебаркульского района Челябинской области предпочитала выбирать вместо татарской русскую идентичность [12. С. 382]. Это объясняется тем, что они, в отличие от нагайбаков Нагайбакского района, проживали в одних деревнях вместе с русскими. Русская идентичность наряду с другими транслируется представителями этой группы и в настоящее время [17. С. 99–100].

Несмотря на запрет фиксации этнонима «нагайбаки» в паспортах и его отсутствие в материалах переписей 1939–1989 гг., этническая идентичность нагайбаков сохранилась, а ее возрождение наблюдалось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Инициатива исходила из народной среды, а наиболее активная ее часть обсуждала эту проблему с центральными властями страны – Верховными советами СССР и Российской Федерации последовательно. В результате в 1993 г. нагайбакская этническая идентичность второй раз в истории нашего государства получает легитимность.

Политико-административные влияния

Мы рассмотрели культурный и социальный факторы формирования нагайбакской идентичности как продукта славяно-тюркских взаимодействий. Третьим,

не менее важным, является русское политико-административное воздействие. Нагайбаки и их предки – крещеные татары, как и прочее инородческое население волго-уральского региона, находились под пристальным вниманием государства, о чем свидетельствуют Соборное уложение 1649 г. и ряд других законодательных актов [18. С. 37]. Нагайбаки с самого момента своего зарождения как сословие в составе крещеных татар подвергались различным административным воздействиям почти непрерывно. Сразу после Указа Анны Иоанновны специально для них была построена крепость. Подчиненные ей, другие близлежащие деревни, где проживали те же крещеные татары-казаки, освобождались от мусульманского населения. В соответствии с реформой Оренбургского казачьего войска 1798 г. все казачьи подразделения были объединены в кантоны, среди которых было уральских казаков – два, оренбургских – пять, башкирских – одиннадцать и мещерякских – пять кантонов. Нагайбакские станицы попали в состав кантонов оренбургских казаков, т.е. русских [12. С. 46]. В отличие от близких к ним по языку казаков-мусульман – башкир и мещеряков, административно изолированных по этническому признаку, нагайбаки оказались под одним управлением вместе с русскими казаками. Действия по отселению татар-мусульман от нагайбаков и административная изоляция от казаков-мусульман свидетельствовали о том, что русскими властями предпринимались меры по предупреждению возможного перехода нагайбаков в ислам, что, несомненно, сыграло роль в усилении их самосознания.

Вскоре после акции по переселению казаков в 1843 г. в Южное Зауралье произошла реформа административного устройства казачьих земель. Оренбургское войско было разделено территориально на три отдела. Большая часть нагайбаков попала во Второй отдел с центром в Верхнеуральске. Вместе с небольшой группой нагайбаков бывшего Третьего отдела ныне их потомки составляют две территориальные группы нагайбаков Челябинской области. Каждый отдел делился на станицы (или станичные юрты), последним подчинялись поселки и хутора. Казакам-нагайбакам предоставлялось право выбора населенного пункта, но в пределах ограниченного числа поселков, отведенных исключительно для них. Иноэтничными вкраплениями в нагайбакских населенных пунктах были упомянутые казаки-калмыки, но их было совсем немного, а межгрупповые контакты минимальны. Несмотря на то, что нагайбакские поселки располагались относительно компактно, все они подчинялись разным станицам с русским населением. То есть все административные дела, включая сборы, строевые смотры и пр., нагайбаки разных поселков проводили в составе разных локальных русских казачьих подразделений. При сложившейся ситуации нагайбаки, находясь в моноэтничных и близко расположенных друг к другу поселках, обладали возможностью сохранения этнической культуры.

В то же время административное устройство играло на еще большее сближение нагайбаков с русскими. Подобное воздействие русской администрации явилось очередным усиливающим нагайбакскую идентичность фактором.

Следующий шаг в этом направлении был сделан советским государством. В 1927 г. на землях бывшего Верхнеуральского уезда был образован Нагайбакский район. Кроме шести нагайбакских в него вошло несколько русских и казахских поселков и аулов. Это был последний и весьма значимый государственный акт по легитимации нагайбакской идентичности. Народ сразу после переписи 1926 г. в подтверждение существования этнонима обретает понятие этнической родины в пределах административных границ вновь образованного района. По какой-то причине даже в тот период, когда этноним был исключен из списка народов, название района изменено не было. В настоящее время администрация Нагайбакского района оказывает всяческую поддержку сохранению народной культуры нагайбаков. Организована музейная сеть с этнографическими материалами, работают фольклорные коллективы, финансируются издания краеведческой литературы местных авторов, проводятся национальные праздники.

Заключение

Вниманию читателя был предложен короткий сюжет возникновения и истории нагайбакской идентичности. Контакты восточных славян и тюрок не прерывались на протяжении долгих столетий. Противостояния и войны заканчивались политической интеграцией и переходили в мирное экономическое сотрудничество и культурные контакты. Русская колонизация Поволжья и Приуралья стала причиной развития новых этнических процессов. Со второй половины XVI по начало XX в. сильно изменилась этническая карта региона: изменилась конфигурация расселения народов, появились новые идентичности (этнические, сословные, конфессиональные). Одни из них сложились в этноконфессиональные идентичности (кряшены, восточные марийцы, закамские удмурты, чуваш мусульмане и некрещеные), другие – в этносословные (тептяри и мещеряки). По-разному сложились судьбы этих идентичностей в XX – начале XXI в. Почти исчезли, растворились в татарском и башкирском народах тептярская и мещерякская идентичности. Проявляет тенденции усиления кряшенская идентичность. Этноконфессиональные группы чувашей, марийцев и удмуртов сохраняют особое самосознание, не трансформировав при этом этнической принадлежности. Нагайбаки прошли путь от сословия в составе крещеных татар до отдельного народа. Решающую роль в этом процессе сыграли тесные непрерывные контакты с русскими казаками и ряд государственных проектов, определивших генезис и векторы развития феномена нагайбакской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казачьего быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. СПб. : Изд-во В. Берёзовского, 1899. 368 с.

2. Хорошкин М. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1881. 68 с.
3. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб. : Императорская Акад. наук, 1762. 593 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (дата обращения: 27.08.2020).
5. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (дата обращения: 27.08.2020).
6. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. 1. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 27.08.2020).
7. Ягафова Е.А. Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX века // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 101–117.
8. Ягафова Е.А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007. 530 с.
9. Садилов Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа : Первая типография, 2016. 276 с.
10. Преображенский А.А. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М. : Наука, 1989. 608 с.
11. Никольский А.И. Столетие военного министерства 1802–1902. Воинская повинность казачьих войск : исторический очерк. СПб. : Тип. товарищества М.О. Вольф, 1907. XI, ч. 3. 683 с.
12. Атнагулов И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей. Челябинск : АБРИС, 2018. 436 с.
13. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 годы / по архивным документам тургайского областного правления составил А.И. Добросмыслов. Оренбург : Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. II. 279 с.
14. Небольсин П.И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник Императорского Русского географического общества. 1852. Ч. IV, кн. I, отд. V. С. 1–34.
15. Витевский В.Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Волжско-Камское слово. 1882. № 72.
16. Бектеева Е.А. Нагайбаки (крещеные татары Оренбургской губернии) // Живая старина : периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества / под ред. В.И. Ламанского. 1902. Вып. II. С. 165–181.
17. Атнагулов И.Р. Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 15 (186), вып. 31. С. 95–104.
18. Ногманов А.И. Самодержавие и татары : очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань : Тат. кн. изд-во, 2005. 215 с.

Irek R. Atnagulov, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: i.atnagulov@mail.ru

THE PHENOMENON OF NAGAIBAK IDENTITY AS A RESULT OF POLITICAL AND ADMINISTRATIVE REFORMS AND RUSSIAN CULTURAL INFLUENCES

Keywords: Slavs; Turks; ethnic history; identities; nagaybaks.

Slavic-Turkic contacts were of great importance in the panorama of the ethnic history of Eurasia. In the XVI–XIX cc. the Turks of Russia were involved in ethnic processes, the results of which were the emergence of new identities. The purpose of the article is to determine the reasons, mechanisms and logic of such processes using the example of the Nagaybaks – the Turkic people of the Southern Urals. The material offered to the reader has been prepared on the basis of the author's research and literature of the XVIII–XX cc. The genesis of this identity is associated with Russian influences on the Turks in political, social and cultural aspects. After the victory over Kazan, the state task was to ensure the protection of new borders and security in new territories. The strategy consisted in the formation of a population loyal to the Russian authorities through Christianization, estate building and administrative reforms. As a result of mass Christianization, a new identity appeared – the baptized Tatars. The authorities have had some success. The baptized Tatars did not support the Bashkir uprisings. In the XVIII c., part of the baptized Tatars, together with the Russians, entered the Orenburg Cossack Army. Now they have become socially isolated and adopted a new identity – the estate one. By the name of the Nagaybakskaia fortress, they were called Nagaybaks. In 1843, together with the Russian Cossacks, they were resettled on the Southern Urals. Russians were in the majority here, and they perceived the Nagaybaks not so much as Cossacks or Christians, but as another people speaking an incomprehensible language with their own culture. However, the Nagaybak-Russian contacts intensified. In the XIX c., under Russian influence, they became a people with an original complex of culture. The state carried out the administrative structure of the Nagaybaks. In the XVIII c., Muslims were resettled from them, and the settlements were administratively united with Russians. This strengthened their confessional and estate identity. In the XIX c. their villages, being close to each other, were subordinate to different Russian administrations. This ensured both intra-group family ties and helped to get closer to the Russians. In 1926 and 1927, the population census for the first time recorded them as an ethnic group, and the Nagaybak district was formed. The people received official recognition and ethnic territory, delineated by the administrative boundary. The history of the Nagaybaks is an example of how a new people can arise in a short period. It appeared thanks to the influence of the Russian administration on the Turkic population of the Volga region and the Urals, through the strengthening of state security and social reforms in new territories.

REFERENCES

1. Abaza, K.K. (1899) *Kazaki. Dontsy, ural'tsy, kubantsy, tertsy. Ocherki iz istorii i starodavnego kazatskogo byta v obshchedostupnom izlozhenii, dlya chteniya v voiskah, sem'e i shkole* [Cossacks from Don, Ural, Kuban, Tererek. Essays from the history and ancient Cossack life in a public presentation, for reading in the army, family and school]. St. Petersburg: Izd-vo V. Berezovskogo.
2. Khoroshkhin, M. (1881) *Kazach'i voyska. Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya* [The Cossack troops. A Military Statistical Description]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
3. Rychkov, P.I. (1762) *Topografiya Orenburgskaya, to est': obstayatel'noe opisaniye Orenburgskoy gubernii, sochinemoe kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [The Orenburg topography: a detailed description of Orenburg province by the collegiate councilor and the Imperial Academy of Sciences' correspondent Peter Rychkov]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. USSR. (1926) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po respublikam SSSR* [The All-Union Population Census of 1926. National composition in the USSR republics]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (Accessed: 27th August 2020).

5. Russia. (2002) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [The All-Russian population census of 2002. National composition by regions of Russia]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (Accessed: 27th August 2020).
6. Russia. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda* [All-Russian population census – 2010]. Vol. 4. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (Accessed: 27th August 2020).
7. Yagafova, E.A. (2007a) Islamizatsiya chuvashy v Uralo-Povolzh'e v XVIII – nachale XX veka [Islamization of the Chuvashes in the Ural-Volga region in the 18th – early 20th centuries]. *Etнографическое обозрение – Ethnographic Review*. 4. pp. 101–117.
8. Yagafova, E.A. (2007b) *Chuvashi Uralo-Povolzh'ya: istoriya i traditsionnaya kul'tura etnoterritorial'nykh grupp (XVII – nachalo XX vv.)* [The Chuvash of the Ural-Volga region: history and traditional culture of ethno-territorial groups (the 17th – early 20th century)]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities.
9. Sadikov, R.R. (2016) *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa: Pervaya tipografiya.
10. Preobrazhenskiy, A.A. (1989) *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [History of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow: Nauka.
11. Nikolskiy, A.I. (1907) *Stoletie voennogo ministerstva 1802–1902. Voinskaya povinnost' kazach'ikh voysk: istoricheskiy ocherk* [The Centenary of the War Ministry 1802–1902. Conscription of the Cossack troops. A Historical Sketch.]. Vol. 11(3). St. Petersburg: M.O. Wolf.
12. Atmagulov, I.R. (2018) *Emicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII – nachale XXI vekov: stanovlenie i transformatsiya identichnostey* [Ethnic history of the Nagaybaks in the 18th – early 21st centuries: the formation and transformation of identities]. Chelyabinsk: ABRIS.
13. Dobrosmyslov, A.I. (1900) *Materialy po istorii Rossii. Sbornik ukazov i drugih dokumentov, kasayushchihsya upravleniya i ustroystva Orenburgskogo kraya. 1735 i 1736 gody* [Materials on the history of Russia. Collection of decrees and other documents related to the management and structure of the Orenburg region. 1735 and 1736]. Vol. 2. Orenburg: [s.n.].
14. Nebolsin, P.I. (1852) *Otchet o puteshestvii v Orenburgskiy i Astrakhanskiy kray* [A travel report to Orenburg and Astrakhan regions]. *Vestnik IRGO*. 4(1). pp. 1–34.
15. Vitevskiy V.N. (1882) *Nagaybaki Verkhneural'skogo uezda Orenburgskoy gubernii* [Nagaybaks of Verkhneural'sky district of Orenburg Province]. *Volzhsko-Kamskoe Slovo*. 72.
16. Bekteeva, E.A. (1902) *Nagaybaki (kreshchenye tatory Orenburgskoy gubernii)* [The Nagaybaks. (The Baptized Tatars of Orenburg Province)]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 165–181.
17. Atmagulov, I.R. (2014) *Urovni etnicheskogo samosoznaniya i etnonimicheskaya nomenklatura nagaybakov* [Levels of ethnic self-awareness and ethnonymic nomenclature of the Nagaybaks]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika – Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. Economics. Information Technologies*. 15(31). pp. 95–104.
18. Nogmanov, A.I. (2005) *Samoderzhavie i tatory: ocherki istorii zakonodatel'noy politiki vtoroy poloviny XVI–XVIII vekov* [Autocracy and Tatars. Essays on the history of legislative policy in the second half of the 16th – 18th centuries]. Kazan : Tat. kn. izd-vo.

УДК 902

DOI: 10.17223/19988613/69/13

Ф. Луйли

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА НА ЗИМНИХ СТОЙБИЩАХ СТЕПНЫХ СКОТОВОДОВ – ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена изучению современного степного скотоводства Средней Азии. Оно быстро меняется, поэтому его безотлагательно необходимо задокументировать, изучить и проанализировать, прежде чем оно кардинально изменится или исчезнет. Этноархеология – стратегия, которая позволяет нам рассматривать кочевничество с диахронической точки зрения. Наблюдение за использованием зимних стойбищ имеет решающее значение для получения полезных моделей, позволяющих лучше понять прошлое и настоящее степного скотоводства.

Ключевые слова: степное скотоводство; зимние стойбища; этноархеология; краеведение.

Введение

Современное степное скотоводство – результат многовекового процесса, начавшегося еще в доисторические времена. Переход к скотоводческому хозяйству должен был произойти в раннем или среднем бронзовом веке (3000–1500 гг. до н.э.). Нововведения в области конного транспорта (III тыс. до н.э.) и верховой езды (II тыс. до н.э.), безусловно, стимулировали распространение скотоводства [1]. Неизвестно, почему произошла такая смена стратегии выживания. Постепенное изменение климата должно было быть одной из основных причин в дополнение к культурным изменениям, которые уже имели место. С самого начала скотоводство стало «выигрышной стратегией» в степных регионах Центральной Азии, где оно и сегодня является образом жизни многих людей.

Несмотря на то, что степное скотоводство претерпело изменения и модификации на протяжении веков, некоторые его характеристики сохранили значительную степень преемственности с прошлым. Сложность археологии кочевого скотоводства хорошо известна. Многие исследования были сосредоточены на мимолетных и редких следах стоянок и кочевков, оставшихся на земле [2]. Но кочевничество представляет сложную задачу для историков, не имеющих точных данных о повседневной жизни номадов. В связи с этим этнографическое наблюдение за традиционным образом жизни степных пастухов может иметь решающее значение для получения убедительных доказательств, которые помогут ученым в их сложной интерпретационной задаче.

Степное кочевничество – культура, находящаяся под угрозой исчезновения, и ее необходимо срочно изучить, прежде чем она изменится или вымрет. По этой причине Итальянская ассоциация этноархеологии (ИАЭ) при спонсорской поддержке Министерства иностранных дел Италии в 2005 г. начала исследовательский проект «Стойбища монгольских кочевников –

этноархеологическая перспектива»¹, направленный на изучение и документирование основных особенностей степного скотоводства в различных монгольских экосистемах. В рамках проекта изучались кочевки, миграции, животноводство и управление им, корма, водные ресурсы, соль, организация и расположение стойбищ, еда, потребление мяса, производство молочных продуктов, шерсть и кашемир и значение собак в кочевом мире. Проект был реализован в сотрудничестве с Б. Цэрэнханд (2002–2006; Национальный университет Монголии в Улан-Баторе, Академия наук Монголии) и С. Дуламом (после 2007; Национальный университет Монголии). В экспедициях участвовали Ф. Луйли и Дж. Капитини, студенты и выпускники Национального университета Монголии. Экспедиции проводились в различных регионах для регистрации различий и изменчивости.

В 2013 г. ИАЭ начала проект «Сибирские кочевники и их собаки», направленный на изучение взаимоотношений между кочевниками, охотниками и их собаками в различных регионах Сибири. Исследования проводили Ф. Луйли и Г. Сыченко в Туве (2013, 2017), Республике Алтай (2014, 2016) и Кемеровской области (2015) совместно с Новосибирской государственной консерваторией, Институтом филологии СО РАН (Новосибирск), Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызылским колледжем искусств, Институтом алтаистики. В 2018 и 2019 гг. основное внимание уделялось изображению собак в главных российских музеях; в 2020 г. исследования проводили на территории Ратта А.В. Новиков (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск) и А.В. Кениг (Научно-исследовательский проектно-изыскательский этноархеологический центр, Ханты-Мансийск).

Исследования в Монголии и Сибири, которые были в основном полевыми и предполагали наблюдения за повседневной жизнью кочевников, имели целью

документирование нынешнего кочевого образа жизни для сохранения информации до того, как все кардинально изменится, и разработку моделей образа жизни номадов для интерпретации прошлого и будущего.

Изучение организации и расположения зимних стойбищ было ключевой частью наших исследований в Монголии [3–6]. Для наблюдения и документирования действующих зимних стойбищ экспедиции в основном проводились в холодное время года начиная с 2007 г. В статье данные, полученные в Монголии, объединены с данными из Тувы.

В Монголии с 2009 г. исследования в основном были сосредоточены в горах Сомона Могод (Булганский аймак – северная степь) и на прилегающих территориях (Булганский и Архангайский аймаки), а с 2016 г. также в горах Дельгерхангай (аймак Дундговь – центральный и южный засушливый регион Гоби). Сравнение скотоводства в северных степях и центральных засушливых районах важно для выявления закономерностей и различий в этих областях. Наблюдения за организацией степных стойбищ также проводились в Туве в 2013 и 2017 гг. Всегда делались географическая привязка стойбищ, их фотографирование, по некоторым стойбищам составлялась графическая документация. Особое внимание уделялось опросам для документирования точки зрения кочевников и их знаний о местности.

Эксплуатация степей кочевниками, безусловно, представляет сочетание материальных потребностей и культурных аспектов. Поэтому незаменимой стратегией работы является прямое наблюдение за жизнью кочевников и выяснение их соображений по поводу выбора хорошего места для стойбища и его пространственной организации. Невозможно понять зимние стойбища и все степные стойбища в целом без системного изучения существующих стойбищ как действующих моделей образа жизни номадов.

Общий обзор

Монгольские кочевники перемещаются сезонно от 4 до 32 раз в год в зависимости от региона, в котором они живут. В теплые месяцы кочевники могут перемещаться много раз, и стойбища всегда являются временными, без стационарных построек. Напротив, кочевники никогда не перемещаются в холодные месяцы и остаются на стационарных стойбищах, в которых всегда есть постоянные постройки для скота. Кочевники покидают зимнее стойбище весной (как правило, в марте). Стойбища в холодные месяцы используются одной и той же семьей из года в год, из поколения в поколение, сохраняя преемственность. Поэтому этнографические и этноархеологические наблюдения очень важны для археологии кочевничества.

Традиционные зимние стойбища обычно рассчитаны не более чем на 1–2 семьи, насчитывают 1–2 юрты. В Эрзинском районе Тувы у оз. Торе-Холь, недалеко от границы с Монголией, мы наблюдали перемещения кочевников от 4 до 6–7 раз в год. Зимние стойбища, построенные в советское время, были больше традиционных, их использовали 6–7 семей, которые обыч-

но жили в небольших деревянных домиках, а не в юртах.

Расположение

Для выживания кочевников и их домашнего скота важно удачное расположение зимних стойбищ, а также подходящее время для переезда на летние стойбища. Раннее перемещение может иметь разрушительные последствия в случае резкого изменения погоды, как это произошло в мае 2008 г. в аймаке Хэнтий, когда погибло много людей и животных [7. Р. 37–39; 8. Р. 28].

Атрибутами хороших зимних стойбищ, по мнению кочевников, выступают:

- защищенный и ориентированный на юг участок в горах;
- не каменистый грунт;
- хорошее пастбище рядом со стойбищем (расстояние зависит от экосистемы),
- наличие воды или льда; лед и снег в холодные месяцы являются водными ресурсами, но предпочтительно, чтобы зимнее стойбище располагалось поблизости от колодца или источника;
- наличие источника соли при выборе места для стойбища; Монголия богата солью, которую кочевники легко собирают с обнажений, или животные могут лизать ее, даже когда пасутся на траве.
- наличие топлива (в лесистой местности);
- хорошие соседи, друзья или родственники в том же районе;
- может быть важна близость к деревне или хорошая дорога.

Ориентация стойбищ никогда не меняется, важную роль играет солнце, а юг и юго-восток – священные направления для степных кочевников. В том, что касается местоположения, можно наблюдать и другие особенности. Кочевники стараются не ставить стойбища в ветреном месте, поскольку они боятся джута (падажа скота), когда под воздействием ветра образуется ледяная корка, что не позволяет животным добраться до травы. Степные кочевники редко ставят свои стоянки в речных оазисах. Однако в последнее время наблюдается размещение зимних стойбищ среди деревьев в речных долинах, например в долине р. Орхон на территории Улзийта. По словам кочевников, такое размещение обусловлено недостатком снега и льда в горах, потому что вследствие изменения климата зимы намного теплее, чем раньше. Расстояние до стойбища определяется экосистемой и поголовьем скота. На степных пастбищах обычно пасутся козы, овцы, крупный рогатый скот (волы и яки), лошади, а также верблюды. Виды скота и их процентное соотношение в стаде в зависимости от конкретной экосистемы могут существенно различаться. Традиционно козы составляли не более 30% всего поголовья, потому что они могут нанести урон пастбищам. В коммунистическое время контроль за животноводством осуществляли государственные учреждения. В настоящее время кочевники сами решают, каких и сколько животных разводить, у них часто бывает более 60% коз, потому что западные

страны покупают кашемировую шерсть. Это одна из причин опустынивания монгольской степи.

Традиционное размещение стойбищ на территории обычно отражало семейные кланы. В настоящее время сложно зафиксировать 100%-ную традиционную клановую организацию, кланы потеряли свое значение и значительно ослаблены правительством Монголии. Нынешние кочевники предпочитают, чтобы недалеко от их стойбища были родственники или хорошие соседи. Наблюдения показывают, например, в Хишиг-Ундуре, что часть кочевников, у которых много скота и нужны обширные пастбища, выбирают изолированные места. Мы также встречали семьи (в горном баге Могода), которые предпочитали изолированные места, чтобы находиться подальше от своих родственников.

Организация макространства

Кочевники говорят, что юрта и загон – неотъемлемые атрибуты зимних стойбищ. Юрта (по-монгольски *гэр*) обычно находится в одном и том же месте из года в год. Юрту нужно собирать на ровном месте. Если поверхность неровная, ее выравнивают.

Для овец, коз и телят ставят один или два загона, где они остаются на ночь. Загон обычно находится за юртой, на западном или восточном от нее участке. На некоторых стойбищах загоны стояли в южной части. Размеры и форма загона зависят от количества животных и формы участка. Традиционные загоны обычно полукруглые или прямоугольные.

На стойбище также присутствуют: деревянная кладовая, это может быть старая юрта; один или два шеста для привязки лошадей (как правило, перед юртой); площадка для навоза, используемого в качестве топлива; площадка для забоя и разделки животных.

Расстояние от одной функциональной микрзоны до другой кочевники измеряют по количеству шагов (1 шаг – около 70 см). Различные функциональные зоны обычно располагаются на расстоянии не более 40–50 шагов от юрты или друг от друга. Число шагов – важный размерный критерий, который позволяет получить модель функциональных зон стойбища. Размеры стойбища зависят от количества скота, семей и юрт, а также от топографии местности.

Юрта – образцовый пример взаимодействия функциональных и символических критериев. Прагматизм и символизм являются основой функциональности и пространственной организации юрты. Юрта – прочная конструкция, адаптированная к разным временам года и сопротивлению даже очень сильному ветру. Кочевники разделяют внутреннее пространство юрты на восточную (женскую) и западную (мужскую) части. Двенадцать клиньев юрты связаны с двенадцатью животными календаря, каждое из которых имеет свое назначение и символику [9; 10; 11. Р. 35–36].

Если юрт больше одной, они находятся очень близко, обычно не более 10 м друг от друга. Пространство вокруг юрты также используется. Собаки, чтобы согреться, остаются около юрты и у дверей, поскольку их кормят перед входом. Около юрты кочевники держат емкости и инструменты, необходимые в быту.

На западной стороне юрты почти всегда есть солнечная батарея. Пространство перед юртой используется более интенсивно, чем заднее, где наблюдается скопление бытовых отходов (древесный уголь и зола, шерсть и др.). На земле остаются следы лежки собак, которые используют одно и то же место и лежат, свернувшись калачиком [12. Р. 125–139].

Кладовая обычно находится справа или слева от юрты, их связывает тропка. Кочевники используют кладовую для хранения льда, замороженного мяса и продуктов, но также хранят там детали и масло для машин или мотоциклов, различные инструменты, чтобы не оставлять их без присмотра. Положение кладовой может быть различным, но обычно в южной части стойбища, возле юрты. Иногда кладовая находится рядом с деревянным укрытием для скота, и в этом случае стоит за юртой в северной части стойбища.

Загон и укрытие для животных. Загонов обычно один-два, это каменные, деревянные, навозные или глиняные конструкции (глиняные загоны встречались в западных регионах Монголии). У тувинцев на зимних стойбищах, где проживает более 1–2 семей и каждая семья имеет свои функциональные зоны, загонов может быть много. В настоящее время деревянные конструкции встречаются даже в бедных лесом регионах. Традиционно загоны не имели настила, но сейчас часто делают деревянный пол. Загон может быть разделен на зоны – для защиты щенков, больных или раненых животных. Земля, смешанная с навозом, из загона периодически удаляется по мере того, как она становится слишком твердой, и животные не могут сохранять тепло, сворачиваясь клубком на земле. Убранный навоз используют как топливо или для ремонта загона. За загонем кочевники хранят корм, который они собирают летом и осенью или покупают в деревне или городе. Животных доят обычно перед загонем. Доят скот и зимой, хотя молоко получают в ограниченном количестве. Производство молочных продуктов происходит в юрте. В стойбищах никогда не бывает загонов для лошадей, которые могут оставаться много дней вдали от стойбища.

Столбы для привязки лошадей обычно находятся перед юртой, но не в направлении двери. В Туве, и особенно на Алтае, столбы могут иметь гравировку, в Монголии это обычно простые столбы.

Вокруг стойбища – *навозные кучи*. Коровий навоз в основном используется как топливо. Уплотненный овечий и козий навоз из загонов используют в качестве строительного материала. Иногда, как это наблюдалось в Туве в 2013 г., кочевники относят навоз в летнее и осеннее стойбище, если это необходимо.

Площадка для *забоя и разделки* животных обычно находится на краю стойбища, в западной или восточной его части, в зависимости от положения загона, но недалеко от юрты (обычно не более 50 шагов). Здесь же может быть конструкция – обычно деревянная – для сушки кожи и шерсти.

Кочевники не упоминают о месте для мусора, который может иметь важное значение с археологической точки зрения. Площадка для бытового мусора (пепел, кости, бутылки, бидоны и т.д.) обычно нахо-

дится в направлении дверей юрты. Место для сбора отходов может достигать внушительных размеров, в зависимости от длительности использования: до 2 м в высоту и 20 м² по площади. Оно находится к северу от стойбища, и к нему относятся отрицательно.

На стойбище, в продуваемой зоне или на краю, есть два столба с натянутым между ними шнуром для сушки одежды.

На зимних стойбищах, особенно в отдаленных районах, ставят шесты – обычно семь, на которые навешивают одежду, головные уборы, чтобы отпугивать волков.

Заключение

Зимние стойбища всегда ориентированы на юг, их предпочитают располагать на хорошо защищенных участках в горах. Наблюдения показали, что в случае изменения климата используются другие варианты. Таким образом, южные и хорошо защищенные участки в горах – это идеальные места для поиска следов древних стойбищ, а другое местоположение может указывать на изменения климата. Расстояние от одного стойбища до другого зависит от количества скота и пастбищ вокруг, что связано с климатическими усло-

виями. Но иногда культурные или социальные факторы могут подтолкнуть кочевников к выбору изолированного стойбища.

Юрта и стационарный загон – неизменные атрибуты всех зимних стойбищ, в которых встречаются и другие функциональные зоны. Юрту в идеале можно считать краеугольным камнем стойбища. Все функциональные зоны должны быть легко и быстро доступны из юрты. Кочевники используют шаги для обозначения расстояния от юрты до функциональных зон (не более 40–50 шагов). С археологической точки зрения расположение жилой конструкции следует считать на расстоянии не более 28–35 м от загона.

Наблюдение за повседневной жизнью зимнего стойбища имеет решающее значение для понимания степного кочевого скотоводства. Но также важно учитывать точку зрения кочевников. Взаимосвязь этнографического наблюдения и взглядов кочевников, безусловно, позволяет воссоздать жизнь в древних стойбищах и поддержать развитие археологии степного скотоводства. Документирование макро- и микрофункциональных областей и пространственной организации стойбищ помогает построить их интерпретирующие модели, а также понять нынешний кочевой образ жизни и его будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Taylor W.T.T., Spengler R.N., Wilkin S. et al. Early Pastoral Economies and Herding Transition in Eastern Eurasia // *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10 (1). P. 4536. DOI: 10.1038/s41598-020-57735-y.
2. Honeychurch W., Makarewicz C.A. The Archaeology of Pastoral Nomadism // *Annual Review of Anthropology*. 2016. Vol. 45. P. 341–359.
3. Lugli F. Nomadic campsites from west-central Mongolia: The case of the spring site of Hulhiin Shilin (Ih-Tamir) // *Proceedings of the 3rd Italian Congress of Ethnoarchaeology*. Mondaino, 17–19 March, 2004 / F. Lugli, A.A. Stoppiello (eds). Oxford, 2008. P. 135–146. (BAR International series; Vol. 1841).
4. Lugli F. The nomadic camps of the middle Gobi region. The case of Shar Udag site and of Buleenher site // *Proceedings of the 4th Italian Congress of Ethnoarchaeology*, Rome 17–19 May, 2006 / F. Lugli, A.A. Stoppiello, S. Biagetti (eds.). Oxford, 2011. P. 194–206. (BAR International series; Vol. 2235).
5. Lugli F. Winter and spring camps in Mongolia // *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods* / F. Lugli, A.A. Stoppiello, S. Biagetti (eds.). Oxford, 2013. P. 209–216. (BAR International Series; Vol. 2472).
6. Lugli, F. The importance of Ethnoarchaeology for Mongolian nomadism // *MONGOLICA*. Ulaanbaatar : International Institute for the Study of Nomadic Civilization, 2014. Vol. 47. P. 96–102.
7. Lugli F. The use of salt in Mongolia. An example of Mogod region (Bulgan aimag) // *First International Congress on the Anthropology of Salt 20–24 August 2015 “Al. I. Cuza” : Book of Abstracts* / University of Iași, Romania. 2015. P. 37–39.
8. Dulam S. Usage, therapy and Magical Cure of Salt among Mongolian Ethnic Groups // *First International Congress on the Anthropology of Salt 20–24 August 2015 “Al. I. Cuza” : Book of Abstracts* / University of Iași, Romania. 2015. P. 28.
9. Antonini P., Capitini G., Carpanelli M. The Ger, an Optimal Structure for Using Conditions and most extreme Stresses-Constructing Techniques and Structural Analysis // *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods* / F. Lugli, A.A. Stoppiello, S. Biagetti (eds.). Oxford, 2013. P. 298–301. (BAR International Series; Vol. 2472).
10. Nandinbilg G. Stone Toys and Games among Mongol Children // *The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research* / S. Biagetti, F. Lugli (eds.). Cambridge : Springer, 2016. P. 211–216.
11. Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe // *Social Evolution and History*. 2019. № 18 (2). P. 35–54.
12. Lugli F. Mongolian nomads and their dogs // *The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research* / S. Biagetti, F. Lugli (eds.). Cambridge : Springer, 2016. P. 125–139.

Francesca Lugli, Italian Association for Ethnoarchaeology (Rome, Italy). E-mail: luglifrance@gmail.com

THE USE OF SPACE IN STEPPE PASTORALIST WINTER CAMPS – AN ETHNOARCHAEOLOGICAL POINT OF VIEW

Keywords: steppe pastoralism; winter camps; ethnoarchaeology; local knowledge.

According to archaeological data, the transition from a semi-sedentary economy to nomadic pastoralism occurred in the early or middle Bronze Age. Presumably, the reason for this decisive change and the rapid spread of nomadic pastoralism as a "winning economic strategy" in the steppe regions of Central Asia was climate change.

When studying nomadism, archeology and history are faced with the problem of lack of sources. In this regard, observations of the daily life of nomads are of particular importance.

Modern steppe nomadism, even taking into account the changes that have taken place, retains traditional features that can be considered a direct heritage of ancient cattle breeding. Modern steppe nomadism, even taking into account the changes that have taken place, retains traditional features that can be considered a direct legacy of ancient cattle breeding.

The author of the article participated in a number of international projects on the study of modern nomadism in Mongolia and Siberia, aimed at preserving information before this way of life changes or disappears.

The research focused on winter encampments, which in the colder months are crucial for the survival of nomads and their livestock. Based on the conducted research, the attributes of winter camps that meet the daily needs of nomads are identified. Winter camps are stationary, located in the mountains in well-protected areas. When placing camps, suitable (not stony) soils, availability of pastures, sources of water, salt, fuel, roads, sometimes proximity to the village, neighborhood of friends, relatives are important.

An integral part of winter encampments is a yurt for housing and cattle pens. The camp also contains a wooden storeroom; one or two poles for tying horses; a spot for manure used as fuel; a site for slaughtering and butchering animals. These objects, the distance between which is no more than 40-50 steps, divide the macrospace of the camp into functional zones. The spatial organization of the yurt and the camp as a whole, combining functional and symbolic criteria, meets the needs and is adapted to the nomadic way of life.

Direct observation of nomadic life, supplemented by surveys in which they express their opinions on everyday issues, is a research strategy that allows to identify patterns of development of steppe cattle breeding, its regional differences, and create a model of the nomad lifestyle necessary for the study of their distant past and understanding of the prospects in the future.

REFERENCES

1. Taylor, W.T.T. Spengler, R.N., Wilkin, S. et al. (2020) Early Pastoral Economies and Herding Transition in Eastern Eurasia. *Scientific Reports*. 10(1). pp. 4536. DOI: 10.1038/s41598-020-57735-y.
2. Honeychurch, W. & Makarewicz, C.A. (2016) The Archaeology of Pastoral Nomadism. *Annual Review of Anthropology*. 45. pp. 341–359. DOI: 10.1146/annurev-anthro-102215-095827
3. Lugli, F. (2008) Nomadic campsites from west-central Mongolia: The case of the spring site of Hulhiin Shiliin (Ih-Tamir). In: Lugli, F. & Stoppiello, A.A. (eds) *Proceedings of the 3rd Italian Congress of Ethnoarchaeology*. Mondaino, 17–19 March, 2004. pp. 135–146.
4. Lugli, F. (2011) The nomadic camps of the middle Gobi region. The case of Shar Udag site and of Buleenher site. In: Lugli, F., Stoppiello, A.A. & Biagetti, S. (eds) *Proceedings of the 4th Italian Congress of Ethnoarchaeology*. Rome 17–19 May, 2006. pp. 194–206.
5. Lugli, F. (2013) Winter and spring camps in Mongolia. In: Lugli, F., Stoppiello, A.A. & Biagetti, S. (eds) *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods*. pp. 209–216.
6. Lugli, F. (2014) The importance of Ethnoarchaeology for Mongolian nomadism. *MONGOLICA. Ulaanbaatar : International Institute for the Study of Nomadic Civilization*. 47. pp. 96–102.
7. Lugli, F. (2015) The use of salt in Mongolia. An example of Mogod region (Bulgan aimag). *First International Congress on the Anthropology of Salt*. August 20–24, 2015. Romania: University of Iași. pp. 37–39.
8. Dulam, S. (2015) Usage, Therapy and Magical Cure of Salt among Mongolian Ethnic Groups. *First International Congress on the Anthropology of Salt*. August 20–24, 2015. Romania: University of Iași. p. 28.
9. Antonini, P., Capitini, G. & Carpanelli, M. (2013) The Ger, an Optimal Structure for Using Conditions and Most Extreme Stresses—Constructing Techniques and Structural Analysis. In: Lugli, F., Stoppiello, A.A. & Biagetti, S. (eds) *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods*. Oxford: [s.n.]. pp. 298–301.
10. Nandinbilg, G. (2016) Stone Toys and Games among Mongol Children. In: Biagetti, S. & Lugli, F. (eds) *The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research*. Cambridge: Springer. pp. 211–216.
11. Sodnompilova, M.M. & Nanzatov, B.Z. (2019) The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe. *Social Evolution and History*. 18(2). pp. 35–54. DOI: 10.30884/seh/2019.02.02
12. Lugli, F. (2016) Mongolian nomads and their dogs. In: Biagetti, S. & Lugli, F. (eds) *The Intangible Elements of Culture in Ethnoarchaeological Research*. Cambridge: Springer. pp. 125–139.

УДК 39+004

DOI: 10.17223/19988613/69/14

А.Ю. Майничева

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры», проект № 18-19-00469а.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена обзору направлений современных этнографических исследований, использующих цифровые технологии, чтобы установить области и формы их применения, указав достоинства и недостатки существующих технологий. Проведен анализ материалов конференций и публикаций, отражающих уровень использования информационных технологий в гуманитарных науках, включая этнографию. Выявлены стандартные уровни осмысления использования ИТ в этнографии: философский, общенаучный и конкретно-научный.

Ключевые слова: информационные технологии; этнография; материальная культура; методика.

Современный уровень развития информационных технологий позволяет поставить вопрос о возможностях применения их в этнографических исследованиях, выявить области и формы их применения, разработать методики их использования, указав достоинства и недостатки существующих технологий. Необходимо отметить, что использование цифровых методов в исторической науке России распространилось и оформилось как отдельное научное направление после создания в 1990-е гг. Ассоциации «История и компьютер» (АИК), являющейся ответвлением международной ассоциации «History and Computing» (АНС), работ по количественной истории И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкина и др. (см.: [1]). Вместе с тем до 2000-х гг. в историографии не существовало оценки внедрения методов информационных технологий в этнографию, исключая немногочисленные работы, посвященные библиометрической оценке (см., напр.: [2, 3]).

Показательно, что организация симпозиума «Цифровые технологии в антропологии» в рамках XIII Конгресса антропологов и этнологов России (Казань, 2019) отразила особенность методологии науки, имеющей трехступенчатую основу: философский, общенаучный и конкретно-научный уровни, что проявилось в докладах секций «Виртуальная этничность и киберэтнография», «Мониторинг межэтнической и социальной напряженности в Интернете», «Этнография+: полевые исследования, информационные технологии и новые средства коммуникации» [4]. Целый корпус статей по применению информационных технологий в этнографии размещен в материалах XII Конгресса антропологов и этнологов России (Ижевск, 2017) и Международной конференции, посвященной памяти С.Н. Баландина (Новосибирск, 2018, 2019) [5–7]. Дальнейший анализ преимущественно опирается на публикации, размещенные в указанных изданиях, как наиболее полно отражающие современное положение в исполь-

зовании цифровых технологий в этнографических исследованиях. При необходимости приводятся публикации, дополняющие материалы конференций.

В сфере интересов этнографов и этнологов лежат вопросы проявления этничности и конфессиональности в социальных сетях и сайтах, презентация культурного наследия, проблемы Интернета как информационной сети по вопросам хозяйствования, ремесел, питания и прочего и как части семиосферы и коммуникативного пространства, особенности методов изучения виртуального пространства, мониторинг социальных процессов, включая вопросы демографии и конфликтогенности, роль виртуального пространства и информационных технологий в жизни сообществ, включая технофобию, общие вопросы методологии и разработка методик использования цифровых технологий в конкретных исследованиях, включая историческую этнографию, этноботанику, народную медицину, этнические аспекты фольклора, исследования материальной культуры, полевые исследования жилищ и поселений, семьи и родства.

Отдельное направление посвящено проверке возможностей использования существующих цифровых технологий в исследованиях материальной культуры, в первую очередь зданий и сооружений. В смежных науках, например археологии и архитектуре, с успехом используются такие методы, как объемно-лазерное сканирование, стереофотограмметрия, технологии создания цифровых моделей (виртуальных объемных моделей), технологии информационного моделирования сооружений (BIM). Исследования авторского коллектива проекта «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры» 2018–2020 гг., поддержанные РФФИ, показывают действенность этих методов и для этнографии. В настоящее время разработана общая методология фиксации,

документирования и информационного моделирования объектов крупных и средних размеров. На стадии апробирования методики для мелких объектов. Размеры объектов имеют существенное значение для выбора инструментария, обладающего адекватными для получения данных техническими характеристиками.

В этнографических исследованиях материальной культуры немалую роль играет не только сбор материалов в виде отдельных объектов, их фото- и графическая фиксация, но и наглядное изображение предметов, зданий и сооружений, что важно не только для верной фиксации их свойств и характеристик, но и для последующих камеральных исследований. Современные информационные технологии предоставляют эту возможность. Такие инструменты и системы, как BIM, лазерное сканирование, ГИС, голография, продукты программного обеспечения (например, AutoCAD, Revit) и другие позволяют фиксировать и визуализировать данные, что обеспечивает полноценное исследование объектов материальной культуры без привлечения реальных предметов, зданий и сооружений. При этом большое значение приобретает методика фиксации и обработки данных, дающая точность и возможности хранения большого объема данных. С помощью методик лазерного сканирования и фотограмметрии получают сведения об объекте и ведут обработку данных для создания 3D-модели или комплекта чертежей.

Несмотря на то, что обе методики имеют дело с цифровым описанием объекта в виде «облака точек», у каждой из них есть свои особенности, что ставит проблему выбора какой-либо из них. Использование обеих методик для исследования объектов дало возможность сравнить полученный результат и выявить их достоинства и недостатки. Лазерное сканирование дает более точные геометрические характеристики, а фотограмметрия нагляднее передает внешние визуальные характеристики. Выбор методики фиксации объекта во многом зависит от задач исследования. Для получения более полной и достоверной информации об объекте целесообразно применять оба метода в комплексе [8]. Немалую роль играют при этом квалификация исследователя и качество приборной базы, обеспечивающие разную степень полноты и качества сбора информации.

Апробация и адаптация технологий объемного наземного лазерного сканирования, стереофотограмметрии, основанных на автоматизированной обработке массивов фотографий, была выполнена на примере формирования ортофотопланов и обмерных чертежей Софии Константинопольской и римского Пантеона [9], объектов Историко-архитектурного музея ИАЭТ СО РАН (рис. 1–3) и дома купчихи Смирновой в пос. Битки Сузунского р-на Новосибирской обл., что важно для понимания границ и особенностей применения разрабатываемых методик.

Рис. 1. Спасская церковь из Зашиверска. Историко-архитектурный музей ИАЭТ СО РАН. «Облако точек», полученное методом лазерного сканирования

Рис. 2. План церкви из Зашиверска, полученный по разработанной методике

Рис. 3. Разрез церкви из Зашиверска, полученный по разработанной методике

Информационное моделирование расширяет методологическую базу этнографии, заставляя по-новому взглянуть на практическое применение результатов этнографических исследований для работы со значимыми, но не имеющими официального статуса объектами. Этнография, если рассматривать ее как одного из значимых пользователей геоинформационной системы, могла бы взять на себя роль аккумулятора информации, которая не только характеризует объект в момент его исследования, но и позволяет вести его дальнейший мониторинг, получая обоснование рекомендаций по его сохранности. Такой подход позволит заполнить пробел между выявлением этнографически

значимого объекта и присвоением ему статуса объекта культурного наследия, когда с ним начинают работать музейщики, музейеведы, реставраторы [10].

Таким образом, в современных этнографических исследованиях при разнообразии тематик и решаемых проблем информационные технологии могут выступать объектом и предметом исследования, частью источниковой базы или элементами методологии. Активно разрабатываются проблемы адаптации различных цифровых технологий к задачам этнографических исследований. Вместе с тем пока объемных общетеоретических и обобщающих работ по использованию информационных технологий в этнографических исследованиях нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы методологии и источниковедения : материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2006. 533 с.
2. Уварова Т.Б. Информационный фактор в современном развитии российской этнологии. М. : Ин-т научн. инф. по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 2011. 320 с.
3. Соколовский С.В. Российская этнография в конце XX в.: библиометрическое исследование // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 3–22.
4. XIII Конгресс антропологов и этнологов России. М. ; Казань : Ин-т этнографии и антропологии РАН (ИЭА РАН), Казан. фед. ун-т, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 516 + LV с.
5. XII Конгресс антропологов и этнологов России. М. ; Ижевск : ИЭА РАН, Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН (УИИЯЛ УрО РАН), 2017. 512 с.
6. Баландинские чтения. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. Т. 13, № 1.
7. Баландинские чтения. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. Т. 14, № 1.
8. Майничева А.Ю., Груздева Е.А., Орлова Е.Ю., Радзюкевич А.В. Выбор методики фиксации этнографического объекта с использованием информационных технологий // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 714–719.
9. Радзюкевич А.В., Григоренко Е.Ф. Математические аспекты архитектурной логики формообразования римского пантеона // SCHOLE. Философское антиковедение и классическая традиция. 2020. Т. 14, № 1. С. 226–245.
10. Майничева А.Ю., Талапов В.В. Информационное моделирование зданий и сооружений: «умные памятники деревянного зодчества» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 135–140.

Anna Y. Mainicheva, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State University of Architecture, Design and Art (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: annmaini@gmail.com

INFORMATION TECHNOLOGY IN ETHNOGRAPHIC RESEARCH

Keywords: information technology; ethnography; material culture; methodology.

The article represents an overview of the directions of modern ethnographic research using digital technologies to establish the areas and forms of their application, indicating the advantages and disadvantages of existing technologies. The analysis of conference materials and publications reflecting the level of use of information technologies in the humanities, including ethnography, is carried out. The standard levels of understanding the use of IT in ethnography are revealed philosophical, general scientific and specific scientific levels. Research topics include issues of manifestation of ethnicity and confession in social networks and websites, presentation of cultural heritage, problems of the Internet as an information network on issues of business, crafts, nutrition, semiosphere, communicative space, peculiarities of methods for studying virtual space, monitoring social processes, the role of virtual space and information technologies in the life of communities, general issues of methodology and the development of methods for using digital technologies in ethnographic research.

A separate area is devoted to testing the possibilities of using existing digital technologies in the study of material culture, primarily buildings and structures. Currently, a general methodology has been developed for fixing and information modeling of large and medium-sized objects. The technique for small objects is testing. Tools and systems such as BIM, laser scanning, photogrammetry, GIS, holography, software (e.g., AutoCAD, Revit) allow to capture and visualize data, which provides a full-fledged study of objects of material culture without involving real objects. The method of fixing and processing data, which gives the accuracy and possibilities of storing large amounts of data, is of great importance. Using laser scanning and photogrammetry techniques, they obtain information about the object and process the data to create a 3D model or a set of drawings.

Information modeling expands the methodological basis of ethnography, forcing a new look at the practical application of the results of ethnographic research to work with significant, but not having official status objects. Ethnography as a user of the geographic information system, could take on the role of an accumulator of information that not only characterizes the object at the time of its study, but also allows its further monitoring, receiving justification of recommendations for its safety. This approach will help fill the gap between identifying an ethnographically significant object and assigning it the status of a cultural heritage object, when museum workers, museum experts, and restorers start working with it.

It has been established that the problems of adapting various digital technologies to the tasks of ethnographic research are being actively developed. There are no voluminous general theoretical and generalizing works on the use of information technologies in ethnographic research.

REFERENCES

1. Karpov, S.P. (2006) *Problemy metodologii i istochnikovedeniya* [Problems of Methodology and Source Study]. Moscow: Aleteyya.
2. Uvarova, T.B. (2011) *Informatsionnyy faktor v sovremennom razvitiy rossyskoy etnologii* [Information Factor in the Modern Development of Russian Ethnology]. Moscow: RAS.
3. Sokolovsky, S.B. (2003) *Rossiyskaya etnografiya v kontse XX v.: bibliometricheskoe issledovanie* [Russian ethnography in the late 20th century: a bibliometric research]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 1. pp. 3–22.
4. Martynova, M.Yu. (ed.) (2019) *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii* [The 13th Congress of Russian Anthropologists and Ethnologists]. Moscow; Kazan: RAS, Kazan Federal University.
5. Zagrebin, A.E. & Martynova, M.Yu. (eds) (2017) *XII Kongress antropologov i etnologov Rossii* [The 12th Congress of Russian Anthropologists and Ethnologists]. Moscow; Izhevsk: RAS.
6. Garkusha, D.D. (ed) (2018) *Balandinskie chteniya* [The Balandin Readings]. 13(1).
7. Garkusha, D.D. (ed) (2019) *Balandinskie chteniya* [The Balandin Readings]. 14(1).
8. Mainicheva, A.Yu., Gruzdeva, E.A., Orlova, E.Yu. & Radzyukevich, A.V. (2019) *Vybor metodiki fiksatsii etnograficheskogo ob"ekta s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologiy* [The choice of methods for fixing an ethnographic object using information technologies]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 25. pp. 714–719.
9. Radzyukevich, A.V. & Grigorenko, E.F. (2020) *Mathematical aspects of architectural design logic of the Roman Pantheon*. *SCHOLE. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – SCHOLE. Ancient Philosophy and Classical Tradition*. 14(1). pp. 226–245. (In Russian). DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-1-226-245
10. Mainicheva, A.Yu. & Talapov, V.V. (2020) *Information modeling of buildings and structures: “smart monuments of wooden architecture”*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 65. pp. 135–140. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/65/17

УДК 394

DOI: 10.17223/19988613/69/15

Е.П. Мартынова

ПРАЗДНИКИ ОБСКИХ УГРОВ: ТРАДИЦИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ по проекту № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски».

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Анализируются изменения в праздничных практиках обских угров (хантов и манси) на протяжении XVIII – начала XXI в. До начала XX в. основными праздничными церемониями были жертвоприношение и угощение духов. Отмечено влияние православного праздничного календаря на обско-угорский. Рассматриваются изменения в праздниках и праздничных практиках советского времени, когда они утратили сакральный характер и стали организовываться при поддержке властей. Обращается внимание на синкретизм возрожденных традиционных обско-угорских праздников в современный период.

Ключевые слова: традиционная культура; обские угры; праздники; трансформация традиций.

Исследование праздников и обрядов традиционно привлекает внимание этнологов. Наряду со стремлением к детальной исторической реконструкции праздничной культуры того или иного народа, современные исследователи обращают все большее внимание на трансформации в праздничных практиках и атрибутах, происходящие под влиянием социальных перемен (см.: [1–7]). Цель данной работы – проанализировать изменения в праздничных традициях обских угров (хантов и манси), происходившие на протяжении XVIII – начала XXI в. В культуре этих народов принято различать праздники периодические (календарные) и спорадические. К последним относят медвежьи игрища. Медвежий цикл, считающийся феноменом обско-угорской культурной традиции, представляет собой особый комплекс ритуально-обрядовой деятельности и требует специального рассмотрения. Основное внимание в данной статье уделено анализу периодических праздников. В основу работы положены материалы полевых исследований автора, проводившихся на протяжении многих лет (1984–2017) на территориях ХМАО–Югры и ЯНАО среди разных этнических групп хантов и манси.

Жертвоприношение духам vs посещение храмов

До христианизации праздники обских угров представляли собой ритуальные действия, связанные с поклонением различным божествам, которых было настолько много, что, «наверное, никогда никому не удастся выявить число и имена всех этих духов» [8. С. 6]. Религиозные верования и ритуалы хантов и манси изменились под влиянием христианизации. Для праздничных практик существенным оказался переход от архаического лунного (13-месячного) к солнечному христианскому (12-месячному) календарю, что пред-

полагало не только новшества в счете месяцев, но и соблюдение соответствующих праздничных дней. В итоге древние праздники «подчинились» русскому православному календарю. Еще И.Г. Георги заметил в отношении пермских вогуличей (западных манси): «Главный их праздник называется Елбола, с которого начинается их новый год. Празднуют же оный в первый день Святой Пасхи и нарицают его праздником сошествия Божия, через что разумеют наступающую весну. Сей день посвящен у них преимущественно Торуму и Солнцу» [9. С. 65]. В публикациях XIX – начала XX в. и в полевых материалах автора имеются многочисленные подтверждения того, что дни поклонения различным божествам и духам у хантов и манси были приурочены к православным праздникам. В Петров день почитали водного духа *Инк-вурт-ики* (хант.) или *Вит-хон* (манс.). Ильин день отмечался как праздник в честь божества грома и молнии *Послан-ики* (хант.). Этот день считался у хантов серединой лета, оленеводы после него начинали забой оленей. Егоров день (весенний) *Нуй-нопты-хатл* (хант.) отмечался как праздник рождения оленят. Благовещение в обско-угорской традиции соответствовало Вороньему дню *Вурна-хатл* (хант.), или *Уринэква-хотал* (манс.), который был посвящен богине-Матери. Этот день считался праздником весны, пробуждения и оживления природы. Относительно связи богини-Матери *Калтац* (хант.) с вороной информанты высказывали две версии. Согласно первой, богиня может принимать облик вороны, по другой – вороны разбудили ее своим криком и сообщили, что она родит сына Бога¹.

Главной праздничной церемонией было жертвоприношение богам и духам, посредством которого стремились заручиться их расположением и содействием. Его совершали на священном месте, куда допускались только мужчины. Там производились опре-

деленные ритуальные действия: разводили костер, открывали священные лабазы с хранившимися в них изображениями духов-покровителей, привязывали отрезки ткани на ветви деревьев, бросали в воду монеты и т.д.² Жертвенными животными могли быть лошадь, олень, бык, баран, из птиц – петух. Помимо кровавой жертвы *йир* (хант.), божествам в праздничные дни предназначались угощение пищей *поры* (хант.), или *пури* (манс.), и «подарки» – пожертвования в виде одежды, тканей, пушнины, денег, металлических изделий (особенно из серебра). К божествам обращались с просьбами даровать удачу в промыслах, изобилие, здоровье и т.п. Женщины в праздничные дни собирались на женских священных местах, где проводили церемонию угощения духов. Некоторые информанты говорили, что в праздники поминали души умерших предков.

Замечу, что в обско-угорских языках для обозначения праздника используется два термина. Первый – «священный день», *емэн-хатл* (хант.), или *ялын-хотал* (манс.). Второй – *поры* (хант.), или *пури* (манс.), что в переводе означает «угощение», «праздник», «свадьба». Хантыйский глагол *порылыты* дословно означает «делать угощение», употребляется в значении «праздновать». Могу предположить, что термин *поры* / *пури* использовался до христианизации для обозначения праздника, сущность которого сводилась к почитанию языческих божеств и духов. Под влиянием христианской традиции конкретные праздники стали называть, используя слово «день»: Илья-хатл, Никола-хатл, Перна-хатл (День креста, Крещение), Ун-емэн-хатл (Большой священный день, Пасха). Кстати, «большие» праздники православного календаря (Рождество, Крещение, Пасха) ханты и манси признавали, но не считали своими, относя их к разряду «русских». Вероятно, это связано с тем, что их догматическая сущность была непонятна и не воспринята. Они проводились в соответствии с представлениями о нерабочем времени и были сведены к семейно-родственным угощениям.

Итак, обско-угорский праздничный календарь сформировался под влиянием православного, но во время праздников практиковались архаические языческие ритуалы. Нужно отметить, что ханты и манси слабо включились в церковную жизнь, несмотря на строительство в XVIII в. православных храмов и организацию приходов на территории их проживания [13. С. 229–283]. Никто из исследователей не упоминал о посещении обскими уграми богослужений в праздничные дни, такая практика не сложилась. В то же время традиции русского народного православия сказались на их поведении. Были широко распространены представления, что в праздники нельзя работать, т.е. ходить на промысел. Оленеводы в праздничные дни не совершали перекочевки. Информанты объясняли такую установку опасением наказания со стороны духов. Накануне праздника в доме проводили уборку. В праздничный день женщины надевали нарядную одежду, готовили мясные и рыбные блюда. Было принято ходить (приезжать) в гости или принимать гостей.

Календарные обско-угорские праздники имели коллективный характер. В них принимали участие

все жители селения, а за счет практики праздничного гостевания – большие родственные коллективы. Безусловно, это способствовало укреплению солидарности среди определенной группы людей.

Новые праздники и практики

В годы советской власти праздники стали составной частью практического культурного строительства в стране [14. С. 8]. Церковные календарные праздники как «старорежимные» официально не признавались, были установлены новые революционные. Традиционные (как говорили в те времена – «национальные») праздники оказались под запретом, поскольку были связаны с религией, борьбу с которой развернули большевики. Все народы советской страны праздновали 7 ноября, 1 мая, Международный женский день и т.д. Они отмечались в соответствии с официальным каноном: торжественные собрания, демонстрации, концерты, домашние застолья. Какой-либо этнической специфики у них не было, поскольку «сверху» внедрялась советская социалистическая культура.

Традиционные календарные праздники обских угров сохранялись в народной памяти и даже отмечались, хотя и «подпольно». Проводились ритуалы *поры* и *йир* на священных местах (информация об этом не афишировалась), поддерживалась традиция гостевания. В советские времена произошла контаминация Женского дня с Вороньим днем. Информанты говорили: «Вороний день 7 апреля – это хантыйское 8 марта»; «Ханты и раньше отмечали женский день, он был 7 апреля».

В 1950–1960-е гг. в СССР появляются профессиональные праздники [15. С. 52], которые должны были символизировать профессиональную идентичность советских граждан. Для коренных малочисленных народов Севера актуальными стали День рыбака и День оленевода, поскольку рыболовство и оленеводство были основными сферами занятости коренного населения. Советские исследователи связывали такие праздники с борьбой против религии. Л.А. Тульцева заметила: «Благодаря празднику Дня оленеводов были забыты старые религиозные и магические церемонии, связанные с культом оленя и отразившие хозяйственно-промысловое значение этого животного в жизни народов Севера» [Там же. С. 79].

День оленевода отмечается весной (в марте или апреле) без фиксированной даты. Этот праздник – «мобильный», поскольку организуется в крупных поселках и городах поочередно. День рыбака отмечается во вторую субботу июля, он приурочен к окончанию нереста и началу интенсивного рыболовного промысла. В советское время праздники организовывались властями, которые были заинтересованы в развитии специфических северных отраслей хозяйства и достижении высоких показателей в социалистическом соревновании³. Они, как и все социалистические массовые мероприятия, проводились по определенным сценариям, которые разрабатывались клубными работниками и утверждались на уровне районных властей. Действо начиналось с так называемой торжественной части.

Сначала проходило собрание, где руководство колхоза (совхоза, агропредприятия) отчитывалось о работе, озвучивались плановые показатели. Передовикам производства вручались праздничные награды. Информанты вспоминали, что среди призов были охотничьи ружья, резиновые лодки, бензопилы, отрезки ткани. Торжественная часть завершалась праздничным концертом, подготовленным силами художественной самодеятельности, иногда из города приезжали профессиональные артисты. Затем начиналась неформальная часть празднования, включавшая развлекательные мероприятия – конкурсы, спортивные соревнования. Гонки на оленьих упряжках (в День оленевода), гребля на лодках-обласах (в День рыбака) появились и стали традицией в советские времена. В этнографических описаниях более раннего времени состязательные мероприятия не упоминаются. Завершалось празднование коллективными трапезами на воздухе: в День рыбака обязательно подавалась уха, а в День оленевода – оленина.

Хотя названные выше праздники внедрялись для прославления труда советских людей («все профессии нужны, все профессии важны»), со временем они включили в свою структуру традиционные обрядовые практики обских угров: стали совершаться ритуалы угощения духов и жертвоприношения. Информанты рассказывали о скрытых от посторонних глаз действиях. В День оленевода совершалось жертвоприношение верховному богу Торуму либо местному духу-хозяину, а в День рыбака – духу-хозяину воды. Это происходило на священном месте. Выполнялись и другие – сопутствующие – ритуалы: в воду бросали монеты, повязывали куски материи на деревья. День оленевода был ассоциирован с началом обско-угорского Нового года и встречей солнца (весны), а День рыбака – с поклонением духу-хозяину воды в Петров день.

Постсоветский синкретизм

В годы «перестройки» среди хантов и манси вернулось широкое этнокультурное движение по возрождению традиций, инициированное Ассоциацией «Спасение Югры». Праздники вместе с традиционными религиозными верованиями «вышли из подполья». В 2000-е гг. в ХМАО–Югре получили официальный статус Праздник угощения луны, Вороний день, День оленевода, Праздник трясогузки, Обряд поклонения Вит Хону (Празднование дня обласа), Проводы лебедя, День оленя, Праздник лося, Международный день коренных народов (с 2011 г.) и Медвежьи игрища [16]. Как видно, в список вошли и возрожденные традиционные, и советские, и даже постсоветские праздники. Нужно отметить большую роль этнической интеллигенции в ренессансе праздничной культуры. На волне обско-угорского этнического возрождения конца 1980-х – начала 2000-х гг. многие общественные и политические деятели Югры полагали, что реставрация праздников усилит этническую идентичность хантов и манси. В какой-то степени так и произошло.

Праздничные мероприятия проводятся в специальных местах за пределами селений, обязательными ат-

рибутами являются наличие сцены и современных аудио и видео технических средств. Как и в советское время, праздники организуются и проводятся по инициативе «сверху», они стали «плановыми», поскольку цикл праздничных мероприятий заранее разрабатывается учреждениями культуры и утверждается на уровне районной администрации или окружного правительства. Это напоминает традиции советских праздников с обязательным официальным сценарием. По мнению О.Б. Степановой, в постсоветские времена «общение между народом и властью» в праздники даже расширилось, поскольку прибывают официальные лица из районов и округов, которые проводят встречи с населением, обсуждают проблемы, выслушивают жалобы и пожелания [6. С. 149].

Часто к праздникам приурочиваются различные конкурсы (на «лучший двор», «лучшую национальную одежду», «лучшее блюдо традиционной кухни»). Культурная программа может быть дополнена выставками, выступлениями фольклорных коллективов, гуляниями для молодежи и пр. Нередко устраивается ярмарка по продаже изделий декоративно-прикладного творчества. Программа спортивных соревнований, по сравнению с советскими временами, расширилась. Прежде всего это касается Дня оленевода. Участники состязаются не только в гонках на оленьих упряжках, но и в гонках на снегоходах, беге на охотничьих лыжах, метании тынзяна на хорей, прыжках через нарты, стрельбе и даже метании топора. По результатам конкурсов и спортивных состязаний победителям вручаются дипломы, подарки и денежные премии.

Новшеством в организации праздников является спонсорская помощь со стороны предприятий ТЭК. На средства промышленных компаний приобретаются ценные призы и подарки. В глазах коренного населения подарки имеют большую ценность. На день оленевода главным призом обычно бывает снегоход, получить который и престижно, и выгодно с материальной точки зрения. Интерпретировать вручение ценных подарков можно по-разному. Некоторые видят в этом коммерциализацию праздника, поскольку их получение повышает мотивацию людей участвовать в мероприятии. С другой стороны, здесь обнаруживаются следы архаического дарообмена с принципами реципрокности. Газовики и нефтяники получают доступ к северным недрам, а в ответ одаривают коренных жителей. В то же время снегоход зависит от бензина, который является продуктом компаний, т.е. он символизирует нефтяников и газовиков – что производим, то дарим [4. С. 232].

Важной функцией праздника в современном мире стала презентация этнической культуры и передача ее молодому поколению. На праздниках принято демонстрировать обско-угорскую этничность через исполнение песен, танцев и ношение традиционной одежды. Многие женщины надевают ее в качестве праздничного наряда. На День оленевода ношение традиционной одежды является обязательным условием для участия в гонках. Зачастую «национальная» одежда изготавливается по заказу. Мастерицы шьют женские платья и мужские рубахи по образцу той местности, из которой

они родом. Поэтому, например, участница гонки на обласах из обских манси может выступать в платье ляпинской женщины. Такие случаи подмечаются окружающими и вызывают осуждение. В связи с этим тема аутентичности одежды требует специального анализа и осмысления. Предварительно можно говорить о том, что элементы традиционной этнической культуры постепенно теряют локальную привязку и становятся универсальными.

Современный мир невозможно представить без технических инноваций, активности средств массовой информации и коммуникации, а также взаимного проникновения культурных традиций. Весьма заметно влияние глобализации на праздничные обряды и действия. Так, наряду с традиционными для Севера ухой и чаем на праздничных площадках Югры разворачивается торговля шашлыками, завезенной фабричной выпечкой и сладостями. Нужно отметить, что праздники посещают не только представители коренного населения. Большинство северных поселков стали интернациональными по составу жителей. Зрелищность праздника привлекает всеобщее внимание и стимулирует интерес к истории и этнической культуре.

Сохранили ли праздники сакральный характер? На первый взгляд кажется, что нет, поскольку слишком много в них официального и концертно-спортивного. Тем не менее религиозные ритуалы жертвоприношения и угощения духов вышли из закулисья и проводятся официально, хотя их проведение не афишируется. Во многом это объясняется изменением отношения к религии и религиозным обрядам в современном российском обществе по сравнению с советским. Нужно учитывать и то, что ритуальные практики имеют глубокие корни в культуре северных народов, хозяйственная деятельность которых была очень тесно связана с природой, что в значительной мере предопределило тип религиозности, «населившей» окружающий мир богами и духами. Обским уграм было присуще ощущение участия в их жизни потусторонних сил мистического мира. Их религиозные представления и мирозерцание предполагают топографию священных мест, связанных с «проживанием» определенных божеств, на которых проводились кол-

лективные обряды. Вокруг таких мест происходило культовое и духовное объединение жителей селения или участка реки. Эти священные места для многих поколений были и остаются символами «своей земли» (малой родины). Во время праздников они посещаются для совершения традиционных ритуалов поклонения божествам.

В прошлом коллективные обряды символизировали общность группы. Способствуют ли современные праздничные мероприятия укреплению этнической идентичности? Н.А. Тучкова на селькупском материале обратила внимание на то, что проведение так называемых «национальных праздников» выступает мощным этноконсолидирующим фактором [17. С. 103]. «Фольклор и мифологические концепции дают материал, который переосмысливается и преломляется через нужды сценического пространства (можно предполагать, что со временем все зрелищное будет задействовано в максимально широком диапазоне) и порождает новую культурную традицию. Создатели очень стараются возродить (но часто получается именно “придумать заново”) формы коллективной обрядовой деятельности» [Там же. С. 107].

Заключение

Можно ли современные праздники хантов и манси считать традиционными? Однозначный ответ дать сложно. Политические деятели Югры, представители этнической интеллигенции усматривают в современных праздниках возрождение традиции. Но это не означает ее реконструкцию. Праздник изменил форму: из преимущественного сакрального ритуального действия он трансформировался в массовое зрелищное мероприятие. Традиционные праздники не регулировались «сверху», они были «закрытыми» для посторонних, а сейчас большое внимание уделяется популяризации праздников через СМИ. Возобновленные праздничные практики во многом связаны с активностью этнических элит (этнолидеров). По сути, произошло конструирование новых по содержанию и функциям праздников на основе совмещения обско-угорских этнических традиций и советских.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробное описание этого традиционного праздника у манси приводят Н.И. Новикова и С.А. Попова [10. С. 161–171; 11].

² К.Ф. Карьялайнен привел подробное описание жертвоприношений, совершаемых иртышскими хантами в дер. Чингалы (юрты Цингалинские. – *Е.М.*) [8. С. 177; 12. С. 118–120].

³ Исследование М. Момзиковой о Дне оленевода на Таймыре показало, что он был инициирован сначала на районном, потом на окружном уровне [4]. О.Б. Степанова на селькупском материале подтвердила, что «команда» к проведению праздника и финансовая поддержка поступали сверху, от районной власти, а организационную работу выполняла администрация поселков [6. С. 149].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошелева Е.Ю. Трансформационные процессы в духовной культуре селькупов и хантов Томской области в 1990–2000-е годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 3 (66). С. 168–173.
2. Батянова Е.П. Национальные праздники у телеутов в XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 16–25.
3. Dudeck S. Der Tag des Rentierzüchters: Repräsentation indigener Lebensstile zwischen Taigawohnplatz und Erdölstadt in Westsibirien. Fürstenberg ; Havel : Kulturstiftung Sibirien, 2013. 351 S.
4. Момзикова М. «Северная масленица»: День оленевода в советском и современном российском контекстах // Мифологические модели и ритуальные поведение в советском и постсоветском пространстве. М. : РГГУ, 2013. С. 227–237.
5. Степанова О.Б. Селькупский праздник встречи перелетных птиц: прошлое и настоящее // Радловский сборник : научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб. : МАЭ РАН, 2016. С. 282–290.

6. Степанова О.Б. Связь двух эпох: воплощение в празднике // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 148–156.
7. Волокитина Н.А. Взаимодействие традиционной и современной праздничной культуры в Республике Коми // Человек. Культура. Образование. 2018. № 3 (29). С. 50–58.
8. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 284 с.
9. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 1.
10. Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М. : ИЭА РАН, 1995. 222 с.
11. Попова С.А. Традиционный праздник манси уринэква хотал «вороний день» // Этнография народов Западной Сибири : к юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М. : ИЭА РАН, 2000. С. 212–222.
12. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 3. 264 с.
13. Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард : АртМедиа, 2005. 360 с.
14. Рольф М. Советские массовые праздники. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2009. 439 с.
15. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М. : Наука, 1985. 191 с.
16. Праздники коренных народов Югры. URL: <https://kmns.admhmao.ru/prazdniki-korennykh-narodov-yugry/> (дата обращения: 01.08.2020).
17. Тучкова Н.А. Художественная самодеятельность и фольклорно-мифотворческий процесс как этноконсолидирующие факторы, стимулирующие рост этнической идентичности (по материалам Парабельского района Томской области) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 2 (8). С. 102–111.

Elena P. Martynova, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: ep_martynova@mail.ru

OB UGRIAN'S HOLIDAYS: TRADITIONS IN THE CHANGING WORLD

Keywords: traditional culture; Ob Ugrian; holidays; transformation of traditions.

The article deals with the analysis of changes in the festive traditions and practices of the Ob Ugrian peoples (Khanty and Mansi) which took place during the XVIII – XXI cc. under the influence of the social changes. The work is based on the field materials of the author which conducted during many years (1984–2017) in Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug among the different ethnic groups of Khanty and Mansi.

The Ob Ugrian festivals before the Christianization represented ritual activities associated with the worship of various deities and spirits. After the Christianization, the ancient holidays related with the annual household cycle were included in the Russian Orthodox calendar. However, they were still the worship of a particular deity or spirit. Many pagan features are found in the festive ritual actions: visiting a sacred place, making a ritual fire, and offering a sacrifice with a joint meal. The deities were asked to grant good luck in fishing and hunting, abundance, health, etc.

During the years of the Soviet power Church calendar holidays were not officially recognized as “pre-revolutionary - old-fashion” holidays, and new revolutionary ones were established instead. However the traditional holidays of the Ob Ugrian peoples were preserved in people’s memory and “secretly” celebrated. In the 1950s and 1960s, the professional holidays appeared; they symbolized the professional identity of Soviet citizens. Fisherman’s Day and Reindeer Herder’s Day became relevant for indigenous peoples (including Khanty and Mansi) due to fishing and reindeer husbandry were their main activity. In Soviet times a new tradition originated – racing on reindeer sledges (Reindeer Herder’s Day), boat racing on traditional oblas’es (Fisherman’s Day). Over time these secular holidays included in their structure traditional ceremonial practices of the Ob Ugrian peoples, such as the rituals of treating spirits and sacrifices.

During the Perestroika years many religious traditions of the Ob Ugrian peoples were revived, including holidays, which received official status in the 2000s. They are organized and held on the authorities’ initiative, that resembles the Soviet holidays traditions with a mandatory official scenario. A novelty in organizing events is sponsorship from industrial companies. An important function of the holiday in the modern world has become the presentation of ethnic culture and its transfer to the younger generation. The Ob-Ugrian ethnicity shows through singing, dancing and wearing traditional clothing during the festivals. The influence of globalization is very noticeable during the holidays. Along with traditional fish soup and tea, there is a trade in shashliks, pastries and sweets. Festivals have changed their form: from a primarily sacred ritual action into a public entertainment. In fact, there was a construction of new holidays in terms of content and functions based on the combination of Ob-Ugrian ethnic traditions and Soviet ones.

REFERENCES

1. Kosheleva, E.Yu. (2007) Transformatsionnye protsessy v dukhovnoy kul'ture sel'kupov i khantov Tomskoy oblasti v 1990–2000-e gody [Transformational Processes in the Spiritual Culture of the Selkups and Khanty of the Tomsk Region in the 1990s – 2000s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3(66). pp. 168–173.
2. Batyanova, E.P. (2011) Natsional'nye prazdniki u teleutov v XX–XXI vv. [National Holidays among Teleuts in the 20th – 21st century]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 6. pp. 16–25.
3. Dudeck, S. (2013) *Der Tag des Rentierzüchters: Repräsentation indigener Lebensstile zwischen Taigawohnplatz und Erdölstadt in Westsibirien*. Fürstenberg; Havel: Kulturstiftung Sibirien.
4. Momzikova, M. (2013) “Severnaya maslenitsa”: Den' olenevoda v sovetskom i sovremennom rossiyskom kontekstakh [“Northern Maslenitsa”: Reindeer Herder's Day in the Soviet and Contemporary Russian Context]. In: Arkhipova, A.S. (ed.) *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve* [Mythological models and ritual behavior in the Soviet and post-Soviet space]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 227–237.
5. Stepanova, O.B. (2016) Sel'kupskiy prazdnik vstrechi pereletnykh ptits: proshloe i nastoyashchee [The Selkup festival of meeting migratory birds: the past and present]. In: Chistov, Yu.K. (ed.) *Radlovskiy sbornik : nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2015 g.* [The Radlov Collection. Scientific research and museum projects of the Museum of Anthropology and Ethnography in 2015]. St. Petersburg: RAS. pp. 282–290.
6. Stepanova, O.B. (2018) Communication between two epochs: incarnation in a festival. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*. 2(41). pp.148–156. (In Russian). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-148-156
7. Volokitina, N.A. (2018) Cooperation of traditional and modern festival culture in the Komi Republic. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie – Human Culture. Education*. 3(29). pp. 50–58. (In Russian).
8. Karjalainen, K.F. (1995) *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Ugra peoples]. Vol. 2. Translated from German by N.V. Lukina. Tomsk: Tomsk State University.
9. Georgi, I.G. (1776) *Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov* [Description of all the peoples living in the Russian state]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Novikova, N.I. (1995) *Traditsionnye prazdniki mansi* [Traditional Mansi Holidays]. Moscow: [s.n.].
11. Popova, S.A. (2000) Traditsionnyy prazdnik mansi urinekva khotal “voroniy den” [Traditional Mansi holiday Urinekwa Hotal – “The Crow's Day”]. In: *Etnografiya narodov Zapadnoy Sibiri* [Ethnography of the Peoples of Western Siberia]. Moscow: RAS. pp. 212–222.

12. Karjalainen, K.F. (1995) *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Ugra peoples]. [Religion of the Ugra peoples]. Vol. 3. Translated from German by N.V. Lukina. Tomsk: Tomsk State University.
13. Glavatskaya, E.M. (2005) *Religioznye traditsii khantov. XVII–XX vv.* [Religious traditions of the Khanty. The 17th – 20th century]. Ekaterinburg; Salekhard: ArtMedia.
14. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet public holidays]. Moscow: ROSSPEN.
15. Tultseva, L.A. (1985) *Sovremennye prazdniki i obryady narodov SSSR R* [Modern Holidays and Ceremonies of the USSR Peoples]. Moscow: Nauka.
16. Russia. (n.d.) *Prazdniki korennykh narodov Yugry* [Holidays of the Ugra Indigenous Peoples]. [Online] Available from: <https://kmns.admhmao.ru/prazdniki-korennykh-narodov-yugry/> (Accessed: 1st August 2020).
17. Tuchkova, N.A. (2015) Folk performing arts and folk myth creation process as ethnic consolidation factors stimulating ethnic identity development (based on data from Parabel district of Tomsk). *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2(8). pp. 102–111. (In Russian).

УДК 39:314.7

DOI: 10.17223/19988613/69/16

В.В. Николаев, А.П. Чемчиева

МИГРАЦИЯ КУМАНДИНЦЕВ В ГОРОДА ГОРНО-АЛТАЙСК И БИЙСК В XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 16-06-00389а).

Статья посвящена урбанизации кумандинцев в XX – начале XXI в. Основным источником данной работы стали результаты этносоциологического исследования, проведенного в городах Бийск и Горно-Алтайск, где проживает большая часть городских кумандинцев. Выявлены причины перемещения кумандинцев из сельской местности в городскую. Прослежена динамика их миграции на протяжении XX–XXI вв. Рассмотрены особенности переселения кумандинцев в города Бийск и Горно-Алтайск. Обозначены перспективы городских кумандинцев.

Ключевые слова: кумандинцы; миграция; урбанизация; Алтай.

Миграции коренного тюркоязычного населения Южной Сибири традиционно являются следствием и одновременно своеобразным адаптивным механизмом при изменении социально-политической ситуации в регионе. Этноисторические изыскания отечественных этнографов продемонстрировали подобную реакцию автохтонов региона на внешние вызовы на протяжении столетий. Миграции формировали динамичную систему контактов, определявших социальную структуру аборигенных сообществ, их материальную и духовную культуру.

На протяжении XIX – начала XX в. коренные народы Южной Сибири последовательно втягивались в социально-экономические отношения с Российской империей, чему во многом способствовали миссионерские практики. Возможно, одной из самых успешных была христианизация среди кумандинцев.

Христианизация автохтонов во времени и пространстве совпала с массовым переселенческим движением, нараставшим на протяжении XIX в. и достигшим своего пика в начале XX в. Эти процессы привели к изменению традиционной аильной локализации, обусловив концентрации коренного населения в улусах, превращавшихся с появлением переселенцев из Европейской части России в села.

В 1930-е гг. коллективизация и репрессии советского государства обусловили перемещение аборигенов в пределах территории традиционного проживания из одного населенного пункта в другой, обусловленные родственными связями.

Миграции автохтонов в город стали новым способом адаптации к изменяющимся социально-экономическим реалиям второй половины XX в. Для кумандинцев основными центрами притяжения стали два близлежащих города: Бийск (Алтайский край) и Горно-Алтайск (Республика Алтай), на территориях которых и было осуществлено наше исследование.

К началу XX в. основными территориями расселения кумандинцев являлись долины рек Бии, Иши, Кожии и их притоков, что соответствует следующим современным административно-территориальным единицам:

Турочакский район Республики Алтай (Ойротская АО до 1948 г., Горно-Алтайская АО до 1990 г.), Солтонский и Красногорский (Старобардинский до 1960 г.) районы Алтайского края. Небольшая группа кумандинцев проживает в Таштагольском районе Кемеровской области. Стоит отметить, что ближе всего к городам Горно-Алтайску и Бийску расположено с. Красногорское – 73 и 89 км соответственно, более удалены с. Солтон – 199 и 112 км и с. Турочак – 140 и 179 км.

На протяжении XIX – начала XX в. этническая ситуация на Алтае характеризовалась пестротой этнонимов. Уже в этот период за частью коренного тюркоязычного населения в предгорьях Северного Алтая закрепилось наименование «кумандинцы», что подтверждается архивными материалами и литературными данными. Значительное влияние на закрепление данного этнонима оказали административные практики. Несмотря на то, что во всех переписях советского периода отечественной истории, кроме 1926 г., кумандинцы учитывались как алтайцы, они сохраняли свою идентичность (см. более подробно, напр.: [1. С. 38–41, 88–95]. С 1993 г. в результате юридического признания кумандинцев коренным малочисленным народом начался процесс смены этнической идентичности [2]. Если первоначально переход с этнонима «алтаец» на «кумандинец» осуществлялся этнофорами на основе собственной самоидентификации, то в последующем смена идентичности была сопряжена с возможностью получения различных льгот, и в этот процесс включились потомки от смешанных браков, определявшие себя до начала 1990-х гг. русскими, алтайцами и т.д.

Основным видом традиционной хозяйственной деятельности кумандинцев было земледелие, дополнявшееся стойловым скотоводством, охотой, рыбной ловлей и пчеловодством [3. С. 42–83]. К середине XX в. сельские поселения кумандинцев характеризовались мелкоселенным проживанием и дисперсным размещением в иноэтническом (преимущественно русском) окружении. В эту пору основная масса кумандинцев трудилась в местных колхозах, имевших растениеводческую и животноводческую специализацию.

Целью данной публикации является рассмотрение динамики и причин миграции кумандинского сельского населения в города на примере Бийска и Горно-Алтайска. Источниковую основу представленной статьи составили материалы Всесоюзных переписей населения (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989) и Всероссийских переписей населения (2002, 2010). Эмпирическая база статьи включает результаты этносоциологического исследования, проведенного авторами в 2016 г., и полевые материалы.

Социологический опрос проводился методом структурированного интервью среди кумандинцев, проживающих в Бийске и Горно-Алтайске. Для оценки достоверности результатов социологического опроса были использованы итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. По данным переписи, в Горно-Алтайске проживали 440 кумандинцев, в том числе 356 человек в возрасте от 18 лет и старше. В составе взрослого кумандинского населения мужчины составляли 41,6%, женщины – 58,4%. В Горно-Алтайске обследованием были охвачены 50 человек (22 мужчины и 28 женщин). В нашем выборочном обследовании доля мужчин в Горно-Алтайске составила 44%, женщин – 56%. Относительная ошибка выборки не выходит за пределы 10%.

В Бийске проживали 530 кумандинцев, в том числе 42,6% мужчин и 57,4% женщин. К сожалению, обнародованные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Алтайскому краю не содержат данных по половозрастной структуре бийских кумандинцев. В этой связи для определения половозрастной структуры выборки взрослого кумандинского населения Бийска была использована половозрастная структура всего городского кумандинского населения по Алтайскому краю. По итогам переписи в Алтайском крае в городской местности проживали 609 кумандинцев, в том числе 540 человек в возрасте от 18 лет и старше. В составе взрослого кумандинского городского населения мужчины составляли 41,5%, женщины – 58,5%. В Бийске обследованием были охвачены 58 респон-

дентов (25 мужчин и 33 женщины). В выборочном обследовании доля мужчин составила 43,1%, женщин – 56,9%. Относительная ошибка выборки не выходит за пределы 10%.

Объем выборочной совокупности составил 108 респондентов в возрасте старше 18 лет. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. В каждой семье опрашивался один человек. Средний возраст респондентов в Бийске составил 44 года, в Горно-Алтайске – 45 лет.

Урбанизация кумандинцев, как и в целом коренного населения Алтая, осталась вне научных интересов предшествующих исследователей. В целом урбанизация коренного населения Сибири и Дальнего Востока исследована слабо (см., напр.: [4; 5]). Вопросы миграции коренного населения Алтая в города рассматривались лишь вскользь в общем контексте комплексного анализа развития населения Сибири. Так, В.А. Исупов отмечал, что в межпереписной период 1939–1959 гг. численность городского населения в Горно-Алтайской АО росла медленными темпами [6. С. 32]. В другом исследовании указывалось, что «алтайское население, хотя и в небольших размерах, но втягивалось в процесс урбанизации», и «при этом изменение удельного веса городского населения носило постепенный, плавный характер» [7. С. 159–160].

Изначально, на протяжении XIX в., знакомство кумандинцев с городской средой было связано с торговыми поездками наиболее успешных купцов. С открытием в 1883 г. Катехизаторского училища в Бийске освоение городского ландшафта автохтонами расширилось за счет обучающихся и сотрудников Алтайской духовной миссии.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. отразила начало перемещения кумандинцев в город. Несколько кумандинцев (пять мужчин и три женщины) уже проживали в городе, в том числе 7 человек в Бийске. В 1928 г. с. Улала (современный Горно-Алтайск) получило статус города, в нем проживали 947 ойратов и 22 алтайца (табл. 1, 2). Время появления первых кумандинцев в с. Улала определить проблематично.

Таблица 1

Численность кумандинцев (по данным переписи 1926 г.), чел.*

Народ	Городское население	Сельское население	Всего
Кумандинцы	8	6 327	6 335
в том числе:			
в Бийском округе Сибирского края	7	4 941	4 948
в Ойратской АО	0	1 384	1 384

* Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1246; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1128 (дата обращения: 14.06.2017).

Таблица 2

Коренное население Горно-Алтайска и Бийска (по данным переписи 1926 г.), чел.*

Название народа	Бийск	Горно-Алтайск
Кумандинцы	7	0
Алтайцы	45	22
Ойраты	1	947

* Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1246; http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1128 (дата обращения: 14.06.2017).

В начале 1950-х гг., в условиях послевоенной разрухи, советское руководство предприняло масштабные аграрные преобразования с целью повышения эффек-

тивности и ускорения темпов роста объема сельскохозяйственного производства. Последствия данных преобразований оказались очень серьезными и не очень

позитивными; данная тема получила в отечественной историографии развернутую характеристику [8–12 и др.]. В этой связи в рамках настоящей статьи мы не будем вдаваться в их подробный анализ, но обозначим ключевые аспекты аграрной реформы.

Преобразования села начались прежде всего с укрупнения колхозов через концентрацию производственной базы на центральной усадьбе. Статистические показатели реорганизации хозяйств позволяют говорить, что процесс укрупнения в Алтайском крае шел быстро. К концу пятой пятилетки (1951–1955) в крае вместо 4 220 мелких колхозов появились 1 215 крупных [13. С. 124].

Реформирование села продолжалось в течение 1950–1970-х гг. В середине 1950-х гг. распространилась новая практика – преобразование колхозов в совхозы. В 1960-е гг. началось сокращение сети сельских поселений. Для этого были введены категории перспективных и неперспективных сел. Отнесение сел к последней категории приводило к прекращению в них строительства новых и свертыванию имевшихся школ, клубов, хлебопекарен, фельдшерских и акушерских пунктов, ликвидации автобусных маршрутов и остановок, что, в сущности, означало вытеснение людей из привычных мест жительства [14. С. 116].

Кампания по ликвидации неперспективных сел в стране привела к интенсивной миграции населения и исчезновению мелких сел и деревень. Эта участь не миновала и многие кумандинские селения. В начале XX в. кумандинцы проживали в нескольких десятках населенных пунктах. По материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., переписные карточки которой хранятся в Государственном архиве Алтайского края (Барнаул), кумандинцы проживали в следующих населенных пунктах: Алешкин (Озеро-Куреевской волости; совр. Турочакский район), Босток, Каралькин, Тайлоп, Санькин аил, Шунорак, Алешкин (Нижне-Кумандинской волости; совр. Красногорский район), Бугочак, Елтош, Иртышкин, Калташ, Камышак, Курлек, Озерки, Пильно, Ташта, Ужлеп, Егона, Бехтимир, Караган, Карасево, Кичек, Кубия, Курлаган, Пешпер, Сайлапка, Сузоп, Тебенда, Тосток, Эбека, Нарлык, Подчайная, Сурьково, Тиберек, Чапша, Березовка, Излап II, Калашево, Каракан, Половинка, Сатуга, Темтешка, Шаландайка, Шатобал, Шумиха.

На сегодняшний день большинство населенных пунктов, где кумандинцы традиционно проживали и численно преобладали, исчезли или на грани закрытия. Автохтоны продолжают проживать лишь в нескольких селах: Ужлеп (Красногорский район), Сузоп, Тосток, Шатобал (Солтонский район), Санькин аил и Шунорак (Турочакский район).

Жители неперспективных кумандинских селений были вынуждены покинуть свои родные села и переехать на центральные усадьбы совхозов и в районные центры: Солтон, Красногорское, Турочак. Однако не все кумандинцы из мелких деревень направились в «перспективные» поселения. Значительная часть кумандинцев устремилась, минуя «перспективные» села, в города: Бийск, Горно-Алтайск, а также крупные населенные пункты Кемеровской области.

Стоит отметить, что одновременно с аграрными преобразованиями в близлежащих к территории традиционного проживания кумандинцев городах развернулось активное строительство промышленных предприятий. Так, в Горно-Алтайске в 1950–1960-е гг. было построено несколько крупных предприятий легкой (ткацкая, швейная и др. фабрики) и строительной промышленности (кирпичный завод, ЖБИ); в Бийске – химический комбинат (1959), мебельная фабрика (1960), предприятия оборонной промышленности и др. Большинство предприятий нуждалось в низкоквалифицированных сотрудниках, которые стали прибывать из сельской местности.

Определенную роль, видимо, сыграл и демографический фактор, что позволяет предполагать нарастание миграции с середины 1960-х гг. Именно на это время приходится достижение 16–20-летнего возраста появившимися после войны детьми, количественно превосходящими тех, кто родился в 1941–1945 гг.

Особенности статистического учета в советский период, когда кумандинцы рассматривались как этнографическая группа алтайцев и, соответственно, отдельно не учитывались в ходе проведения переписей, позволяют лишь выявить темпы прироста численности городских кумандинцев в 1930–1980-е гг. Если в Горно-Алтайск стекались представители разных народов Алтая, то алтайцы в Бийске в основном были представлены кумандинцами (например, в 2010 г. в условиях сокращения численности бийских кумандинцев – 643 человек против 303 алтайцев), что позволяет использовать данные статистики.

Как видно из табл. 3, наибольший приток алтайцев (в основном это были кумандинцы) в Бийск пришелся на 1960–1970-е гг., что привело к увеличению их численности в 4 раза (с 278 в 1959 г. до 1 117 человек в 1979 г.). Стоит отметить, что численность кумандинцев в Горно-Алтайске росла менее интенсивно, достигнув к 2002 г. лишь 445 человек. Параллельно шло сокращение численности кумандинцев в сельской местности. Так, в Красногорском районе, ставшем основным местом исхода, численность коренного населения с 1959 по 1979 г. сократилась в 3 раза (с 1 403 до 430 человек), в Солтонском районе, откуда автохтоны мигрировали в том числе в Кемеровскую область – почти в 2 раза (с 967 до 487 человек); в Турочакском районе, где помимо кумандинцев проживали тубалары и челканцы, – в 1,5 раза (с 4 240 до 2 816 человек).

Значительная часть демографических потерь сельских кумандинцев была связана с активно нарастающими ассимиляционными процессами во второй половине XX в. наряду с увеличивающимся оттоком коренного населения в города рассматриваемых регионов и за их пределы. В свою очередь, мигрировали и продолжают уезжать в основном молодые люди, что приводит к трансформации возрастной структуры у сельских кумандинцев: увеличению доли старшей и сокращению доли младшей возрастных групп. В результате увеличивается уровень смертности за счет старения коренного населения и снижается уровень рождаемости в результате выбытия в город людей репродуктивного возраста.

Несомненно, большую часть выбывших с территории Турочакского района составили кумандинцы, так как в 2002 г. в городе проживало 9,6% (150 человек) тубаларов и 13,6% (135 человек) челканцев от общей численности (табл. 4). Данные статистики подтверждаются результатами проведенного социологическо-

го опроса. Результаты по опрошенным кумандинцам городов Горно-Алтайск и Бийск во многом идентичны: 38 и 37,9% соответственно являются горожанами в первом поколении, 44 и 50% – во втором поколении, 16 и 8,6% – в третьем, 2 и 3,4% – в четвертом и более (табл. 5).

Таблица 3

Численность алтайцев (по данным Всесоюзных переписей)*					
Название города / района	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
<i>Алтайский край</i>					
г. Бийск	136	278	717	1 117	1 150
Красногорский (Старобардинский) район	1 800	1 403	930	430	397
Солтонский район	1 612	967	696	487	404
<i>Республика Алтай (Ойротская АО, Горно-Алтайская АО)</i>					
г. Горно-Алтайск (Ойрот-Тура)	2 807	2 379	3 610	4 676	6 215
Турочакский район	4 240	3 200	3 148	2 816	2 767

* Материалы предоставлены Территориальными органами Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай и Алтайскому краю; ГАРА (Государственный архив Республики Алтай). Ф. Р-61. Оп. 9. Д. 2. Л. 3, 14; Д. 3. Л. 22; Д. 9. Л. 119.

Таблица 4

Изменение численности кумандинцев (по данным Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг.)

Территории	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	Численность, чел.		Прирост 2010 к 2002, %	Численность, чел.		Прирост 2010 к 2002, %	Численность, чел.		Прирост 2010 к 2002, %
	2002	2010		2002	2010		2002	2010	
Кумандинцы	3 114	2 892	-7,1	1 704	1 400	-17,8	1 410	1 492	+5,8
из них проживают на территории:									
Алтайского края	1 663	1 401	-15,8	831	609	-26,7	832	792	-4,8
Бийский городской округ	732	643	-12,2	732	530	-27,6	–	113	+113
Красногорский район	348	282	-19	–	–	–	348	282	-19
Солтонский район	406	306	-24,6	–	–	–	406	306	-24,6
Республики Алтай	931	1 062	+14,1	445	440	-1,1	486	622	+28
г. Горно-Алтайск	445	440	-1,1	445	440	-1,1	–	–	–
Майминский район	76	93	+22,4	–	–	–	76	93	+22,4
Турочакский район	322	413	+28,3	–	–	–	322	413	+28,3
Чойский район	21	25	+19,1	–	–	–	21	25	+19
Кемеровской области	294	225	-23,5	246	185	-24,8	48	40	-16,7

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Вы, горожанин, в каком поколении?», %

Поколения	г. Бийск (n = 58)	г. Горно-Алтайск (n = 50)
В первом поколении*	37,9	38
Во втором поколении	50	44
В третьем поколении	8,6	16
В четвертом и более поколениях	3,4	2

* К горожанам в первом поколении были отнесены те респонденты, которые раньше своих родителей переехали жить из села в город, а также респонденты, которые раньше родителей обосновались в городе, но позже перевезли родителей в город.

В ходе опроса были выявлены мотивы смены места жительства, несколько различающиеся у кумандинцев из Горно-Алтайска и Бийска. Основные причины переезда: поиск лучшей работы, профессиональный рост (31,3% ответов респондентов в Горно-Алтайске и 40,7% в Бийске), улучшение условий жизни (29,2 и 25,9%), получение специального образования (27,1 и 24,1% соответственно). Стоит также отметить, что, по словам респондентов, «ликвидация села», в котором они проживали, стала важным событием при принятии решения о переезде в город, но не главным. Так, в Горно-Алтайске доля таких ответов составила 14,6%, в то время как в Бийске – только 3,7% (табл. 6).

Анализ результатов опроса позволил выявить смещение акцента в причинах переезда в город в предвоенные и первые послевоенные годы (раскулачивание,

репрессии, получение образования) и в годы аграрных преобразований на селе и индустриального развития в 1950–1970-е гг. (улучшение условий жизни, поиск работы и получение образования).

Сопоставление данных опроса о том, с какой территории прибыли в город горожане в первом поколении и предки (родители, бабушки и дедушки) горожан во втором или третьем поколении, позволило получить интересные результаты. Так, 68,4% кумандинцев Горно-Алтайска, являющихся горожанами в первом поколении, прибыли из Турочакского района, 21,1% – из Красногорского района, по 5,3% – из Усть-Канского и Солтонского районов. В большинстве случаев кумандинцы оказывались вне территории традиционного проживания (в Усть-Канском, Онгудайском, Шебалинском или других районах) в результате вступления в брак или

распределения после окончания учебного заведения (вузы, училища). В Бийске в силу иного географического расположения среди кумандинцев, являющихся горожанами в первом поколении, 45,5% являются выходцами из Красногорского района, 36,4% – из Солтонского, 18,2% – из Турочакского района (табл. 7).

В случае с горожанами во втором и третьем поколениях, чьи предки перебрались в город в середине – второй половине XX в., фиксируется иная ситуация. Так, 48,4% респондентов в Горно-Алтайске указали,

что их мать или бабушка были уроженками Красногорского района, 22,6% – Турочакского, 12,9% – Солтонского; в Бийске 55,6% – Красногорского, 13,9% – Турочакского, 8,3% – Солтонского района. Схожие данные сообщили респонденты о своих предках по мужской линии: 54,8% опрошенных в Горно-Алтайске отметили, что их отец или дед были уроженцами Красногорского района, 16,1% – Турочакского, 12,9% – Солтонского; в Бийске 58,3% – Красногорского, 13,9% – Турочакского, 8,3% – Солтонского района (табл. 8).

Таблица 6

Распределение ответов кумандинцев-горожан (первое поколение) на вопрос: «Какова была причина Вашего (Ваших предков) переезда в город?», %

Причины переезда	г. Бийск (n = 54)	г. Горно-Алтайск (n = 48)
Получение специального образования	24,1	27,1
Поиск лучшей работы, профессиональный рост	40,7	31,3
Улучшение условий жизни (доход, жилье, благоустройство, магазины, культурный досуг)	25,9	29,2
Забота о будущем детей (обучение, реализация творческого потенциала)	11,1	8,3
Смена климата	1,9	–
Вступление в брак	5,6	4,2
Ликвидация села	3,7	14,6
Другое	–	6,3
Затрудняюсь ответить	3,7	–

Примечание. Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 7

Распределение ответов кумандинцев-горожан (первое поколение) на вопрос: «Из какого района Вы впервые переехали в город?», %

Районы	г. Бийск (n = 22)	г. Горно-Алтайск (n = 19)
Красногорский район	45,5	21,1
Солтонский район АК	36,4	5,3
Турочакский район РА	18,2	68,4
Усть-Канский район РА	–	5,3

Таблица 8

Распределение ответов кумандинцев-горожан (второе и последующие поколения) на вопрос: «Из какого района Ваш отец (дед) и мать (бабушка) впервые переехали в город?», %

Район	г. Бийск		г. Горно-Алтайск	
	отец (дедушка) (n = 36)	мать (бабушка) (n = 36)	отец (дедушка) (n = 31)	мать (бабушка) (n = 31)
Был(а) уроженцем(кой) этого города	13,9	11,1	6,5	6,5
Из Красногорского	58,3	55,6	54,8	48,4
Из Солтонского	8,3	8,3	12,9	12,9
Из Турочакского	13,9	13,9	16,1	22,6
Из Чойского	–	–	3,2	3,2
Из Шебалинского	–	–	3,2	3,2
Из Онгудайского	–	–	3,2	3,2
Из другого региона	–	2,8	–	–
Затрудняюсь ответить	5,6	8,3	–	–

Как видно из приведенных данных, в наибольшей степени вовлеченными в миграционные процессы оказались красногорские кумандинцы, активно переселившиеся в Горно-Алтайск и Бийск. Это обусловлено географической близостью и транспортной доступностью (по территории района проходит Чуйский тракт). Важным моментом является то, что в Красногорском районе, помимо райцентра, так и не сформировалось центров притяжения коренного населения, в то время как в Солтонском и Турочакском районах значительное количество кумандинцев осело не только в райцентре, но и других крупных селах (Нижняя Ненинка, Сузоп, Санькино и т.д.). Удаленность данных территорий привела к миграции, происходившей в два этапа: переезд из неперспективного села в круп-

ное и лишь затем (часто в следующем поколении) – в город.

В настоящее время около половины кумандинцев являются городскими жителями (см. табл. 4). На протяжении второй половины XX в. численность городских кумандинцев интенсивно увеличивалась. К 2002 г. доля городского населения составила 54,7%, а к 2010 г. снизилась до 48,4 %. Отчасти это связано с переводом в статус сельских жителей части бийчан, в том числе 113 кумандинцев (3,9% от общей численности), в ходе муниципальной реформы 2006 г.

Интенсивные переселения кумандинцев и дисперсное расселение в городе привели к ускорению ассимиляции в условиях широкого распространения межэтнических браков, разрыва семейных, родственных и

соседских связей. Это иллюстрируют и результаты опроса. Бийские кумандинцы в большей степени утратили связь с родственниками в деревне (табл. 9), чем горно-алтайские, проживающие в целом в более комфортной этнической среде. Кумандинцы проживают в разных районах городов, посещают разные учебные заведения, работают на разных предприятиях.

Ассимиляция бийских кумандинцев, видимо, началась в 1990-е гг. Если в 1989 г. в Бийске проживало 1 150 алтайцев, в 2002 г. – 732 кумандинца и около 300 алтайцев, то к 2010 г. их численность уменьшилась до 946 человек (643 кумандинца и 303 алтайца). Необходимо пояснить несколько моментов. Во-первых, опубликованные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. менее подробные, чем итоги переписи 2010 г. В частности, нет сведений о количестве алтайцев, тубаларов, челканцев и теленгитов, проживающих в Бийске. Можно оперировать лишь общими данными по региону (например, численность городских алтайцев в Алтайском крае). Во-вторых, цифра 643 бийских

кумандинца в 2010 г. формируется из 530 человек, проживающих собственно в городе, и 113 человек, проживающих в селах, входящих в административно-территориальную единицу Бийский городской округ. В 2002 г. в ходе проведения переписи жители сел были учтены как городские жители. Вследствие муниципальной реформы 2006 г. они получили статус сельских жителей. Таким образом, де-юре 113 кумандинцев стали сельскими жителями в 2006 г., де-факто они все так же проживают рядом с городом и работают на городских предприятиях.

Учитывая, что с 2002 по 2010 г. численность горожан-алтайцев (с учетом теленгитов, тубаларов, челканцев) в Алтайском крае изменилась незначительно (численность увеличилась с 1 186 до 1 188 человек), можно предполагать, что численность кумандинцев в 1989 г. составляла около 850 человек. Таким образом, в течение 1990–2000-х гг. численность бийских кумандинцев сократилась примерно на четверть (с примерно 850 в 1989 г. до 643 в 2010 г.).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Поддерживаете ли вы связь с родственниками в деревне?», %

Характер связи с родственниками	г. Бийск (n = 58)	г. Горно-Алтайск (n = 50)
Да, регулярно ездим друг к другу в гости, созваниваемся по телефону	24,1	40
Да, но видимся и созваниваемся редко	29,3	24
Нет, потеряли связь	8,6	6
Нет, родственников в деревне нет	37,9	30

Отмеченный тренд характерен не только для бийских кумандинцев. С 2002 по 2010 г. снизилась численность кумандинцев-горожан, проживающих в других городах России, например в городах Кемеровской области – с 246 до 185 человек (на 25%). Исключением является лишь Горно-Алтайск, где отмечается незначительное сокращение численности кумандинцев с 445 человек в 2002 г. до 440 в 2010 г. Сокращение численности городских кумандинцев происходит на фоне продолжающегося притока сельских жителей. По данным из похозяйственных книг муниципальных образований Красногорское и Солтонское (сельские поселения Алтайского края), Турочакского сельского поселения Республики Алтай, с 2002 по 2010 г. в города выбыли более 70 кумандинцев, из которых около половины в Бийск. Необходимо отметить, что фиксация сведений о выбытии жителя в книгах неполная, зачастую фрагментарная. По нашим сведениям, данные о части выбывших не указываются и при заведении следующей похозяйственной книги, мигрировавшие просто не учитываются. Кроме того, следует указать временно проживающих в городе – обучающихся в вузах, вахтовиков. Таким образом, с учетом временно проживающих и оказавшихся вне похозяйственного учета количество переехавших в город составляет более 100 человек в межпереписной период.

Следует упомянуть, что переезд в Горно-Алтайск или Бийск для части кумандинцев стал возможностью к дальнейшей миграции в соседний Казахстан, на Север и Дальний Восток, а также в крупные города России. Численность кумандинцев, проживающих в городах за пределами Алтайского края, Республики Алтай и Кемеровской области, также сократилась со 182 человек в 2002 г. до 166 в 2010 г. В настоящее время

часть кумандинской молодежи также ориентирована на учебу в крупных городах России.

Миграция кумандинцев в городскую среду до середины XX в. имела исключительный характер. В сравнении с остальными коренными народами Алтая численность городских кумандинцев росла быстрыми темпами. Доля в общей численности алтайцев, теленгитов, тубаларов и челканцев, проживающих в городе, увеличилась: с 20,7, 4,8, 9,6, 18,1% в 2002 г. до 23,8, 8,1, 15,8, 20,8% в 2010 г. соответственно. Таким образом, для теленгитов и тубаларов характерен низкий уровень урбанизации, для алтайцев и челканцев – средний. Только кумандинцы достигали высокого уровня урбанизации по данным переписи 2002 г., но к 2010 г. вернулись на средний в результате ассимиляционных потерь. Нарастание миграционной волны из села в город пришлось на середину 1960-х гг., что было сопряжено с комплексом причин. Во-первых, достижение совершеннолетия относительно многочисленными поколениями, родившимися в послевоенный период, привело к «выплеску» молодежи в город. Во-вторых, строительство крупных промышленных предприятий в городах Бийске и Горно-Алтайске и, как следствие, потребность в рабочей силе. В-третьих, ликвидация неперспективных сел, в том числе большинства кумандинских. В последующем, с 1980-х гг., количество мигрантов снижается.

В сопоставлении с общероссийскими и региональными трендами урбанизации миграция кумандинцев в города имела несколько особенностей. Во-первых, сравнительно более позднее вовлечение кумандинцев в миграционный поток «село–город». Особенности статистического учета не позволяют оперировать точными цифрами, но можно оценить долю городских

кумандинцев в общей численности примерно в 5% в 1959 г. Для сравнения, в это время доля горожан в общей численности населения в РСФСР составляла 52,8%, в Алтайском крае – 32,9%, в Горно-Алтайской автономной области – 18,9%. Во-вторых, перемещение в город коренного населения было интенсивным в короткий период времени: в 1960–1970-е гг. В-третьих, учитывая более позднее вовлечение кумандинцев в процесс урбанизации, можно утверждать, что индустриализация (или рабочая миграция, по материалам нашего социопроса), ставшая основной причиной притока сельского населения в города страны, имела меньшее значение. Улучшение условий жизни и получение образования являлись важными мотивами при переезде в город кумандинцев во второй половине XX в.

В настоящее время численность городских кумандинцев сокращается, в первую очередь вследствие

ассимиляционных процессов, дополняющихся учебной и рабочей миграцией наиболее активной части молодежи за пределы Алтайского края и в меньшей степени – Республики Алтай. Сохранение существующих трендов приведет к дальнейшему сокращению численности городских кумандинцев.

Альтернативой приведенного выше негативного прогноза является деятельность общественных объединений, способствующая актуализации этнической идентичности и сплочению кумандинцев в городах. Вокруг подобных организаций, сделавших акцент на проведении разнообразных праздничных и спортивных мероприятий, в настоящее время происходит формирование городских общин кумандинцев.

Благодарности. Авторы благодарят жителей городов Бийск и Горно-Алтайск за содействие и участие в проведенном этносоциологическом исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев В.В. Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. 312 с.
2. Блюм А., Филиппова Е. Перепись на Алтае // Этнография переписи – 2002. М. : Авиаиздат, 2003. С. 72–93.
3. Назаров И.И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. Барнаул : Алтайский дом печати, 2013. 192 с.
4. Донской Ф.С., Попова А.Г., Романова Е.С. и др. Урбанизация и малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия). Якутск : ИПМНС СО РАН, 2001. 86 с.
5. Тишков В.А., Коломиец О.П., Мартынова Е.П., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Терехина А.Н. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. М. : СПб. : Нестор-История, 2016. 272 с.
6. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 291 с.
7. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.
8. Горбачёв О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М. : Изд-во МПГУ, 2002. 158 с.
9. Шлыкова О.В. Преобразование колхозов в совхозы в 1950–1960-е годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 3. С. 152–154.
10. Шлыкова О.В. Аграрная политика СССР в середине 1950-х – середине 1960-х гг.: краткая историография вопроса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5. С. 210–213.
11. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул : БГПУ, 2008. 528 с.
12. Васильев М. Неперспективные села и преобразование колхозов в совхозы в 1950-х – начале 1960-х гг. (по материалам Тамбовской области) // Власть. 2012. № 2. С. 161–164.
13. Алтай в послевоенный период : историко-экономический очерк. Барнаул, 1974. 222 с.
14. Никитаева Е.Б. Политика ликвидации «неперспективных» сел и деревень в 1960–1970 гг. и ее последствия для Центральной России // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2012. № 5. С. 115–117.

Vasily V. Nikolaev, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Arzhana P. Chemchieva, Novosibirsk state university (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: chemchieva@gmail.com

MIGRATION OF KUMANDY TO THE CITIES GORNO-ALTAISK AND BIYSK IN THE XX – EARLY XXI CENTURIES

Keywords: Kumandy; migration; urbanization; Altai.

The article is devoted to the urbanization of the Kumandins in the 20th - early 21st centuries. The purpose of the study is to examine the dynamics and causes of migration of the Kumandin rural population to cities by the example of Biysk and Gorno-Altai. Tasks of the study: to identify the main reasons for the migration of Kumandy to the cities; to trace the dynamics of Kumandy's migration to the cities; to consider modern urbanization processes at the Kumandy. The chronological scope of the research covers the 20th - early 21st centuries. The methodological basis of the study is the theory of urbanization in its sociocultural variant. Field and statistical methods were used during the research. The originality of the study is the absence of works about the urbanization of the indigenous population of Altai. The source base includes the results of ethnosociological research, field materials and census data. Ethnosociological research was conducted in Biysk (Altaiskiy Krai) and Gorno-Altai (Altai Republic), where the majority of urban Kumandins live.

In the course of the study the authors came to the following conclusions. The first Kumandy citizens appeared at the beginning of the 20th century. In 1926 there were 7 Kumandins living in Biysk. Until the end of the 1950s the number of urban Kumandins increased insignificantly (for example, in Biysk there were about 200 people). From the middle 1960s to the 1970s the Kumandy began to move massively to the city. For example, in Biysk the number of urban Kumandins increased four times in these years. This was favored by the relative multiplicity of generations born in the post-war period, and the construction of industrial enterprises in cities. The campaign to eliminate unpromising villages also contributed to the migration of the Kumandins. Among the reasons for the move the Kumandy respondents mentioned: seeking a better job, professional growth, improving living conditions, obtaining special education. Most of the Kumandin in Gorno-Altai are from the Turochak district of the Altai Republic and the Krasnogorsk district of the Altaiskiy Krai. Krasnogorsk Kumandy significantly prevail in Biysk. For the Kumandins of the Solton district of the Altaiskiy Krai the cities of the neighboring Kemerovo Region were more attractive. The migration of Kumandy to cities was more intensive in comparison with other indigenous peoples of Altai, but at the same time its indicators were significantly lower than the all-Russian and regional urbanization

rates. In recent years there has been a decline in the number of urban Kumandins due to assimilation. This is facilitated by dispersed resettlement of the Kumandins in the city, their further migration (including training, work) from Biysk and Gorno-Altaysk to other cities of the Russian Federation. An alternative to the emerging trend is the activity of public associations that actualize ethnic identity.

REFERENCES

1. Nikolaev, V.V. (2012) *Etnodemograficheskoe razvitie korennoogo naseleniya predgoriy Severnogo Altaya (XIX – nachalo XXI veka)* [Ethnodemographic development of the indigenous population of the North Altai piedmont (the 19th – early 21st century)]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Blyum, A. & Filippova, E. (2003) *Perepis' na Altae* [The Census in the Altai]. In: Filippova, E., Arela, D. & Gusef, C. (eds) *Etnografiya perepisi–2002* [Ethnography of the Census-2002]. Moscow: Aviaizdat.
3. Nazarov, I.I. (2013) *Kumandinty: traditsionnoe khozyaystvo i material'naya kul'tura* [The Kumandins: traditional economy and material culture]. Barnaul: Altayskiy dom pechati.
4. Donskoy, F.S., Popova, A.G., Romanova, E.S. et al. (2001) *Urbanizatsiya i malochislennyye narody Severa Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Urbanization and the small northern peoples of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Yakutsk: RAS.
5. Tishkov, V.A., Kolomiets, O.P., Martynova, E.P., Novikova, N.I., Pivneva, E.A. & Terekhina, A.N. (2016) *Rossiyskaya Arktika: korennyye narody i promyshlennoye osvoenie* [The Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
6. Isupov, V.A. (1991) *Gorodskoye naselenie Sibiri: ot katastrofy k vozrozhdeniyu (konets 30-kh – konets 50-kh gg.)* [Urban population of Siberia: From the disaster to the revival (late 1930s – late 1950s)]. Novosibirsk: Nauka.
7. Gushchin, N.Ya. & Isupov, V.A. (eds) (1997) *Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX veke* [The population of Western Siberia in the 20th century]. Novosibirsk: SB RAS.
8. Gorbachev, O.V. (2002) *Na puti k gorodu: sel'skaya migratsiya v Tsentral'noy Rossii (1946–1985 gg.) i sovetskaya model' urbanizatsii* [On the way to the city: rural migration in Central Russia (1946–1985) and the Soviet model of urbanization]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
9. Shlykova, O.V. (2008) *Preobrazovanie kolkhozov v sovkhozy v 1950–1960-e gody* [The transformation of collective farms into state farms in the 1950s – 1960s]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 3. pp. 152–154.
10. Shlykova, O.V. (2016) *Agrarian policy of the USSR in the middle of the 1950s – the middle of the 1960s: brief historiography of the issue. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 5. pp. 210–213.
11. Shcheglova, T.K. (2008) *Derevnya i krest'yanstvo Altayskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya* [The village and peasantry of the Altai territory in the 20th century. Oral history]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
12. Vasiliev, M. (2012) *Neperspektivnyye sela i preobrazovanie kolkhozov v sovkhozy v 1950-kh – nachale 1960-kh gg. (po materialam Tambovskoy oblasti)* [Unpromising villages and the transformation of collective farms into state farms in the 1950s and early 1960s (based on the materials of the Tambov region)]. *Vlast'*. 2. pp. 161–164.
13. Lizina, A.I. (ed.) (1974) *Altay v poslevoenny period : istoriko-ekonomicheskyy ocherk* [Altai in the post-war period: A historical and economic essay]. Barnaul: [s.n.].
14. Nikitaeva, E.B. (2012) *The 1960-70s politics of unpromising villages and settlements liquidation and its consequences for central Russia. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 5. pp. 115–117. (In Russian).

УДК 39 (= 511:143)908
DOI: 10.17223/19988613/69/17

С.А. Попова

МИФОРИТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕДВЕЖЬЕГО ПРАЗДНИКА СЕВЕРНЫХ МАНСИ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматривается медвежий праздник с характерными для него отношениями, формирующими мифологическое пространство, и основанной на них коллективной обрядности. Выявляется семантика объектов, структурирующих пространство за счет вовлечения их в мир человека. Определяются наиболее значимые пространственно-временные связи персонажей мансийского пантеона. Значительное место уделено реконструкции представлений о пространстве и времени в контексте взаимоперехода жизни и смерти, перерождения.

Ключевые слова: миф; ритуал; объекты; пространство; отношения; медвежий праздник.

Северные манси на разных территориях проживания имеют разные структуры хозяйствования, но с древности преобладает охотничий промысел. Из добываемых зверей медведь занимает совершенно особое место. По случаю добычи медведя устраивался промыслово-спорадический праздник. Он связан с охотой и предназначен для проведения обрядов, способствующих удаче в будущем промысле. Манси отмечали также общественно-периодический медвежий праздник, где обряды не предварялись охотой на медведя и преследовали другие, общественные цели. Повсеместно они были приурочены к обрядам чествования наиболее значимого духа-предка, обычно территориального.

Традиционные космологические представления древних охотников основаны на практических наблюдениях, в их основе лежат отношения повторяемости переходных состояний, что соответствовало цикличности самой жизни людей и вере в реинкарнации, в то, что животное после смерти может переродиться, и его снова можно будет добыть. Идея исходных пространственно-временных отношений включает некую направленность на начальное время, в мифологии это время творения мира. Отправная точка мифологического пространства промыслово-спорадического медвежьего праздника (уй ййквуңкве букв. зверя плясать) обозначена в мифе об устройтеле «медвежьих» обрядов Полум-ойк'е (он же Полум Тõрум, а при рождении Кёнсьяң) и объекта празднования (медведя / медведицы). В нем повествуется, что Полум-ойка 'Пельмский мужчина' был рожден на небе в доме своего отца Тõрум'а (он же Нуми Тõрум 'Верховный бог') и в люльке-лодочке спущен им на землю. Приземление произошло на середине туман-озера, где нет «сухой, проходимой для человека земли». Тõрум спускает туда кусочек земли, из которого вырастает торфяная кочка, на ней возникает дом, затем появляются люди, возникает город / деревня. Полум-ойка едет на лодке на охоту, добывает медведя, доставляет его в дом на торфяной кочке, где люди устраивают медвежий праздник

[1. С. 97–103]. Полум-ойка для проведения первопродника даёт наказы, которые закрепились и стали правилом для проведения последующих промыслово-спорадических праздников, и манси строго их соблюдают. Отраженный в мифе мотив медвежьей обрядности в доме на первоземле, возникшей на водной поверхности, имеет аналогии в других мифах первотворения. В них точкой разрастания земли является тундровый холм на водной поверхности, а события связаны с другими персонажами – Стариком, Старухой, Мир-Суснэ-Хум'ом '[за] Людми Смотрящий Мужчина' и др. [2. С. 258–290].

Мифологическая версия появления в общественно-периодическом празднике (Яныг ййкв букв. большие / главные пляски; Пупыг ййкв букв. духов / богов пляски) семилетнего цикла медвежьей обрядности имеет связь с его «устройтелем» Ялпус ойк'ой 'Священного города мужчина' и отсылает также к первоначальным временам. В тексте «Ялпус ойка добывает медведя», записанном В.Н. Чернецовым, она имеет следующее изложение: Ялпус ойка живет в своем доме. Нуми Тõрум начал творить дни маленького мальчика, маленькой девочки (имеется в виду человеческая эра) и сотворил очень много зверей. Герой собирается научить будущих людей охоте на них, для этого идет в лес. Находит берлогу, вызывает медведя и убивает его о дереве. Доставляет его в свой город «в образе бегущего и идущего коня», заносит в дом деревенских людей. Проводится праздник – пять ночей подряд. В песне даётся описание обрядов, выполняемых при добыче медведя и устройстве обычного промыслового праздника. По ходу действия и в конце песни-представления Ялпус ойка обращается к слушателям: «Дети, в будущем также отмечайте праздник, танцуйте медведя семь зим подряд, а потом семь зим – нет» [3. Д. 53. Текст 2]. Некоторые исследователи отмечают, что объектом празднования на периодических праздниках была медведица; очевидно, медведем она была замещена уже в последующее время [4. С. 40; 5. С. 46, 51].

На общественный праздник медведя не добывали, здесь его представляла имта – шкура вместе с головой, уложенная на передние лапы.

Пространственно-временные отношения постепенно расширяются от нулевой точки за счет включения пространственных бинарных оппозиций. Взаимоотношения сакрального и обыденного выделяют наиболее значимые участки пространства. Например, в обрядовое пространство медвежьего праздника входят дом и определенное место в нем. Промысловый праздник проводится в обычном жилом помещении (одного из охотников, его добывшего), но голову медведя помещают на специальную полку, устроенную в священном углу. Здесь хранятся семейные святыни – подношения семейному духу-покровителю, атрибуты для медвежьих праздников: ритуальные халаты, шапки, варежки и др. Именно священный угол дома является наиболее сакральным местом: его обмазывают кровью жертвенного животного, сюда сливают сакральную воду, которой обмывали покойного, а также сливают сос – «святой бульон» – после варки медвежьего, мяса. Общественные обряды, например в Вежакарах проводились в специальном доме – яныг кол ‘большой [= священный] дом’. Такие культовые дома имелись в каждом территориальном центре и с более широким назначением – для проведения обрядов в честь крупных территориальных духов пупыг ййкв ‘духов / богов танцы’, а также для мужских инициаций и семейных обрядов. В традиционном медвежьем празднике манси достаточно четко обозначена роль не только «большого дома», но и «маленькой избушки». В доме все присутствующие получают некий свод знаний, в избушке происходят сакральные действия перевоплощения. Как в промысловом, так и в общественном празднике подготовка к выступлениям масок (тўлыглап ‘представление, сценка’) ведется в отдельном помещении вне дома. Это временный чум или надворное строение, которое и являет собой маленький домик (избушку); здесь мужчины изготавливают атрибуты, реквизит, переодеваются и т.д. [6. С. 165–173]. Нужно отметить, что в реальной исторической действительности у манси нет сакрального маленького домика / избушки для мужчин, традиционный маныг кол ‘маленький дом’ соотносится только с женской культурой.

Мифологические персонажи (объекты), задействованные в медвежьей обрядности, также вовлечены во взаимоотношения, в данном случае между обыденным миром людей и потусторонним миром духов / богов. Часть обрядов медвежьего праздника соотносится с презентацией и соответствующим почитанием духов-предков разных территорий, которых актеры «вводят» в последнюю, священную ночь. В качестве примера можно привести промыслово-спорадический медвежий праздник в Ломбовоже (2000). Для его проведения были собраны представители разных территорий проживания манси и, соответственно, они показывали (вводили) разных духов-предков. Обычно первым инсценируют духа-предка той территории, на которой проходит событие. Например, Пайпыг ойка ‘Мужчина с берестяным кузовом’ – мифологический дух-

покровитель (пупыг) территории в районе д. Хошлог. Мифологическое пространство увеличивается при вводе духа большей территории, например, Тўлям урың ойк’и ‘Горного хребта Тўлям мужчина’, его покровительство распространяется с предгорий Урала по таежно-болотистой местности до с. Няксимволь. Мифологические взаимоотношения пространства трех разных групп манси воплощает женский дух-предок Лувниорумнэ ‘Женщина лошадиных болотистых [заливных] лугов’. Она хозяйка открытых пойменных территорий с лошадиными пастбищами и покровительница семей и поселений, находящихся на р. Ляпин (сыгвинские манси), Северной Сосьве (среднесосьвинские манси) и в Вежакарах (обские, или устьсосьвинские, манси). У общественно-периодического праздника в Вежакарах (Малая Обь), проявляются мифологические связи еще в более широком ареале. На мансийской территории они простираются до р. Пельым – места обитания Полум-Торум’а ‘Пельымский бог’, и р. Ляпин с протокой Сорахт. Здесь речь идет о мифе, где Полум-Торум спускает сверху трех сыновей, которые разошлись по своим территориям. Это классический сюжет, когда новое пространство первоначально осваивается переселенцами духовно (мифологически). Пельымский бог опускает (рассаживает) сыновей на возвышенность ялпың нёл ‘святой мыс’, но им там не понравилось, и они ушли, каждый на свою территорию. Первый сын Ялпус-ойка ‘Священного города мужчина-хозяин’ ушел в Вежакары; второй сын Сорахт талях ойка ‘Вершины Сорахта мужчина’ поднялся в верховье Кемпажа; третий ушел на Ялпың-я ‘Святая река’. Пространство между первыми двумя духами «осваивается» во время общественно-периодического медвежьего праздника: нарушителя фратриальных установок менгквы несут от Ялпус-ойк’и на расправу к Старику-Вершины-Сорахта [2. С. 544].

Движение-путь – один из мифологических образов пространства, сюжеты перемещения мифологических объектов (персонажей) аналогичны переселениям самих манси. В данном случае речь идет о перемещении изображений Полум Торум’а и его сыновей. Общей чертой «считается, что Пельымский-Бог <...> живёт на р. Пельымке. Так известно, что раньше он жил в Торле, потом и в Вершине, на Лозьве и в Березове» [7. S. 168]. По существующему обычая изображению Пельымского-Бога, хранящегося в Вершине на Пельымке, каждый третий год хранитель изображения доставлял в Яныгпавыл, «где жители с Северной Сосьвы и Лозьвы совместно жертвовали ему» [Ibid. S. 265–266]. Изображение Полум-Торум’а для совершения обрядов вывозили в «гости к сыну» в Верхнее Нильдино (р. Северная Сосьва), где ему посвящали в виде жертвы белого оленя [8. С. 71–79]. В свою очередь, вежакарского духа Ялпус-ойк’у в образе Консың-ойк’и ‘Когтистый мужчина’ возили к отцу на Пельым раз в три, пять лет, а верхненильдинского сына Норколың ойк’у ‘Бревно-дом имеющий мужчина’ привозили к отцу «в гости», по высказываниям информантов, раз в семь лет. Сыновей также символизировало изображение медведя в виде головы со шкурой – имта. О перемещениях по мифологическому пространству

других детей Полум-Төрүм'а существует ряд легенд и преданий. В отличие от трех спущенных отцом сверху сыновей, они появились на новых территориях самостоятельно. Их якобы принесло водой во время Великого потопа, поэтому они расселились по берегам рек С. Сосьвы и Оби. Здесь сыновья приобретают статус не территориального духа-предка, а Павлың ойка 'Дервни мужчина (= хозяин)'. Поскольку они останавливались на новых, еще не освоенных землях, то «можно даже уточнить – “Стариком-основателем селения”, так как жители Ильпи пауля (а равно и Верхне-Нильдино) считали себя выходцами с р. Пелым: по родовому преданию, их привел сюда Полум-Төрүм пыг 'Пельмского бога сын'» [9. С. 24; 10. С. 110]. Подобная традиция существует и у жителей р. Оби. Например, по сообщению В.Н. Чернецова, жители селений Ильпи-пауль и Сури Топсоп по фамилии Чумин и Ольсин относятся к роду Полум сир. Их духа-покровителя Полум-Төрүм-пыг'а каждые семь лет возят в Пелым: в гости к отцу; последний раз возили в 1927 г. [9. С. 244]. Судя по мифам, гостевые поездки устраивались и для других «родственников» Нуми-Торум'а: так, изображение Нёр-ойки 'Гора-старик' возили на р. Пелым, чтобы он мог повидаться с братом Полум Төрүм'ом [11. С. 371]. Из сказанного можно отметить, что объекты (мифологические персонажи) медвежьей обрядности находятся в движении, и для перемещений им необходимо пространство. В то же время движение объектов совпадает с перемещениями самого человека (населения), за счет чего мифологическое пространство начинает структурироваться, и мы видим, что его границы накладываются на реальные территориальные границы проживания манси.

В основе обрядов мансийского медвежьего праздника, лежат отношения взаимоперехода жизни и смерти, отражающие идею возрождения животных и параллели в обрядах жизненного цикла человека. Связь медвежьей церемонии (добыча и проводы зверя) с обрядами жизненного цикла отражает наиболее древний пласт мировоззрения народа. В традиционных представлениях манси жизненный цикл начинается со смерти [12]. Низвести зверя не означает его конец, поскольку представляется, что его спустили с небес на время, необходимое для празднества, по окончании которого он с почестями вновь отправится в Верхний мир и, конечно, вернется обратно, чтобы вновь быть добытым. Обрядность медвежьего праздника состоит из непрерывного мифологического пространственно-временного круговорота переходов из одного состояния в другое.

Отправной точкой является смерть (добыча), потому и начальные действия в отношении к медведю как умершему. На месте добычи устраивают имитацию поминок. Уже в доме хозяин добытого зверя закрывает ему глаза монетками, нос и рот прикрывает кусочками бересты (иногда пластинками из жести), что символизирует погребальную маску. Он – представитель потустороннего мира и не должен видеть живых. Два раза в день его «угощают» свежей горячей едой, от которой исходит пар, который, якобы, и является для него «едой», так как человеческой пищей он уже питаться

не может. Здесь наблюдается аналогия с обычаем манси в «приглашении» умершего родственника к ежедневной трапезе – утром на восходе и вечером на закате солнца. Это время суток соотносится с переходным состоянием и не столь опасно для живых. Большая часть праздника – драматические представления (сценка-түлыглап). Актеры выступают с лицом, закрытым берестяной маской. Они входят в дом, где обитает дух (в образе медведя), и не должны быть им узнаны. В то же время им приходится каждый раз переходить порог, т.е. пересекать границу из одного мира в другой и обратно. Здесь они испытывают состояние временной смерти, поэтому маска на лице может символизировать и погребальную маску. В конце каждой сценки актеры (актер) падают за смертью, потом постепенно «оживают», соскакивают и выбегают из дома. В сюжетах, связанных с производством, просматриваются следы древних охотничьих инициаций, где обязательным является испытывание временной смерти.

На медвежьих празднествах смерть медведя мифологизована, воспринимается не как буквальная, а как временная, только для того, чтобы перейти из одного состояния в другое. Поэтому следующий цикл переходных обрядов посвящен акту рождения. В самом начале, при оснимывании, первый надрез для «развязывания завязок шубы» делается у пупка, что сравнимо с отделением плода от пуповины во время родов. С момента первого надреза медведь представляется уже не как покойный, а как новорожденный / младенец. Для него делается апа 'детская люлька', куда и укладывается голова, уложенная на лапы (так называемая обрядовая поза). В ней он находится до окончания праздника, поэтому апа может символизировать вместилище для промежуточного пребывания объекта до следующего перехода. Манси верят в перерождение зверя: если его кости оставить целыми, то нарастет мясо, и зверь сможет возродиться. Для этого после окончания праздника, кости складываются в специально изготовляемое вместилище (лэлым үс) [12. С. 71–72]. В мифах возрождение медведя / медведицы предстает в разных формах. В одном случае Нуми-Төрүм даёт наказ сыну / дочери, возвратившемуся после праздника на небо: «Другой осенью снова иди [в гости]! / В дом человека / Снова иди [в гости], спускайся!» [1. С. 224]. В другой ситуации Сын-Городского-Богатыря убил 50 медведей, но в судьбу 51-го медведя, спущенного с неба, вмешался Нуми-Төрүм, он «позволил его тени принять прежний вид и быть вечным обитателем земли» [13. С. 73]. Еще один вариант: перерождение медведя-мстителя в лесу из пустой шкуры [14. С. 89].

Особо ярко пространственно-временной переход от состояния смерти к рождению выражен в ежевечернем прощании и утреннем пробуждении медведя. Окончание каждой праздничной ночи отмечается покрытием головы платком и исполнением песни прощания ити рыг 'песня [на] ночь'. Каждое утро хозяин убирает платок с головы и исполняется холыг рыг 'утренняя песня'; исходя из содержания она же 'пробуждения [зверя] песня', где к голове обращаются со словами: үйкве кньсяң 'новорожденный зверёк' (кёнсьяң –

табуированное название новорожденного медведя и старого, находящегося у порога смерти, человека). Из этого следует, что медведь (объект) ежедневно проделывает путь: смерть–рождение–смерть. Например, из наблюдений в реальной жизни, так умирает и рождается день. Так же медведь-младенец, прибывший в люльке на праздник, к его окончанию становится взрослым, матерым зверем, и его «провожают» на небо. В этом заложена идея мифологического круговорота рождений, смертей, перерождений. Пройдет время, и его вновь, младенцем в люльке, спустит на землю собственный отец. История повторится, он вырастет, заматерееет, будет добыт охотником, и в его честь, снова будет играть праздник, и также ритуально он опять будет «отправлен» на небо. В представлениях о временной смерти заложен путь возрождения в новом качестве (или форме), что, собственно, и наблюдает постоянно человек в окружающем его мире: смерть–жизнь, светло–темно, тепло–холодно, верх–низ и т.д. Существенным остается, что «древний человек верил в возможность вернуться в это сакральное время посредством ритуалов и праздников» [15. С. 46].

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно сказать, что принцип организации мифоритуального

пространства медвежьей обрядности имеет свои закономерности. Некоторые упорядоченные представления о пространстве находят отражение в мифологическом мировоззрении. Выражено оно в выделении особого сакрального пространства, которое имеет территориальные границы, базирующиеся на мифах: от нулевой точки – дом – поселение – окружающая территория – межрегиональное пространство – небо (Космос). Мифологическое пространство на этом не заканчивается, оно вновь возвращается на нулевую точку, и любой объект, находящийся в нем (медведь, актеры), испытывает состояние временной смерти, чтобы перейти попеременно от смерти к жизни, из одного мира в другой. Медведь как объект, путешествуя в пространстве двух миров, реализует себя в разных качествах. Движение объектов и возникающие отношения по этой линии следования формируют пространство. Упорядочить движение призваны мифологизированные переходы между жизнью и смертью, равно как и ритуалы, исполнению которых пытались поддержать постоянный ход событий, целостность и неизменность окружающего мира. В нашем случае это требовалось в первую очередь из представлений для пополнения популяции животных, без которых немислим традиционный образ жизни охотника-манси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мансийские песни о Медведе в записи Артура Каннисто. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 328 с.
2. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М. : Наука, 1990. 568 с.
3. Фольклорный архив Обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Мансийский фольклор в записи В.Н. Чернецова. Подготовлен Е.А. Шмидт. Учетный № ХМФ–1714/1. Д. 53. Текст 2. С. 24–45.
4. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–41
5. Хэжел Й Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / пер. с нем. и публикация Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.
6. Попова С.А. Фольклорные и реальные сакральные помещения в обрядах мужских возрастных инициаций // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги, перспективы : материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции XII Югорские чтения (20 декабря 2013 г., Ханты-Мансийск). Тюмень : Формат, 2014. С. 165–173.
7. Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Helsinki, 1958. 443 s.
8. Попова С.А. Представления о Медведе Верхне-Нильдинских манси (к вопросу о периодических медвежьих обрядах) // Меншиковские чтения – 2019. Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 22–23 ноября 2019 г. Тюмень : Титул, 2019. Вып. 12. С. 71–78.
9. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
10. Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 240 с.
11. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 464 с.
12. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
13. Гондatti Н.Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Известия общества естествознания, антропологии и этнографии. СПб., 1888. Т. 48, вып. 2. С. 61–91.
14. Шмидт Е.А. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 224 с.
15. Элиаде М. Священное и мирское. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. 144 с.

Svetlana A. Popova, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: rusina-popova@yandex.ru

MYTHOLOGICAL AND RITUAL SPACE OF THE BEAR'S HOLIDAY OF THE NORTHERN MANSI

Keywords: myth; ritual; object; relationship; space; the Bear's Holiday.

The research object is to reveal a connection of traditional ideas forming the mythological space and the ritual of the Bear's Holiday of the Northern group of Mansi people.

In the work, the author relies on the sources of the Mansi Bear's Holiday researchers: A. Kannisto, B. Munkácsy, N.L. Gondatti, V.N. Chernetsov, E.I. Rombandeeva, N.I. Novikova, and mythological texts. Considerable attention is paid to the author's field materials.

Mansi celebrated two types of the Bear's Holiday. One of them (sporadic) is held on an occasion of the killing of a bear. Another type (social-periodic) is dedicated to the rite of honoring of the most significant ancestral spirit. The starting point of mythological and ritual space is designated by the "organizer" of Bear rites and by a celebration object. In a sporadic type the "organizer" is *Polum-ōjka* (*Polum Tōrum* or *Kēn'syan*), and in a periodic type the "organizer" is *Yalpus ōjka* (*Konsyn ōjka*). In the first case, the object is a real bear/she-bear, in another case the object is an embodiment of the spirit represented in the form of *imta* 'skin with the head of a bear/she-bear'. The myth about *Polum-ōjka* 'Pelym Man' reflects a motif of the first creation – a peat hummock that appeared on the water surface and the gradually grown into a land. *Polum-ōjka* descended from the sky to the water went to hunt, killed a bear, delivered a bear into a house on this small piece of land and organized the first Bear's Holiday, which became a model of subsequent sporadic Holidays. The merit of

Yalpus ōjka ‘Man of the Sacred Town’ is the initial people training to hunt animals. After killing a bear, he not only organized a Bear’s Holiday, but also set its frequency – a seven-year cycle.

The starting point of the “organizers” is gradually expanded including various relationships (profane and sacred), for example, a house and a sacred corner (a special “large [=sacred] house” for public rites and a “small hut” for sacred activities and sacred objects). Spatial relationships including moving (movement) reveal the mythological links in the wider area. Here we are talking about the myths of the descended from the sky and sailed away from their native lands sons of Polum Tōrum. According to a custom, guest trips were arranged (trips of sons to their father and vice versa). Similar relationships existed between Yalpus ōjka and his sons. The ancestral spirits of different territories at Bear’s Holidays are represented by actors on the sacred night, and their anthropomorphic figures are also shown at periodic Holidays.

The principle of organization of space of the bear rites has its own patterns. Mythological characters (objects) are closely related to actual religious beliefs. The inclusion of objects in relationships structures the mythological and sacred space and defines territorial boundaries based on myths. The performance of rituals ensures the arrangement of living space and order in society.

REFERENCES

1. Lukina, N.V. (2016) *Mansiyskie pesni o Medvede v zapisi Artura Kannisto* [Mansi songs about the Bear recorded by Arthur Kannisto]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Lukina, N.V. (1990) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, Legends, Fairy Tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka.
3. Shmidt, E.A. (ed.) (n.d.) *Mansiyskiy fol'klor v zapisi V.N. Chernetsova* [The Mansi folklore recorded by V.N. Chernetsov]. The folklore archive of the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development. No. HMF – 1714/1. File 53, Text 2. pp. 24–45.
4. Chernetsov, V.N. (1939) Fraternal'noe ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva [Fraternal structure of the Ob-Ugra society]. *Sovetskaya Etnografiya*. 2. pp. 20–41.
5. Heckel, J. (2001) *Pochitanie dukhov i dual'naya sistema u ugrov (k probleme evraziyskogo totemizma)* [Veneration of spirits and the dual system among the Ugrians (to the problem of Eurasian totemism)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Popova, S.A. (2014) Fol'klomnye i real'nye sakral'nye pomeshcheniya v obryadakh muzhskikh voznrastnykh initsiatsiy [Folklore and real sacred premises in the rituals of male age initiation]. *Filologicheskie issledovaniya obsko-ugorskikh yazykov: traditsii, novatsii, itogi, perspektivy* [Philological Research of the Ob-Ugric Languages: Traditions, Innovations, Results, Prospects]. Proc. of the All-Russian Conference. Khanty-Mansiysk, December 20, 2013. Tyumen: Format. pp. 165–173.
7. Kannisto, A. (1958) *Materialien zur Muthologie der Wogulen*. Helsinki: [s.n.].
8. Popova, S.A. (2019) Predstavleniya o Medvede Verkhne-Nil'dinskikh mansi (k voprosu o periodicheskikh medvezh'ikh obryadakh) [Ideas about the Bear of the Upper Nildin Mansi (on the issue of periodic bear rituals)]. *Menshikovskie chteniya – 2019* [The Menshikov Readings – 2019]. Berezovo (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra). November 22–23, 2019. Tyumen: Titul. pp. 71–78.
9. Markov, G.E. & Lukina, N.V. (eds) (1987) *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the Ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Gemuev, I.N. & Baulo, A.V. (1999) *Svyatilishcha mansi verkhov'ev Severnoy Sos'vy* [Mansi sanctuaries of the upper reaches of the Northern Sosva]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Petrukhin, V.Ya. (2003) *Mify finno-ugrov* [Finno-Ugric Myths]. Moscow: Astrel'; AST.
12. Popova, S.A. (2003) *Obryady perekhoda v traditsionnoy kul'ture mansi* [Rites of passage in traditional Mansi culture]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Gondatti, N.L. (1888) Kul't medvedya u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri [The cult of the bear among the non-Russians of North-Western Siberia]. *Izvestiya obshchestva estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. 48(2). pp. 61–91.
14. Shmidt, E.A. (1989) *Traditsionnoe mirovozzrenie severnykh obskikh ugrov po materialam kul'ta medvedya* [Traditional worldview of the northern Ob Ugrians based on the materials of the bear cult]. History Cand. Diss. Leningrad.
15. Eliade, M. (1994) *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and Mundane]. Translated from French. Moscow: Moscow State University.

УДК 39

DOI: 10.17223/19988613/69/18

Н.О. Тадышева

СОВРЕМЕННАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Для выявления общего и особенного в обрядовых комплексах у представителей тюрков Саяно-Алтая рассматриваются свадебные обряды у алтайцев, хакасов, тувинцев, проводимые в настоящее время. Современная свадебная обрядность подверглась трансформации под влиянием исторических событий, религиозных учений. С конца XX – начала XXI в. с переменами в стране, возрождением национального самосознания в духовной культуре намечается тенденция по восстановлению традиционной обрядности. В статье исследуются изменения в проведении традиционных свадебных обрядов в современных условиях в республиках Алтай, Тыва и Хакасия.

Ключевые слова: тюрки Саяно-Алтая; свадебная обрядность; трансформации.

Семья и брак представляют собой один из важнейших институтов человеческой жизни. Семейный статус влияет на отношения в социуме: так, разведенные, вдовы, вдовцы не принимают участие во многих обрядах и ритуалах. Холостяки и «старые девы» осуждаются общественным мнением. Свадебная обрядность связывает не только двух молодых людей, но и их семьи, роды. Современный обрядовый комплекс представляет собой объединение ряда элементов: во-первых, это традиционный обряд; во-вторых, компоненты социалистической обрядности, включившиеся на протяжении XX в.; в-третьих, новые представления и практики, возникшие в ходе интенсивных духовных поисков в постсоветское время, сопряженные, в частности, и с инокультурными заимствованиями. В современной свадебной обрядности у тюрков Саяно-Алтая акцент в обрядах направлен на введение невесты в дом жениха.

В основу исследования легли полевые материалы автора во время экспедиционных работ в республиках Алтай и Хакасия в 2010-е гг. [1, 2]. Источниками по тувинской обрядности сегодня стали материалы из СМИ [3–5]. Для сравнительно-сопоставительного анализа и реконструкции более полной картины используются архивные документы и материалы этнографической литературы, отражающие трансформацию проведения свадьбы в советский период под влиянием советских преобразований.

В советский период создается новая обрядность, общая для всего советского народа. Традиционные свадебные обряды постепенно меняют формат проведения, уступая место советскому образу, но, как показывают современные материалы, не утрачивая своего смыслового содержания.

В материалах 1950-х гг. фиксируется влияние советских преобразований: «Многие элементы прежнего свадебного ритуала, имевшие определенное символическое значение, как, например, обливание невесты молоком, завязывание ей глаз, сейчас могут быть восприняты как оскорбительные, и они не исполняются» [6. С. 6]. Или:

«Невеста отступилась от этих условностей, занавески перед нею уже никто не держал, но, когда она вошла в юрту с открытым лицом, сразу же раздалась негодующие возгласы со стороны части пожилых гостей, и она, уступая традиции, прикрыв лицо рукавом, прошла за занавес на правой “женской” стороне юрты для совершения обряда заплетания кос» [Там же. С. 10]. Обязательным обрядом алтайской свадебной церемонии является обычай закрывать лицо невесты свадебной занавесью *кѳжѳгѳд*. Пока не проведены обряды перехода нового члена в семью, она являлась «чужой» и «опасной». Поэтому было необходимо прикрывать молодую девушку до завершения ее ритуально перехода в дом и семью мужа.

Безусловно, уделяется внимание и сохранению устойчивых элементов, на которые повлияли представления о традиционной картине мира алтайцев: «Родители жениха не участвуют в сватовстве. Дядя по матери, братья, сестры сватают. Девушку умыкают сноха, сестренка жениха. Войдя в дом к родителям невесты, сваты произносят: “Пламени, белому *жайыку*, голову преклоняем! Кражу-плохое совершившие люди мы”. Процедуру сватовства повторяют четыре раза». «Во время проведения *баштаады* говорят алкыши. Присутствующие на свадьбе пожилые люди: мужчины – сняв шапку, макушку головы поглаживают, в сторону огня поклоняются, женщины – правую косу поглаживают, один-два раза тоже огню поклоняются» [7. С. 35–38].

Архивные материалы 1955 г. свидетельствуют, что национальную одежду алтайцы не носят: «Раньше на свадьбе невеста одевала *чегедек*, который затем носила всю жизнь. Сейчас *чегедек* не носят, нет также какого-нибудь особого свадебного наряда» [6. С. 11], но уже в 1985 г. исследователь при описании *белкенчек* (торжество, которое проводится в доме родителей невесты) отдельно обращает внимание на национальную одежду присутствующих на свадьбе родственников и жениха, и невесты: алтайские шапки из лисьих лап, традиционные шубы из овчины [8. С. 10].

Социалистические преобразования коснулись и традиционной культуры Тывы. Молодые тувинцы, приезжавшие в столицу, отрезая волосы, меняли прическу; изменение традиционной прически, особенно у девушек, оказало влияние на постепенное исчезновение обрядового церемониала *дугдээшкин* – расплетания и заплетания волос невесты [9. С. 95]. Теряли свое значение и смысл дарственные преподношения в виде скота *аас белээ бир аът, эмиг каргыжы* [Там же. С. 98]. Норма «избегания» превратились в своеобразный этикет [Там же. С. 99]. Как отмечают исследователи, у тувинцев со временем были забыты церемонии, связанные с религиозными представлениями, – подношение даров бурханам, кормление их, молитвенные поклонения им, поклонение невестой очагу родителей мужа, *аскак кадай*, исчезли церемониальное приветствие сватов, оригинальность подачи напитков, самобытность обрядовых благопожеланий и свадебных игр [Там же. С. 101].

В научной литературе зафиксированы изменения и в хакасской свадебной обрядности в советское время, во время свадьбы в ритуальной форме стороны озвучивают свои благопожелания, содержащие элементы брачного договора, как для брачующихся, так и для их групп. *Белкенчек* (девичник) включает в себя пир проводов в доме девушки, демонстрирует высокое уважение сторон друг другу. Исследователи отмечают, что хакасы по-прежнему соблюдали обычай экзогамии. Однако родовая экзогамия у хакасов начинала полностью отмирать и заменяться запрещением брака внутри одной фамилии [10. С. 157]. Калым перестали уплачивать, но вместо него подарки и деньги, получаемые родителями девушки со стороны жениха, стали называться платой «за грудное молоко матери». Наиболее устойчивыми оказались «переплетение девичьих волос» и «мировая» [11. С. 96].

Кроме изменения причесок, национальной одежды общими являются и другие моменты: изменения в связи с переходом на оседлость алтайцев – «по-прежнему для новобрачных ставится новая юрта или же в старой юрте подтесываются стропила» [6. С. 6], у тувинцев приданое невесты претерпело изменения, многие предметы кочевого домашнего обихода выходили из употребления [9. С. 99]. В советский период прекращается традиция умыкания девушки без ее согласия [7. С. 33; 9. С. 98; 11. С. 96]. Постепенно заключение брака стало состоять из двух частей: свадьба традиционная *алтай той* с использованием элементов национального обряда, регистрация брака в сельском совете и так называемый «молодежный вечер» [12]. Многие хакасы предпочитали заключать брак согласно традициям, не регистрируя его в органах ЗАГС. С 1930-х до конца 1960-х гг. молодые люди жили, не проводя свадьбы, иногда не заключая и официального брака, с 1970-х гг. свадебное торжество стало состоять из двух свадеб: традиционной, где основной акцент делается на ритуалы и обычаи, и молодежной свадьбы на европейский манер с вкраплениями элементов традиционной свадьбы [11. С. 96; 13. С. 66].

Определяющими факторами изменчивости культурных традиций в советский период стали политика

государства (традиционные обряды под влиянием единого гражданского института бракосочетания претерпели изменения), переход на оседлость, строительство срубных изб, характеристика айыла как «примитивного, отходящего в прошлое, жилья», колхозное строительство, призыв отказаться от традиционной одежды как «уродливых пережитков прошлого» и др. В ходе социально-экономических, культурных изменений в стране, и в частности в исследуемом регионе, сформировались новые семейные традиции. В свадебной обрядности появились такие обязательные мероприятия, как регистрация брака в органах ЗАГС и молодежный вечер. Но, несмотря на преобразования быта и культуры алтайцев во второй половине XX в., наблюдается сохранение в свадебной обрядности традиционных элементов, таких как поклонение огню, новый айыл или имитация строительства нового жилища, обязательно проводился обряд заплетания волос, наблюдалось закрывание лица невесты, благопожелания не утратили своего значения. Безусловно, их сохранение обусловлено сакральностью, особым местом, занимаемым в традиционной картине мира тюрков Саяно-Алтая.

Со второй половины 80-х гг. XX в. в нашей стране наблюдается процесс этнического возрождения. Без идеологического контроля, в новых условиях прослеживаются изменения культурно-духовной жизни общества. Проходят общественные обсуждения новых подходов для улучшения культурной жизни, элементы традиционной культуры рассматриваются как историко-культурное наследие народа, расширяется движение за возрождение традиционной культуры, которое нашло свое отражение в этническом колорите праздников, одежды, жилища, музыки, обрядов и т.д.

С 2015 г. управление культуры администрации Кызыльского района Республики Тыва проводит свадьбы по традиционным обрядам. Д. Намчыл-оол, директор межпоселенческого методического центра Кызыльского района, объясняет, что данная работа направлена на популяризацию тувинских традиций, обрядов, чтобы будущее поколение не забывало традиции своих предков [4]. Сначала в юрте родителей невесты девушке заплетают волосы особым способом, повязывают свадебную вуаль *тумалай / дуаалай*. Невеста прощается с родительским домом – обходит по солнцу три раза юрту и направляется к юрте жениха, которую также обходит по солнцу три раза. В юрте родителей жениха его отец открывает вуаль. Невеста угощет огонь, обходя его три раза, с просьбой принять ее. Смысл обычая заключается в том, чтобы снять запрет общения невестки со свекром [Там же].

В сюжете «Тувинские свадебные обряды» от 7 августа 2017 г. начальник управления культуры администрации Кызыльского кожууна А. Халбажык объясняет, что проект направлен на проведение свадьбы по тувинским традиционным обрядам. В современных условиях свадьбы проводятся в ресторанах, в связи с новациями традиционные обряды забываются и исчезают. Работники культуры возрождают забытые традиции, популяризуют их с помощью таких проектов [5].

Вот как описывается свадьба, проведенная в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. «Ровно в назначенное время в холле музея жениха и невесту родители жениха встречали белыми кадаками и двумя пиалами чаем с молоком, читая им благопожелания – *йорээлдер*, которые являются основным вербальным компонентом тувинской свадьбы. После встречи гостей молодожены были приглашены на второй этаж, где находятся *кижи кожээ* – стелы. Не притрагиваясь руками, молодожены просили шепотом счастья и благополучия для своей семьи. Желания молодых остались в тайне.

После краткой экскурсии в зале “Тыва в скифское время” в зале “Сокровища долины царей Тывы” брачующиеся обменялись золотыми кольцами, а также пожилые почетные гости совершили ритуальное привязывание рук молодоженов, сопровождая благопожеланиями.

В зале “Декоративно-прикладное искусство. Серебро” был проведен один из обязательных ритуалов – одаривание подарками жениха и невесты. Для легких родов девушке подарили серебряный наперсток и серебряные серьги, а молодому человеку подарили две серебряные чаши. Уже в зале, где экспонируется тувинская юрта, провели обряд разжигания семейного очага. Свежесваренный чай разбрызгивали при помощи кропила – *тос-карака*, мать жениха провела ритуал *согаашдажы*, то есть вручила камень невесте, обозначая ее принадлежность теперь уже к роду мужа.

В завершение обряда тувинской свадьбы молодожены завязали ленточки на ритуальном дереве, что сопровождалось по традиции благопожеланиями. Несомненно, исконные свадебные обряды проводились в юрте, куда невеста подъезжала на коне белой масти. Но так как архитектура Национального музея была спроектирована в виде юрты, то можно смело говорить, что таинство свадебных ритуалов были соблюдено» [3].

Во время комплексной экспедиции 2017 г. в Республике Хакасия (участники: А.А. Кыржинаков, канд. ист. наук, доцент Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Н.С. Майнагашева, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, Н.О. Тадышева, канд. ист. наук, зам. директора НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, Г.В. Юлдыбаева, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН) зафиксировано проведение свадьбы в Музее-заповеднике «Хуртуях тас» в аале Анхаков Аскизского района. Музей оказывает услуги по проведению хакасских традиционных свадебных обрядов с выдачей свидетельства о проведенных обрядах на территории музея Хуртуях тас. Особым экспонатом музея является древняя каменная стела Улуг Хуртуях тас, созданная около 4 тыс. л.н. Стеле Улуг Хуртуях тас принадлежит особое место в историко-культурном наследии Хакасии – это самый почитаемый из древних культовых камней республики, ставший символом сосредоточия жизненных сил и благосостояния всего хакасского народа [14].

Сотрудники музея-заповедника по сценарию провели свадебный обряд. У ворот на территорию заповедника работники музея в национальной одежде встретили молодых и их родственников. Чтобы пройти дальше, друзья жениха должны были показать танец белых лебедей, затем поднести дары (сосуды со спиртным). После прохождения испытаний сотрудники музея поднесли национальные блюда и *айран* (молочный напиток), объяснив, что это хакасский обычай встречать гостей. Некоторое расстояние невеста прошла под платком в сопровождении подруг; двигалась процессия за посаженной матерью, которая шла, говоря благословения молодым на хакасском и русском языках. Шествие сопровождалось современными конкурсами-испытаниями. Были проведены экскурсия и лекция о каменной стеле Улуг Хуртуях тас. Здесь родственница со стороны жениха обошла изваяние три раза, окропляя прутиком из травы стелу молоком из пиалы, произносила благопожелания молодым. Все присутствующие родственники также за ней обошли изваяние три раза, затем она дала пригубить молоко жениху, невесте, а оставшееся молоко поставили у стелы. После этого всех присутствующих попросили выйти, оставив молодых и сотрудницу музея. Выход молодых из экспозиции был встречен присутствующими песней на хакасском языке.

В отдельной юрте провели имитацию обряда *стюагы*, *эмджекагы*, как плату за грудное молоко матери невесты мать жениха поднесла ей деньги. Снаружи юрты состоялся конкурс для молодых: жениху нужно было расколоть деревянную чурку, а невеста должна была разжечь огонь. Родственница со стороны жениха деревянной ложкой окропляла огонь молоком из пиалы, обходя его три раза и приговаривая благопожелания, невеста за ней обходила, держа блюдо с традиционной пищей и во время каждого круга в части, где находился «рот» очага, клала жертвенную пищу. В другой юрте проведена церемония бракосочетания с вручением свидетельства музея [1].

До настоящего времени сохраняются основные элементы свадебного комплекса. Молодые на свадьбу шьют себе национальные костюмы из одной материи. Сохраняются еще нарядные одежды свахи. Однако невесте уже не шьется свадебный головной убор *сах-па*. В связи с тем, что современные девушки не носят косичек, на свадьбе производится имитация заплетания волос в две косы. Ушли в прошлое погоня – *сур-гун*, уплата калыма и *нас ата*, дарение *парги*, полностью исчез обычай сватовства малолетних. Поездка к родителям *торгин* везде стала делаться по-сагайски, сразу же после большого *тоя*. Попытки возродить ушедшие традиции имеют место в современной жизни хакасов. Есть примеры, когда для проведения традиционной хакасской свадьбы шьют наряды, строят юрту.

В Республике Алтай в 2017 г. во время сбора полевого материала (участники: А.А. Конунов, канд. филол. наук, старший научный сотрудник НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова; К.А. Сагалаев, научный сотрудник Института филологии СО РАН; Н.О. Тадышева, канд. ист. наук, зам. директора НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова) осуществлена видеосъемка

свадьбы Айас и Арчынай Тодошевых в г. Горно-Алтайске. В назначенный день с утра в доме родителей жениха шла подготовка к проведению свадебных обрядов: принесли березки, повязали свадебную занавесь *кѳжѳгѳ*. Дядя по материнской линии *таайы* отца жениха готовился для проведения *баштаады* (букв. голова пошла, здесь 'слово дается', когда во время свадебной церемонии дается право говорить благопожелания) и возжигания огня. Традиционный айыл построен был несколько лет назад, с дощатым полом, без очага, на период проведения обряда очаг поставили посередине айыла на жестяной лист, а внизу положили кирпичи.

В 10 часов процессия из женщин, родственниц жениха и невесты, и двух мальчиков – племянников невесты и жениха, державших *кѳжѳгѳ*, направилась за невестой, которая находилась в доме брата жениха. В дом за невестой заходили с песнями, вместе взяли продукты. Хозяйка дома спрятали невесту и устроили для гостей состязание, чтобы найти невесту. В этом доме невесту, хозяев родственники жениха покормили принесенными с собой продуктами. Здесь необходимо отметить, что за невестой пришлось ехать на машинах, так как дом брата находился через несколько остановок от места проведения свадьбы.

После того как «привели» невесту, в айыле начали проведение обряда *баштаады*, *таайы* зажег огонь и провел обряд поклонения огню, невестки жениха и невесты за свадебной занавесью провели обряд *чач ѳрѳр* – заплели две косы невесте, надели на нее одежду замужней женщины – *чегедек* и шапку. Родственники жениха и невесты говорили благопожелания. После проведения обрядов всех пригласили за стол. Родители невесты по традиции не присутствовали на «алтайской свадьбе».

В этот же день в 14 часов в доме матери невесты проведен *белкенчек* (букв. задняя часть туши животного, здесь свадебный визит после свадьбы родственников жениха к родителям невесты в знак уважения к ним за воспитание дочери с подношениями, также проводится обряд выкупа приданого невесты). Доставку *белкенчек* со стороны жениха возглавляла родная сестра жениха и ее муж; как принято, родители жениха не присутствовали. В родительский дом невесты занесли *белкенчек*, выкуп *шаалта*, родственников жениха посадили за стол для угощения. Сватам родственники невесты исполнили обрядовую песню *чѳчѳйдин кожонгы* и завязали пояса из ткани 3 метра длиной. После была проведена «продажа» приданого невесты, родственники жениха выкупали кровать, сундук, постельные принадлежности и прочее за танец, песню, частушки. В 17 часов проведена регистрация брака работником ЗАГС в кафе-ресторане, где потом начался «молодежный вечер» [2].

Период конца XX – начала XXI в. внес существенные коррективы в обрядовую сферу на постсоветском пространстве. Актуализация внимания к национальной традиционной культуре повлияла на сохранение традиционного. В проведении современных свадебных обрядов можно выделить общие моменты, которые отражены в свадебной обрядности народов Саяно-

Алтая. Главное – **поклонение огню**. Огонь является для многих народов стихией, которую особенно выделяли и почитали. Огонь, зажженный в день свадьбы – символ новой семьи, нового дома.

Во всех свадебных церемониях народов Саяно-Алтая присутствует **благопожелание** – *алкыш* у алтайцев, у тувинцев *йѳрѳэлдер*, у хакасов *алгыс сѳзи* – как наиболее архаичный жанр народной поэзии, основанный на магии слова, направленный на пожелание благополучия в жизни, благоденствия и здоровья молодой семье.

Во время свадьбы невеста **обходит / объезжает три раза по солнцу юрту** молодоженов; заключение в магический круг наделяется охранительным символическим значением как у алтайцев, так и у тувинцев и хакасов. Его можно рассматривать как разновидность обряда отделения невесты от родительского пространства и обряда включения невестки в пространство рода мужа.

Обычай **закрывать лицо невесты** у алтайцев свадебной занавесью *кѳжѳгѳ*, у хакасов платком способом *тумах*, у тувинцев свадебной вуалью *тумалай / думаалай*. Здесь прослеживаются представления о категории «свой–чужой» и о вере в негативное воздействие со стороны «чужого», в данном случае невесты. В семейной обрядности проводятся последовательные церемонии, которые сопровождают переход невесты из одного состояния в другое, из «чужого» мира – в «свой».

В ритуале с **чашей с молоком** на первый план выходит сакральность молока, представление о нем как об обереге; он символизирует обряд очищения, чтобы свести на нет опасность, пришедшую вместе с невестой из чужого пространства.

Даже изменение причесок не повлияло на проведение обряда **заплетания волос**, у алтайцев *чач ѳрѳр*, у тувинцев *сай чашы*, у хакасов *сас той*. У алтайцев сегодня иногда проводится отдельный обряд для невестки, которая уже давно замужем, но в силу того, что поженились они в советское время, обряд *чач ѳрѳр* не был проведен. Считается, что у невестки, у которой *баш жарылбан* (букв. голова не разделена, здесь – не проведен обряд *чач ѳрѳр*) жизнь складывается сложной, много трудностей, преград на ее пути, т.е. в новом статусе ее дорога не была открыта.

Обряд **возмещения грудного молока матери невесты** – *энезинин сѳдинин кааргыжы / эмчек кааргыш* (букв. прижигание молока) у алтайцев, *сютагы* (букв. белое молоко), или «*эмджекагы*» (букв. грудь белая), у хакасов, у тувинцев – *эмиг каргыжы* (букв. проклятье груди), как отмечено выше, трансформировался, но сохранился. Его можно охарактеризовать как обряд единения: через подарки происходит символическое пожизненное объединение семей родителей или всего сообщества.

В постсоветское время происходит только ритуальное умыкание девушки, по предварительному согласию с ее стороны. Произошли существенные изменения при проведении сватовства, многие послесвадебные обряды тоже были трансформированы. Так, изменился обряд *айылдатырганы* – гостевания моло-

дых у родителей невесты. Сегодня его проводят или во время сватовства, или сразу после свадьбы, а не через год, как было принято раньше.

Современная свадебная обрядность включает и нововведения: торжественная регистрация брака в ЗАГСе, свадебный кортеж, украшение свадебного помещения, фото- и видеосъемка, профессиональные ведущие, певцы.

В Республике Алтай в городских условиях практикуется проведение обрядов в арендуемом кафе с традиционным айылом для проведения всех ритуалов. Во многих современных айылах не устанавливается очаг-треножник, но во время свадебной церемонии или временно, или постоянно ставится очаг.

Видимо, актуализация этнического самосознания повлияла на то, что на свадебных торжествах и молоде, и их родственники надевают национальную одежду. Это характерно и для алтайцев, и для тувинцев, и для хакасов. Новшеством можно назвать использование автомобилей из-за дальности пути. Зафикси-

ровано обращение при исполнении обрядовых песен к бумажным листкам с текстами, благопожелания звучат в произвольной (не стихотворной) форме.

В свадебную обрядность включены игровые моменты. Некоторые из них заимствованы из свадебных обычаев других народов: шуточные состязания молодоженов и их родственников в ловкости, смекалке, которым придается определенное смысловое значение, многочисленные шуточные наказания невесте и жениху.

Советский период повлиял на упрощение некоторых обрядов, но, трансформировавшись, они сохранились в современной обрядности. С одной стороны, можно говорить о значимости в традиционном сознании и устойчивости в традиционной культуре архаических воззрений, с другой стороны, процессы урбанизации оказали влияние на адаптацию традиций прошлого под современные условия, что может говорить и об их изменчивости. Однако во многом благодаря этому они продолжают нести свое смысловое и сакральное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (НА НИИА). Материалы научных экспедиций (МНЭ). Д. № 129. Свадьба Толмачевых. Музей-заповедник «Хуртуях тас», аал Анхаков Аскизского района Республики Хакасия; запись 2017 г.
2. НА НИИА. МНЭ. Д. № 136. Свадьба Тодошевых. г. Горно-Алтайск Республики Алтай; запись 2017 г.
3. Наксыл М. Таинство тувинской свадьбы в музее // Тыва ЦЕНТР АЗИИ | Тыва Медээ | Новости Тувы. URL: <https://vk.com/tuvatoday> (дата обращения: 20.07.2016).
4. Тувинская народная свадьба#Тува24 // Тыва ӨГ. URL: https://vk.com/wall-108456550_10470 (дата обращения: 26.08.2016).
5. Тувинские свадебные обряды // ТЕСИ – Тувинская Единая Служба Информации URL: https://vk.com/video?z=video-119825796_456239389%2Fpl_cat_updates (дата обращения: 07.10.2017).
6. НА НИИА. Фольклорные материалы (ФМ). Д. № 3, машинописный текст [15 с.]. Запись Каланакова А.И. Свадебный обряд «той» у алтайцев. По материалам поездки в Усть-Канский аймак; октябрь 1955 г.
7. НА НИИА. ФМ. Д. № 274, рукописный текст [44 с.]. Запись Дедина И.П. в Усть-Канском районе; январь 1975 г.
8. НА НИИА. ФМ. Д. № 381, рукописный текст [11 с.]. Запись Чумакаевой М.Ч. Свадебный обряд «Белкенчек». Материал командировки в Онгудайский район; февраль 1985 г.
9. Биче-оол С.М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист, 2018. 128 с.
10. Шибеева Ю.А. Пережитки родового строя у хакасов в системе родства и семейно-брачных отношений : дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 1947. 253 с.
11. Усманова М.С. Элементы традиционной обрядности в современной хакасской свадьбе // Полевые исследования Института этнографии. 1976. М., 1978. С. 94–99.
12. НА НИИА. ФМ. Д. № 441, рукописный текст [11 с.]. Запись Шинжин И.Б. Свадьба Ойношева В.П., с. Беш-Озок; июль 1990 г.
13. Донгак С.Ч. Тыва куда ёзулдары. Традиции тувинской свадьбы. Кызыл : Изд-во ТувГУ, 2012. 72 с.
14. Анхаковский музей-заповедник «Хуртуях-тас». URL: <http://хуртуяхтас.рф> (дата обращения: 20.12.2017).

Natalia O. Tadysheva, Scientific and Research Institute of Altaian Studies n.a. S.S. Surazakov (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: tadysheva@mail.ru

MODERN WEDDING RITUALS OF THE SAYAN-ALTAI TURKS

Keywords: Turks of Sayan-Altai; wedding rituals; antiques; transformations.

The main source for this article is the author's field materials on wedding rituals in the Republics of Altai and Khakassia collected in 2017-2019. The materials from the official websites of the Republic of Tuva media and cultural institutions were also used. Based on the archival materials, an attempt was made to consider the preservation of traditional ceremonies and rituals, as well as transformation processes in marriage and family relations among the Sayan-Altai Turks during the Soviet period.

The data consideration and analysis required descriptive and comparative methods. The synchronous and diachronous methods were used to study changes in a structure of the traditional wedding complex of Altaians, Tuvans, and Khakass, as well as to study transformations, adaptations, and inclusion of innovations caused by political, historical, and socio-economic processes and cultural transformations that occurred in life of the Sayan-Altai Turks. The materials about wedding rituals, identified in various sources and literature, made it possible to reconstruct modern rituals as well as to identify their common and special features.

The article records an influence of the Soviet reforms on wedding rituals: a new general secular ritual is created during this period. Traditional wedding ceremonies were gradually changing, giving way to the Soviet image, but they did not lose their semantic content.

Current materials record general archaic moments reflected in wedding rituals of Sayan-Altai peoples: fire worship, goodwill alkysh, yɵreelder, alƳys sozi, a magic circle when newly married go around a yurt 3 times by the sun, the custom to cover a bride's face, the ritual with a bowl of milk, braiding hair, the rite of passage “enezinin sydinin kaargyzy / emchek kaargysh”, “syut agy” / “emjek agy”, or “emig kargyzy” meaning restoration of the bride's mother's breast milk.

Transformations introduced in modern times are also observed. At weddings, newlyweds and their relatives are dressed in traditional national clothes. In the Altai Republic, in an urban setting, the wedding rituals are practiced in a rented cafe with a traditional ayil (Altai

yurt) for all rituals. A tripod hearth is not installed in the modern ayıl, but during a wedding ceremony, a hearth is temporarily or permanently installed.

The “ayıldatırganı” ceremony, when young people visiting the parents of a daughter-in-law, has undergone a few changes. Today it is held during matchmaking or immediately after the wedding.

Due to the distance, a use of cars in weddings is also a modern innovation. A few other aspects were recorded: performing ritual songs, people refer to paper sheets with written texts; good wishes follow no particular form and sometimes are given in Russian.

In observing traditional weddings one can trace the imitation of rituals or their simplified version in museums of Khakassia and Tuva. Nevertheless, museum staff in the modern urbanized conditions is doing a lot to popularize traditional wedding ceremonies and make an attempt to preserve the traditional culture.

REFERENCES

1. Anon. (2017) *Svad'ba Tolmachevykh. Muzey-zapovednik “Khurtuyakh tas”, aal Ankhakov Askizskogo rayona Respubliki Khakasiya; zapis' 2017 g.* [The Tolmachevs' wedding. Museum-reserve “Khurtuyakh tas”, aal Ankhakov of the Askiz district of the Republic of Khakassia; Record 2017]. The S.S. Surazakov Scientific Archive of the Research Institute of Altaistics. Materials of scientific expeditions (MNE). F. 129.
2. Anon. (2017) *Svad'ba Todoshevykh. g. Gorno-Altaysk Respubliki Altay; zapis' 2017 g.* [The Todoshevs' wedding. Gorno-Altaysk, Altai Republic, Record 2017]. The S.S. Surazakov Scientific Archive of the Research Institute of Altaistics. Materials of scientific expeditions (MNE). F. 136.
3. Naksyl, M. (2016) Tainstvo tuvinskoy svad'by v muzee [The mystery of a Tuvan wedding in the museum]. *Tuva TSENTR AZII | Tyva Medee | Novosti Tuvy*. [Online] Available from: <https://vk.com/tuvatoday> (Accessed: 20th July 2016).
4. Anon. (n.d.) *Tuvinskaya narodnaya svad'ba#Tuva24* [Tuvan folk wedding # Tuva24]. [Online] Available from: https://vk.com/wall-108456550_10470 (Accessed: 26th August 2016).
5. Anon. (n.d.) *Tuvinskie svadebnye obryady* [Tuvan wedding ceremonies]. [Online] Available from: https://vk.com/video?z=video-119825796_456239389%2Fpl_cat_updates (Accessed: 7th October 2017).
6. Kalanakov, A.I. (1955) *Svadebnyy obryad “toy” u altaytsev. Po materialam poezdki v Ust'-Kanskiy aymak; oktyabr' 1955 g.* [The wedding ceremony “toy” among the Altai people. Based on materials from a trip to the Ust-Kan aimak; October 1955]. The S.S. Surazakov Scientific Archive of the Research Institute of Altaistics. Case 3.
7. Dedin, I.P. (1975) *Zapis' Dedina I.P. v Ust'-Kanskom rayone; yanvar' 1975 g* [Record by I.P. Dedin in Ust-Kansk region, January 1975]. The S.S. Surazakov Scientific Archive of the Research Institute of Altaistics. Case 274.
8. Chumakaeva, M.Ch. (1985) *Zapis' Chumakaevoy M.Ch. Svadebnyy obryad “Belkenchek”. Material komandirovki v Ongudayskiy rayon; fevral' 1985 g.* [Record Chumakaeva M.Ch. Wedding ceremony “Belkenchek”. Materials from a business trip to Onguday district, February 1985]. The S.S. Surazakov Scientific Archive of the Research Institute of Altaistics. Case 381.
9. Biche-ool, S.M. (2018) *Traditsionnye brachno-semeynye otnosheniya u tuvintsev i ikh transformatsiya v sovetskiy period* [Traditional marriage and family relations among Tuvans and their transformation during the Soviet period]. Abakan : Zhurnalists.
10. Shibaeva, Yu.A. (1947) *Perezhitki rodovogo stroya u khakasov v sisteme rodstva i semeyno-brachnykh otnosheniy* [Remnants of the tribal system of the Khakass in the system of kinship and family-marriage relations]. History Cand. Diss. Abakan.
11. Usmanova, M.S. (1978) *Elementy traditsionnoy obryadnosti v sovremennoy khakasskoy svad'be* [Elements of traditional rituals in a modern Khakass wedding]. In: Vainstein, S.I. (ed.) *Polevye issledovaniya Instituta etnografii. 1976* [Field research of the Institute of Ethnography in 1976]. Moscow: Nauka. pp. 94–99.
12. Shinzhin, I.B. (1990) *Zapis' Shinzhin I.B. Svad'ba Oynosheva V.P., s. Besh-Ozok; iyul' 1990 g.* [Record by Shinzhin I.B. V.P. Oinoshev's wedding, Besh-Ozok, July 1990]. The S.S. Surazakov Scientific Archive of the Research Institute of Altaistics. Case 441.
13. Dongak, S.Ch. (2012) *Tyva kuda ezuldary. Traditsii tuvinskoy svad'by* [Tuvan wedding traditions]. Kyzyl: Tuvan State University.
14. The Ankhakov Museum-Reserve “Hurtuyakh-tas”. Official Website. [Online] Available from: <http://хуртуяхтаc.рф> (Accessed: 12th July 2020).

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 572.951

DOI: 10.17223/19988613/69/19

А.И. Бураев

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО АНТРОПОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматривается возможность использования данных иконографии как источника по палеоантропологии. При исследовании скульптурных изображений из средневековых курганов (VII в.), оставленных на территории Монголии тюрками-теле, доказана их портретность и реалистичность. Сравнительный анализ скульптурных материалов позволил сделать вывод о принадлежности большей части прототипов к южносибирской расе, к которой относится большинство современных тюркских народов Северной Евразии. Другая часть демонстрирует иной комплекс признаков, характерный для восточноазиатской расы, в которую включают часть современных народов Северного Китая, Кореи и Дальнего Востока.

Ключевые слова: палеоантропология; иконография; скульптура; Монголия.

Источниками для палеоантропологических исследований могут служить разнообразные исторические свидетельства. Иногда описания древних народов, отдельных исторических деятелей приводятся в письменных источниках. Можно использовать и данные глоттохронологии, зачастую определяющие этническую принадлежность изучаемого древнего народа. Однако основным источником в палеоантропологии, несомненно, являются скелетированные останки. В то же время кость не всегда хорошо сохраняется в погребениях, откуда и происходит подобные материалы. Нередко в захоронениях происходит деформация черепов, что делает их непригодными для измерения. Но в определенных случаях, к сожалению, достаточно редких, исследователь имеет возможность обратиться к иконографическим данным. Изобразительные материалы прошедших эпох достаточно давно использовались в антропологических исследованиях.

Имеются работы конца XIX – начала XX в. по древнеегипетской иконографии. В них проведено сопоставление древнеегипетских изображений с современными расовыми подразделениями [1, 2].

В 40-е гг. XX в. выходят работы Г.Ф. Дебеца по таштыкским погребальным маскам из Хакасии. Автор выразил в градусах горизонтальный профиль среднего отдела лица и подсчитал процент встречаемости отдельных морфологических вариантов в области носа. На основании исследования ученый пришел к выводу о сходстве населения таштыкской культуры Минусин-

ской котловины с современными шорцами и хакасами [3, 4].

Особо отметим новаторскую по подходам статью И.И. Гохмана и Л.Л. Барковой, основанную на палеоантропологических данных и анализе изображений с Алтая, выполненных в разном материале [5]. Авторами осуществлен сравнительный анализ краниологических данных с изображениями человеческих лиц из пазырыкских курганов. Результаты иконографических и краниологических данных совпали. По двум источникам зафиксировано присутствие на Алтае монголоидных, европеоидных и метисных популяций.

Значительное количество работ опубликовано по терракоте кушанской Бактрии. Наибольший вклад в изучение керамической микропластики внесла Г.А. Пугаченкова. Она выявила портретность и реалистичность скульптур из Халчаяна и Дальверзина в Узбекистане. Автор показала их морфологические особенности и определила расовую принадлежность [6–11].

Существенные дополнения и изменения в антропологическую характеристику этого же материала внес В.П. Алексеев. Он использовал соматологические методики, разработанные А.И. Ярхо и В.В. Бунаком; им были введены количественные характеристики скульптурного материала, дана его балловая оценка. Кроме того, В.П. Алексеевым был предложен свой вариант расовой принадлежности прототипов скульптур [12].

Необходимо отметить палеоантропологические работы Т.К. Ходжайова по иконографическим материа-

лам из Средней Азии [13]. Кроме краниологической и расовой характеристики автор совместно с К. Абдуллаевым осуществил пластическую и графическую реконструкцию облика средневековых людей и сравнил их с синхронными им скульптурами [14].

Таким образом, у российской палеоантропологии есть значительный задел в изучении исторической иконографии. В то же время нам не известны исследования по древним скульптурным изображениям из Монголии, где активно, в сотрудничестве с монгольскими коллегами, работали зарубежные, в том числе и российские, археологи и антропологи. Безусловно, иконографический материал здесь есть. Однако заметим, что изображения от оленных камней до позднесредневековой буддийской скульптуры являются стилизацией и в лучшем случае отражают общее представление о том, как должен выглядеть человек того или иного времени и определенного иерархического статуса. Им не хватает индивидуальности, портретности изображенных, поэтому невозможно было дать сколько-нибудь приближенную к реальности антропологическую характеристику прототипов.

Все изменилось с открытием в 2009 г. кургана-кенотафа Шороон Бумбагар в Замар сомоне Центрального аймака Монголии [15]. В настоящее время материалы раскопок кургана хранятся в Музее изобразительных искусств им. Занабазара (Улан-Батор, Монголия). В кургане были захоронены скульптуры условно погребенного и сопровождавших его лиц (рис. 1, 2). Скульптурную коллекцию составляют около 70 предметов, из них 63 пригодны для антропологических исследований. У остальных зафиксировано значительное повреждение красочного слоя, что делает их антропологическое описание невозможным. 35 единиц представляют собой керамическую микропластику, среди них 24 фигуры, выполненные в полный рост, 11 являются изображениями всадников. Другая группа скульптур выполнена из дерева – 28 единиц хранения. Из них 10 фигур в полный рост, среди которых явно выделяются два «зеркальных» изображения дуду, в честь которого и сооружен памятник. Еще 18 видов представлены фрагментарно, но сохранили лицо и тем самым пригодны для антропологической характеристики (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Скульптурные изображения дуду и сопровождающих его лиц из кургана Шороон Бумбагар. Дерево. Музей изобразительных искусств им. Г. Занабазара, г. Улан-Батор, Монголия. Фото автора

Рис. 2. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Бумбагар. Керамика. Музей изобразительных искусств им. Г. Занабазара, г. Улан-Батор, Монголия. Фото автора

Необходимо отметить, что при раскопках кенотафа были найдены две каменные плиты с иероглифическими надписями, на одной из которых четко указано время смерти человека, которому посвящен памятник, – 678 г. Кроме того, в надписи названо его имя – И-ту-шо-е, обозначены его многочисленные титулы и основные вехи военной деятельности. Он являлся предводителем племени пугу и, интерпретируя титул к российской истории, генерал-губернатором провинции империи Тан. В этой связи представляется весьма интересным упоминание в эпитафии ближайших предков И-ту-шо-е – его деда Гэлань-баяна и отца Сифу. Оба были вождями пугу и генерал-губернаторами той же танской провинции (округа) – Цзиньвэй. Таким образом, наряду с вполне естественным наследованием родового титула в племени по наследству передавалась и должность в имперской номенклатуре. Выявившееся обстоятельство, безусловно, свидетельствует о существенном влиянии телеской знати на управление присоединенными к империи Тан территориями. Отметим также значительную роль телеских племен в военных кампаниях государства, что также зафиксировано в поминальной надписи.

Как известно, пугу входили в состав объединения токуз-огузов, относились к тюркам-теле и большую часть своего существования на страницах истории были ближайшими союзниками средневековых уйгуров. Исходя из данных письменных источников, подкрепленных теперь и археологическими материалами, большую часть второй половины VII в. н.э. племя пугу, наряду с другими телескими племенами, находилось в подчинении империи Тан.

Антропологическая характеристика керамической и деревянной микроскульптуры была дана в специальной монографии автора настоящего сообщения [16]. Основываясь на сравнительном анализе антропологических особенностей, выявленных на скульптурных изображениях, было сделано предположение о том, что большая часть фигур, в том числе вся керамическая микропластика, принадлежит к южносибирской расе, к которой относится большинство современных тюркских народов Сибири, Казахстана и Киргизии. Действительно, все фигуры такого типа изображают людей с доминированием признаков монголоидного расового ствола. Отметим сильную уплощенность лица и монгольский разрез глаз. Лицо высокое и широкое, ортогнатное, с выраженными скулами. С другой стороны, строение носа, скорее, выпадает из типично монголоидного комплекса признаков – нос у практически всех скульптур прямой, средневыступающий, с довольно высоким переносьем, иногда с горбинкой. У некоторых фигур фиксируется существенный рост бороды и усов. Такое сочетание признаков характерно для представителей южносибирской расы. Как мы уже выяснили, прототипы данного типа скульптурных изображений относились к племени пугу. Скорее всего, это была «аристократия» племени, так как сопровождать сюзерена в последний путь, по всей очевидности, должны были наиболее близкие к нему люди (в нашем случае – их скульптуры).

Другая (меньшая) часть фигур, по-видимому, принадлежит представителям танской администрации при

дворе И-ту-шо-е. По расовым характеристикам в таксономическом плане они могут быть отнесены к восточноазиатской расе, к которой в настоящее время относится значительная часть народов Китая. Скульптуры характеризуются монголоидным комплексом признаков. Так же, как и в предыдущем случае, отметим уплощенность лица и монголоидный разрез глаз. Лицо высокое, относительно узкое, ортогнатное. Нос узкий, слабовыступающий, с прямой спинкой. Переносье невысокое. Указанные признаки и в настоящее время отличают восточноазиатских монголоидов. От себя отметим и некоторый визуальный момент. Любому непредвзятому зрителю увидит значительную разницу в антропологическом облике двух выделенных групп. К аналогичному выводу приводят и различия в одежде между ними. Не автору судить, насколько адекватна предложенная им интерпретация, но невозможно отрицать портретность и реалистичность изображений, так же как и антропологические различия между ними.

Открытый немного позже (2011) курган, являющийся реальным захоронением, во многом схожий с элементами кенотафа, был датирован авторами раскопок последней четвертью VII в. н.э., в том числе и по аналогии с описанным выше памятником [17]. Курган Улан Хэрэм Шороон Бумбагар был исследован совместной монгольско-казахстанской экспедицией в Баяннуур сомоне Булганского аймака Монголии [18]. Погребение находится довольно близко от вышеописанного кенотафа. Сразу отметим, что этот памятник значительно более представительен в части археологических находок. В кургане обнаружено захоронение мужчины. В погребении найдены уникальные вещи из золота, среди которых представлены сасанидские и византийские монеты, бронзы с позолотой и дерева. На стенах дромоса расположены великолепные фрески. Главное, что объединяет оба памятника, – наличие среди погребального инвентаря глиняной и деревянной микроскульптуры. Количество скульптур, найденных в мавзолее, превосходит число статуэток, обнаруженных в кенотафе, исследованном российско-монгольской экспедицией. Таким образом, погребенный в рассматриваемом кургане, скорее всего, занимал положение никак не ниже, чем вождь племени пугу. Возможно, он являлся вождем другого токуз-огузского объединения, но мог быть предшественником или наследником И-ту-шо-е в племени пугу.

В настоящее время все материалы хранятся в музее г. Хархорин (Монголия). Коллекция насчитывает более 90 скульптур. Среди терракотовых статуэток: 14 всадников и 25 мужских фигур в полный рост, тюркского облика и, предположительно, в одежде кочевников (тюрков); 25 мужских фигур в полный рост китайского облика в традиционных китайских одеяниях, представляющих, по всей видимости, чиновников танской администрации при ставке погребенного; 10 женских фигур, скорее всего – китайянок, статус которых, по всей вероятности, был достаточно высок (рис. 3, 4). Кроме того, в коллекции представлены фигуры из дерева – 4 фигуры в полный рост и 17 фрагментированных изображений. Деревянные фигуры плохой сохранности, и определить их расовую при-

надлежность сложно. Однако, судя по сохранившимся частям лица и одежды, можно предположить, что их

Рис. 3. Скульптурное изображение танского чиновника из кургана Улан Харам Шороон Бумбагар. Керамика. Хархорум Музей, г. Хархорин, Монголия. Фото автора

Антропологическая характеристика скульптурных материалов из Баяннурского кургана идентична описанию статуэток из Замар сомона. Отметим только, что скульптур восточноазиатского облика в Баяннуре существенно больше. Этот факт, несомненно, связан с большей вовлеченностью метрополии (в данном случае – империи Тан) в события на периферии и, возможно, с более жестким контролем за подчиненными племенами. Соответственно, можно предположить, что погребение Улан Харам Шороон бумбагар является более ранним памятником, чем кенотаф Шороон бумбагар. Это предположение основывается на том, что, как известно, уже в 679 г. среди собственно тюрков в Китае вспыхнуло достаточно мощное восстание [19. С. 297], которое продолжалось под разным руководством значительный отрезок времени. Таким образом, в степи состоялось возрождение Восточно-тюркского каганата [20. С. 121–122].

По всей видимости, сооружение подобных памятников являлось не тюрко-телеской, а танской традицией. На значительном расстоянии от представленных в настоящей статье памятников китайскими археологами исследован сходный курган, датируемый периодом правления династии Тан. По сообщению агентства Синьхуа, в 2019 г. в Китае была обнаружена усыпальница Сюэ Шао, первого мужа принцессы Тайпин, дочери императора Гаоцзуна. Гробница находится в про-

прототипы (как и части керамических скульптур) относились к восточноазиатской расе (см. рис. 3, 4).

Рис. 4. Скульптурные изображения женщины восточноазиатского облика и мужчины-тюрка. Керамика. Хархорум Музей, г. Хархорин, Монголия. Фото автора

винции Шеньси, недалеко от ее столицы – г. Сиань. Он расположен на месте столицы империи Тан, города Чанъань. Так же, как и при раскопках монгольского кенотафа, в китайском памятнике обнаружена квадратная надгробная плита с эпитафией, где приведены данные о происхождении погребенного, его должности, причине смерти, времени захоронения и его потомках. Нас особо заинтересовало сообщение о том, что большую часть находок, по свидетельству китайских специалистов, составляет керамическая расписная микропластика, идентичная таковой из монгольских курганов [21]. К сожалению, детально ознакомиться с китайскими материалами и публикациями по результатам раскопок пока не представляется возможным.

Тем не менее предварительно можно признать все три памятника однотипными и синхронными в пределах данного периода правления династии Тан, а именно владычества императора Гаоцзуна (650–683). Не вызывает сомнения и констатация принадлежности поминальных сооружений представителям высшей аристократии империи.

Исходя из вышеизложенного, использование скульптурных изображений из погребений древних тюрков Монголии в расовом и этническом анализе населения эпохи Средневековья представляется возможным и необходимым. В настоящее время ученый может исследовать изображения реальных людей эпохи

Средневековья, оставленные их современниками. Безусловно, необходимо учитывать художественный талант автора, а также несомненно присутствовавшие устоявшиеся каноны, ограничения и цель изготовления скульптурных изображений. Кроме того, при анализе иконографических источников можно получить представление о строении мягких тканей лица, волосяном покрове и других характеристиках внешности, которые затруднительно выявить, изучая краниологические данные.

Исследованный материал позволяет аргументированно предполагать значительное присутствие наряду с представителями южносибирской и центральноазиатской рас носителей восточноазиатского комплекса признаков в средневековой Монголии. Вероятно, можно говорить об этнической экспансии танского Китая в среду кочевников центральноазиатских степей. Очевидно, это касается не только севера Монголии, но и других народов Северной Евразии, соседствовавших с империей Тан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наму Е. La figure humaine dans les monuments de l'Égypte ancienne // Bulletin de la société d'anthropologie de Paris. Ser. 5. 1907. Vol. VIII. P. 7–43.
2. Poole R. The Egyptian classification of the races of man // Journal of the anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1887. Vol. XVI. P. 370–379.
3. Дебев Г.Ф. Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры (Минусинский край) // Краткие сообщения НИИ и Музея антропологии МГУ за 1938–1939 гг. М., 1941. С. 28–29.
4. Дебев Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер.; т. 4).
5. Гохман И.И., Баркова Л.Л. Кто они? Стережущие золото грифы (опыт реконструкции антропологического состава и социальной структуры по данным палеоантропологии и изображений человека) // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 418–426.
6. Пугаченкова Г.А. К иконографии Герая (о некоторых вопросах раннекушанской истории) // Вестник древней истории. 1965. № 1. С. 127–136.
7. Пугаченкова Г.А. Халчаян: к проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966. 287 с.
8. Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971. 202 с.
9. Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л.: Аврора. 1978. 104 с.
10. Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: Искусство, 1979. 247 с.
11. Pugachenkova G.A. The Terra-Cotta Horses of Bactria-Tokharistan: semantics and image // Bulletin of Asia Institute. New Series. 1989. Vol. 3. P. 15–19.
12. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 445 с.
13. Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К. Старый Термез (к антропологии населения Бактрии – Тохаристана). Актобе: Актобинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. 320 с.
14. Ходжайов Т.К., Абдуллаев К. Население кушанской Бактрии (антропология, письменные источники и изобразительное искусство). Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing, 2011. 145 с.
15. Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 164 с.
16. Бураев А.И. Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 240 с.
17. Эртний нуу дэлчдийн урлагийн дурсгал. Cultural monuments of ancient nomads. Ulaanbaatar, 2017. 248 с.
18. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Булган аймгийн сумын Уланхэрмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 290 с.
19. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Айрис-пресс, 2013. 560 с.
20. Камалов А.К. Тюрки и иранцы в Танской империи. Алматы: Мир, 2017. 384 с.
21. На северо-западе Китая нашли 1300-летнюю гробницу члена императорской семьи. URL http://russian.news.cn/2019-12/18/c_138640770.htm (дата обращения: 20.09.2020).

Alexei I. Buraev, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: buraev1961@mail.ru

SCULPTURAL IMAGES AS A SOURCE FOR ANTHROPOLOGY OF THE MEDIEVAL POPULATION OF NORTHERN EURASIA

Keywords: paleoanthropology; iconography; sculpture; Mongolia.

The aim of this article is to prove the possibility of using the iconography data as a source for paleoanthropology of Northern Eurasia. The tasks of the research included the determination of the degree of realism and portraiture of the medieval sculptural images. The main sources were the ceramic microplastics and the wooden sculpture of the 7th century kurgans in Mongolia.

In the cenotaph-kurgan Shoroon Bumbagar in Zaamar sum of the Töv aimag in Mongolia 63 sculptures suitable for anthropological research were found. 35 units are ceramic microplastics. Among them, 24 figures are full length, 11 are images of horsemen. 28 sculptures are made of wood, 10 of which are full length figures. 18 units are presented in fragments. Currently, the materials are stored in the Zanabazar Museum of Fine Arts (UlaanBaator).

More than 90 sculptures were found in the Ulaan Kherem Shoroon Bumbagar kurgan in the Bayannuur sum of the Bulgan aimag in Mongolia. Among the terracotta figurines: 14 horsemen and 25 male figures in full length, of Turkic appearance and, presumably, in the nomad clothes (Turks); 25 full length male figures of Chinese appearance, in traditional Chinese attire, apparently representing the officials of the Tang dynasty administration at the headquarters of the buried; 10 female figures. Additionally, wooden figures are presented in the collection – 4 full length figures and 17 fragmented images. All of the materials are situated at the exhibit and in the funds of the Kharkhorin museum.

The portraiture and realism of images has been proven. A comparative analysis of the materials allowed to make a conclusion on the belonging of most of the materials to the South Siberian race which includes most of the modern Turkic peoples of the Northern Asia. Figures depict people with domineering features of the mongoloid racial stock. The face is tall and wide, orthognathic, with pronounced cheekbones. On the other hand, the nose structure rather falls out of the set of typically mongoloid features – almost all of the sculptures have a straight, moderately protruding nose with a rather high bridge, sometimes with a hump.

Another part of the sculptural images demonstrates a different set of features characteristic for the East Asian race that includes part of the modern peoples of Northern China, Korea and Far East. The sculptures are characterized by the mongoloid set of features. Same

as the previous example, a flattening of the face and Mongolian slit-eye can be noted. The face is tall, relatively narrow, orthognathic. The nose is narrow, slightly protruding, with a straight bridge. The nose bridge is low.

Thus, we can reasonably speak of the ethnic expansion of the Tang China among the nomads of the Central Asian steppes. Based on the above, the use of the sculptural images from the burials of the Mongolian ancient Turks in racial and ethnical analysis of the Middle Age population appears to be possible and necessary.

REFERENCES

1. Hamy, E. (1907) La figure humaine dans les monuments de l'Égypte ancienne. *Bulletin de la société d'anthropologie de Paris*. [Bulletin of the anthropology of Paris]. 5(VIII). pp. 7–43.
2. Poole, R. (1887) The Egyptian classification of the races of man. *Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 16. pp. 370–379.
3. Debets, G.F. (1941) Antropologicheskoe issledovanie pogrebal'nykh masok tashtytskoy kul'tury (Minusinskiy kray) [Anthropological study of burial masks of the Tashtyk culture (Minusinsk Region)]. In: Debets, G.F. et al. *Kratkie soobshcheniya NII i Muzeya antropologii MGU za 1938–1939 gg.* [Brief reports of the Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University for 1938–1939]. Moscow: [s.n.], pp. 28–29.
4. Debets, G.F. (1948) *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Gokhman, I.I. & Barkova, L.L. (2003) Kto oni? Steregushchie zoloto grify (opyt rekonstruktsii antropologicheskogo sostava i sotsial'noy struktury po dannym paleoantropologii i izobrazheniy cheloveka) [Who are they? Vultures guarding gold (an attempt of reconstructing the anthropological composition and social structure according to paleoanthropology and human images)]. In: Alekseeva, T.I. (ed.) *Gorizonty antropologii* [Horizons of Anthropology]. Moscow: Nauka. pp. 418–426.
6. Pugachenkova, G.A. (1965) K ikonografii Geraya (o nekotorykh voprosakh rannekushanskoy istorii) [To the iconography of Gerai (on some issues of early Kush history)]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 1. pp. 127–136.
7. Pugachenkova, G.A. (1966) *Khalchayan: k probleme khudozhestvennoy kul'tury Severnoy Baktrii* [Khalchayan: On the problem of artistic culture in Northern Bactria]. Tashkent: Fan.
8. Pugachenkova, G.A. (1971) *Skulptura Khalchayana* [The Halchayan Sculpture]. Moscow: Iskusstvo.
9. Pugachenkova, G.A. (1978) *Khudozhestvennye sokrovishcha Dal'verzin-tepe* [Art Treasures of Dalverzin-Tepe]. Leningrad: Avrora.
10. Pugachenkova, G.A. (1979) *Iskusstvo Baktrii epokhi kushan* [Art of Bactria of the Kushan era]. Moscow: Iskusstvo.
11. Pugachenkova, G.A. (1989) The Terra-Cotta Horses of Bactria-Tokharistan: Semantics and Image. *Bulletin of Asia Institute. New Series*. 3. pp. 15–19.
12. Alekseev, V.P. (1989) *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historical Anthropology and Ethnogenesis]. Moscow: Nauka.
13. Hodzhajov, T.K., Mustafakulov, S.I. & Hodzhajova, G.K. (2012) *Staryy Termez (k antropologii naseleniya Baktrii – Tokharistana)* [Old Termez (to the anthropology of the population of Bactria – Tokharistan)]. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archeology.
14. Hodzhajov, T.K. & Abdullaev, K. (2011) *Naselenie kushanskoy Baktrii (antropologiya, pis'mennye istochniki i izobrazitel'noe iskusstvo)* [Population of Kushan Bactria (anthropology, written sources and fine arts)]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
15. Ochir, A., Danilov, S.V., Erdenebold, L. & Tserendorzh, Ts. (2013) *Ertniy nyidelchdiyn bunhant bulshny: maltlaga, sudalгаа. (Tovaymgiyn Zaamar sumyn Shoroon bumbagaryn maltlagyn taylan)*. Ulaanbaatar: [s.n.].
16. Buraev, A.I. (2016) *Drevnie tyurki Mongolii (rekonstruktsiya antropologicheskogo sostava po dannym skulpturnykh izobrazheniy)* [The ancient Turks of Mongolia (reconstruction of the anthropological composition according to the sculptural images)]. Ulan-Ude.
17. Ochir, A., Erdenebold, L. (ed.) (2017) *Ertniy nuu delchdiyn urlagiyn dursгал* [Cultural monuments of ancient nomads]. Ulaanbaatar: SB RAS.
18. Ochir, A., Erdenebold, L., Kharzhaubay, S. & Zhantegin, Kh. (2013) *Ertniy nyidelchdiyn bunhant bulshny: maltlaga, sudalгаа. (Bulgan aymgiyn sumyn Ulanhermiyn Shoroon bumbagaryn maltlagyn taylan)*. Ulaanbaatar: [s.n.].
19. Gumilev, L.N. (2013) *Drevnie tyurki* [Ancient Turks]. Moscow: Ayris-press.
20. Kamalov, A.K. (2017) *Tyurki i irantsy v Tanskoy imperii* [Turks and Iranians in the Tang Empire]. Almaty: Mir.
21. Russian.news.cn. (2019) *Na severo-zapade Kitaya nashli 1300-letnyuyu grobnitsu chlena imperatorskoy sem'* [1300-year-old tomb of an Imperial family member found in Northwest China]. [Online] Available from: http://russian.news.cn/2019-12/18/c_138640770.htm (Accessed: 20th September 2020).

УДК 572.08; 903.5; 903'1
DOI: 10.17223/19988613/69/20

А.А. Хохлов, А.П. Григорьев

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФИНАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-18-00137 «Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжских и Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа».

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Представлены сведения по краниологическим материалам из погребений абашевской культуры Поволжья и Приуралья, приведена информация по новой находке Имангулово-2е II Оренбуржья. На основе метода главных компонент многомерной статистики продемонстрирована резкая неоднородность древнего населения. Подкреплён тезис о заметном изменении физического облика абашевцев приуральской части ареала этой культуры по сравнению с исходным за счет процессов ассимиляции местных групп.

Ключевые слова: краниология; абашевская культура; эпоха бронзы; Среднее Поволжье; Южное Приуралье.

По современным археологическим сведениям, ареал абашевской культуры, хронологически отождествляемый с финальным периодом средней бронзы (примерно XXII–XX вв. до н.э.), занимал преимущественно лесостепные районы Восточной Европы – от Поднепровья до Южного Зауралья.

На основе материальных источников и погребальных особенностей ее сближают, прежде всего, с балановской и фатьяновской, выводя из местных волосовских племен [1. С. 70–71], другие предполагают их связь в целом с блоком культур шнуровой керамики и боевых топоров Центральной и Западной Европы [2. С. 77], в том числе среднеднепровской [3. С. 82]. По мнению А.Х. Халикова [4. С. 28], истоки абашевской культуры можно видеть в ямной, а именно той группы, которая зафиксирована на северных окраинах ее распространения.

На определенном историческом этапе абашевские племена распространяются в лесостепном Урало-Поволжье, встречая на своем пути группы подвижных скотоводов полтавкинской культуры, проникают в районы Нижнего Поволжья и Южного Зауралья [5–8 и др.]. В целом они составляют один из важнейших компонентов зарождения кластера оригинальных культур – потаповской, покровской, синташтинской, ассоциируемых с Волго-Уральским очагом культурогенеза [9] и началом в регионе позднего этапа эпохи бронзы.

Палеоантропологические материалы абашевской культуры по-прежнему малочисленны, происходят в основном из погребений Среднего Поволжья и Приуралья. Первые поступившие для науки источники происходили из курганных могильников Чувашии. В них были выявлены разные краниологические комплексы, обозначаемые как негроидный / псевдонгроидный (Катергино-Бишево [10. С. 85; 11. С. 505]),

широко- и низколиций, европеоидный (Абашево, Олгаши, Тауш-Касы [10. С. 84; 11. С. 518; 12]), относительно узколиций, долихокранный (Пепкинский курган [4. С. 38; 11. С. 518]). Соответственно определениям и анализам предлагались разные версии их происхождения и связей. В частности, широколицые европеоиды могли быть связаны с носителями фатьяновской культуры Верхней Волги [12]. Долихокранные, относительно узколицие европеоиды, как и сравнительно близкие им балановцы, могли отчасти происходить и от южных популяций, в целом Кавказского региона [13. С. 345; 14], и даже ближневосточного [15. С. 105], и от населения западных культур с традициями шнуровой керамики [4. С. 43; 16].

В связи с выявленной учеными важнейшей ролью абашевской культуры в культурогенетических процессах восточноевропейских и западноазиатских племен бронзового века каждые вновь поступившие находки, даже единичные, вызывали повышенное внимание и пересматривались в контексте с обозначенными проблемами. Так было и с материалами Липецкого курганного могильника Среднего Дона [17, 18], по которым была показана их связь с таковыми абашевской культуры Чувашии, а также возможность влияния на население Доно-Волжской группы посткатакомбных степных и даже закавказских южноевропеоидных популяций.

Помимо этого, внимание было уделено волгоуральской группе абашевской культуры, в которую были включены ранее известные материалы Самарского Заволжья¹ и лесостепного Приуралья (мог. Съезжее I [20], Чуракаевский [21] и недавно поступившие (Малюлдашево I [22], Красиково I [23], Имангулово-2е II). К этой группе условно отнесены грунтовые погребения у горы Березовой (Буланово I) в Оренбуржском

Приуралье, где отмечены обряды и артефакты, свойственные одновременно и абашевскому, и синташтинскому, и сейминско-турбинскому населению [24].

Все эти материалы показали довольно высокий краниологический полиморфизм. Было отмечено присутствие так называемых уралоидных форм и черепов, видимо, метисного, европеоидно-уралоидного облика [20, 22, 25]. В одном случае (Буланово I, п. 8) зафиксировано наличие типичной монголоидности западносибирского происхождения [26].

На основании подобных наблюдений достаточно рано прозвучал вывод о том, что абашевское население, распространяясь на восток и ассимилируя местные племена, постепенно меняло свой физический облик [27. С. 42]. И это определенно подтверждается находками, добытыми уже в наше время усилиями отряда Оренбургской археологической экспедиции. В Приуралье физически это были уже не те абашевцы, знакомые нам по материалам Среднего Поволжья Чувашского края как сравнительно узколицые, резко профилированные европеоиды (из погребения Пепкинского кургана). Культурогенетические процессы, происходившие в регионе, осложнялись также влиянием носителей сейминско-турбинской культуры [28, 29], физический след которых прослеживается, как будто, на материалах того же Булановского могильника Приуралья [25, 30] и Грачевка II лесостепного Заволжья [31].

В связи с этим всегда вставал острый в науке вопрос о роли лесостепных, в первую очередь абашевских, коллективов в сложении культур потапово-синташтинского облика. Среди недавних поступлений в нашем распоряжении оказался скелет из курганного могильника Имангулово-2е II. Череп сравнительно хорошей сохранности, принадлежал мужчине зрелого возраста. По измерительным данным он мезокранный,

с низким мозговым сводом, довольно сильным макро-рельефом, имеет относительно низкий, широкий, резко профилированный по горизонтали лицевой отдел с сильно выступающими носовыми костями. По совокупности черт он европеоидный (табл. 1), морфологически тяготеет к широколицым вариантам, скорее, лесостепного происхождения. Имеется в виду возможная его связь с населением, оставившим, к примеру, могильники абашевской культуры Среднего Поволжья (Олгаши, Абашево, Тауш-Касы). Одновременно можно отметить низкий свод черепа, признак, который был в целом характерен для абашевцев Пепкинского кургана, зафиксирован он также на одном из черепов (п. 1, ск. 3) Липецкого кургана Среднего Подонья, встретился на черепах краниологической выборки срубной культуры Саратовской области, в чем усматривали влияние именно абашевского населения [32].

Параллельно нами был выполнен многомерный внутригрупповой анализ серии черепов из погребений абашевской культуры методом главных компонент². Для такой процедуры, с учетом необходимого для этого комплекса признаков и степени сохранности, оказались пригодными лишь 27 мужских и четыре женских черепа. Серия была увеличена за счет включения в нее женских черепов, размеры которых были пересчитаны через коэффициенты полового диморфизма [33. С. 123–124] на мужские, и отдельных черепов из захоронений в лесостепной части Волго-Уралья, синхронных абашевским. К таким относятся материалы вышеупомянутого могильника Буланово, а также погребения 1 у с. Гундоровка и курганного могильника Тамар-Уткуль VII, к. 4 п. 5 (вольско-лбищенская культура). Сравнение проводилось по 16 измерительным признакам, нагрузки на которые представлены в табл. 2³.

Таблица 1

Индивидуальные данные черепов абашевско-синташтинского культурно-хронологического горизонта лесостепного Волго-Уралья

Признаки	Имангуло-во-2е II, 7/3	Красиково I, 3/1	Съезжее I, п. 8	Съезжее I, п. 9	Малоюл- дашево, ск. 1	Малоюл- дашево, ск. 3	Малоюлдашево, ск. 2 (жен.)
1. Продольный диаметр	186,0	194,0	170,0	179,0	194,0	190,0	172,0??
8. Поперечный диаметр	141,5	146,0	130,0	138,0	134,0	146,0	–
8/1. Черепной ук.	76,1	75,3	76,5	77,1	69,1	76,8	–
20. Ушная высота	113,0	120,0	109,0	115,0	116,0	122,0	–
17. Высотный диаметр	127,0	145,0	128,0	129,0	–	130,0	–
9. Наим. ширина лба	100,0	102,0	89,0	96,0	101,0	99,0	92,0
43. Верх. ширина лица	109,0	113,0	–	–	107,0	115,0	102,0
45. Скуловой диаметр	143,0	145,0	122,0	127,0	107,0	115,0	124,0??
48. Верх. высота лица	68,5	65,0	62,0	62,0	125,5	142,0	66,5
51. Ширина орбиты	43,3	47,4	40,0	43,0	40,0	45,6	–
52. Высота орбиты	31,2	31,7	29,5	31,0	35,5	32,5?	–
52/51. Орбитный ук.	72,1	66,9	73,8	72,1	88,8	–	–
54. Ширина носа	24,0	25,6	22,5	23,0	23,8	24,2	–
55. Высота носа	52,0	47,8	46,5	47,0	52,5	54,0	–
54/55. Носовой ук.	46,2	53,6	48,4	48,9	45,3	44,8	–
sc. Симотич. ширина	9,1	10,0	9,4	8,1	10,0	8,7	8,4
ss. Симотич. высота	4,5	5,4	4,0	3,0	4,4	3,9	3,9
ss/sc. Симотич. ук.	49,5	54,0	42,6	37,0	44,0	44,8	46,4
32. Угол наклона лба	81,0°	81,0°	81,0°	86,0°	78,0°	79,0	–
72. Общелицевой угол	83,0°	88,0°	85,0°	89,0°	83,0°	85,0°	–
74. Уг. альвеол. части	73,0°	84,0°	76,0°	83,0°	68,0°	78,0°	–
75(1). Уг. выступ. носа	32,0°	34,0°	29,0°	24,0°	23,0°	21,0°?	30,0°?
77. Назомаляр. угол	136,0°	136,0°	137,2°	138,8°	129,0°	136,0°	140,0°
zm. Зигмаксил. угол	124,5°	127,5°	132,7°	138,4°	124,0°	134,0°	134,0°

Нагрузки на главные компоненты во внутригрупповом анализе суммарной краниологической серии абашевско-синташтинского культурно-хронологического горизонта лесостепного Волго-Уралья

Признак	ГК-1	ГК-2	ГК-3
1. Продольный диаметр	0,618636	0,347491	0,077388
8. Поперечный диаметр	0,437077	-0,727119	-0,253063
20. Ушная высота	0,426263	-0,438382	0,072137
9. Наим. ширина лба	0,703508	-0,155611	-0,269782
45. Скуловой диаметр	0,645788	-0,462954	-0,241269
48. Верхняя высота лица	0,614223	0,434730	0,301129
51. Ширина орбиты	0,519340	0,044356	-0,543786
52. Высота орбиты	0,341535	0,138948	-0,230897
54. Ширина носа	0,415801	0,111053	-0,010534
55. Высота носа	0,395478	0,696166	0,163852
32. Угол наклона лба	0,019824	-0,452642	-0,137993
72. Общелицевой угол	-0,103663	0,319540	-0,586115
74. Уг. альвеолярной части	-0,261668	0,558509	-0,693651
75(1). Уг. выступания носа	-0,264471	0,153170	-0,627542
77. Назомалярный угол	-0,288841	-0,367098	-0,419058
zm. Зигомаксиллярн. угол	-0,284671	-0,568574	0,116144

Выделены признаки с наибольшими нагрузками, достоверными для ранжирования черепов. Был построен график распределения кальвариумов в пространстве

ГК-I и ГК-II (рис. 1). В его четырех секторах прописаны сочетания признаков, по которым можно проследить тенденции морфологических различий черепов.

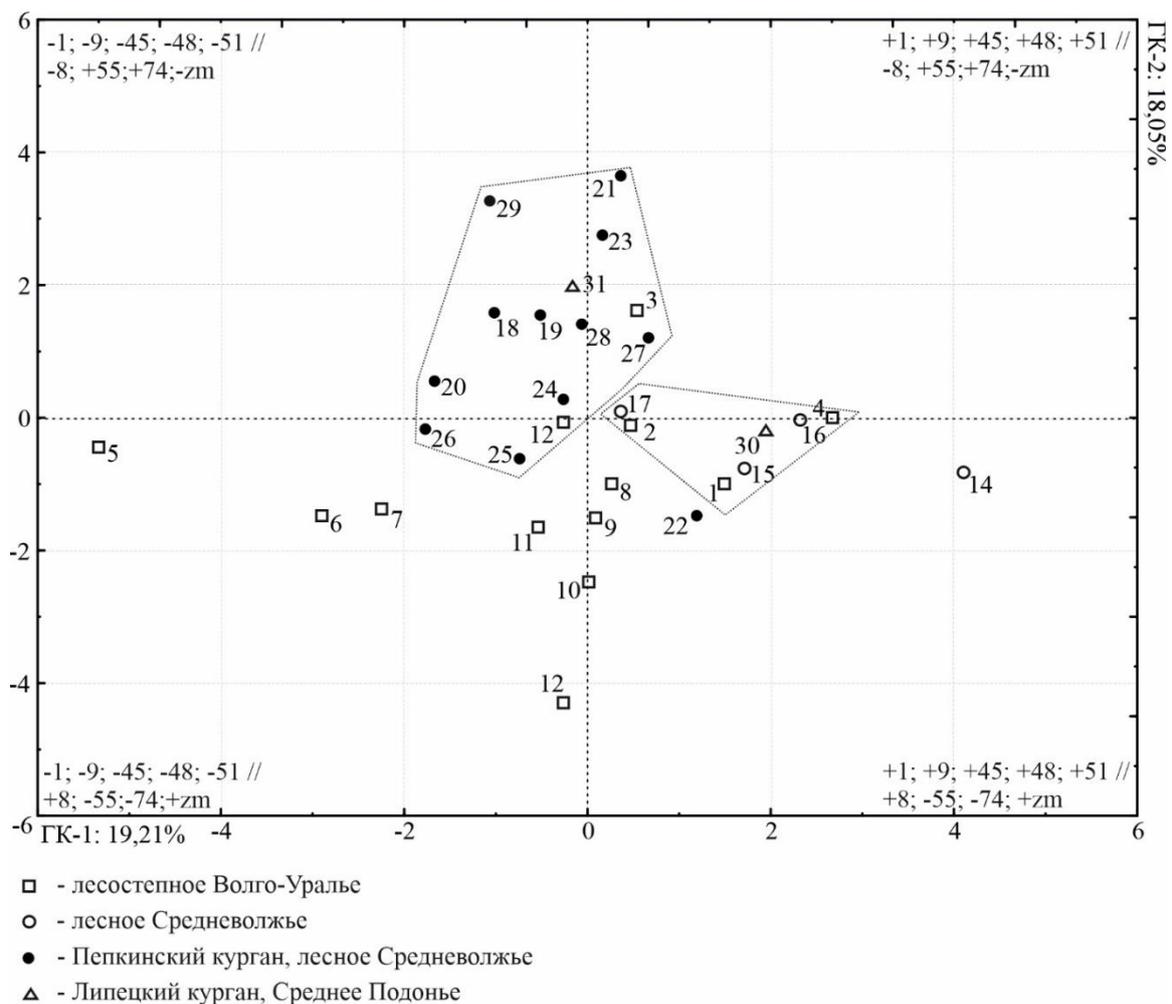

Рис. 1. Расположение черепов абашевско-синташтинского культурно-хронологического горизонта в пространстве ГК-1 и ГК-2: 1 – Красиковский I, 3/1; 2 – Имангулово-2е II, 7/3; 3 – Малоюлдашево, ск. 1; 4 – Малоюлдашево, ск. 3; 5 – Съезжее I, п. 8; 6 – Съезжее I, п. 9; 7 – Тамар-Уткуль VII, 4/5; 8 – Гундоровка, п. 1; 9 – Чуракаевский, огр. А, п. 5; 10–13 – Буланово I, п. 4, 5, 6 ск. 2, 9; 14 – Катергино-Бишево, к. 1; 15 – Олгаши, к. 5; 16, 17 – Тауш-Касы, 1/1, 5/1; 18–29 – Пепкинский курган, п. 1; 18 – ск. б/н; 19 – ск. 3; 20 – ск. 6; 21 – ск. 7; 22 – ск. 8; 23 – ск. 9; 24 – ск. 12, 25 – ск. 13б; 26 – ск. 14; 27 – ск. 15; 28 – ск. 21; 29 – ск. 25; 30 – Липецкий курган № 2, п. 1, ск. 1; 31 – Липецкий курган № 2, ск. 3

На графике выделены, во-первых, две совокупности Среднего Поволжья, одна из которых включает практически все пепкинские черепа (за исключением № 8), вторая в составе других объектов этого же региона (Тауш-Касы, Олгаши). Как было сказано выше, эти группы морфологически различаются: первая – в сторону проявления особых южноевропеоидных черт, а вторая – более матуризованная, с широким и низким лицом. И на графике обе они заняли разные позиции. Один череп из этого же региона (Катергино-Бишево), морфологически своеобразный (псевдонегроидный), и здесь занял обособленное положение, но ближе к олгашинско-тауш-касинской группе. Черепа этой средневолжской выборки морфологически связывались с фатьяновской Волго-Окского междуречья и некоторыми степными [10–12]. На наш взгляд, следует обратить внимание на то, что они не имеют такой резкой профилировки по углу выступания носа (за исключением Олгаши) и зигмаксиллярному признаку, какие свойственны фатьяновским выборкам. Возможно, в них проявляются черты какого-либо местного древнего субстрата. К слову сказать, широколицые, умеренно профилированные черепа и отдельные выборки известны для территорий лесной полосы Восточной Европы неозеолитического времени, к примеру, культур ямочно-гребенчатой керамики и волосово.

Оба черепа Липецкого кургана № 2 Среднего Подонья вошли в разные средневолжские группы – пепкинскую и тауш-касинскую, что на самом деле, судя по их морфологическим характеристикам, вполне оправданно.

Череп лесостепной части Волго-Уралья занимают на графике более обширное пространство по сравнению со средневолжскими, показывая, таким образом, и большее морфологическое разнообразие. В этой группе особое место занимают черепа могильников Съезжее I и Тамар-Уткуль VII, интерпретируемые по морфологическим характеристикам как древнеуральские [20, 25]. Также обособленная позиция у некоторых булановских черепов (п. 4, 9), в захоронениях которых были обнаружены артефакты сейминско-турбинского типа [24]. Черепа из Красиково, Имангулово-2е и Малоюлдашево (ск. 3) входят в тауш-касинскую группу. Это интересно с точки зрения отнесения их, в представлении авторов археологического изучения [34, С. 52; 35, С. 36; 36, С. 221], к абашевско-синташтинскому культурно-хронологическому горизонту.

Абашевская культура вызывает большую заинтересованность у специалистов вследствие неоднократно отмечаемых на скелетах людей случаев травматик. Пожалуй, впервые об этом заговорили при рассмотрении материалов знаменитого Пепкинского кургана Чувашии, в котором была изучена коллективная могила, содержащая 27 мужских скелетов, погибших в результате военного столкновения [4]. Позднее эта тема неоднократно поднималась [37–40] с целью уточнения характера травм, типа травмируемых орудий и, соответственно, выявления по их особенностям потенциального противника абашевцев. Следы трав-

матики были обнаружены и на скелетах из погребений этой культуры других районов в Подонье (Липецкий курган [17]), Нижнем Поволжье (мог. Студеновский [40]), Приуралье (Малоюлдашево [34, С. 52]).

В последнем случае среди близко захороненных трех человек один из них (ск. 3) рассматривается как «жертва» [35]. Подчеркнем, что все три черепа из Малоюлдашево морфологически разные [22, С. 62]. На графике (см. рис. 1) эти черепа, в данном случае мужские, заняли разное положение: один из них (ск. 1, основной) оказался в пепкинской группе, а другой (ск. 3, «жертва») – в тауш-касинской. Это наводит на определенные мысли о различном происхождении противников. В обобщающей работе по сумме травм на скелетах людей из погребений археологических культур энеолита-бронзы Волго-Уралья было отмечено максимальное количество таких повреждений именно для абашевского и включительно вольско-лбищенского населения (33,3%) [41, С. 273–275]. На новой находке из Имангулово-2 также фиксируется повреждение в виде прижизненного перелома как минимум двух пястных костей кисти, правда, оно может быть и бытового характера.

Все это можно более уверенно интерпретировать как свидетельство высокой социальной напряженности и наличия воинских столкновений на территории Волго-Уралья в период начала культурных трансформаций в регионе.

Суммируя все имеющиеся результаты изучения краниологических материалов абашевской культуры Восточной Европы, следует отметить, как указывалось и ранее рядом исследователей, высокую степень полиморфизма их носителей. Это определенно свидетельствует в пользу разносторонних контактов абашевских групп, коммуникабельность которых оказала значительное влияние на рождение волго-уральского очага культурогенеза в период финала средней бронзы. Свойство активной интеграции, включение инородных групп в состав новых, формирующихся в пограничье Европы и Азии культур унаследовали потапово-синташтинские коллективы. Искомый физический след абашевцев в составе их территориальных последователей южноуральской географической провинции по-прежнему обнаружить сложно. Однако все очевиднее, в первую очередь по материалам Волго-Уралья, прорисовывается картина, на которой в составе культур потапово и синташты компоненты абашева могут быть выявлены в лице краниологических комплексов с наличием той или иной доли уралоидных черт [25, 42 и др.], проявляющихся не только в материалах абашевской и вольско-лбищенской культур волго-уральской лесостепи, но и среди широколицей тауш-касинской группы Среднего Поволжья. Вместе с тем нужно еще раз подчеркнуть, что при формировании потаповско-синташтинского населения зафиксировано, в том числе по результатам антропологических анализов [25, 42–44 и др.], участие также представителей семинско-турбинской культуры и носителей курганных традиций поволжско-казахстанских степей, весовую долю которых еще предстоит уточнить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Погребения 8, 9 грунтового могильника Съезжее I ранее рассматривались как энеолитические [19. С. 168–169], в современной интерпретации определены как абашевские [7. С. 96].

² Процедура проведена с помощью программы Statistica 8.

³ В этих расчетах также пришлось прибегнуть к восстановлению некоторых недостающих для черепов признаков за счет запрограммированных свойств данного метода (Statistica 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М. : Наука, 1970. 176 с.
2. Кузьмина Е.Е. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие : материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003. С. 76–77.
3. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М. : АН СССР. 1961. С. 43–96. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 97).
4. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1966. 69 с.
5. Малов Н.М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 1992. 16 с.
6. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара : Самарский ун-т, 1994. 207 с.
7. Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. 2000. С. 85–122.
8. Горбунов В.С. Некоторые проблемы культурно-генетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Свердловск, 1990. 30 с. (Препринт / ИИА УрО АН СССР).
9. Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте : материалы семинара. СПб. : ИИМК РАН, 1991. С. 24–27.
10. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 391 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; т. 4).
11. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 584 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; т. 28).
12. Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории чувашской АССР // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1955. Вып. 23. С. 78–92.
13. Акимова М.С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Балановский могильник (из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М., 1963. С. 322–362.
14. Казарницкий А.А. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы : дис. ... канд. ист. наук : 03.02.02. СПб., 2010. 176 с.
15. Шевченко А.В. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительном освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. Вып. 1–10, т. 1. С. 101–105.
16. Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы : антропологический очерк. СПб. : Наука, 2012. 264 с.
17. Казарницкий А.А. Новые краниологические материалы из Липецкого кургана № 2 (к вопросу о формировании степного и лесостепного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2012. № 7. С. 74–88.
18. Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Тюрин Р.А. Антропологические особенности населения абашевской культуры Подонья (по материалам могильника Второй Липецкий курга) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 143–163.
19. Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980. С. 136–183.
20. Хохлов А.А. Раритетные палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы Самарского Поволжья и Приуралья // Известия самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 6. С. 248–251.
21. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М. : Наука, 1968. 118 с.
22. Хохлов А.А., Китов Е.П. Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга // Поволжская археология. Казань, 2019. Вып. 1 (27). С. 59–71.
23. Хохлов А.А., Григорьев А.П. Морфологические характеристики антропологической выборки курганного могильника эпохи бронзы Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2019. Вып. 14. С. 69–80.
24. Халяпин М.В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 417–424.
25. Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара : СГСПУ, 2017. 368 с.
26. Хохлов А.А. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 30, № 6 (144). С. 8–11.
27. Хохлов А.А. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности // Урало-Поволжская студенческая конференция : тез. докл. Уфа, 1996. С. 42–44.
28. Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 114–123.
29. Ткачёв В.В. Сейминско-турбинский феномен и культурогенез позднего бронзового века в урало-казахстанских степях // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 3–14.
30. Хохлов А.А., Китов Е.П. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 30, № 6 (144). С. 5–7.
31. Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара : СГСПУ, 2018. 190 с.
32. Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986. С. 121–215.
33. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 126 с.
34. Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург : Оренбург. гос. аграрный ун-т, 2016. 196 с.
35. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2019. Вып. 14. С. 4–39.

36. Купцова Л.В., Евгеньев А.А. Новые погребальные комплексы абашевской культуры в Оренбургском Предуралье // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции) : к 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб. : ИИМК РАН, Невская тип., 2019. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). С. 219–222.
37. Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. : Вост. лит. 1999. С. 200–216.
38. Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992. 128 с.
39. Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара : Самарский ун-т, 2004. Вып. 2. С. 146–154.
40. Медникова М.Б., Бужилова А.П. К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения // Российская археология. 2002. № 2. С. 162–164.
41. Хохлов А.А., Китов Е.П. Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья // Stratum plus. Археология и культурная антропология. СПб. : Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2019. № 2. С. 267–280.
42. Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культуругенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара : ПГСГА, 2014. С. 131–142.
43. Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106.
44. Китов Е.П., Хохлов А.А., Медведева П.С. Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. СПб.; СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2018. № 2. С. С. 225–243.

Alexander A. Khokhlov, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

Artem P. Grigorev, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: grap9@bk.ru

CRANIOLOGICAL MATERIALS FROM THE BURIALS OF THE ABASHEV CULTURE OF THE FINAL MIDDLE BRONZE AGE IN THE VOLGA AND URAL REGIONS

Keywords: craniology; Abashevo culture; Bronze Age; Volga region; Urals region.

The paper analyzes the old and new cranial material from burials Abashevo Volga and Ural culture of the Bronze Age in order to identify its constituent components and their anthropological origin. Particular attention was focused on the materials of the Volga-Ural forest-steppe group, which included the sources from excavations of recent years (Maloyuldashevo I, Krasikovo I, Imangulovo I). Sources analyzed by individually-typological diagnostics and multivariate statistics. The total series of skulls showed a rather high intragroup craniological polymorphism.

On the skeletons from the burials of the Abashev culture in different regions of localization, the Middle and Lower Volga regions, Don and Ural regions as a whole, quite numerous traces of trauma (33.3 % of all individuals) of a different nature were found. In total, this is the highest indicator among other cultures of the Bronze Age of the Volga-Ural region. This can be confidently interpreted as evidence of high social tension and the presence of military clashes in the Volga-Ural region during the period of the beginning of cultural transformations in the region.

This definitely testifies in favor of the many-sided contacts of the Abashev groups, which at certain periods of time, apparently, were also accompanied by rather active hostilities. The previously voiced conclusion is supported, according to which the Abashev population, spreading to the east and assimilating local tribes, gradually changed its physical appearance.

The high sociability of the Abashevites had a significant impact on the birth of the Volga-Ural focus of cultural genesis during the final of the Middle Bronze Age. The Potapov-Sintashta collectives inherited the property of active integration, the inclusion of foreign groups in the new cultures emerging in the borderlands of Europe and Asia. The sought-after physical trail of the Abashevites as part of their territorial followers of the South Ural geographical province is still difficult to find. However, it is more and more obvious, first of all, based on the materials of the Volga-Ural region, a picture is drawn in which, in the composition of the Potapovo and Sintashta cultures, the Abashev components can be identified in the face of craniological complexes with the presence of one or another proportion of uraloid features, which are manifested not only in the materials of Abashevskaya and Volsko-Ibischenskaya cultures of the Volga-Ural forest-steppe, but also among the broad-faced Taush-Kassa group of the Middle Volga region.

REFERENCES

1. Bader, O.N. (1970) *Basseyn Oki v epokhu bronzy* [The Oka Basin in the Bronze Age]. Moscow: Nauka.
2. Kuzmina, E.E. (2003) Abashevo, Sintashta i proiskhozhdenie indoiantsev [Abashevo, Sintashta and the origin of the Indo-Iranians]. In: Bochkarev, V.S. & Korenevsky, S.N. (eds) *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie* [The Abashevo Common Historical Culture: Genesis, Development, Heritage]. Cheboksary, 200. pp. 76–77.
3. Efimenko, P.P. & Tretyakov, P.N. (1961) *Abashevskaya kul'tura v Povolzh'e* [The Abashevo culture in the Volga region]. In: Merpert, N.Ya. (ed.) *Abashevskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e* [The Abashevo Culture in the Middle Volga Region]. Moscow: USSR AS. pp. 43–96.
4. Khalikov, A.Kh., Lebedinskaya, G.V. & Gerasimova, M.M. (1966) *Pepkinskiy kurgan (abashevskiy chelovek)* [The Pepkino Mound (the Abashevo man)]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe kn. izd-vo.
5. Malov, N.M. (1992) *"Abashevskie plemena" Nizhnego Povolzh'ya* [The "Abashevo tribes" of the Lower Volga region]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Vasiliev, I.B., Kuznetsov, P.F. & Semenova, A.P. (1994) *Potapovskiy kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge* [The Potapovo burial mound of Indo-Iranian tribes on the Volga]. Samara: Samara State University.
7. Kuzmina, O.V. (2000) *Abashevskaya kul'tura v Samarskom Povolzh'e* [The Abashevo culture in the Samara Volga region]. In: Kabytov, I.S. (ed.) *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Bronzovyy vek* [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. The Bronze Age]. 2000. pp. 85–122.
8. Gorbunov, V.S. (1990) *Nekotorye problemy kul'turno-geneticheskikh protsessov epokhi bronzy Volgo-Ural'ya* [Some problems of cultural and genetic processes of the Bronze Age of the Volga-Ural region]. Sverdlovsk: UrB RAS.

9. Bochkarev, V.S. (1991) Volgo-Ural'skiy ochag kul'turogeneza epokhi pozdney bronzy [The Volga-Ural center of cultural genesis of the Late Bronze Age]. In: Masson, V.M. (ed.) *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte* [Sociogenesis and Cultural Genesis in the Historical Aspect]. St. Petersburg: RAS. pp. 24–27.
10. Debets, G.F. (1948) *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Gerasimov, M.M. (1955) *Vosstanovlenie litsa po cherepu* [Facial reconstruction based on the skull]. Moscow: USSR AS.
12. Akimova, M.S. (1955) Paleoantropologicheskie materialy s territorii chuvashskoy ASSR [Paleoanthropological materials from the territory of the Chuvash ASSR]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. 23. pp. 78–92.
13. Akimova, M.S. (1963) Paleoantropologicheskie materialy iz Balanovskogo mogil'nika [Paleoanthropological materials from the Balanovo burial ground]. In: Bader, O.N. *Balanovskiy mogil'nik (iz istorii lesnogo Povolzh'ya v epokhu bronzy)* [The Balanovo burial ground (from the history of the forest Volga region in the Bronze Age)]. Moscow: USSR AS. pp. 322–362.
14. Kazarnitsky, A.A. (2010) *Paleoantropologiya epokhi bronzy stepnoy polosy yuga Vostochnoy Evropy* [Paleoanthropology of the Bronze Age of the steppe zone of the south of Eastern Europe]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Shevchenko, A.V. (1993) Paleoantropologiya srubnikov Povolzh'ya v sravnitel'nom osveshchenii [Paleoanthropology of the Volga region loggers in comparative aspect]. In: Malov, N.M. (ed.) *Pamyatniki srubnoy kul'tury. Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e* [Monuments of the log culture. Volga-Ural interfluvium]. Saratov: Saratov State University. pp. 101–105.
16. Kazarnitsky, A.A. (2012) *Naselenie azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy: antropologicheskiy ocherk* [The population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age: an anthropological sketch]. St. Petersburg: Nauka.
17. Kazarnitsky, A.A. (2012) Novye kraniologicheskie materialy iz Lipetskogo kurgana № 2 (k voprosu o formirovaniy stepnogo i lesostepnogo naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhi sredney i pozdney bronzy) [New craniological materials from Lipetsk Kurgan No. 2 (on the formation of the steppe and forest-steppe population of Eastern Europe in the Middle and Late Bronze Age)]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN*. 7. pp. 74–88.
18. Gerasimova, M.M., Borutskaya, S.B., Vasiliev, S.V. & Tyurin, R.A. (2016) Anthropological Characteristics of the Don Region Population of Abashevo Culture (Based on the Burial Mound Second Lipetsk). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya – Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 18. pp. 143–163. (In Russian).
19. Shevchenko, A.V. (1980) Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya cherkaskul'skoy kul'tury i voprosy ego rasogeneza [Anthropological characteristics of the population of the Cherkaskul culture and questions of its race genesis]. In: Gokhman, I.I. (ed.) *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii* [Modern Problems and New Methods in Anthropology]. Leningrad: Nauka. pp. 136–183.
20. Khokhlov, A.A. (2010) Raritetnye paleoantropologicheskie materialy epokhi sredney bronzy Samarskogo Povolzh'ya i Priural'ya [Rare paleoanthropological materials of the Middle Bronze Age of the Samara Volga and Ural regions]. *Izvestiya samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 12(6). pp. 248–251
21. Akimova, M.S. (1968) *Antropologiya drevnego naseleniya Priural'ya* [Anthropology of the Ancient Population of the Urals]. Moscow: Nauka.
22. Khokhlov, A.A. & Kitov, E.P. (2019) Origins of the Physical Appearance of the Sintashta Circle of Cultures People of the Bronze Age: theoretical and practical aspects. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 1(27). pp. 59–71. (In Russian).
23. Khokhlov, A.A. & Grigoriev, A.P. (2019) Morfologicheskie kharakteristiki antropologicheskoy vyborki kurgannogo mogil'nika epokhi bronzy Krasikovskiy I [Morphological characteristics of the anthropological sample of the Krasikovskiy I Bronze Age burial mound]. In: Morgunova, N.L. (ed.) *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of Orenburg Region]. Vol. 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University. pp. 69–80.
24. Khalyapin, M.V. (2001) Pervyy beskurgannyy mogil'nik sintashtinskoy kul'tury v stepnom Priural'e [The first burial ground of the Sintashta culture in the steppe Urals]. In: Kovalev, Yu.I. & Gorodtsov, V.A. (eds) *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya* [The Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization]. Samara: NTTs. pp. 417–424.
25. Khokhlov, A.A. (2017) *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolitno-bronzovogo veka)* [Morphogenetic processes in the Volga-Urals in the early Holocene (based on craniological materials of the Mesolithic-Bronze Age)]. Samara: Samara State Social and Pedagogical University.
26. Khokhlov, A.A. (2009) K voprosu o mongoloidnykh cherepakh epokhi bronzy Volgo-Ural'ya [On the Mongoloid turtles of the Bronze Age of the Volga-Ural region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 30(6). pp. 8–11.
27. Khokhlov, A.A. (1996) Ob abashevskom antropologicheskom komponente v mogil'nikakh zapadnykh rayonov sintashtinsko-potapovskoy kul'turnoy obshchnosti [On the Abashevo anthropological component in the burial grounds of the western regions of the Sintashta-Potapov cultural community]. *Uralo-Povolzhskaya studencheskaya konferentsiya* [The Ural-Volga Student Conference]. pp. 42–44.
28. Bochkarev, V.S. (1995) Kul'turogenez i razvitie metalloproduktstva v epokhu pozdney bronzy (po materialam yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy) [Cultural genesis and development of metal production in the Late Bronze Age (based on materials from the southern half of Eastern Europe)]. In: Vasiliev, I.B. (ed.) *Drevnie indoiranskie kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.)* [Ancient Indo-Iranian Cultures of the Volga-Ural Region (II millennium BC)]. Samara: Samara State Social and Pedagogical University. pp. 114–123.
29. Tkachev, V.V. (2001) Seyminko-turbinskiy fenomen i kul'turogenez pozdnego bronzovogo veka v uralo-kazakhstanskikh stepyakh [Seima-Turbino phenomenon and cultures genesis of the Late Bronze Age in the Ural-Kazakh steppes]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik – The Ufa Archaeological Herald*. 3. pp. 3–14.
30. Khokhlov, A.A. & Kitov, E.P. (2009) Predvaritel'noe soobshchenie o paleoantropologicheskom materiale epokhi sredney bronzy mogil'nika Bulanovo I [Preliminary report on the paleoanthropological material of the Middle Bronze Age from the Bulanovo I burial ground]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 6(144). pp. 5–7.
31. Kuznetsov, P.F., Mochalov, O.D., Khokhlov, A.A. & Anthony, D.U. (2018) *Grachevskie kurgany. Arkheologiya, antropologiya, genomnyy analiz* [Grachevo Burial Mounds. Archeology, Anthropology, Genomic Analysis]. Samara: Samara State Social and Pedagogical University.
32. Shevchenko, A.V. (1986) Antropologiya naseleniya yuzhno-russkikh stepey v epokhu bronzy [Anthropology of the population of the southern Russian steppes in the Bronze Age]. In: Gokhman, I.I. & Kozintsev, A.G. (eds) *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Modern and Ancient Population of the European Part of the USSR]. Leningrad: Nauka. pp. 121–215.
33. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964) *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Anthropological Research Methodology]. Moscow: Nauka.
34. Evgeniev, A.A., Kuptsova, L.V., Mukhametdinov, V.I., Roslyakova, N.V., Usachuk, A.N., Fayzullin, I.A. & Khokhlov, A.A. (2016) *Poselenie Maloyuldashevo I epokhi neolita i pozdney bronzy v Zapadnom Orenburzh'e* [The settlement of Maloyuldashevo of the 1st Neolithic and Late Bronze Age in Western Orenburg region]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
35. Morgunova, N.L., Evgeniev, A.A., Kryukova, E.A., Kharlamov, P.V., Fayzullin, A.A. & Golieva, A.A. (2019) Kurgannyy mogil'nik Krasikovskiy I bronzovogo veka v Orenburgskoy oblasti [The Krasikovskiy I Bronze Age burial mound of the I Bronze Age in the Orenburg region]. In: Morgunova, N.L. (ed.) *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of Orenburg Region]. Vol. 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute. pp. 4–39.
36. Kuptsova, L.V. & Evgeniev, A.A. (2019) Novye pogrebal'nye komplekсы abashevskoy kul'tury v Orenburgskom Predural'e [New burial complexes of the Abashevo culture in the Orenburg Cis-Urals]. In: Alekshin, V.A. & Kircho, L.B. (eds) *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii)* [Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts)]. Vol. 2. St. Petersburg: RAS, Nevskaya tip. pp. 219–222.

37. Mednikova, M.B. & Lebedinskaya, G.V. (1999) Pepkinskiy kurgan: dannye antropologii k interpretatsii pogrebeniy [The Pepkino mound: anthropological data for the interpretation of burials]. In: *Pogrebal'nyy obryad: rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy* [The funeral rite: the reconstruction and interpretation of the ancient ideological representations]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 200–216.
38. Kuzmina, O.V. (1992) *Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e* [The Abashevo culture in the forest-steppe Volga-Urals]. Samara: [s.n.].
39. Kuznetsov, P.F. (2004) Pepkinskiy kurgan kak otrazhenie konfrontatsii v nachal'nyy period formirovaniya novoy kul'turno-istoricheskoy epokhi bronzovogo veka Evropy [The Pepkino mound as a reflection of confrontation in the initial period of the formation of a new cultural and historical era of the Bronze Age of Europe]. *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya*. 2. pp. 146–154.
40. Mednikova, M.B. & Buzhilova, A.P. (2002) K voprosu o travmaticheskikh povrezhdeniyakh sredi abashevskogo naseleniya [On traumatic injuries among the Abashevo residents]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 162–164.
41. Khokhlov, A.A. & Kitov, E.P. (2019) Defekty travmaticheskogo proiskhozhdeniya na paleoantropologicheskikh materialakh epokhi rannego metalla Volgo-Ural'ya [Defects of traumatic origin on paleoanthropological materials of the early metal era of the Volga-Ural region]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2. pp. 267–280.
42. Khokhlov, A.A. & Kitov, E.P. (2014) Spetsifika antropologicheskogo sostava nositeley potapovo-sintashtinskikh kul'turnykh traditsiy (po kраниологическим материалам Povolzh'ya i Urala perekhodnogo vremeni ot sredney k pozdney bronze) [The specificity of the anthropological composition of the carriers of the Potapov-Sintashta cultural traditions (based on craniological materials of the Volga region and the Urals of the transitional period from the Middle to Late Bronze)]. In: Khokhlov, A.A. et al. *Protsess kul'turogeneza nachal'noy pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii)* [The process of cultural genesis of the initial period of the Late Bronze Age in the Volga-Ural region (chronology, periodization, historiography)]. Samara: Volga State Social and Humanitarian Academy. pp. 131–142.
43. Khokhlov, A.A., Solodovnikov, K.N., Rykun, M.P., Kravchenko, G.G. & Kitov, E.P. (2016) Craniological data on the problem of relationship between populations of the Early Bronze Age Yamnaya and Afanasyevo cultures. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(34). pp. 86–106. (In Russian). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-086-106
44. Kitov, E.P., Khokhlov, A.A. & Medvedeva, P.S. (2018) Dannye paleoantropologii kak istochnik dlya rekonstruktsii protsessa slozheniya i sotsial'noy stratifikatsii obshchestva (po materialam sintashtinskikh i potapovskikh pamyatnikov bronzovogo veka) [Paleoanthropological data as a source for the reconstruction of the process of addition and social stratification of society (based on the materials of Sintashta and Potapovo sites of the Bronze Age)]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2. pp. 225–243.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 93"1880–1917"(571.16)
DOI: 10.17223/19988613/69/21

Е.Н. Косых, К.В. Фадеев, С.В. Андрюкова

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДИ КРЕСТЬЯН ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1880–1917)

Исследуются культурная жизнь и внешкольное образование (культурно-просветительная работа) в Томской губернии, которая занимала территорию современных Томской, Кемеровской, Новосибирской областей и Алтайского края (до лета 1917 г.), т.е. в наиболее населенной части Западной Сибири, где крестьяне составляли более 90% жителей. Анализируется уровень вовлеченности сельского населения во внешкольное образование и другие формы культурной жизни.

Ключевые слова: культурно-просветительная работа; внешкольное образование; народное образование; томская деревня; культурная жизнь.

Актуальность нашего исследования определяется в первую очередь дискуссиями в исторической науке и публицистике в связи со столетием трех российских революций начала XX в. и попыткой ответить на вопрос: возможен ли был в те годы не революционный, а реформистский выход из глубокого кризиса и какова степень и роль культуры и духовных ценностей в этих процессах. Как известно, в прошлом и нынешнем столетиях культура в нашей стране чаще всего трактуется как определенный тип сознания или поведения, как прежде всего нравы, воззрения и ценности, бытующие в обществе, во всей сфере социального понимания человека, в том числе и живущего в сельской местности. Отсюда и наш интерес к своеобразной культуре огромной тогда по территории (около 765 км²) Томской губернии.

Источниковую базу исследования составил весьма широкий круг разнообразных по содержанию и емкости архивных и опубликованных источников – делопроизводственные документы, справочные издания, периодическая печать, материалы личного происхождения. Использованы данные и из предшествовавшей нам исследовательской литературы. Методология и методика исследования включают в себя три основных уровня: общенаучный, общеисторический и конкретно-исторический, наше исследование основывается на принципах историзма и объективности, в числе конкретно-исторических методов использованы источниковедческий, историко-сравнительный, библиографический и историко-генетический.

Хронологические рамки исследования охватывают значительный временной отрезок: с 1880-х гг., когда были организованы первые воскресные чтения, переросшие со временем в целую систему культурно-просветительской деятельности среди крестьянского населения, и до октября 1917 г., когда окончательно меняется государственное устройство страны, а вместе с ним и вся культурная жизнь общества в целом и кре-

стьян Томской губернии в частности. Позитивное освещение нашей темы может дать дополнительный материал для рассмотрения проблем культурной жизни томской деревни конца XIX – начала XX в.

В 1880-е гг. в общей численности населения Сибири, в том числе и Томской губернии, учащиеся составляли только 0,38% (в Европейской части России – 1,29%), а к началу XX в. 1,6 и 3,2% соответственно [1. С. 15]. Столь низкие показатели определялись наличием большого числа неграмотных среди крестьянского населения. Например, в Томской губернии в 1884 г. среди новобранцев, рекрутируемых на службу из сельской молодежи, процент грамотных составлял всего около 14% [2. С. 2]. Согласно Н.С. Юрцовскому, в 1915 г. в Томской губернии обучалось 33,4% детей школьного возраста [3. С. 205], а сельских школ в 1916 г. насчитывалось всего 2 006 [4. С. 1]. Из приведенных данных мы видим, что низкий уровень образования среди крестьян являлся проблемой того времени.

Процесс распределения и распространения духовных ценностей осуществляется прежде всего через систему народного образования. От количества учебных заведений, качества обучения, квалификации преподавательского состава, от доступности всех видов образования зависит уровень духовной жизни того или иного слоя населения. В конце XIX – начале XX в. образованию взрослого сельского населения государство все еще не уделяло должного внимания, поэтому инициатива всеобщего обучения исходила от общественных организаций (типа макушинского «Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии» или «Общества содействия устройству в селах и деревнях Томской губернии разумных развлечений» и неторговых отделов кооперативов) [5, 6]. Взрослые граждане могли получить элементарный уровень грамотности в воскресных школах и на народных чтениях, воспользовавшись системой внешкольного образования. В осно-

ве их организации лежал принцип добровольности: посещение было необязательным, отсутствовали экзамены и ограничения по полу и возрасту.

В Сибири первые народные воскресные чтения начали проводиться еще в 1880-е гг. XIX в. Инициатива в организации этих чтений принадлежит В.И. Сциборскому, учителю русского языка и воспитателю в Омском кадетском корпусе, а впоследствии директору мужской гимназии и народных училищ Томской губернии. Он же определял тематику воскресных чтений, подбирал и утверждал чтецов и сам выступал на чтениях с публичными лекциями. Тематика их касалась общеобразовательных и прикладных наук. В качестве материала для народных чтений рекомендовались книги школьной библиотеки: литература исторического и художественного характера, а также по вопросам сельского хозяйства, медицины, географии и естествознания [7. С. 60].

Когда В.И. Сциборский был переведен в Томск на должность директора гимназии и народных училищ Томской губернии, он широко развернул воскресные чтения не только в городе, но и в крупных селах. Так, «Сибирская газета» по этому поводу писала: «Летом 1881 года возникла мысль устроить народные чтения на манер таких же, как и в соляном городке Петербурга. Эти чтения являются дополнением обучения грамоте простого человека, обогащения его необходимыми, элементарными знаниями из различных отраслей науки» [8. С. 2].

Источником дополнительного просвещения широких слоев городского и сельского населения являлись также публичные лекции и народные чтения. В Томске они проводились с 1883 г. Обществом попечения о начальном образовании. Эти чтения не требовали от аудитории какой-либо специальной подготовки и содержали элементарные сведения о том или ином предмете. Повышенный интерес к ним со стороны населения был обусловлен демонстрацией «туманных картин» с помощью «волшебного фонаря», которые были диковинкой для сибирского населения на рубеже веков.

В 1890-х гг. интерес к народным чтениям несколько упал, что позволило корреспонденту «Сибирского вестника» сделать неутешительный вывод о том, что народные чтения находятся под угрозой превращения в детские, что противно самой идее их организации. Совету общества предлагалось принять необходимые меры по устранению разного рода недочетов при организации чтений и озаботиться привлечением взрослого населения, а не детей, которых «из школ можно пригласить сколько угодно, но тогда уж будут не народные чтения, а детские» [9. С. 1].

Список книг для прочтения определялся постоянной Комиссией по устройству народных чтений в г. Санкт-Петербурге и его окрестностях и рассылался по всей стране [10. Л. 16–16 об.]. Книги сопровождались 5–12 картинками и стоили по 10–20 коп. Непременными темами народных чтений были христианство и русская история: «Чему учил нас Господь наш...», «Жизнь святого Николая Чудотворца», «Первые века христианства и распространение его на Руси», «Святые места земли Русской: Соловецкий монастырь,

Троице-Сергиева Лавра, святые Киева», «Куликовская битва», «Смутное время на Руси», «О Петре Великом», «О том, как Екатерина II правила землей Русской» и т.д. Были допущены и художественные произведения: «Майская ночь» и «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, «Полтава» и «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. «Туманные картины» содержали этнографический материал о жизни народов мира [11. Л. 31–31 об.; 12. Л. 50–51; 13. Л. 1; 14. Л. 1; 15. Л. 1].

В отчете П.И. Макушина о деятельности Совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии за 1901–1903 гг. указана первая из основанных в губернии библиотека в с. Судженское Мариинского уезда, открытая 24 ноября 1901 г. Несколько ранее была открыта библиотека в с. Щегловске. В эти библиотеки поступали книги по географии, естествознанию, гигиене, сельскому хозяйству и художественная литература [16. Л. 4 об.]. В то же время отношение правительства к общественным просветительным организациям было довольно сложным. Так, оно совершенно не заботилось о сохранении фондов или количественном росте библиотек таких обществ. Негативное отношение официальных властей к народным библиотекам обществ внешкольного образования во многом объяснялось тем, что туда проникала политическая литература [17. Л. 85–92].

В рамках проведения мероприятий внешкольного образования неторговые культурно-просветительные отделы кооперативов занимались и организацией общедоступных для простого народа музеев. Так, в своей культурно-просветительной деятельности сибирские кооператоры, желая расширить пропаганду технических усовершенствований, пришли к мысли о создании плавучих музеев. В 1909 г. даже состоялась экспедиция в приобскую часть севера Томского уезда [18. С. 134].

В официальном отчете о внешкольном образовании в Западно-Сибирском учебном округе за 1914 г. составитель отчета действительный статский советник А.Е. Алекторов писал: «Внешкольное образование в Западно-Сибирском учебном округе проявляется слабо, правда, при начальных училищах устраиваются периодические чтения, открываются библиотеки-читальни, учреждаются воскресные школы для взрослых, курсы, организуются музеи, но все это в самых ничтожных размерах» [19. С. 168].

Во время Первой мировой войны, с 1914 г., правительство пошло на ускоренное развитие системы учреждений внешкольного образования. Если в 1912 г. на внешкольное образование Министерству просвещения было отпущено 24 тыс. руб. [20. С. 51], то в 1915 г. – 424 тыс., а в 1916 г. около 2 млн руб. [21. С. 175]. При анализе выявленного в Государственном архиве Томской области сводного, в несколько сот страниц, отчета попечителя Западно-Сибирского учебного округа о внешкольном образовании за 1915 г. видно, что имевшиеся в каждом уезде округа 2–3 воскресные школы субсидировались городскими общественными управлениями и находились в городах [22. Л. 43, 144, 174]. Поэтому основные усилия в области внешкольного образования правительство сознательно

сосредоточило в сельской местности, надеясь удержать во время войны неграмотное крестьянское население под своим влиянием. Оно развивало в деревне определенные формы внешкольного образования – народные библиотеки и бесплатные воскресные чтения. Так, из статистического обзора о постановке внешкольного образования в Западно-Сибирском учебном округе окружного томского инспектора народных училищ А.Е. Алекторова следует, что в Западной Сибири при двух десятках воскресных школ было около 535 министерских библиотек-читален с общим числом книг 291 890 экземпляров и 412 пунктов народных чтений (за 1914 г. на чтениях присутствовали 222 297 человек) [19. С. 168–183].

Поражение на фронте и рост антивоенных настроений дали новый импульс развитию культурно-просветительных учреждений. Министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев в специальном циркуляре в конце 1915 г. прямо призвал обратить преимущественное внимание на развитие народных чтений «по вопросам войны и связанных с войною чтений исторического и географического содержания; в особенности о славянах и союзных нам народах и местах военных действий, чтений, будящих частную и общественную инициативу по удовлетворению нужд военного времени». П.Н. Игнатьев, говоря о пробуждении политической активности населения, небывалом спросе на книги и газеты, заявил, что это «создает обязанность не только ведомства просвещения, но и всех интеллигентных сил страны прийти в этом отношении на помощь народу и ответить на его запросы сообщением сведений, правильно освещающих совершающиеся события, а равно охранить то бодрое, уверенное в себе настроение, какое ныне наблюдается повсюду, и укрепить общий патриотический подъем народного духа». И далее: «Со своей стороны Министерство имеет в виду оказывать предположенным мероприятиям самую широкую помощь... Министерство, в частности, в отношении народных чтений полагает возможным отпустить по 1 руб. 50 коп. на каждое чтение» [22. Л. 6; 23. Л. 2].

После циркуляра министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева об организации связанных «с военными событиями» народных чтений таковые с начала 1916 г. стали обязательными. Так, директор народных училищ Томской губернии писал в июне 1916 г. попечителю о том, что чтения организуются «при всех 85 двухклассных сельских училищах» [22. Л. 328]. В народных аудиториях читались лекции по географии и истории воюющих стран, военно-агитационные рассказы о конкретных эпизодах боевых действий: «Общеввропейская война», «Франция – защитница идеалов человечества», «Великая жертва Польши», «Угнетенные славяне и Россия», «Турция, Константинополь и проливы», «Сербия», «Германия», «Основы современной европейской культуры и исторические судьбы Галиции» [24. С. 2]. Правительство делало все, чтобы не допустить революционную агитацию на народных чтениях.

Министерство просвещения публиковало в сибирских журналах правила об устройстве народных чте-

ний. Согласно правилам преподаватели начальных училищ имели право устраивать народные чтения для крестьян только с согласия и под наблюдением инспекторов по заранее утвержденному плану, чтобы исключить возможность проникновения в среду сельского населения революционных идей. С целью распространения христианских ценностей в деревне священникам было предоставлено право «устраивать народные чтения, не испрашивая на то чье-либо разрешения» [25. С. 16]. Как правило, темы народных чтений были сосредоточены вокруг трех разделов: ход военных действий, народная трезвость и религиозно-нравственное воспитание.

В качестве примера можно привести народные воскресные чтения в Петуховском сельском училище Томского уезда этой же губернии. За сентябрь–ноябрь 1916 г. состоялось 17 чтений для крестьян с. Петухово и окрестных деревень, на которых в среднем присутствовало до 20 мужчин и 80 женщин. Рассказы о народной жизни и событиях на фронте «по высочайше утвержденным изданиям» читали молодые учительницы этой школы. Чтения на религиозно-нравственные темы вел местный священник [26. Л. 4–4 об.].

Под строгий контроль в селах и деревнях были поставлены и народные библиотеки-читальни. Особенно контроль усилился с лета 1915 г., после поражения российской армии на русско-германском фронте и распространения широкой волны антивоенных настроений среди крестьянства. Согласно новым «правилам о народных библиотеках» от 20 мая 1915 г. «состав книг в народных библиотеках при низших учебных заведениях должен соответствовать образовательно-воспитательным целям; ввиду этого народные библиотеки состояются из книг и периодических изданий: а) допущенных Ученым Комитетом Министерства народного просвещения или училищным Советом при Св. Синоде, а равно Учеными (учебными) комитетами других ведомств в ученические библиотеки средних и низших учебных заведений, а равно и признанных заслуживающими внимания при пополнении народных читален и библиотек, а также для народных чтений; б) допущенных в общем порядке в публичные библиотеки и читальни, а равно и в учительские библиотеки низших учебных заведений» [10. Л. 16–16 об.; 27. С. 409]. Широко практиковалось бесплатное распространение изданий Главного управления по делам печати патриотического характера – «Русский солдат», «Что дает России победа», «Война и Государственная дума» и др.

Типичный состав книг для сельских народных библиотек выглядел следующим образом. Книги религиозного содержания: Никольский П.А. «Иисус Христос – спаситель мира», Хитрово В.Н. «К животворящему гробу господню», «Житие Св. Арсения, епископа Тверского»; книги по русской и зарубежной истории: Троицкий Д.И. «Низложение Наполеона», Полевой Н.А. «Драматические сочинения по русской истории», Сенигов И.П. «Герои Древней Греции»; по сельскому хозяйству: Маракуев В.Н. «Сельский огород», Тарапыгин Ф.А. «Сельскохозяйственные беседы: скотоводство», Кован Т.В. «Практическое пчеловодство»; антиалкогольные: Булгаковский Д.Г. «Как привыкают

к вину», «Водка сильна, но сильнее воля своя», «Водка до всего доведет»; произведения русских классиков: Пушкин А.С. «Сочинения», «Барышня-крестьянка», «Капитанская дочка», Гоголь Н.В. «Ревизор», а также сочинения Д. Дефо, К.М. Станюковича, Д.Н. Мамина-Сибиряка [28. С. 73].

Церковь также рассматривала внешкольное образование в деревне как одно из основных средств борьбы с распространением революционных настроений среди крестьянства, читая во время воскресных народных чтений проповеди патриотического и религиозно-нравственного содержания. К моменту Февральской революции в деревне, помимо народных библиотек-читален при церковно-приходских школах, работало практически только макушинское Общество содействия устройству бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, которое открыло до 500 народных бесплатных библиотек-читален [29. С. 106–107].

По подсчетам А.Д. Киржница, в 1915 г. в Западной и Восточной Сибири насчитывалось 4 481 одно- и двухклассное училища [30. С. 2], а к началу 1917 г. в Западной Сибири возникло еще 188 подобных школ, в том числе в Томской губернии – 127 [4. С. 1; 31. С. 15]. Такого количества начальных училищ для обширнейшего края было явно недостаточно, на что указывает низкий уровень грамотности сельского населения [32. С. 61].

Сельские кооперативы Томской губернии, сделав за время войны огромный шаг в своем экономическом развитии, не сделали такого же шага в культурной области. Здесь успехи потребительских, кредитных и маслодельческих обществ были гораздо скромнее. Широкое развитие получил только любительский кооперативный театр. Театральные постановки были необычным, ярким явлением в жизни деревенских обывателей. Они собирали сотни зрителей из окрестных селений. Ситуация кардинально меняется только с началом революционных событий 1917 г. Журналы и газеты того времени пестрели сообщениями об открытии кооперативных народных домов, культурно-просветительных кружков, которые проводили воскресные чтения, организовывали бесплатные библиотеки, покупали кинематографические аппараты, ставили с участием сельской молодежи спектакли по произведениям А.И. Островского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого [33. С. 6; 34. С. 126; 35. С. 17].

Правительство запрещало политическим ссыльным в любой форме участвовать в культурно-просветительной работе кооперативов (быть учителями воскресных школ, работниками бесплатных библиотек, лекторами на народных чтениях, участвовать в любительских спектаклях). В первую очередь эти ограничения были направлены против большевиков, многие из которых перед Февральской революцией работали в кооперативах на рядовых должностях кассиров, счетоводов и т.д. Достаточно назвать имена Я.М. Свердлова, О.А. Пятницкого, А.Ф. Иванова и др. Несомненно, они способствовали развитию культурно-просветительной деятельности местных кооперативов, но старались придать ей политический характер. Так, социал-демократический журнал «Обский кооператор»,

в издании которого участвовали и большевики, писал: «...кооперация в своей просветительной деятельности должна брать глубокий пласт, широко захватывать вопросы жизни, давать народу ответ на главные, волнующие его душу вопросы» [36. С. 38]. В то же время, когда на общем собрании Комитета содействия сибирской кооперации при Томском обществе изучения Сибири (21–24 октября 1916 г.) обсуждались тезисы «По вопросу о культурно-просветительной деятельности кооперативов», то по настоянию большевика А.Ф. Иванова туда были включены пункты с требованием дальнейшего развития кооперативного народного театра, который «с финансовой стороны должен быть поддержан крупными кооперативными центрами» [37. С. 38].

Однако, рассматривая деятельность сибирских сельских кооперативов (в том числе и в культурно-просветительной области) перед революционными событиями 1917 г., нельзя не согласиться со старым большевиком В.И. Вельманом, который писал, что «в кооперативном движении преобладали эсеры, руководящие органы союза сибирских кооперативов и большинства местных обществ были почти целиком в их руках. Здесь заключалась главная база деятельности эсеров... Эсеровское влияние в кооперации было велико» [38. С. 169]. Как известно, эсеры, в отличие от большевиков, в вопросах внешкольного образования шли в русле политики правительства, направленной на воспитание патриотизма. Так, Западно-Сибирский съезд крестьянских депутатов, проходивший в июне 1917 г. в г. Омске под председательством видных эсеров П.Я. Дербера и В.В. Паскевича, отметил в своих решениях, что силами местных работников советов крестьянских депутатов региона в селах и деревнях читались лекции на следующие темы: «1. Война, необходимость поддержки армии, необходимость окончить войну, мир без захватов и контрибуций. 2. “Заем свободы” и его значение для финансовой жизни России. 3. Временное правительство, его состав, доверие к его действиям. 4. Учредительное собрание и его роль в будущем России. 5. Что такое советы крестьянских депутатов. 6. Земельный вопрос во Всероссийском Совете крестьянских депутатов. 7. Борьба с пьянством мерами культурного воздействия» [39. С. 7].

После Февральской революции 1917 г. в Томской губернии партия социалистов-революционеров получила определенные преимущества в области культурного, культурно-просветительного и политического влияния на сибирское, в том числе и томско-алтайское, крестьянство в связи с оттоком за Урал, в Европейскую часть России, и крупные города Сибири большей части работавших в сельских кооперативах ссыльных большевиков. Поэтому летом и осенью 1917 г. городские и сельские организации эсеров посылали в деревню десятки и сотни инструкторов по культурно-просветительной работе, агитаторов и пропагандистов.

Кстати говоря, несмотря на то что чисто формально постановлением Временного правительства в Петрограде 13 мая 1917 г. Томская губерния была разделена на две с выделением из нее Алтайской губернии с уездами Барнаульским, Бийским, Каменским, Змеи-

ногорским и Славгородским, формирование самостоятельной административно-территориальной единицы – Алтайской губернии с центром в Барнауле – шло крайне медленно, и фактически небольшая аграрная Алтайская губерния, тяготевшая к Томску и Томской губернии, отделилась от нее только во время выборов во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре того же 1917 г. [40. Л. 5; 41. Л. 150].

Вновь образованные центры культурно-просветительской работы на селе в совокупности с возникшими еще до Февральской революции внешкольными обществами вносили определенный вклад в культурное развитие крестьянства. Крестьяне под руководством местной интеллигенции (учителя, счетоводы, писари) по-прежнему ставили пьесы классиков русской сцены, организовывали концерты самодеятельных хоров и оркестров. На Алтае, где в числе инструкторов культурно-просветительного отдела кооперативов были и большевики (А.Л. Хасин, В.И. Устинович, В.И. Уднов), кое-где возникли воскресные школы для крестьян (с. Гоньба, Шелаболиха, Гонохово и др.), в которых занималась главным образом молодежь.

Однако в условиях политизации населения, борьбы политических партий за влияние на крестьянство в деятельности инструкторов и образованных ими культурно-просветительных обществ на первый план выдвинулись агитационно-пропагандистские формы внешкольного образования (чтения, лекции, народные бесплатные библиотеки, распространение политической литературы). Так, влиятельный сибирский эсер В.Н. Махов, заведующий инструкторским отделом Мариинского товарищества кооперативов, делая обзор за первую половину 1917 г., писал: «Инструкторы использовались для устройства лекций, рефератов, митингов» [42. С. 11]. Культпросветработники кооперативов на крестьянских сходах, перед аудиторией образованных ими обществ и кружков внешкольного образования разъясняли крестьянам вопросы войны и мира, рассказывали о Временном правительстве, Учредительном собрании, «Займе свободы», затрагивали вопросы о земле. Поскольку подавляющее большинство инструкторов культурно-просветительных отделов кооперативов разделяли взгляды социалистов-революционеров, то, естественно, их устная агитация и пропаганда имели определенную партийную направленность.

Надо сказать, что большевики понимали опасность эсеровской пропаганды через систему внешкольного образования кооперативов и где могли противодействовали ей. Так, на Алтае в образовавшемся 8 апреля 1917 г. «как внепартийной организации неторговых отделов Алтайского центрального кредитного союза и Алтайского союза кооперативов» культурно-просветительном отделе Алтайских кооперативов активно пропагандировали ленинские идеи большевики и сочувствовавшие им И.Г. Зобачев, А.Л. Хасин, В.И. Устинович и др. К примеру, А.Л. Хасин за август–сентябрь 1917 г. побывал в десятках сел и деревень, прочитал там лекции по волнующим крестьянство вопросам, организовал 20 культурно-просветительных обществ. В.И. Устинович в октябре–ноябре того же года посетил 34 селения, прочитал 34 лекции на политические

темы, на которых присутствовало до 200–400 местных жителей [43. С. 32].

Другой формой борьбы политических партий за влияние на крестьянство было использование ими периодической (газеты, журналы) и непериодической (листовки, однодневные газеты) печати, народных бесплатных библиотек, пополняемых политической литературой. Так, издательства проэсеровских неторговых отделов потребительских, кредитных, маслодельческих обществ и их союзов издали в период от февраля к октябрю сотни тысяч листовок, посвященных Временному правительству, Учредительному собранию, вопросу о земле и т.д., используя для их распространения сложившуюся систему внешкольного образования и культурно-просветительской работы кооперативов.

Наиболее широко политические листовки распространялись на Алтае культурно-просветительными отделами местных кооперативов. «Идя навстречу потребностям момента, – писали его руководители, – отдел прежде всего сразу же принялся за издательство политических листовок, написанных понятным для народа языком» [44. Л. 138]. Достаточно сказать, что к осени они рассылались в 559 культурно-просветительных обществ и кооперативов. Всего за 1917 г. отделом было напечатано 902 250 листовок тридцати названий («Из-за чего воюем», «Что такое Учредительное собрание», «Гражданские свободы», «Свобода и земля», «Социал-демократы», «Социалисты-революционеры», «Кто такие большевики и чего они хотят», «Заем свободы», «Свобода и христианская вера», «О необходимости внешкольного образования» и др.) [43. С. 6].

Большинство листовок печатались под девизом: «В единении – сила!» Образцом такого рода литературы являлась прокламация «Свобода и христианская вера» священника Ин. Серышева (секретаря культурно-просветительного отдела Алтайских кооперативов), в которой автор ищет истоки гражданских свобод новой России в Евангелии. В заключение Ин. Серышев пишет: «Евангелие благославляет борцов за свободу, борцов за правду, за братство и равенство, ибо “блаженны изгнанные правды ради”». Листовка была отпечатана тиражом 40 тыс. экземпляров [44. Л. 106–107].

В сотнях бесплатных народных библиотек сел и деревень губернии в 1917 г. наряду с ежедневными и еженедельными газетами политических партий оседали тысячи экземпляров кооперативных изданий: «Томский кооператор», «Алтайский крестьянин» (Барнаул), «Народные мысли» (Мариинск) и др. Эти кооперативные журналы враждебно встретили июльские события и особенно Октябрьскую революцию, отразив на своих страницах взгляды и настроения руководства сибирских кооперативных союзов, «Закупсбыта» [45. Л. 112; 46. С. 2–3; 47. Л. 13]. Так, журнал «Алтайский крестьянин» (орган неоднократно упоминавшегося выше культурно-просветительного отдела Алтайских кооперативов, редактор – меньшевик П.А. Казанский), давая оценку июльским событиям в Петрограде, повторил сообщения столичных газет о связи большевиков с правительством Германии. В редакционной статье журнала за 15 июля 1917 г. говорится:

«По столице производились аресты главарей восстания. Надо думать, что восстанием хотели воспользоваться немецкие шпионы...» [48. С. 2]. И крестьяне часто верили подобным сообщениям.

Летом и осенью 1917 г. инструкторы культурно-просветительных отделов местных кооперативов, образуя общества внешкольного образования на селе, читая лекции, не забывали и об организации народных библиотек, изб-читален. Только на Алтае за май–октябрь 1917 г. возникло 140 таких библиотек [49. С. 29]. В значительной степени они были заполнены популярными брошюрами о земле, мире, Временном правительстве, Учредительном собрании, которые рекомендовал библиотекам культурно-просветительный отдел. Тут же были представлены и работы теоретиков внешкольного образования – В.П. Вахтерова, Е.Н. Медынского. К примеру, книжный склад неторгового отдела Мариинского союза кооперативов (неторговый отдел возглавлял эсер В.Н. Махов) продал народным бесплатным библиотекам и населению уезда за март–октябрь 1917 г. политической литературы на сумму 31 387 руб. Если принять во внимание, что основную массу изданий составляли популярные брошюры стоимостью 10–20 коп., то их количество нужно признать значительным [46. С. 12].

Большевики-инструкторы культурно-просветительных отделов кооперативов на Алтае, открывая библиотеки-читальни для крестьян, посылали туда партийные издания. Как, например, М.К. Цаплин закупал для культурно-просветительного отдела Алтайских кооперативов большевистскую партийную литературу. В отдельных случаях большевики помещали свои работы в массовых сибирских изданиях для крестьян – кооперативных журналах [50. С. 4–6]. Также накануне Октябрьской революции немногочисленные местные большевистские газеты («Сибирская правда», «Голос труда», «Сибирский рабочий», «Товарищ»), брошюры, книги попадали в деревни и села Томской губернии с помощью партийных пропагандистов, агитаторов и солдат, отпущенных на полевые работы.

Социально-экономические и политические особенности развития томской деревни в 1917 г. (меньшая острота аграрного вопроса, более высокий удельный вес зажиточного крестьянства, отсутствие до осени самостоятельных большевистских организаций и, как следствие этого, – известная слабость работы большевиков в деревне), а также то, что еще накануне Фев-

ральской революции эсеры захватили руководство в культурно-просветительных организациях местных кооперативов, позволило социалистам-революционерам развернуть широкую политико-просветительную деятельность среди крестьянства и временно привлечь их на свою сторону. Однако в дальнейшем объективную основу успехов политико- и культурно-просветительной работы большевиков в томской деревне составляло совпадение основных положений аграрной программы большевиков с устремлениями крестьян в деле решения аграрного вопроса.

Таким образом, из-за отсутствия в томской деревне до лета 1917 г. земств и недостаточной заинтересованности правительства в деле просвещения крестьянства организацией внешкольного образования первоначально занимались общественно-культурные общества. Наибольшее распространение получили общества попечения о начальном и народном образовании. Они занимались не только начальными школами, но и устройством воскресных школ для взрослых, устраивали бесплатные библиотеки-читальни, открывали любительские театры. Деятельность многих из них вышла за рамки городов и охватила сельскую местность. Во время же Первой мировой войны, стараясь оградить внешкольное образование от влияния демократических и революционных сил, правительство резко увеличило количество народных чтений и бесплатных библиотек-читален на селе, чему в немалой степени способствовала и деятельность неторговых отделов кооперативов. В результате проникновения в культурно-просветительные организации представителей революционных партий и налаживания ими политического просвещения населения происходила политизация крестьянства, чего так сильно пыталось избежать правительство. После Февральской революции теперь уже между различными политическими силами развернулась борьба за влияние над культурно-просветительными организациями с целью привлечения на свою сторону крестьянства, чисто культурные запросы которого были во многом забыты.

Культурная жизнь сельского населения провинциальной, зауральской Томской губернии конца XIX и начала XX в., особенно периода Первой мировой войны и революционного 1917 г., – это яркая иллюстрация знаменитой блоковской триады о нераздельности и одновременно неслиянии жизни, искусства и политики в культуре революционного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большаков В.Н., Плотников А.Е. О грамотности, общем и профессиональном образовании рабочих в дореволюционной Сибири // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. С. 13–31.
2. Сибирская газета (Томск). 1884. 28 окт.
3. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Общий ход развития школьного дела в Сибири. Новониколаевск : Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. 246, IV с.
4. Состояние начального образования в Томской губернии в 1916 г. // Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания (20 апреля – 18 мая 1917 г.). Томск, 1917.
5. Карташова Т.П. Отражение в документах канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа процесса создания просветительных обществ конца XIX в. (по материалам ГАТО) // Документ в системе социальных коммуникаций. Томск, 2008. С. 244–247.
6. Карташова Т.П. Издательская и книготорговая деятельность Общества попечения о начальном образовании в г. Томске // Региональное книговедение: Сибирь и Дальний Восток. Новосибирск, 2008. С. 142–155
7. Войтик П.Д. Из истории народных чтений в Западной Сибири // Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1975. Вып. 20. С. 59–66.
8. Сибирская газета (Томск). 1883. 17 янв.

9. Сибирский вестник (Томск). 1894. Прибавление к № 124.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 6887.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1696.
12. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 179.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4879.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4887.
15. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4888.
16. ГАТО. Ф. Р-1582. Оп. 1. Д. 4.
17. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2975.
18. Алексеева В.К. Культурно-просветительная деятельность сибирских кооператоров в дореволюционный период // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX вв. Новосибирск, 1986. С. 133–139.
19. Алекторов А.Е. Внешкольное образование в Западно-Сибирском учебном округе // Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. 1917. Ч. LXVII, № 2.
20. Народное образование и церковное достояние в III Государственной думе : речи, доклады, статьи Е. П. Ковалевского / сост. А. А. Ольгинский. СПб. : Тип. Р.В. Коротаевой, 1912. Ч. 1: Народное образование. III, 358 с.
21. Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. 1916. Ч. XIV, август.
22. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3084.
23. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 72. Оп. 1. Д. 6.
24. Утро Сибири (Томск). 1915. 13 сент.; 1916. 13 нояб.
25. Алтайский крестьянин (Барнаул). 1917. № 3.
26. ГАТО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 38.
27. Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу (Томск). 1915. № 6.
28. Косых Е.Н. К истории внешкольного образования в сибирской деревне (август 1914 – февраль 1917 гг.) // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976. С. 65–75.
29. Прокошев П.А. Краткий очерк жизни и деятельности Петра Ивановича Макушина // Известия томского городского общественного управления. 1916. № 1-2.
30. Киржниц А.Д. Начальное образование в Сибири // Сибирь (Иркутск). 1916. 6 мая; 8 июня. [Без учета данных по Дальнему Востоку.]
31. Шамахов Ф.Ф. Начальная школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.) // Ученые записки / Том. пед. ин-т. Томск, 1958. С. 3–77.
32. Доклад комиссии по народному образованию при губернском народном собрании // Школа и жизнь Сибири (Томск). 1917. № 1. С. 61.
33. Обский кооператор (Новониколаевск). 1916. № 2-3.
34. Сибирское сельское хозяйство (Томск). 1916. № 6.
35. Алтайский крестьянин (Барнаул). 1916. № 1.
36. Обский кооператор (Новониколаевск). 1916. № 10-11.
37. Иркутский хозяин. 1916. № 10-11.
38. Вельман В. Февральская революция в Сибири // Пролетарская революция (Москва). 1925. № 3 (38).
39. Протоколы заседания Западно-Сибирского съезда крестьянских депутатов в городе Омске. Омск, 1917.
40. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 24.
41. ГАТО. Ф. Р-1118. Оп. 1. Д. 2.
42. Народные мысли (Мариинск). 1917. № 6.
43. Доклад о деятельности культурно-просветительного отдела Алтайских кооперативов за 1917 год общим собраниям Алтайских кооперативных союзов. Барнаул, 1918.
44. ГААК. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1.
45. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 51. Оп. 1. Д. 914.
46. Народные мысли (Мариинск). 1917. № 11-12.
47. ГАО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 86.
48. Алтайский крестьянин (Барнаул). 1917. № 26.
49. Алтайский крестьянин (Барнаул). 1917. № 41.
50. Цаплин М. Кто такие большевики и чего они хотят // Алтайский крестьянин (Барнаул). 1917. № 29.

Evgenii N. Kosykh, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: history@tsuab.ru

Konstantin V. Fadeev, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fadeevk@rambler.ru

Svetlana V. Andryukova, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryukova@rambler.ru

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES AMONGST PEASANTS OF THE TOMSK PROVINCE (1880–1917)

Keywords: cultural and educational work; out-of-school education; public education; Tomsk village; cultural life.

The article examines the cultural life and “out-of-school education” in the Tomsk province, which in those years occupied the territory of the modern Tomsk, Kemerovo, Novosibirsk regions and the Altai Territory, i.e. in the most populated part of Western Siberia, where peasants accounted for more than 90% of the population.

The source base of our research was made by a wide range of the archival and published sources, various on capacity and content: current records, reference works, periodical press, materials of a personal origin.

The methodology and research technique include three main levels: general scientific, general historical and concrete-historical; our scientific text is based on the principles of objectivity and historicism; historiographic, comparative historical, genetic historical and bibliographic methods have been used among concrete-historical ones.

Due to the lack of zemstvos in the Tomsk village until the summer of 1917 and the insufficient interest of the government in enlightening the peasantry, public-cultural societies were initially engaged in the organization of out-of-school education. The most widely used of the Society for the care of primary and public education. They were engaged not only in elementary schools, but also in setting up Sunday schools for adults, they organized free libraries and reading rooms, opened amateur theaters. The activities of many of them went beyond the scope of cities and encompassed the countryside. During the First World War, trying to protect out-of-school education from the influence of democratic and revolutionary forces, the government sharply increased the number of popular readings and free libraries in the village, which was largely facilitated by the activities of non-commercial cooperatives. As a result of the penetration into the cultural and educational organizations of representatives of the revolutionary parties and the establishment of political education of the people, they ultimately led to the politicization of the peasantry, which the government tried so hard to avoid. After the February

Revolution, the struggle for influence over cultural and educational organizations began to spread between various political forces in order to attract the peasantry to their side, whose purely cultural inquiries were largely forgotten.

The cultural life of the rural population of the provincial, trans-Ural Tomsk province of the late XIX and early XX centuries, especially the period of the First World War and the Revolutionary 1917, is a vivid illustration of the famous Bloc Triad about the inseparability and at the same time the unfolding of life, art and politics in the culture of the revolutionary time.

REFERENCES

1. Bolshakov, V.N. & Plotnikov, A.E. (1977) O gramotnosti, obshchem i professional'nom obrazovanii rabochikh v dorevolutsionnoy Sibiri [On literacy, general and professional education of workers in pre-revolutionary Siberia]. In: Razgon, I.M. & Fominykh, S.F. (eds) *Klassy i partii v Sibiri nakanune i v period Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Classes and Parties in Siberia on the Eve and During the Great October Socialist Revolution]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–31.
2. *Sibirskaya gazeta (Tomsk)*. (1884) 28th October.
3. Yurtsovsky, N.S. (1923) *Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri. Obshchiy khod razvitiya shkol'nogo dela v Sibiri* [Essays on the history of education in Siberia. General course of development of schooling in Siberia]. Novonikolaevsk: Sib. obl. gos. izd-vo.
4. Tomsk Provincial People's Assembly. (1917) *Sostoyanie nachal'nogo obrazovaniya v Tomskoy gubernii v 1916 g.* [Primary education in the Tomsk province in 1916]. Resolutions of the first session of the Tomsk Provincial People's Assembly (April 20 – May 18, 1917). Tomsk: [s.n.].
5. Kartashova, T.P. (2008) Otrazhenie v dokumentakh kantselyarii popechitel'ya Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga protsessa sozdaniya prosvetitel'nykh obshchestv kontsa XIX v. (po materialam GATO) [Reflection in the documents of the Office of the Trustee of the West Siberian educational district of the process of creating educational societies in the late 19th century (based on the GATO materials)]. In: Larkov, N.S., Fominykh, S.F. & Kharus, O.A. (eds) *Dokument v sisteme sotsial'nykh kommunikatsiy* [Document in the System of Social Communications]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 244–247.
6. Kartashova, T.P. (2008) Izdatel'skaya i knigotorgovaya deyatel'nost' Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Tomске [Publishing and bookselling activities of the Society for the Care of Primary Education in Tomsk]. In: Lyutov, N.S. (ed.) *Regional'noe knigovedenie: Sibir' i Dal'nii Vostok* [Regional Bibliology: Siberia and the Far East]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 142–155
7. Voytik, P.D. (1975) Iz istorii narodnykh chteniy v Zapadnoy Sibiri [From the history of popular readings in Western Siberia]. *Bibliotchnoe delo, bibliografiya i istoriya knigi v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 20. pp. 59–66.
8. *Sibirskaya gazeta (Tomsk)*. (1883). 17th January.
9. *Sibirskiy vestnik (Tomsk)*. (1894). Supplement to no. 124.
10. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 6887.
11. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 1696.
12. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 100. List 1. File. 179.
13. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 4879.
14. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 4887.
15. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 4888.
16. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1582. List 1. File 4.
17. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 2. File 2975.
18. Alekseeva, V.K. (1986) Kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost' sibirskikh kooperatorov v dorevolutsionnyy period [Cultural and educational activities of Siberian cooperators in the pre-revolutionary period]. In: Solvieva, E.I. (ed.) *Razvitie kul'tury sibirskoy derevni v XVII – nachale XX vv.* [Development of the culture of a Siberian village in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. pp. 133–139.
19. Alektorov, A.E. (1917) Vneshkol'noe obrazovanie v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge [Out-of-school education in the West Siberian educational district]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. LXVII (2).
20. Olginsky, A.A. (1912) *Narodnoe obrazovanie i tserkovnoe dostoyanie v III Gosudarstvennoy dume: rechi, doklady, stat'i E. P. Kovalevskago* [Public education and church property in the Third State Duma: speeches, reports, articles by E.P. Kovalevsky]. St. Petersburg: Tip. R.V. Korotaevoy.
21. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya. Novaya seriya*. (1916). XIV. August.
22. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 2. File 3084.
23. The State Archives of Altai Territory (GAAK). Fund 72. List 1. File 6.
24. *Utro Sibiri (Tomsk)*. (1915) 13th September.
25. *Altayskiy krest'yanin (Barnaul)*. (1917) 3.
26. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 167. List 1. File 38.
27. *Tsirkulyary po Zapadno-Sibirskomu uchebnomu okruge (Tomsk)*. (1915) 6.
28. Kosykh, E.N. (1976) K istorii vneshkol'nogo obrazovaniya v sibirskoy derevne (avgust 1914 – fevral' 1917 gg.) [On the history of out-of-school education in a Siberian village (August 1914 – February 1917)]. In: *Nekotorye voprosy istorii krest'yanstva Sibiri* [Some Questions of the History of the Siberian Peasantry]. Tomsk: [s.n.]. pp. 65–75.
29. Prokoshev, P.A. (1916) Kratkiy ocherk zhizni i deyatel'nosti Petra Ivanovicha Makushina [A brief outline of the life and work of Peter Ivanovich Makushin]. *Izvestiya tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1-2.
30. Kirzhnits, A.D. (1916) Nachal'noe obrazovanie v Sibiri [Primary education in Siberia]. *Sibir' (Irkutsk)*. 6th May.
31. Shamakhov, F.F. (1958) Nachal'naya shkola Zapadnoy Sibiri mezhdru dvumya burzhuazno-demokraticheskimi revolyutsiyami (1907–1917 gg.) [Primary school of Western Siberia between two bourgeois-democratic revolutions (1907–1917)]. *Uchenye zapiski Tomskogo pedagogicheskogo instituta*. pp. 3–77.
32. The Provincial People's Assembly. (1917) Doklad komissii po narodnomu obrazovaniyu pri gubernskom narodnom sobranii [Report of the Commission on Public Education at the Provincial People's Assembly]. *Shkola i zhizn' Sibiri (Tomsk)*. 1. pp. 61.
33. *Obskiy kooperator (Novonikolaevsk)*. (1916) 2-3.
34. *Sibirskoe sel'skoe khozyaystvo (Tomsk)*. (1916) 6.
35. *Altayskiy krest'yanin (Barnaul)*. (1916) 1.
36. *Obskiy kooperator (Novonikolaevsk)*. (1916) 10-11.
37. *Irkutskiy khozyain*. (1916) 10-11.
38. Velman, V. (1925) Fevral'skaya revolyutsiya v Sibiri [The February Revolution in Siberia]. *Proletarskaya revolyutsiya*. 3(38).
39. The West Siberian Congress of Peasant Deputies. (1917) *Protokoly zasedaniya Zapadno-Sibirskogo s'ezda krest'nyanskikh deputatov v gorode Omske* [Minutes of the meeting of the West Siberian Congress of Peasant Deputies in Omsk]. Omsk: [s.n.].
40. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1788. List 6. File. 24.
41. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1118. List 1. File 2.
42. *Narodnye mysli (Mariinsk)*. (1917) 6.

43. The Altai Cooperative Unions. (1918) *Doklad o deyatel'nosti kul'turno-prosvetitel'nogo otdela Altayskikh kooperativov za 1917 god obshchim sobraniyam Altayskikh kooperativnykh soyuzov* [Report on the activities of the cultural and educational department of Altai cooperatives in 1917 to the general meetings of the Altai Cooperative Unions]. Barnaul.
44. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund 236. List 1. File 1.
45. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund 51. List 1. File 914.
46. *Narodnye mysli (Mariinsk)*. (1917) 11-12.
47. The State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). Fund 144. List 1. File 86.
48. *Altayskiy krest'yanin (Barnaul)*. (1917) 26.
49. *Altayskiy krest'yanin (Barnaul)*. (1917) 41.
50. Tsaplin, M. (1917) Kto takie bol'sheviki i chego oni khotyat [Who are the Bolsheviks and what do they want]. *Altayskiy krest'yanin (Barnaul)*. 29.

УДК 94(47+57):741.5"1954/1964"
DOI: 10.17223/19988613/69/22

Е.А. Федосов

«ТОВАРИШУ ПЕРЦЕ!»: СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛЬНОЙ САТИРЫ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1954–1964)

Статья посвящена визуальной сатире Советской Украины периода холодной войны. Дана количественная и качественная характеристика сюжетов карикатур на международные темы, вышедших за 1954–1964 гг. Источником иллюстраций послужили украинский журнал «Перец» и газета «Правда Украины», а также общесоюзные издания «Крокодил» и «Правда». Общая источниковая база составила свыше 3 400 сатирических рисунков, которые были подвергнуты типологизации, а также частотному и сравнительному анализу. В результате выявлены особенности образно-символического ряда внешнеполитической сатиры УССР и определена ее специфика по сравнению с аналогичными материалами, опубликованными в печати союзного центра.

Ключевые слова: СССР; УССР; визуальная пропаганда; карикатуры; сатира; холодная война.

Современная Украина стала ареной крупного геополитического и цивилизационного конфликта. В этой связи представляется актуальным исследование истории функционирования различных идей на украинской почве. В рамках данной статьи обратимся к периоду 1954–1964 гг., который во многих отношениях был знаковым. С одной стороны, шел разгар противостояния с Западом, и различными средствами в советском обществе интенсивно формировался образ внешнего мира. А с другой стороны, именно с «хрущевским десятилетием» связывается особая активация украинского национального сознания, что вызывает определенный интерес к специфике республиканской партийной пропаганды того времени. Ниже она будет проанализирована на основе карикатур, которые стали одной из главных форм репрезентации политической идеологии на сатирическом фронте холодной войны.

Целью статьи является количественная и качественная характеристика визуальной сатиры на международные темы, вышедшей в УССР за период 1954–1964 гг., и последующее выявление ее региональных особенностей. Для этого необходимо обратиться к карикатурам, опубликованным не только в собственно республиканской, но и в центральной печати. Поэтому предмет исследования в равной мере составили материалы газет «Правда Украины» и «Правда», а также журналов «Перец» (укр. «Перець») и «Крокодил». В целом общая источниковая база всех четырех печатных изданий СССР составила свыше 3 400 сатирических рисунков на внешнеполитическую тематику, сюжеты которых были подвергнуты типологизации, а также частотному и сравнительному анализу.

Советские карикатуры на темы холодной войны относились к жанру политической, или международной, сатиры, которую следует отличать от бытовой, т.е. внутренней [1. С. 49]. По характеру публикации они разделялись на журнальные и газетные. И если первые печатались в результате примерно двухнедельной работы карикатуриста и редколлегии журнала, то вторые являлись намного более оперативным откликом сатирика на какое-либо значимое событие

или явление, который готовился порой уже к очередному номеру газеты [Там же. С. 50]. В силу своего профиля основной приток рисунков на внешнеполитические сюжеты обеспечивали именно сатирические журналы. Так, за 1954–1964 гг. украинский «Перец» напечатал 957 карикатур, общесоюзный «Крокодил» – 1 244. Причем по уровню интенсивности освещения международной повестки этот показатель – в пользу республиканского издания, поскольку оно выходило в полтора раза реже (2 выпуска в месяц против 3 у «Крокодила»). Газета «Правда Украины», выпускавшая шесть номеров в неделю, опубликовала 446 рисунков, тогда как ежедневная центральная «Правда» – 796. Хорошо заметно, что в отличие от московских коллег украинские газетчики обращались к жанру визуальной сатиры менее активно. Авторами карикатур, создававшихся в то время в УССР, являлись такие художники-сатирики, как К. Агнит, В. Гливенко, В. Зелинский, А. Козюренко, Б. Шаповал (Бе-Ша) и многие другие. На страницы рассматриваемых изданий также попадали работы иностранных карикатуристов из социалистических и даже западных стран. В общесоюзной печати, в среднем по периоду, примерно каждая пятая журнальная и каждая восьмая газетная карикатура имела зарубежное происхождение. Но среди республиканских материалов их доля оказалась еще выше: 37% в журнале и 43% в газете. Тем не менее данные рисунки вполне вписывались в общие с произведениями советских карикатуристов тенденции и при подсчетах учитывались как часть единого образно-символического ряда.

Массовый анализ всех имеющихся карикатур показал, что их сюжетные рамки складывались из четырех основных изобразительных приемов. Между ними не было строгой сюжетной границы, и они часто дополняли друг друга. Вместе с тем характер и динамика их применения показательны как параметры сравнения визуальной сатиры из украинской и общесоюзной печати. Первый – и наиболее распространенный – прием можно условно назвать *социально-политической стереотипизацией*. Объектом разоблачения и высмеива-

ния в данном случае выступали различные типажи, ассоциировавшиеся с правящими кругами Запада: политические деятели, военщина (милитаристы), капиталисты, шпионы, расисты, полицейские и т.п. И хотя, как правило, без труда угадывается их принадлежность к отдельным странам, подобные образы могли заполнять универсальные для всего западного мира сюжеты. Чаще всего в украинской печати высмеивались различные *политики*, которые фигурировали в 33% карикатур «Перца» и 37% – «Правды Украины». Нередко персонажи такого типа носили собирательный характер, но обличались и конкретные персоналии. Ярким примером тому служит рисунок Б. Шаповала «Лицо политики “свободного мира”» (на укр. яз.), изображавший американского президента Д. Эйзенхауэра «битым» после целого ряда политических провалов, к которым сатирик отнес события на Кубе, неудачные визиты в Японию и Южную Корею, инциденты со сбитыми самолетами-шпионами U-2 и RB-47 [2].

Несколько реже политиков в визуальной сатире СССР появлялись *капиталисты* (присутствовали в 28% журнальных и 20% газетных карикатур) и *милитаристы* (27 и 33% соответственно). Следует отметить, что в рассматриваемый период с капитализмом ассоциировался уже не только сам держатель капитала – круглый субъект в смокинге и цилиндре – но и довольно широкий круг социальных явлений, включавших и «массовую культуру», и западные «ценности». Этому, например, посвящен рисунок К. Зарубы «Искусство “свободного мира”, или Прибитые мешком» (на укр. яз.) [3]. Подразумевался долларовый мешок, который присутствовал в этом сюжете как действующий персонаж. Образы милитаристов черпались прежде всего из представлений об американской или западногерманской военщине, порой изображенной вместе и грозящей миру бомбами, ракетами, дубинами или топорами войны. Вариации на данную тему исчисляются не одной сотней примеров, поэтому отметим лишь, что даже сама холодная война наделялась чертами пентагоновца с орудийным дулом вместо носа (рис. 1) [4] или «боннского реваншиста» в рогатом шлеме [5]. Вследствие антиколониальной кампании, развернувшейся в СССР на рубеже 1950–1960-х гг., участились изображения еще одного варианта врага – *колониалиста*, которые охватили по 7% карикатур и в «Перце», и в «Правде Украины». Прочие типажи получили меньшее распространение. В целом по харак-

теру социально-политической стереотипизации образа врага визуальная сатира УССР незначительно отличается от аналогичных материалов «Крокодила» и «Правды», хотя в общесоюзной печати, особенно в газетах, персонажами карикатур милитаристы были намного чаще капиталистов. Видимо, в отличие от республиканских коллег, сатирики центра делали уже больший акцент именно на антивоенную, а не на классовую суть пропаганды.

Второй изобразительный прием следует обозначить как *национально-символическую стереотипизацию*. Ее основным выражением в условиях холодной войны закономерно стали американские символы: прежде всего знак доллара как эмблема господства США в западном мире или же Дядя Сэм как собирательное, всеми узнаваемое историческое олицетворение этой страны. Более частое их появление указывало на усиление антиамериканской пропаганды, что посвоему передавало градус напряженности в отношениях между Америкой и СССР. На основе показателей, приведенных в таблице, можно констатировать, что такого рода символика использовалась в карикатурах «Правды Украины» и особенно «Перца» даже интенсивнее, чем в общесоюзной печати. При этом если доллар обычно служил не более чем маркером, разоблачавшим всю подоплеку политики США, то Дядя Сэм выступал как полноценно действующий персонаж. На карикатурах он то показывал фокус, чтобы завладеть ближневосточной нефтью [6], то, уподобленный гоголевскому черту, качался на турецком полумесяце (рис. 2) [7], то, словно спрут, щупальцами душил национально-освободительное движение Лаоса [8], а то и получал жесткий отпор на Кубе [9]. По сюжету рисунка К. Зарубы «Подложили свинью» (на укр. яз.) заокеанский «дядько» и канцлер ФРГ К. Аденауэр подбросили к дому Джона Булля свинообразную ракету «Поларис», – именно так, смешением глубоко символических и реальных политических фигур, сатира представила появление нового ядерного оружия у британских берегов [10]. Заметим, что национальные символы Великобритании (в варианте Джона Булля или льва) также становились персонажами карикатур. Но и в украинской, и в общесоюзной печати они появлялись несколько реже своих американских аналогов и играли, скорее, подчиненную роль, что на языке сатирической метафоры выражало утрату Альбионом субъектности в рамках международных отношений.

Американские символы в советских карикатурах 1954-1964 гг.

Символы	«Крокодил»	«Перец»	«Правда»	«Правда Украины»
Доллар (\$)	18%*	23%	29%	24%
Дядя Сэм	4%	8%	5%	9%

* – долевой показатель от общего числа внешнеполитических карикатур, опубликованных данным изданием за период.

Для третьего характерного для советской сатиры приема применим термин «*дегуманизация*», она считается формой абсолютизации образа врага [11. С. 16–17] путем придания ему зооморфных или иных нечеловеческих черт. Однако, за исключением кратких периодов локальных конфликтов, когда карикатуристы стремились подчеркнуть антигуманную сущность агрессора или провокатора, бестиарий, скорее, служил

созданию комического эффекта. Иногда таким способом визуализировались целые враждебные явления: например, стервятник или волк – реакция, агрессия; змея – шпионаж, провокация; утка – лживая западная пресса и т.д. В газете «Правда Украины» данный прием применялся реже, чем в центральной «Правде» (11% против 14% рисунков). Но среди карикатур журнала «Перец» зооморфные персонажи занимали гораздо

более заметное место, чем в «Крокодиле» (13% против 6%). Целиком на аналогиях с животным миром построены, например, сюжеты В. Григорьева: «Американская золотая рыбка» (на укр. яз.), которая, подманив на доллары более мелких собратьев из Европы, готовится их проглотить [12]; «В империалистических чашах», где волк-американец хочет закусить зайцем-сателлитом свой виски [13]. Или же в работе В. Литвиненко «Небезопасный маникюр» (на укр. яз.) доктрина Даллеса–Эйзенхауэра предстала в виде кош-

ки, показавшей когти ближневосточной мышке [14]. Как можно убедиться, посредством зооморфных персонажей часто обыгрывались грубые политические отношения, царившие, с точки зрения советской сатиры, в буржуазном мире. Бестиарий любопытно сочетался и с образами других типов. Так, на карикатуре И. Романенко «Пригрели...» символизировавшая западногерманский реваншизм гадюка бросается и на символических Дядю Сэма с Джоном Буллем, и на «реального» Ш. де Голля! (рис. 3) [15].

Рис. 1. Худ. В. Гливенко.
Перец, 1960. № 14

Рис. 2. Худ. А. Козуренко.
Перец, 1957. № 23

Рис. 3. Худ. И. Романенко.
Правда Украины, 1961. 23 сент.

На змею из вышеупомянутого рисунка был надет «рогатый» немецкий шлем со свастикой, этот же знак многократно повторялся на ее шкуре. Данные атрибуты вкпе с различными пародиями на нацистскую униформу и исчезнувшей из сатиры персоналией Гитлера составляли четвертый изобразительный прием, который можно назвать *фашизацией* образа врага. После многолетнего опыта антифашистской пропаганды в условиях холодной войны так разоблачалась уже не столько идеология фашизма, сколько некое политическое поведение, которое могло определяться как реваншизм, ортодоксальный антикоммунизм, милитаризм и даже как предательство национальных или классовых интересов [16. С. 169]. Среди имеющихся материалов УССР и в журнале, и в газете фашизированные персонажи встречаются примерно в пятой части от общего числа карикатур (в общесоюзных «Крокодиле» и «Правде» этот показатель составил 19 и 27% соответственно). В основном они разоблачали западногерманскую правящую верхушку, а также лично канцлера-антикоммуниста Аденауэра. С 1954 г. подобная сатира стала откликом на постепенное вхождение ФРГ в систему западных военно-политических блоков, которое в СССР расценивали как ремилитаризацию и повторение гитлеровского пути. Этой проблеме, например, посвящены рисунки В. Литвиненко «В боннском ателье мод» и Б. Шаповала «Боннский американец» (оба – на укр. яз.) (рис. 4) [17, 18]. Впрочем, метод фашизации не ограничивался только западногерманскими сюжетами. Например, фашистская свастика присутствовала и в карикатуре на американское

праворадикальное «Общество Джона Берча», изображенное в виде обезьяноподобного существа, которое одновременно являлось упором для снайперской винтовки [19]. Данный рисунок вышел в самом начале 1964 г. и был явным намеком на причастность ультраправых к убийству Джона Кеннеди.

Исходя из характера применения основных изобразительных приемов, можно заключить, что в УССР карикатуры на международные темы почти полностью соответствовали общесоюзным тенденциям. Тем не менее в свое время в антологии советской сатирической журналистики о журнале «Перец», в частности, писалось как о продолжателе национальных традиций сатиры [20. С. 259]. Выше уже отмечалось, что на Украине несколько чаще, чем в центре, главными персонажами рисунков становились национально-символические фигуры или различные животные. Но только ли этим исчерпывалась специфика? Далее остановимся на сюжетах, которые практически не имели аналогов в общесоюзной печати.

Первое, что обращает на себя внимание, – это наличие в украинских материалах особого варианта образа врага. Его составляли те, кто в работе В. Гливенко получили название «САМостийники» (укр. «САМостійники») [21]. Сатирик крупно выделил в этом слове первые три буквы, обыграв особую тягу данных деятелей к долларам, которые Дядя Сэм (в варианте написания – Дядя Сам) выдавал им на шпионаж и диверсии против СССР. Данный тип врага нашел отражение в 37 карикатурах «Перца» за 1954–1964 гг., охватив около 4% рассмотренных рисунков

журнала, а в газете «Правда Украины» присутствовал лишь в паре сюжетов. Потрепанная одежда, казацкая шапка с гротескно длинным желто-синим шлыком, «петлюровский» тризуб, орнамент из свастики вместо национальной вышивки – таковы основные атрибуты карикатурного «буржуазного националиста»-самостийника. Чаще всего он появлялся в 1954 и 1957 гг., когда в свете празднования 300-летия воссоединения Украины и России, а затем и 40-летия советской власти, история общих побед народов СССР давала хороший повод высмеять многочисленных битых врагов. Вместе с тем этот образ не утрачивал и злободневного звучания. Так, сатирический сюжет о службе само-

стийника американскому капиталисту был помещен на обложку № 16 «Перца» за 1956 г. как иллюстрация к строкам И. Франко: «Народовець, прогресист, з кутасом мав шапку – Нині смирний канцеліст, Лижє старшим лапку» (рис. 5) [22]. Политической остротой отличалась карикатура В. Зелинского «На все руки мастер» (на укр. яз.), где напомиавший петлюровца субъект припадал сначала к руке кайзера, затем Пилсудского, Гитлера и, наконец, Дяди Сэма, одетого, как и предшественники, в военный мундир [23]. Самостийников изображали и в зооморфном виде: например, крысами на вашингтонской свалке (рис. 6) или воронами, каркавшими в микрофон «Радио Свободы» [24, 25].

Рис. 4. Худ. Б. Шаповал.
Перец. 1954. № 10

Рис. 5. Худ. А. Козюренко.
Перец. 1956. № 16

Рис. 6. Худ. В. Гливенко.
Перец. 1961. № 5

Отдельные сатирические удары наносились и по западным деятелям, высказывавшимся в антисоветском духе на тему Украины. К ним относился канадский политик Д. Дифенбейкер, представший в образе граммофона [26], или же некий американский профессор Мэннинг, изображенный на журнальной карикатуре собакой [27], а на газетной – свиньей [28]. При этом на фоне холодной войны редакция «Перца» поддерживала отношения с «прогрессивной» частью украинской диаспоры в западных странах, и в некоторых выпусках журнала были опубликованы произведения украинцев-сатириков из Канады [29]. В № 3 за 1958 г. на одной из страниц напечатали сразу четыре антиамериканских рисунка А. Шершня, проживавшего в США. Особо колоритны случаи, когда антипод враждебному явлению составляли элементы украинской культуры. Так, на карикатурах Б. Шаповала украинец в национальной вышитой рубашке, в свете известного хрущевского лозунга, вызывал Дядю Сэма соревноваться в производстве мяса, молока и масла [30], а сам Тарас Бульба порол американских кинематографистов за скверную экранизацию одноименного произведения Н. Гоголя (рис. 7) [31]. Отдельные выпуски «Перца» – № 5 за 1961 г. и № 5 за 1964 г. – были приурочены к 100-летию со дня смерти и 150-летию юбилею Т. Шевченко. И в них все рисунки, в том числе на международные темы, имели в качестве своей текстовой составляющей какую-либо

цитату классика украинской литературы. В другом номере по такому же принципу карикатуристы проиллюстрировали строки из «Энеиды» И. Котляревского [32].

В некоторых подписях к карикатурам заключалась еще одна заметная черта сатиры УССР. Время от времени основой для них служили народные поговорки и пословицы. Примеры тому немногочисленны – со всех номеров «Перца» и «Правды Украины» за 1954–1964 гг. их набралось 30, однако это число многократно превзошло единичные случаи из общесоюзной печати того времени. Журнальные карикатуры такого плана нередко представляли собой сборник рисунков одного или нескольких художников, объединенных в общее название-рубрику: «Старые слова про современные дела» [33], «Поговорки народные про хлопоты международные» [34] или же «Народ скажет – как завяжет» (все – на укр. яз.) [35]. Аналогично назывался цикл работ В. Гливенко, который составил визуальный ряд для обложки № 20 «Перца» за 1963 г., вышедшего к празднику Октября. На таких карикатурах высмеиваемый враг появлялся практически во всех возможных вариантах: от конкретных «портретно» изображенных политиков до различных реакционеров, представленных собаками или чертями. Например, украинское выражение «Говорил пан: – кожух дам...» (на укр. яз.) карикатурист А. Козюренко превратил в целую галерею разнотипных образов, связанных с проблемой

ремилитаризации ФРГ: пан, т.е. Дядя Сэм, уверяет французскую Марианну, что от фашиста-Вермахта (именно так тогда изображался «боннский реваншизм») ее защитит не по-солдатски круглый и пожилой Томми – типичный британец с моноклем и игрушечным ружьем (рис. 8) [36]. «Звериная» метафорика множества пословиц закономерно сделала животных частыми персонажами подобных карикатур. «НА ТО и щука, чтоб карась не дремал» или «НА ТО свинье дано

рыло, чтоб оно рыло...» (рис. 9) [37, 38], – по обыгранным таким способом поговоркам и зооморфным персонажам читатель получал и яркий образ Североатлантического альянса, и намек на хищнический характер отношений между государствами блока. А выражение «Мухи съели коня, а волк помогал» (на укр. яз.) и рисунок с растолстевшим хищником, олицетворявшим гонку вооружений, доходчиво иллюстрировал, на что уходит большая часть бюджета США [39].

Рис. 7. Худ. Б. Шаповал. Перець. 1963. № 4

Рис. 8. Худ. А. Козюренко. Перець. 1955. № 10

Рис. 9. Худ. Р. Матусевич. Правда Украины. 1958. 1 мая

Проведенный анализ визуальной сатиры советской Украины периода 1954–1964 гг. позволяет свидетельствовать о весьма глубоком ее погружении в глобальную повестку, поскольку интенсивность публикации карикатур на международные темы была здесь вполне сопоставима с уровнем центральной печати. В целом республиканские материалы закономерно развивались в рамках тех же приемов и тенденций, что и общесоюзные, хотя проявились и свои специфические черты. К ним следует отнести, во-первых, актуализацию «локального» варианта образа внешнего врага в лице осевшего на Западе националиста-«самостийника», во-вторых, некоторое тяготение сюжетов карикатур к национально-символическим и зооморфным персонажам, в-третьих, наличие примеров этнокультурного подхода к сатире, на что указывают и отсылки к классикам украинской литературы, и даже публикации рисунков зарубежных украинцев. Наконец, особый колорит в сатирические материалы вносило использование

народных поговорок и пословиц. При этом данная специфика более объемно отразилась на страницах «Перца», что можно объяснить разницей в практике работы над газетными и журнальными карикатурами. Для газет рисовали быстро, и, возможно, поэтому в ход обычно шел стандартный для всей советской сатиры набор визуальных и текстовых метафор. Но в случае с журналами у карикатуриста было достаточно времени, чтобы продумать интерпретацию темы и, если нужно, придать ей большую оригинальность и самобытность. Важно отметить, что вышеперечисленные особенности порой проявлялись в комплексе и выстраивались в единую сюжетную логику. Присутствуя в карикатурах, они приносили в политическую информацию мотивы сказки или басни. Должно быть, этим и обусловлено основное отличие сатиры УССР от материалов, которые выпускал союзный центр, чаще предлагая читателям более реалистические образы холодной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимов Б.Е. Основы понимания карикатуры. М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. 71 с.
2. Перець. 1960. № 16.
3. Перець. 1960. № 21.
4. Перець. 1960. № 14.
5. Перець. 1959. № 18.
6. Перець. 1955. № 14.
7. Перець. 1957. № 23.
8. Правда Украины. 1960. 17 дек.
9. Перець. 1962. № 22.
10. Перець. 1961. № 13.
11. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.
12. Перець. 1954. № 1.

13. Перець. 1961. № 24.
14. Перець. 1958. № 3.
15. Правда Украины. 1961. 23 сент.
16. Федосов Е.А. Фашизация образа врага в советской визуальной пропаганде начального периода холодной войны (1946–1964 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 163–171.
17. Перець. 1954. № 7.
18. Перець. 1954. № 10.
19. Перець. 1964. № 1.
20. Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать. 1917–1963. М. : Госполитиздат, 1963. 483 с.
21. Перець. 1954. № 9.
22. Перець. 1956. № 16.
23. Перець. 1960. № 12.
24. Перець. 1961. № 5.
25. Перець. 1964. № 5.
26. Перець. 1962. № 5.
27. Перець. 1956. № 6.
28. Правда Украины. 1956. 4 марта.
29. Перець. 1955. № 7.
30. Перець. 1957. № 16.
31. Перець. 1963. № 4.
32. Перець. 1963. № 21.
33. Перець. 1960. № 20.
34. Перець. 1961. № 20.
35. Перець. 1957. № 24.
36. Перець. 1955. № 10.
37. Правда Украины. 1957. 15 дек.
38. Правда Украины. 1958. 1 мая.
39. Перець. 1964. № 20.

Egor A. Fedosov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

«COMRADE PEPPER!»: THE SPECIFIC OF VISUAL SATIRE OF THE SOVIET UKRAINE IN CONDITIONS OF THE COLD WAR (1954–1964)

Keywords: USSR; UkrSSR; visual propaganda; caricatures; satire; Cold War.

The article is devoted to the visual satire of the Soviet Ukraine of the Cold War times. Within the framework of quantitative and qualitative characteristic to the plots of caricatures on the international topics, appeared during the period of 1954-1964, the author aims to definite the specialties of imaginative and symbolic content of the Ukrainian satirical drawings and to reveal their specific by comparison to the similar publications, which were printed in the press of Union center. All the illustrations were extracted from the Ukrainian magazine “Perets” [“Pepper”] and the newspaper “Pravda Ukrainy” as well as all-Union periodicals “Krokodil” [“Crocodile”] and “Pravda”. The general source base approaches more than 3400 caricatures, which were typologized and explored by frequency and comparative analyses.

The study shows, the intensity of publishing of the satirical drawings of international topics in the UkrSSR was comparable with the level of the central press. As in the whole Soviet satire, imaginative and symbolic content compounded of four main figurative methods: socio-political and national-symbolic stereotyping, dehumanization (reflecting enemy by zoomorphic features), fascization. The regional specificity emerged stronger in the pages of the “Perets”, what should be explained through the difference between the practice of the creation of the caricatures for newspapers and magazines. The first ones usually were drawn more quickly, so the more standard set of the textual or visual metaphors of the whole Soviet satire was used. But in the cases of magazines cartoonists had enough time to think over the interpretation of topic and, if necessary, to make it more original and authentic. In general, to the specialties of visual satire of the UkrSSR it should be referred: firstly, the actualization of “local” variant of the outer enemy image such as nationalist-“samostiynik”, who settled in the West; secondly, the urge of the satirical drawings to national symbols and various zoomorphisms; thirdly, the presence of ethno-cultural motives to the approaches of caricatures’ plots, indicated through the references to the classics of Ukrainian literature and even publishing of the foreign Ukrainians’ drawings; finally, using the folk sayings and proverbs as the texts for caricatures made the special color. All the above-mentioned features may appear in complex and line up to the joint narrative logic, bringing to the political information about the Cold War motives of a tale or a fable.

REFERENCES

1. Efimov, B.E. (1961) *Osnovy ponimaniya karikatury* [The basics of understanding cartoons]. Moscow: USSR Academy of Arts.
2. *Perets*. (1960a) 16.
3. *Perets*. (1960b) 21.
4. *Perets*. (1960c) 14.
5. *Perets*. (1959) 18.
6. *Perets*. (1955a). 14.
7. *Perets*. (1957a) 23.
8. *Pravda Ukrainy*. (1960) 17th December.
9. *Perets*. (1962) 22.
10. *Perets*. (1961a) 13.
11. Senyavskaya, E.S. (2006) *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evolyutsiya “obraza vruga” v soznanii armii i obshchestva* [Russia's opponents in the wars of the twentieth century: the evolution of the “enemy image” in the minds of the army and society]. Moscow: ROSSPEN.
12. *Perets*. (1954a) 1.
13. *Perets*. (1961b) 24.
14. *Perets*. (1958) 3.
15. *Pravda Ukrainy*. (1961) 23rd September.

16. Fedosov, E.A. (2017) The fascization of the enemy image in the Soviet visual propaganda at the beginning of the Cold War (1946-1964). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 163–171. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/20
17. *Perets'*. (1954b) 7.
18. *Perets'*. (1954c) 10.
19. *Perets'*. (1964a) 1.
20. Stykalin, S.I. & Kremenskaya, I.K. (1963) *Sovetskaya satiricheskaya pechat'. 1917–1963* [Soviet satirical press. 1917–1963]. Moscow: Gospolitizdat.
21. *Perets'*. (1954d) 9.
22. *Perets'*. (1956a) 16.
23. *Perets'*. (1960d) 12.
24. *Perets'*. (1961c) 5.
25. *Perets'*. (1964b) 5.
26. *Perets'*. (1962) 5.
27. *Perets'*. (1956b) 6.
28. *Pravda Ukrainy*. (1956) 4th March.
29. *Perets'*. (1955b) 7.
30. *Perets'*. (1957b) 16.
31. *Perets'*. (1963a) 4.
32. *Perets'*. (1963b) 21.
33. *Perets'*. (1960e) 20.
34. *Perets'*. (1961d) 20.
35. *Perets'*. (1957c) 24.
36. *Perets'*. (1955c) 10.
37. *Pravda Ukrainy*. (1957) 15th December.
38. *Pravda Ukrainy*. (1958) 1st May.
39. *Perets'*. (1964c) 20.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 329.8

DOI: 10.17223/19988613/69/23

А.А. Лыкова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)

Представлен анализ состояния и содержания источниковой базы по изучению региональных отделений политических партий в Республике Алтай. Проведена систематизация корпуса источников. Отдельно выделяются и характеризуются различные группы источников. Включен функциональный анализ взаимодействия системы региональных отделений политических партий и внешней среды посредством документооборота. Представлены выводы о состоянии источниковой основы изучения деятельности региональных отделений политических партий в Республике Алтай.

Ключевые слова: политические партии; региональные отделения; Республика Алтай.

Политическая структура Российской Федерации претерпевает изменения с каждым новым электоральным циклом. Неудивительно, что вопрос участия политических партий и их региональных отделений в выборах всегда находится в зоне внимания ученых различных областей – историков, политологов, юристов. Несмотря на то, что круг источников по истории политических партий довольно обширен, специалисты сталкиваются с проблемами поиска информации по этой теме, особенно на региональном уровне.

С распадом Советского Союза в России произошли значительные преобразования государственно-политического характера. Многие регионы изменили свой правовой статус, были реформированы, а их границы изменены. Неоднократное перемещение Государственного архива и архивохранилища социально-правовой документации Республики Алтай, удаленность от центра административно-территориальной единицы, в состав которой ранее входила Республика Алтай (Сибирский, Западно-Сибирский, Алтайский края), повлияли на сохранность и полноту документов фондов государственного архива. Кроме государственных архивов существуют архивы самих региональных отделений политических партий, однако в целом следует признать состояние этих архивов неудовлетворительным: многие документы безвозвратно утеряны. Можно выделить следующие причины этого явления: реструктуризации региональных отделений политических партий, частые переезды, а также несоответствие правилам архивного хранения. Архивы некоторых региональных отделений политических партий представляют из себя коробку с агитационными листовками различных периодов. Совершенно очевидно, что сегодня для изучения становления и развития регио-

нальных отделений политических партий кроме архивных в привычном понимании источников информации необходимо использовать многие другие.

Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай имеет сайт, на котором представлен электронный архив. Существует фонд с документацией общественных организаций, но документов политических партий или общественных объединений политического характера там не значится. Часть фондов имеет место хранения в архивах Новосибирска и Барнаула, хотя выделение Республики Алтай в самостоятельный субъект федерации произошло в 1991 г., до официального появления первых региональных отделений политических партий.

Необходимость дальнейшего глубокого изучения деятельности региональных отделений политических партий выдвигает проблему систематизации источников в качестве весьма актуальной.

Следует отметить, что деятельность политических партий не осталась без внимания исследователей. Ценный вклад в формирование понятия и классификации политических партий внесли зарубежные ученые Морис Дюверже [1], Джованни Сартори [2], Гарольд Дуайт Лассуэл. Актуальность вопросов, связанных с деятельностью политических партий, закономерно привлекала внимание отечественных исследователей: А.В. Кынева, А.Е. Любарева [3], В.Я. Гельмана [4], С. Заславского [5], Л.М. Карапетяна [6], В.В. Согрина [7]. Нужно отметить, что политические партии как объект исследования находятся на стыке предметов различных научных дисциплин, поэтому и работы можно разделить по характеру исследования: исторические, юридические, политологические. Отдельно необходимо выделить работы исследователей политической систе-

мы Республики Алтай: Г.В. Вяткиной [8], Л.В. Кыпчаковой [9], Ю.В. Табакаева [10], Л.Т. Тулебаевой [11], А.В. Шарапова [12]. Основательный труд Л.Г. Пушкарёва [13] по классификации письменных источников в отечественной истории дал методику систематизации источников по изучению деятельности региональных отделений политических партий в Республике Алтай.

Таким образом, в предшествующий период была проделана значительная работа по изучению политических партий. Исследователи изучали деятельность политических партий, технологии, которыми пользовались партии при участии в выборах. Менее подробно, но были рассмотрены региональные политические процессы, а также региональные отделения политических партий. Однако региональные отделения политических партий в Республике Алтай до сих пор не становились предметом специального изучения, не говоря уже о выделении особенностей корпуса исторических источников по этой теме..

Предметом исследования в настоящей статье выступает корпус исторических источников по изучению деятельности региональных отделений политических партий в Республике Алтай.

Цель работы заключается в определении, анализе и систематизации источников по изучению деятельности региональных отделений политических партий в Республике Алтай.

Исходя из особенностей предмета исследования, территориальные рамки ограничены территорией Республики Алтай – полноправного субъекта Российской Федерации. Регион обладает рядом специфических характеристик. 33% жителей Республики Алтай являются представителями коренного населения республики – алтайцев. Они формируют свои политические элиты в субъекте федерации. Кроме того, Республика Алтай традиционно считается регионом «красного пояса». В республике на 1 января 2020 г. официально были зарегистрированы региональные отделения 25 политических партий России.

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1990 по 2019 г. Нижняя граница исследования обусловлена сменой политического статуса региона, верхняя связана с последними выборами главы республики.

Основу источниковой базы составляют федеральные и региональные нормативно-правовые акты, содержащие нормы избирательного права, и документы, регулирующие деятельность политических партий: уставы, программы, официальные сайты, документы региональных отделений политических партий. Анализу были подвергнуты сайты политических партий и их региональных отделений, статистика, официальная информация, содержащаяся на сайтах Центральной избирательной комиссии и избирательной комиссии Республики Алтай, а также материалы периодической печати. Для систематизации источников уместно выделить среди них группы на основе схожести информации и методики изучения.

Первую группу источников составили *нормативно-правовые акты*, регламентирующие функционирование политических партий и организаций. Конституция

Российской Федерации 1993 г. [14] закрепила принцип политического плюрализма. Закон СССР «Об общественных объединениях» 1990 г. [15] и Федеральный закон «Об общественных объединениях» 1995 г. [16] впервые официально установили существование политических партий и регламентировали их деятельность. Федеральный закон «О политических партиях» 2001 г. [17] закрепил требования, предъявляемые к политическим партиям. Особо важными источниками стали Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [18] и Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» [19], которые регламентируют отдельно условия и процедуру выборов федерального уровня и участие в них политических партий. Эти документы дают возможность видеть основные правовые принципы деятельности политических партий в Российской Федерации, механизм их участия в формировании органов государственной власти.

Не менее важными источниками в этом контексте являются законы Республики Алтай. Главным источником, который закрепляет основные политические права и свободы жителей региона, является Конституция Республики Алтай [20]. Законы Республики Алтай «О выборах главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай» [21], «О выборах депутатов Республики Алтай» [22] и «О муниципальных выборах в Республике Алтай» [23] являются основными нормативными актами, которые регулируют избирательный процесс и участие в нем региональных отделений политических партий на уровне субъекта федерации.

Вторая группа источников представлена *делопроизводственной документацией* органов государственной власти, имеющей констатирующий, инструктивный или рекомендательный характер, например постановления, инструкции, методические рекомендации, статистические и справочные материалы Центральной избирательной комиссии, избирательной комиссии Республики Алтай. Обращение к этим источникам позволяет увидеть круг проблем, возникавших при проведении выборов, взаимодействие государственных структур и отделений политических партий. Например, постановление избирательной комиссии Республики Алтай «О списках кандидатов в депутаты Республики Алтай, выдвинутых региональными отделениями политических партий» дает возможность проследить участие региональных отделений политических партий в выборах и количество представленных кандидатов. Постановление избирательной комиссии «О результатах выборов Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай» № 104/512-б от 10.09.2019 констатирует состоявшиеся выборы и их результаты [24].

В третью группу источников вошли документы и материалы *региональных отделений политических партий*, размещенные главным образом на сайтах отделений. В свою очередь, их можно разделить на подгруппы.

1. Программы политических партий особенно широко, как правило, были представлены в период изби-

рательных кампаний. Привлечение этих документов дает возможность исследовать соответствие программных положений и конкретных действий региональных отделений в процессе избирательных кампаний. Особое внимание следует уделить уставам политических партий. Устав политической партии – основополагающий документ, содержащий цели и задачи политической партии, а также отражающий основные положения функционирования партии и ее региональных отделений. Устав партии закрепляет форму членства, права и обязанности участников партии, систему управления и организацию исполнительных органов партии, процесс ее создания, реорганизации и ликвидации, права политической партии и ее региональных отделений в области хозяйственно-финансовой деятельности, а также порядок выдвижения кандидатов в депутаты, на иные выборные должности кандидатов от политической партии. Документы находятся в свободном доступе на сайтах всех действующих региональных отделений политических партий в республике.

2. Агитационные материалы. Эта подгруппа источников представлена листовками, дисками, уличной рекламой и сувенирной продукцией. Из общей группы стоит выделить листовки, призывавшие голосовать на выборах 2014 г. за кандидата на пост главы Республики Алтай. Агитационная листовка кандидата от партии «Единая Россия» А.В. Бердникова гласила: «За Бердникова! За Республику Алтай! 3 141 день во главе Республики Алтай». Листовка В.В. Ромашкина – кандидата от КПРФ – содержала следующий призыв: «Молодым – работу, старикам – заботу, слабым – защиту, воров – под суд!» Исследование этой группы источников позволяет понять формы и методы ведения избирательных кампаний.

3. Делопроизводственная документация региональных отделений политических партий заслуживает особого внимания. Функциональный анализ взаимодействия системы региональных отделений политических партий и внешней среды посредством документооборота позволил выявить шесть типов документации:

а) документы, которые всегда остаются внутри системы (локальные нормативные акты, протоколы совещаний и т.д.);

б) документы, которые исходят изнутри системы, соприкасаются с внешней средой, затем возвращаются во внутреннюю среду системы – документы, требующие согласования или зависящие от решений в инстанциях внешней среды (учредительные документы, документы о государственной регистрации);

в) материалы, исходящие из внешней среды и попадающие на границу системы (личные обращения граждан, информационные письма);

г) документы, исходящие изнутри системы и остающиеся на ее границе (партийные билеты);

д) материалы, исходящие с границы системы во внешнюю среду (интервью, пресс-релизы);

е) документы, исходящие из внешней среды, а затем остающиеся во внутренней среде системы (электронная статистика, мониторинги).

4. Собственно сами сайты региональных отделений политических партий как источник. Следует отметить,

что сайты региональных отделений существенно отличаются по своему состоянию, наполняемости, удобству использования и актуальности представленной информации. В этом контексте в лучшую сторону отличается сайт регионального отделения политической партии «Единая Россия». Информация о всех мероприятиях и событиях регионального отделения своевременно появляется на информационном ресурсе партии.

Важный показатель активности регионального отделения – информация о реализации партийных проектов. Примерами могут служить «Местный дом культуры» и «Театр малых городов» – проекты «Единой России» в сфере культуры для сельской местности. В целом документы и материалы этой группы источников дают возможность изучать конкретную деятельность региональных отделений в повседневной и практической работе в регионе.

Периодическая печать (четвертая группа источников) – это наиболее массовая группа источников. В печати освещены события политической, социальной и экономической жизни региона, ход предвыборной борьбы, позиции участников избирательных кампаний и органов власти. Разумеется, при анализе материалов периодических изданий следует учитывать их государственную или партийную принадлежность, ибо одно и то же событие (результаты выборов, например) может трактоваться по-разному. «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» – газеты на русском и алтайском языках, издающиеся в республике Алтай. На сегодняшний день это самые массовые газеты региона. Данные издания спонсируются Правительством Республики Алтай.

В Республике Алтай выпускается издание «Листок» – информационно-аналитический еженедельник, учредителем которого является Сергей Михайлов, известный политический деятель региона. Он участвовал в выборах на пост Председателя Правительства Республики Алтай от партии РПР-Парнас. Издание, а также его электронная версия подвергают критике действия регионального правительства. Еще одним оппозиционным изданием можно назвать газету «Холодный белок», которая издавалась членом партии «Родина» Р. Макаровым. Сегодня газета преобразована в информационный портал с функцией агрегации новостей.

Региональные отделения политических партий также имеют свои периодические издания. К примеру, отделение Коммунистической партии Российской Федерации один раз в месяц выпускает «Правду Горного Алтая», Либеральная демократическая партия России издает «ЛДПР в Республике Алтай». Свои периодические издания в республике имеют региональные отделения политических партий «Справедливая Россия», «Родина», «Патриоты России».

Следует добавить, что значимость периодической печати как исторического источника усиливается тем обстоятельством, что архивные документы региональных отделений политических партий оказались пока малодоступными для исследования. Основная проблема данного вида источников в фрагментарности освещаемых событий. Рост публикаций, посвященных по-

литическим партиям и их региональным отделениям, наблюдался в период избирательных кампаний. Периодическая печать позволяет исследовать агитационные и пропагандистские материалы, используемые региональными отделениями политических партий в избирательных кампаниях.

В пятую и отдельную группу следует вынести *источники личного происхождения*. В нее входят результаты интервью, проведенных с лидерами региональных отделений политических партий (2014), а также с экспертами, которые ранее работали в партийной среде, но в настоящее время не состоят в какой-либо партии. Такие материалы в письменном виде хранятся в личном архиве автора. Для полного и всестороннего раскрытия проблемы конкурентной политической борьбы в регионе были подготовлены вопросы, объединенные в тематические блоки: побудительные мотивы партийной деятельности; система ценностей и приоритетов; перспективы партийного строительства в регионе и др. Каждый блок включал в себя от трех до шести вопросов. Участники интервью делились своим мнением касательно влияния отделений политических партий на региональную политику, трудностей, с которыми сталкиваются региональные отделения, спецификой работы региональных отделений Республики Алтай. Помимо этого, главы региональных отделений и эксперты высказали свое мнение относительно работы главы региона, а также выделили основные направления и методы работы отделений политических партий в Республике Алтай.

Респондентами стали В.В. Ромашкин – глава регионального отделения КПрФ, Ю.Ю. Орехов – глава регионального отделения ЛДПР, И.И. Белеков – глава регионального отделения партии «Единая Россия». Участники экспертной группы – М.И. Паклин, И.С. Белобородов, ранее состоявшие в региональном отделении КПрФ, а также Д.А. Чеконов, который в 2014 г. принимал участие в выборах на пост главы Республики Алтай от партии «Зеленые», но снял свою кандидатуру с выборов. Следует отметить, что обработанные ответы респондентов, касающиеся партийной системы республики в целом, оказались созвучными, что позволяет сделать вывод о достоверности полученных результатов. Кроме этого, автором статьи был проведен анализ функционирования региональных отделений политических партий Республики Алтай, который включил в себя следующие материалы: оценка влияния региональных отделений; уровень лояльности по отношению к региональной власти; источники финансирования деятельности региональных отделений; модель политического участия региональных отделений; классификация партий в регионе; ориентация региональных отделений на социальные группы.

В заключении можно сделать вывод о том, что несомненной проблемой изучения деятельности региональных отделений политических партий является труднодоступность архивных материалов. Тем не менее существующий круг источников позволяет решать задачи, стоящие перед исследователями региональных отделений политических партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюверже М. Политические партии. М. : Академический проект, 2013. 540 с.
2. Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. New York : Cambridge University Press, 1976. 370 p.
3. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
4. Гельман В., Рыженков С., Бри М. Россия регионов: трансформация политических режимов. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/586/846/1217/013_Rossiya_regionov_199-203.pdf (дата обращения: 16.04.2020).
5. Заславский С.Е. Современные политические партии России анализ программ и уставов. М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2004. 314 с.
6. Карапетян Л.М. Политические партии в судьбе России. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 266 с.
7. Согрин В.В. Политическая история современной России (1985–2001: от Горбачёва до Путина). М. : Прогресс-Академия, 2001. 272 с.
8. Вяткина Г.В. О политической жизни социализации молодежи // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2002. С. 46–49.
9. Кыпчакова Л.В. Политическая культура населения Республики Алтай: проблемы обновления // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2002. С. 109–111.
10. Табакаев Ю.В., Толубаева Л.Т. Технологии выборных кампаний (на примере Республики Алтай) // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2002. С. 3–10.
11. Толубаева Л.Т. Политические предпочтения жителей Республики Алтай в выборной кампании 16 декабря 2001 г. – 6 января 2002 г. // Социальные процессы в современной Западной Сибири. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2002. С. 202–208.
12. Шарапов А.В. Выборы в Республике Алтай (14 сентября 2014 г.) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-v-respublike-altay-14-sentyabrya-2014-g> (дата обращения: 26.04.2020).
13. Пушкарев Л.Г. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. : Наука, 1975. 282 с.
14. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 13 дек. 1993 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.05.2020).
15. Об общественных объединениях : закон СССР от 09.10.1990 № 1708–I. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1883/ (дата обращения: 03.05.2020).
16. Об общественных объединениях : федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 05.05.2020).
17. О политических партиях : федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 11.05.2020).
18. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 05.04.2016). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&linkid=0&nd=102171479> (дата обращения: 13.05.2020).
19. О выборах Президента Российской Федерации : федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 13.07.2015). URL: <http://base.garant.ru/185413/> (дата обращения: 22.05.2020).
20. Конституция Республики Алтай. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_altai/ (дата обращения: 13.05.2020).

21. О выборах главы Республики Алтай, председателя правительства Республики Алтай : закон Республики Алтай от 25.06.2012 № 35-ПЗ (с изм. на 09.10.2020). URL: <http://docs.cntd.ru/document/453127895> (дата обращения: 13.05.2020).
22. О выборах депутатов Республики Алтай : закон Республики Алтай от 24.06.2003 № 12-15 (с изм. на 09.10.2020). URL: <http://www.panorama.ru/works/izbir/taltz.html> (дата обращения: 13.05.2020).
23. О муниципальных выборах в Республике Алтай : закон Республики Алтай от 05.05.2011 № 14-ПЗ (с изм. на 09.10.2020). URL: <http://altai.regnews.org/doc/lq/be.htm> (дата обращения: 13.05.2020).
24. О результатах выборов Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай : Постановление Избирательной комиссии Республики Алтай от 10.09.2019 № 104/512-6. URL: http://www.altai_rep.vybory.izbirkom.ru/region/altai_rep/?action=пра (дата обращения: 20.10.2020).

Alyona A. Lykova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alena.lykova.1995@mail.ru

HISTORICAL SOURCES FOR STUDYING THE ACTIVITIES OF REGIONAL OFFICES OF POLITICAL PARTIES IN RUSSIA (BASED ON MATERIALS FROM THE ALTAI REPUBLIC)

Keywords: political parties; regional offices Altai Republic.

The political structure of the Russian Federation changes with each new electoral cycle. Scientists are always interested in regional elections. The task of any researcher is a detailed study of the sources. Despite the fact that experts are faced with the problems of studying political parties, especially at the regional level.

With the collapse of the Soviet Union, the political structure of our country transformed. Repeated relocation of the archives and documents of the State Archive of Social and Legal Documentation of the Altai Republic has affected its safety and completeness. Today, to study the formation of regional branches of political parties, it is necessary to use other sources of information, except archival.

The object of the study are the regional offices of political parties in the Altai Republic. The subject of the study is the corpus of historical sources, which is connected with the studying of activities of the regional offices of political parties in the Altai Republic.

The goal of the paper is to identify, analyze and systematize the sources for studying the activities of the regional offices of political parties in the Altai Republic.

The base of sources consists of federal and regional laws; charters, programs, official websites, and documents of regional branches of political parties. The websites of political parties and their regional branches, statistics, official information contained on the websites of the Central Election Commission and the Election Commission of the Altai Republic, periodical materials were also analyzed. To systematize information, all sources were divided in groups.

The first group of sources was composed of laws and secondary legislations that regulate political parties and organizations activities.

The second group of sources should include the office documents.

The third group of sources includes materials from regional branches of political parties. Periodicals (the fourth group) is the most massive group of sources.

The fifth and separate group should include sources of personal origin.

In conclusion, we can suppose that the undoubted drawback in studying the regional divisions of political parties is the inaccessibility of archival materials. Nevertheless, the existing range of sources may allow solving the problems facing researchers at the present stage.

REFERENCES

1. Duverger, M. (2013) *Politicheskie partii* [Political parties]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
2. Sartori, G. (1976) *Parties and Party Systems: a Framework for Analysis*. New York: Cambridge University Press.
3. Kynev, A.V. & Lyubarev, A.E. (2011) *Partii i vybory v sovremennoy Rossii: evolyutsiya i devolyutsiya* [Parties and elections in modern Russia: evolution and devolution]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Gelman, V., Ryzhenkov, S. & Bri, M. (eds) (2000) *Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov* [Russia of Regions: Transformation of Political Regimes]. [Online] Available from: http://ecsocman.hse.ru/data/586/846/1217/013_Rossiya_regionov_199-203.pdf (Accessed: 16th April 2020).
5. Zaslavsky, S.E. (2004) *Sovremennye politicheskie partii Rossii: analiz programm i ustavov* [Modern Political Parties in Russia: An Analysis of Programs and Statutes]. Moscow: Russian Academy of State Services under the President of the Russian Federation.
6. Karapetyan, L.M. (2009) *Politicheskie partii v sud'be Rossii* [Political Parties in the Fate of Russia]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
7. Sogrin, V.V. (2001) *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii (1985–2001: ot Gorbacheva do Putina)* [Political history of modern Russia (1985–2001: From Gorbachev to Putin)]. Moscow: Progress-Akademiya.
8. Vyatkina, G.V. (2002) O politicheskoy sotsializatsii molodezhi [On the youth's political socialization]. In: Tabakaev, Yu.V. et al. (eds) *Sotsial'nye protsessy v sovremennoy Zapadnoy Sibiri* [Social Processes in Modern Western Siberia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 46–49.
9. Kypchakova, L.V. (2002) Politicheskaya kul'tura naseleniya Respubliki Altay: problemy obnovleniya [Political culture of the Altai Republic population: problems of renewal]. In: Tabakaev, Yu.V. et al. (eds) *Sotsial'nye protsessy v sovremennoy Zapadnoy Sibiri* [Social Processes in Modern Western Siberia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 109–111.
10. Tabakaev, Yu.V. & Tolubaeva, L.T. (2002) Tekhnologii vybornykh kampaniy (na primere Respubliki Altay) [Election campaign technologies (a case study of the Altai Republic)]. In: Tabakaev, Yu.V. et al. (eds) *Sotsial'nye protsessy v sovremennoy Zapadnoy Sibiri* [Social Processes in Modern Western Siberia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 3–10.
11. Tolubaeva, L.T. (2002) Politicheskie predpochteniya zhiteley Respubliki Altay v vybornoy kampanii 16 dekabrya 2001 g. – 6 yanvarya 2002 g. [Political preferences of the Altai Republic residents in the election campaign of December 16, 2001 – January 6, 2002]. In: Tabakaev, Yu.V. et al. (eds) *Sotsial'nye protsessy v sovremennoy Zapadnoy Sibiri* [Social Processes in Modern Western Siberia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 202–208.
12. Sharapov, A.V. (2014) Elections in the Altai Republic (September 14, 2014). *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo uniwersiteta*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-v-respublike-altay-14-sentyabrya-2014-g> (Accessed: 26th April 2020). (In Russian).
13. Pushkarev, L.G. (1975) *Klassifikatsiya russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoy istorii* [Classification of Russian Written Sources on Russian History]. Moscow: Nauka.
14. Russia. (n.d.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenar. golosovaniem 13 dek. 1993 g.* [The Constitution of the Russian Federation: adopted by the national vote on December 13, 1993]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed: 5th May 2020).
15. USSR. (1990) *Ob obshchestvennykh ob'edineniyakh: zakon SSSR ot 09.10.1990 № 1708-I* [On public associations: USSR Law No. 1708-I dated October 9, 1990]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1883/ (Accessed: 3rd May 2020).
16. Russia. (1995) *Ob obshchestvennykh ob'edineniyakh: federal'nyy zakon ot 19.05.1995 № 82-FZ* [On public associations: Federal Law No. 82-FZ of May 19, 1995]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (Accessed: 5th May 2020).

17. Russia. (2001) *O politicheskikh partiyaх: federal'nyy zakon ot 11.07.2001 № 95-FZ* [On political parties: Federal Law No. 95-FZ of July 11, 2001]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (Accessed: 11th May 2020).
18. Russia. (2014) *O vyborah deputatov Gosudarstvennoy Dумы Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 22.02.2014 № 20-FZ (red. ot 05.04.2016)* [On the elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation Federal Assembly: Federal Law No. 20-FZ of February 22, 2014 (as amended on April 5, 2016)]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&linkid=0&nd=102171479> (Accessed: 13th May 2020).
19. Russia. (2003) *O vyborah Prezidenta Rossiyskoy Federatsii : federal'nyy zakon ot 10.01.2003 № 19-FZ (red. ot 13.07.2015)* [On the elections of the President of the Russian Federation: Federal Law No. 19-FZ of January 10, 2003 (as amended on July 13, 2015)]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/185413/> (Accessed: 22nd of May 2020).
20. Russia. (n.d.) *Konstitutsiya Respubliki Altay* [Constitution of the Altai Republic]. [Online] Available from: http://constitution.garant.ru/region/cons_altai/ (Accessed: 13th May 2020).
21. Russia. (2012) *O vyborah glavy Respubliki Altay, predsedatelya pravitel'stva Respubliki Altay: zakon Respubliki Altay ot 25.06.2012 № 35-RZ (s izm. na 09.10.2020)* [On the elections of the Head of the Altai Republic, Chairman of the Altai Republic Government: Law No. 35-RZ of the Altai Republic of June 25, 2012 (as amended on October 9, 2020)]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/453127895> (Accessed: 13th May 2020).
22. Russia. (2003) *O vyborah deputatov Respubliki Altay: zakon Respubliki Altay ot 24.06.2003 № 12-15 (s izm. na 09.10.2020)* [On the elections of deputies of the Altai Republic: Law No. 12-15 of the Altai Republic of June 24, 2003 (as amended on October 9, 2020)]. [Online] Available from: <http://www.panorama.ru/works/izbir/raltz.html> (Accessed: 13th May 2020).
23. Russia. (2011) *O munitsipal'nykh vyborah v Respublike Altay: zakon Respubliki Altay ot 05.05.2011 № 14-RZ (s izm. na 09.10.2020)* [On municipal elections in the Altai Republic: Law No. 14-RZ of the Altai Republic dated May 5, 2011 (as amended on October 9, 2020)]. [Online] Available from: <http://altaj.regnews.org/doc/lq/be.htm> (Accessed: 13th May 2020).
24. Russia. (2019) *O rezul'tatakh vyborov Glavy Respubliki Altay, Predsedatelya Pravitel'stva Respubliki Altay: Postanovlenie Izbiratel'noy komissii Respubliki Altay ot 10.09.2019 № 104/512-6* [On the results of the elections of the Head of the Altai Republic, Chairman of the Government of the Altai Republic: Resolution No. 104 / 512-6 of the Election Commission of the Altai Republic dated September 10, 2019]. [Online] Available from: http://www.altai_rep.vybory.izbirkom.ru/region/altai_rep/?action=npa (Accessed: 20th October 2020).

УДК 94(571).08:930
DOI: 10.17223/19988613/69/24

В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров

ПОЛЯКИ В СИБИРИ (XIX – НАЧАЛА XX в.) В ОСВЕЩЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19–20 вв.».

Представлены результаты анализа сложившейся в современной отечественной историографии истории польских общин Сибири XIX – начала XX в. Рассмотрены основные концепции исследователей, изучавших историю поляков региона. Определены основные направления и научные центры исследований и их специфика. Обозначены основные итоги и возможные перспективы исторической полонистики региона. Отмечены увеличение количества исследований, расширение тематики, прежде всего в таких направлениях, как адаптация ссыльных в Сибири, добровольные миграции, вклад поляков в хозяйственное освоение региона, история католической церкви в Сибири, а также публикация мемуаров и вновь вводимых в оборот архивных документов.

Ключевые слова: Сибирь; поляки; община; диаспора; историография.

Польская диаспора (община) в Сибири на протяжении XIX – начала XX в. была одной из самых многочисленных. В существующей научной литературе употребляются оба термина – и «диаспора», и «община», хотя их употребление достаточно дискуссионно. Так, известный иркутский историк Б.С. Шостакович критически высказался также о формулировке «поляки в Сибири», называя ее стереотипным общим клише, однако массово транслируемым и употребляемым [1. С. 14]. Сам же ученый предпочитает говорить о «польско-сибирской истории» [Там же. С. 10]. Ряд исследователей употребляют термин «польская диаспора». В частности, С.А. Мулина считает, что польская ссылка XIX в. представляла собой «почти идеальный тип диаспоры» [2. С. 10]. О польской диаспоре в Сибири писала также Р.В. Оплаканская [3. С. 89].

В данной статье мы употребляем традиционную формулировку «поляки в Сибири», в эту группу включены как ссыльные, так и добровольно прибывшие в Сибирь, а также лица польского происхождения, находившиеся на государственной службе, например чиновники и военные.

Хронологически историографический обзор охватывает постсоветский период отечественной историографии, когда возросло количество публикаций и научных конференций по обозначенной тематике и расширился спектр изучаемых вопросов. Можно отметить, что если в советской историографии главное внимание уделялось политическим ссыльным и русско-польским революционным связям, то в постсоветское время активно стали разрабатываться вопросы адаптации ссыльных в условиях Сибири, добровольных переселений, участия поляков в экономической и культурной жизни региона, демографические характеристики польского населения и др. К традиционным центрам изучения истории поляков в Сибири (Иркутск, Томск, Новосибирск) добавились новые – Барнаул, Омск, Тюмень, Красноярск, Абакан, Улан-Удэ, Чита, Якутск, и др.

Вопросами истории поляков в Сибири активно занимаются исследователи в самой Польше, где издается большое число научных трудов, проводятся конференции. Ряд совместных польско-российских конференций был проведен в сибирских городах при финансовом участии польской стороны [4–7]. Возросло количество кандидатских и докторских диссертаций, прямо или косвенно посвященных истории поляков в Сибири XIX – начала XX вв. (Р.В. Оплаканская [8], Е.В. Карих [9], С.А. Мулина [10], Е.П. Береговая [11], А.С. Недзелюк [12], Л.К. Островский [13], В.Н. Шайдуров [14] и др.).

По-прежнему важным остается вопрос о численности и размещении поляков в Сибири, в том числе ссыльных. К вопросам численности поляков в Сибири и в отдельных ее районах и городах обращаются большинство исследователей данной проблематики – Б.С. Шостакович, С.А. Мулина, И.Н. Никулина, С.В. Леончик, П.Л. Казарян, Р.В. Оплаканская, Л.К. Островский, В.А. Ханевич, Ю.М. Гончаров, В.Н. Шайдуров и др. Так, Е.П. Береговая показала в динамике численность польских ссыльных в Енисейской губернии. Если в 1865 г. их насчитывалось 3 204 чел., то к 1870 г. – 4 419 чел., с 1870 по 1890 г. в Енисейскую губернию было выслано еще 96 чел. Одновременно она приводит данные о возрастном и сословном составе ссыльных [11. С. 12–14].

Стремление ряда авторов выявить максимально точные сведения о численности и составе тех или иных групп ссыльных привело к попыткам составления на основе архивных источников именных списков – работа сложная и кропотливая. Плодотворную работу по выявлению персонального состава ссыльных поляков в Сибири провела омский историк С.А. Мулина [2, 10]. В частности, в кандидатской диссертации и в монографии она сделала попытку провести количественный и качественный анализ польской ссылки в Западную Сибирь с помощью методики персонального учета ссыльных. Историком были выявлены 4 118 участников

восстания 1863 г., отбывавших наказание в Западной Сибири [10. С. 12]. Позднее, в соавторстве с А.А. Крих, был подготовлен биографический словарь «Поляки в Западной Сибири последней трети XVIII – первой половине XIX веков» [15]. Ценность словаря заключается не только в том, что выявлены фамилии большого числа ссыльных, но также и в том, что дана максимально полная информация о происхождении, причинах ареста, приговоре, виде наказания, занятиях в ссылке и даже сведениях о потомках и др. Авторы опирались на анкету из 21 пункта, разработанную по инициативе профессора Виктории Сливовской в Институте истории Польской академии наук [16. С. 523]. В биографическом словаре С.А. Мулина и А.А. Крих привели информацию о ссыльных польских конфедератах (265 чел.), участниках наполеоновских походов, сосланных на службу в Сибирский казачий корпус (569 чел.), участниках польского восстания 1830–1831 гг. (407 чел.). Справка о каждом ссыльном сопровождается информацией об источнике; они в основном извлечены из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), региональных архивов Тобольска, Омска, Томска.

В кандидатской диссертации С.А. Мулина определяет динамику польской ссылки с учетом миграций, неформальных переселений, нюансов в динамике притока и оттока поляков в различные населенные пункты Западной Сибири. В частности, она определила, что с 1863 до начала 1870 г. умерли и выехали из Западной Сибири не менее 1 320 чел. До конца 1870-х гг. 5,7% повстанцев умерли, 16,2% переселились из Западной Сибири в Европейскую Россию и только 3,2% вернулись на родину [10. С. 13–14]. Автор также остановилась на вопросах формирования польских колоний в отдельных местах Западной Сибири и пришла к выводу, что облик ссылки, сложившийся в конце 1866 г., когда была выслана основная масса повстанцев, в начале 1870-х гг. существенно изменяется под воздействием внутренних миграций [Там же. С. 15].

Картотеку персоналий – членов польской диаспоры с конца XVIII в. до начала 60-х гг. XIX в. – составила Р.В. Оплаканская. В эту картотеку вошли данные о 401 польском ссыльном и 799 польских переселенцах. Главным источником стали именные списки ссыльных и крестоприводные книги Томского католического костела за 1834–1860 гг. [8. С. 18].

Тобольский ученый доктор исторических наук В.С. Сулимов составил на основе документов Тобольского архива биографический словарь польских ссыльных в Тобольской губернии (1802–1881 гг.), в который вошло более 1 тыс. фамилий [17]. И.Н. Никулина на основе материалов Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), архивов Омска, Томска, Барнаула выявила 345 польских политических ссыльных на Алтае. Данная цифра невелика в силу того, что Алтайский горный округ не был местом массовой ссылки. И.Н. Никулиной удалось установить состав 250 ссыльных в 1860-е гг., среди которых из дворян было 182 чел., духовного звания – 22,

мещан – 12, чиновников и крестьян – по 8 чел., из купцов – 5, военных – 3 [18. С. 36–37]. П.Л. Казарян на базе документов Национального архива Якутии составил список 262 поляков, сосланных в Якутскую область после восстания 1863–1864 гг., а также список из 36 фамилий повстанцев, умерших в якутской ссылке [19. С. 25–32, 41–42].

Большую источниковедческую работу по выявлению фондов и дел, которые содержат пофамильные списки поляков в Государственном архиве Томской области, провел В.А. Ханевич [20]. По его данным, алфавитные книги, списки политических и уголовных ссыльных, ведомости переселенцев отложились в 266 делах. Составленный исследователем фамильный указатель по второй половине XIX в. (после 1863 г.) включает 1 323 фамилии, а список за 1900–1917 гг. – 971 фамилию. Однако в заглавии путеводителя конечной датой назван 1915 г., а в фамильном списке – 1917 г. Еще одно справочное издание – «Католический некрополь города Томска» – было подготовлено В.А. Ханевичем совместно с А.Г. Караваевой [21]. Оно имеет прямое отношение к изучению польской общины города и всей Томской губернии, так как здесь поляки составляли большинство среди католиков [22]. Само католическое кладбище в Томске не сохранилось, и сведения авторами были получены в основном из метрических книг Томской римско-католической церкви, хранящихся в Государственном архиве Томской области, а также некрологов в газетах того времени.

Попытку составить список польских ссыльных в Сибирь в конце XIX – начале XX в. предпринял Л.К. Островский, им были установлены фамилии более 2 тыс. польских политических ссыльных и каторжан на период с 1890 по февраль 1917 г. [23. С. 249].

При определении общей численности поляков в Сибири в целом и в отдельных ее районах и городах исследователи все чаще обращаются к материалам переписей населения, как общероссийских, так и локальных. Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. были использованы В.А. Скубневским для анализа численности и состава польского населения всей Сибири [24], Л.К. Островским [25. С. 19–20], В.Н. Шайдуровым [26] и А.С. Жаровой [27] – Западной Сибири, С.В. Леончиком – Енисейской губернии [28. С. 58], Т.А. Гончаровой – Томска [29. С. 20] и др.

Вопрос о численности польских беженцев в Сибирь в годы Первой мировой войны, а также об их адаптации, польских организациях помощи беженцам рассмотрены И.В. Нам [30. С. 274–284]. Изменение численности и состава польского населения региона в годы Первой мировой и Гражданской войн были также рассмотрены Л.К. Островским [25. С. 28–56]. И.В. Нам и Л.К. Островский обратили внимание на изменения в составе сибирской колонии в рассматриваемый период. По их выводам, с одной стороны, сокращались ссылка и добровольные миграции, с другой – возрос приток поляков из числа беженцев и военнопленных.

Сибирские исследователи совместно с польскими коллегами осуществляют большую работу по введению в научный оборот оригинальных источников,

в числе которых мемуары, дневники, а также малоизвестные работы авторов XIX – начала XX в. На высоком научном уровне издана книга «Воспоминания из Сибири», в которую вошли мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX в. Это – «Записки из Сибири» Винченца Мигурского, «Конарщик. 1838–1878. Воспоминания о сибирской ссылке» Юстыньяна Ручиньского, «Дневник моей неволи» Юльяна Сабиньского, «В редакцию “Слова”» и «Александровск под Иркутском» Агатона Гиллера. Перечисленные произведения были впервые переведены с польского языка на русский. Перевод и подготовку научного аппарата сделал профессор Б.С. Шостакович [31].

Значительно расширяет источниковую основу для исследования истории поляков в Сибири, да и вообще истории Сибири, новое двухтомное издание, подготовленное историками Университета в Кельцах и Омского аграрного университета «Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири» [32]. В первую часть включены документы гражданской администрации, полиции и жандармского ведомства, во вторую часть – мемуары, письма, публицистика, а также отрывки из произведений российских авторов, изданных до 1917 г. Часть 1 включает разделы: I. Высшие государственные органы управления о политических ссыльных (19 документов; сост. Станислав Вех); II. Польские ссыльные в делопроизводственных документах западносибирской администрации (24 документа; сост. С.А. Мулина); III. Доносы жителей Сибири властям по делам польских ссыльных (15 документов; сост. Анна Крих). Вступительная статья (введение) написана С.А. Мулиной. Документы извлечены из фондов российских архивов – РГИА, ГАРФ, архивов Тобольска, Омска, Томска, а также Центрального государственного архива Республики Казахстан.

Часть 2 включает разделы: I. Ссыльные участники Январского восстания в свете русских мемуаров, повествований и публицистики (16 текстов; сост. Яцек Легеч и Татьяна Мосунова); II. Отношения участников Январского восстания с администрацией и населением Сибири в свете польских мемуаров (8 текстов; сост. Веслав Цабан); III. Истоки российских исследований судеб сосланных в Сибирь участников Январского восстания (4 текста; сост. Кшиштоф Лятавец).

Расширение источниковой базы влияет на постановку ряда новых вопросов в польско-сибирской истории и на углубление анализа традиционных тем.

Очень важным для поляков в Сибири был вопрос, по определению Б.С. Шостаковича, – «поврут-оседлене», т.е. возвращаться ли на родину после отбытия ссылки или оставаться в Сибири [33. С. 89]. В числе факторов, которые вызывали у ссыльных сомнение в возможности возвращения на историческую родину, были социально-экономические. Как справедливо отметил Б.С. Шостакович, «реальная действительность вносила свои коррективы в мировоззрение бывшего повстанца, политического ссыльного. Хотели того или нет сами ссыльные поляки-шестидесятники, решающими в проблеме “поврут-оседлене” оказались в конечном счете

социально-экономические факторы» [Там же. С. 90]. Однако С.А. Мулина считает, что решение проблемы «поврут-оседлене» в исследуемый период определялось не столько адаптацией поляков в Сибири, сколько политикой правительства [2. С. 58].

При рассмотрении данного вопроса следует учитывать и браки многих ссыльных поляков с местными женщинами, русскими и не только. Как отмечал Б.С. Шостакович, случаи вступления в брак с сибирячками польских ссыльных 1860-х гг. исчислялись сотнями [33. С. 93]. Эти процессы рассматривает также Ю.М. Гончаров [34–36].

Как справедливо отметила С.А. Мулина, «в советской историографии, а также в исследованиях историков Народной Польши проблема адаптации и культурного взаимовлияния двух народов практически не поднимались» [2. С. 18]. Далее исследователь отметила, что в настоящее время все чаще в названиях работ стал встречаться термин «адаптация». Практически вся деятельность поляков в Сибири начинает рассматриваться сквозь призму этого явления [2. С. 21; 37].

Монография С.А. Мулиной стала весомым вкладом в решение проблемы адаптации участников восстания 1863 г. в Западной Сибири. Автор отметила, что адаптационные возможности зависели от места водворения. Они были различными в губернских и окружных центрах, малых городах и сельской местности, зависели от социального происхождения и уровня образования конкретного человека. Наибольшие возможности адаптации давали губернские города (Омск, Тобольск, Томск), значительно меньше подобных возможностей было в окружных центрах и тем более в малых городах. О последних автор говорит, что в Березове, Сургуте, Нарыме скапливались поляки, отличавшиеся девиантными наклонностями либо вошедшие в конфликт с сибирской администрацией, т.е. лица, не ориентированные на интеграцию в принимающее общество [2. С. 173]. В целом в деле организации жизни ссыльных довели карательные и устрашающие мотивы, а проблемы адаптации уходили на второй план [Там же. С. 174].

Очень наглядна и интересна информация о сферах деятельности участников восстания 1863 г. в Западной Сибири. Приведены данные о деятельности ссыльных в губернских центрах (403 чел.), окружных городах (182 чел.), малых городах (37 чел.) и округах (374 чел.), т.е. всего 1 013 чел. Более всего было занято в группе «мастерство» (233 чел., или 23%), далее следовали «услужение и частная служба» (198 чел., или 19,5%), письмоводство и переписка бумаг по вольному найму (166 чел., или 16,4%) и сельскохозяйственные занятия (159 чел., или 15,7%) [Там же. С. 188].

Возможности адаптации поляков в Сибири, и не только ссыльных, но и добровольно прибывших в край, но в более поздний период, начиная с 1890-х гг., рассмотрел в своих работах Л.К. Островский. Он изучил миграцию поляков в Западную Сибирь, в том числе в годы Столыпинской реформы, вклад поляков в развитие сельского хозяйства, промышленности, предпринимательства [25]. Тему добровольных переселений польских крестьян в Сибирь в ряде статей исследовал С.В. Леончик [38. С. 263–274]. Он, в частности, отме-

тил, что российское законодательство до начала XX в. не разрешало переселяться на казенные земли Сибири полякам из Царства Польского, но поощряло такие переселения из Западного края. В начале XX в. ситуация существенно изменилась, особенно в годы Столыпинской аграрной реформы. При этом переселения коснулись не только крестьян, но и шахтеров Домбровского угольного бассейна, которые стремились найти работу на шахтах Черемховского угольного бассейна в Восточной Сибири [38. С. 268]. Вопросы адаптации поляков в Западной Сибири рассматриваются и в статье В.Н. Шайдурова [26].

Пока еще остается недостаточно разработанной тема об участии поляков в деятельности административного аппарата Сибири. Но и этом направлении появились интересные исследования. Н.П. Матханова отметила, что на государственную службу в Сибирь попадали добровольные переселенцы и помилованные или получившие разрешения ссыльные, в их числе чиновники, военные, представители интеллигенции – инженеры, педагоги, врачи, архитекторы и др. [39. С. 133]. В своей статье Н.П. Матханова остановилась на характеристике деятельности трех видных государственных деятелей – В.А. Арцимовича (тобольский губернатор в 1854–1856 гг.), Б.К. Кукеле (начальник штаба войск Восточной Сибири в 1862–1869 гг.) и А.И. Деспот-Зеновича (кяхтинский градоначальник в 1859–1862 гг. и тобольский губернатор в 1862–1867 гг.). Автор характеризует их как выдающихся деятелей сибирской администрации, либеральных бюрократов, честных людей, покровителей просвещения. Очерки о В.А. Арцимовиче и А.И. Деспот-Зеновиче, сопровождаемые документами, опубликованы также в книге «Сибирский и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы» [40. С. 292–305, 315–326]. Менее известна фамилия Леона Гриневицкого – первого начальника Чукотки – Анадырской округи, созданной в 1889 г., которому посвятил свою статью К. Николаев [41. С. 84–89].

Фактически новой стала тема истории предпринимательства поляков в дореволюционной Сибири. Хотя, например, имя одного из крупнейших предпринимателей Западной Сибири и Урала А.Ф. Поклевского-Козелла давно уже известно в исследовательской и научно-популярной литературе. Некоторые новые аспекты предпринимательской деятельности представителей семейства Поклевских-Козеллов рассматриваются в статье В.Н. Шайдурова [42].

В одной из статей мы на основе справочных изданий о фабриках и заводах, торговых домах, а также архивных документов выявили свыше 60 фамилий или семейств второй половины XIX – начала XX в. польского происхождения, которые занимались предпринимательством в Сибири. Сферы предпринимательской деятельности были разнообразными – горная и обрабатывающая промышленность, особенно кондитерское, колбасное, пивоваренное производства, торговля, гостиничное дело и др. [43. С. 139–152]. Также была подготовлена статья о предпринимательской деятельности в Сибири участников Январского восстания [44. С. 279–291]. Эта тема рассматривается и в работах Л.К. Ост-

ровского, который установил имена 162 предпринимателей польского происхождения в Западной Сибири [45]. Разумеется, доля предпринимателей из числа поляков была невелика относительно общей численности польской диаспоры. Успех сопутствовал тем, кто имел навыки, достаточный уровень образования, был инициативен. А первоначальный капитал для нового дела в отдельных случаях был получен после женитьбы на состоятельных сибирячках. Предпринимательство стало одной из форм адаптации.

Как показано в ряде исследований, поляки, и ссыльные, и добровольные переселенцы, стали одним из источников формирования кадров рабочих и служащих в Сибирском регионе. Так, Е.П. Береговая отметила, что рабочими профессиями среди ссыльных поляков в Енисейской губернии владели 8%. В Минусинском округе таких было 300 чел. (20%), в Канском округе – 140 (11,5%). На Абаканском железодельном заводе ядро рабочего коллектива составляли ссыльные поляки. Они также работали на золотых приисках [11. С. 18–19]. Значительный контингент поляков был на железных дорогах Сибири – и на Сибирской железной дороге, и на построенных в более поздний период, но здесь преобладали не ссыльные, а мигрировавшие в Сибирь. По данным Н.В. Кенской, поляки были в основном сконцентрированы в мастерских и депо железных дорог [46. С. 197]. Рассматривая национальный состав рабочих Западной Сибири в пореформенный период, В.П. Зиновьев отметил, что поляки составляли 1,2% от занятых в индустриальной сфере, на транспорте – 4,0%, в услужении по найму – 2%, в лесном промысле – 0,8% [47. С. 86].

Для исследователей остается привлекательной тема вклада поляков в науку, образование, культуру, медицину Сибири. На это обращали внимание еще многие дореволюционные российские авторы и тем более сами польские ссыльные, «прошедшие» Сибирь. Б. Пилсудский в лекции, прочитанной в 1917 г., привел фамилии известных польских ученых, работавших в Сибири: Б. Дыбовского, Серошевского, Э. Пекарского, В. Годлевского, Я. Черского, А. Чекановского и др. Он отметил большой вклад поляков в сферы образования, медицины и духовной культуры [48. С. 21]. Тема вклада ссыльных поляков в изучение Сибири и развитие ее культуры была популярна и в советской историографии. Например, Ф.А. Кудрявцев в главе «Каторга и ссылка» в 3-м томе «Истории Сибири» назвал фамилии многих выдающихся ученых поляков, внесших вклад в изучение региона, а также известных врачей [49. С. 121].

Тема вклада поляков в развитие науки и культуры Сибири остается одной из популярных как в новейшей российской историографии, так и в польской. На научных конференциях постоянно работают секции по данной тематике и представляется большое число докладов и сообщений, часто посвященных отдельным значимым деятелям [4–7]. Ряд авторов освещали эту тему в отдельных статьях [50–53] и монографиях [43, 54].

Информация о польских деятелях науки и культуры значительно расширилась благодаря изданию ряда энциклопедий и словарей, в их числе – «Профессора Томского университета» [55], «Профессора Томского

политехнического университета» [56], «Профессора медицинского факультета Императорского (Государственного Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета)» [57], «Историческая энциклопедия Сибири» [58], энциклопедия «Томск от А до Я» [59], «Тобольский биографический словарь» [60], «Архитекторы Томска» [61] и др.

Например, в справочнике «Архитекторы Томска» содержатся справки об архитекторах польского происхождения, которые жили и работали в Томске, с анализом их профессиональной деятельности, иллюстрациями (чертежи и фотографии построек); в их числе В.Ф. Ожешко, Б.Ф. Татарчук, С.В. Хомич и др. [62]. В «Историческую энциклопедию Сибири» включены фамилии более 60 персоналий – поляков и лиц польского происхождения, больше всего среди них политических ссыльных, многие из которых в Сибири стали учеными, архитекторами, музыкантами, общественными деятелями. Назовем статьи об ученых А. Чекановском, Я. Черском, Э. Пекарском, В. Шостаковиче, Б. Дыбовском и др., художниках С. Вроньском, К. Зеленовском, Л. Немировском, А. Сохачевском, писателях Я. Потоцком, А. Шиманьском, медиках П. Буржинском, А. Мацеше, Ф. Ожешко и др. Автором большинства статей был Б.С. Шостакович, в числе других авторов – Е.Н. Туманик, Р.В. Оплаканская и др. В этой же энциклопедии авторы статьи «Поляки» Р.В. Оплаканская, А.И. Савин, Е.Н. Туманик, Б.С. Шостакович дают развернутый сюжет о цивилизующей роли поляков в Сибири, показывая их вклад в развитие производительных сил региона, образование, культуру, науку [58. Т. 2. С. 644–649]. По указанным сюжетам опубликовано значительное количество статей и отдельных монографий [62].

Большую роль в сохранении национального языка, культуры и менталитета для поляков играла католическая церковь. Ранее, в советской историографии, данная тема фактически не разрабатывалась, но в новейшей отечественной историографии ей уделяется большое внимание; отметим работы И.Н. Никулиной [63], Т.Г. Недзелюк [64], Л.К. Островского [45], В.А. Ханевича [65] и др.

Большой интерес представляют воспоминания и поиски «корней» потомками ссыльных и добровольных переселенцев в Сибирь. Они включают семейные предания, которые передаются из поколения в поколение, что позволяет отнести их к источникам «устной истории». Так, например, потомок ссыльного поляка Ипполита Андроновского Адам Андроновский, проживающий в Канаде, в своей статье уточнил многие моменты из истории самого Ипполита Андроновского и его сыновей, которые являлись во второй половине XIX – начале XX в. предпринимателями в Томской губернии [66. С. 5–14]. Большое число подобных публикаций содержит журнал «Rodacy», издаваемый в Абакане.

Подводя итог историографическому обзору литературы за современный период по теме истории поляков в Сибири, отметим увеличение количества исследований, расширение тематики, прежде всего в таких направлениях, как адаптация ссыльных в Сибири, добровольные миграции, вклад поляков в хозяйственное освоение региона, история католической церкви в Сибири, а также публикация мемуаров и вновь вводимых в оборот архивных документов. Позитивно на расширение тематики и новые подходы влияют сотрудничество с историками Польши, контакты на многих научных конференциях, которые были проведены как в сибирских городах, так и в самой Польше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шостакович Б.С. Системная сибирско-польская история – современная концептуальная альтернатива маргинально-традиционалистического дискурса истории поляков в Сибири // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири / под ред. С.А. Мулина, А.А. Крих, Я. Легеча. Омск : Полиграф. центр КАН, 2015. С. 10–22.
2. Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири / под ред. А.В. Ремнева. СПб. : Алетейя, 2012. 200 с.
3. Оплаканская Р.В. Польская диаспора в Сибири в XIX веке // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. : сб. материалов межрегион. тематических чтений «История и культура поляков Сибири», 2006–2007 гг. / сост. С.В. Леончик. Красноярск, 2007. С. 89–99.
4. Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее : материалы междунар. науч.-практ. конф. Томск, 20–23 мая 1999 г. / под ред. В.А. Ханевича. Томск : ТГПУ, 1999. 232 с.
5. Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы : сб. материалов Междунар. науч. конф. (Иркутск, 11–15 сентября 2000 г.) / под ред. Б.С. Шостаковича и др. Иркутск : Огниво, 2001. 365 с.
6. Проблемы российско-польской истории и культурный диалог : материалы междунар. науч. конф. (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.) / под ред. М. Волос, Н.П. Матхановой. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. 576 с.
7. Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири / под ред. С.А. Мулиной, А.А. Крих, Я. Легеча. Омск : Полиграф. центр КАН, 2015. 403 с.
8. Оплаканская Р.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 32 с.
9. Крих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001. 23 с.
10. Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 23 с.
11. Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007. 23 с.
12. Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2015. 36 с.
13. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2015. 39 с.
14. Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 53 с.

15. Мулина С.А., Крих А.А. Поляки в Западной Сибири. Последняя треть XVIII – первая треть XIX веков : биограф. словарь. Омск : Полиграф. Центр КАН, 2013. 300 с.
16. Брус. А. Данные о польских ссыльных в Сибири и в России после Январского восстания // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М. : Ладомир, 2002. С. 520–523.
17. Сулимов В.С. Польские ссыльные в Тобольской губернии (1801–1881 гг.). Тобольск, 2007. 112 с.
18. Никулина И.Н. Ссыльные поляки на Алтае в XIX в. // *Поляки на Алтае – Алтай в Польше (XVIII–XXI вв.)* / под ред. И.Н. Никулиной, Н.Г. Павловой. Барнаул : Алт. дом печати, 2013. С. 29–45.
19. Казарян П.Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в Якутской ссылке. Якутск : ИГИАНРС (Я), 1999. 48 с.
20. Ссыльные поляки в Томской губернии (1804–1915 гг.) : путеводитель по фондам Государственного архива Томской области / авт.-сост. В.А. Ханевич / под ред. Т.В. Галкиной. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 144 с.
21. Католический некрополь города Томска (1841–1919 гг.) / под ред. В.А. Ханевича. Томск : Гос. архив Том. обл., 2001. 282 с.
22. Ханевич В.А. Католический некрополь Томска как база данных об истории томской колонии второй половины XIX – начала XX века // *Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее* / под ред. В.А. Ханевича. Томск : ТГПУ, 1999. С. 161–163.
23. Островский Л.К. Польские ссыльные в Сибири в конце XIX – начале XX века (проблемы взаимоотношений с принимающим обществом // *Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири* / под ред. С.А. Мулиной, А.А. Крих, Я. Легеча. Омск : Полиграф. центр КАН, 2015. С. 248–255.
24. Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // *Польские ссыльные в России XIX–XX веков : региональные центры*. Казань : Мастер Лайн, 1998. С. 170–175.
25. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы). Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2011. 460 с.
26. Shaidurov V. The Polish community in Western Siberia: Adaptation and integration features in the second half of the 19th century // *Acta Histriae*. 2018. Vol. 26, is. 2. P. 641–660. DOI: 10.19233/AH.2018.26.
27. Жарова А.С. Возникновение и развитие польской общины в Курганском уезде Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2015. 26 с.
28. Леончик С.В. Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселений // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М. : Ладомир, 2002. С. 52–58.
29. Гончарова Т.А. К вопросу об истории формирования польской диаспоры в Томской области // *Поляки в Сибири. Поляки о Сибири : материалы I Междунар. науч. конф. (Томск, 3–5 июня 2012 г.)* / под ред. Т.В. Галкиной, Т.А. Гончаровой. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. С. 19–25.
30. Нам И.В. Польские беженцы Первой мировой войны в Сибири // *Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири* / под ред. С.А. Мулиной, А.А. Крих, Я. Легеча. Омск : Полиграф. Центр КАН, 2015. С. 274–284.
31. Воспоминания из Сибири : мемуары, очерки, дневниковые записи политических ссыльных в Восточной Сибири первой половины XIX столетия / сост., пер., предисл., коммент. Б.С. Шостаковича. Иркутск : Арктиздат, 2009. 724 с.
32. Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири : в 2 ч. / под ред. Я. Легеча. Kielce : Wydawnictwo Un-tu Jana Kochanowskiego, 2019. Ч. 1: Документы гражданской администрации, полиции и жандармского ведомства / сост. С. Вех, А. Крих, С. Мулина. 375 с.; Ч. 2: Мемуары, письма, публицистика. Истоки российских исследований судеб сосланных в Сибирь участников Январского восстания / сост. Я. Легеч, К. Лятавец, Т. Мосунова, В. Цабан. 516 с.
33. Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.) : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. ун-т, 1995. 165 с.
34. Гончаров Ю.М. Семья и процессы аккультурации и ассимиляции поляков в Сибири во второй половине XIX – начале XX века // *Вопросы истории Сибири* : сб. науч. ст. / под ред. М.К. Чуркина. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2010. Вып. 1. С. 44–50.
35. Гончаров Ю.М. Польская семья в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 101–112.
36. Gonczarow Ju.M. Polska rodzina na Syberii w połowie XIX i na początku XX wieku // *Zesłaniec*. 2007. № 29. С. 33–48.
37. Гончаров Ю.М. Евреи и поляки в сибирском социуме XIX – начала XX в.: две модели межэтнической коммуникации и адаптации // *Коммуникативная культура: история и современность. Культурно-историческое наследие в социальной коммуникации : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 1 ноября 2018 г.* Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 13–15.
38. Леончик С.В. Польские ссыльные и польские добровольные переселенцы в Сибири в конце XIX – начале XX века: причины появления, взаимоотношения на новой родине // *Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири* / под ред. С.А. Мулиной, А.А. Крих, Я. Легеча. Омск : Полиграф. Центр КАН, 2015. С. 263–274.
39. Матханова Н.П. Поляки на государственной службе в Сибири: проблемы интеграции до и после Январского восстания // *Проблемы российско-польской истории и культурный диалог* / под ред. М. Волос, Н.П. Матхановой. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. С. 133–142.
40. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В.В. Коновалова. Тюмень : Тюмен. изд. дом, 2000. 577 с.
41. Николаев К. Леон Гриневидкий – первый начальник Чукотки // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М. : Ладомир, 2002. С. 84–89.
42. Shaidurov V. Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family) // *International Business Management*. 2016. № 10 (3). P. 194–199.
43. Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири. Вторая половина XIX – начало XX вв. // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири* / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. 3. С. 139–152.
44. Скубневский В.А. Предпринимательская деятельность в Сибири участников восстания 1863 г. и их потомков // *Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII– начале XX вв.* / ред. И.Л. Дамешек. Иркутск : Отгиск, 2013. С. 279–291.
45. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. Новосибирск : Новосиб. гос. архитектурно-строит. ун-т, 2016. 808 с.
46. Кенская Н.В. Профессия моих предков – железная дорога // *Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.* / сост. С.В. Леончик. Красноярск, 2007. С. 197–200.
47. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.
48. Пилеуский Б. Поляки в Сибири // *Сибирь в истории и культуре польского народа*. М. : Ладомир, 2002. С. 13–30.
49. История Сибири. Л. : Наука, 1968. Т. 3 / под ред. Ф.А. Кудрявцева. 530 с.
50. Островский Л.К. Вклад поляков в развитие образования, науки и искусства Западной Сибири (1890 – середина 1920-х гг.) // *Проблемы российско-польской истории и культурный диалог* / под ред. М. Волос, Н.П. Матхановой. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2013. С. 325–331.
51. Береговая Е.П. Просветительская деятельность ссыльных участников польского восстания 1863 г. в Енисейской губернии // *Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.* / сост. С.В. Леончик. Красноярск, 2007. С. 135–139.
52. Вавилов С.П. Польская музыка и польские музыканты в Томске // *Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.* / сост. С.В. Леончик. Красноярск, 2007. С. 173–179.
53. Мулина С.А. Польские медики в западносибирской ссылке // *История и культура поляков в Сибири* / сост. С.В. Леончик. Красноярск, 2006. С. 36–40.

54. Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб. : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с.
55. Профессора Томского университета : биограф. словарь / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1. 288 с.
56. Профессора Томского политехнического университета : биограф. справочник / сост. А.В. Гагарин. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. Т. 1. 300 с.
57. Профессора медицинского факультета Императорского (Государственного Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета) 1878–2003 : биограф. словарь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 1. 378 с.
58. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1. 716 с.; Т. 2. 808 с.; Т. 3. 784 с.
59. Томск от А до Я : краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 440 с.
60. Тобольский биографический словарь. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2004. 576 с.
61. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века) / под ред. В.Н. Белоусова. Томск : Изд-во Томск. гос. архитектурно-строит. ун-та, 2004. 170 с.
62. Губушкина И.Г. Антоний Марцинковский – музыкант, педагог, общественный деятель / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2017. 148 с.
63. Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.). 2-е изд. / науч. ред. В.А. Скубневский. Иркутск : Оттиск, 2011. 254 с.
64. Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтничном пространстве Западной Сибири: 1818–1918 гг. Новосибирск : Прометей, 2009. 218 с.
65. Ханевич В.А. Католики в Кузбассе (XVII–XX вв.) : очерки истории, материалы и документы / под ред. Э.И. Черняка. Кемерово : Кузбасс, 2009. 352 с.
66. Андроновский А.К. История семьи как отражение социокультурной ситуации на Алтае в XIX в. // Ползуновский альманах / Алт. гос. техн. ун-т. 2017. № 3, т. 2. С. 5–14.

Valeriy A. Skubnevskiy, Altay State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yuriig@yandex.ru

Yuriy M. Goncharov, Altay State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yuriig@yandex.ru

POLES IN SIBERIA (THE 19th – EARLY OF THE 20th CENTURY) AS VIEWED BY CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Keywords: Siberia; poles; community; diaspora; historiography.

The modern stage of historiography on the history of Polish communities (Diaspora) in Siberia can be dated from the beginning of the 1990s – the beginning of the XXI century. During this period, the main areas of research have been formed, historiographic schools established, and the geographical localization of research determined. The purpose of this article is to reconstruct the research field of authors representing Siberian historical polonistics. This summary will allow us to form an idea of the results of research on the history of Polish communities in Siberia of the 19th – early of the 20th century obtained so far. Historiographic sources of this research include monographs, papers published in journals and in collections of articles issued as a result of scientific conferences, in encyclopaedic publications, as well as author's abstracts of theses and bibliographic indexes, thus, covering a significant range of studies on the issues under consideration. When conducting the analysis, the authors used the principles of historicism, objectivity, integrity, value-based approach, comparative historical and problem-chronological research methods, periodization method, retrospective (reverse) analysis and perspective analysis methods. The authors' analysis of the current historiographical situation has shown that, based on the composition of research on the history of poles in Siberia in the 19th – early of the 20th century, we can note an increase in the number of studies, expanding the subject, primarily in such areas as the adaptation of exiles in Siberia, voluntary migration, the contribution of poles to the economic development of the region, the history of the Catholic Church in Siberia, as well as the publication of memoirs and newly introduced archival documents. The topic of the contribution of poles to the development of science and culture in Siberia remains one of the most popular in modern Russian historiography, as well as in Polish. At scientific conferences, sections on this topic are constantly working and a large number of reports are presented, often dedicated to individual important figures. Memories and searches for "roots" by descendants of exiles and voluntary migrants to Siberia are of great interest. They include family oral traditions that are passed down from generation to generation, which allows them to be attributed to the sources of "oral history". It is worth noting the emerging trend: the publication of works summarizing the history of poles in Siberia for all periods of their existence. Currently, research centers operate in both Eastern and Western Siberia. Cooperation with historians of Poland and contacts at many scientific conferences that were held both in Siberian cities and in Poland itself have a positive impact on the expansion of the subject and new approaches.

The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-59-00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX-XX centuries».

REFERENCES

1. Shostakovich, B.S. (2015) Sistemnaya sibirsko-pol'skaya istoriya – sovremennaya kontseptual'naya al'ternativa marginal'no-traditsionalisticheskogo diskursa istorii polyakov v Sibiri [Systematic Siberian-Polish history – a modern conceptual alternative to the marginal-traditionalist discourse of the history of Poles in Siberia]. In: Mulina, S.A., Krikh A.A. & Legech, Ya. (eds) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiyskoy administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th century in the perception of the Russian administration, migrants and indigenous peoples of Siberia]. Omsk: Poligraf. Tsentr KAN. pp. 10–22.
2. Mulina, S.A. (2012) *Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri* [Forced Migrants. Adaptation of exiled participants of the Polish uprising of 1863 in Western Siberia]. St. Petersburg: Aletyya.
3. Oplakanskaya, R.V. (2007) Pol'skaya diaspora v Sibiri v XIX veke [Polish Diaspora in Siberia in the 19th century]. In: Leonchik, S.V. (ed.) *Pol'skaya intelligentsiya v Sibiri XIX–XX vv.* [Polish intelligentsia in Siberia of the 19th – 20th centuries]. Krasnoyarsk: [s.n.], p. 89–99.
4. Khanovich, V.A. (ed.) (1999) *Sibirskaya poloniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Siberian Polonia: past, present, future]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
5. Shostakovich, B.S. (ed.) (2001) *Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost': aktual'nye voprosy* [Siberian-Polish History and Modernity: Topical Issues]. Irkutsk: Ognivo.
6. Volos, M. & Matkhanova, N.P. (eds) (2013) *Problemy rossiysko-pol'skoy istorii i kul'turnyy dialog* [Problems of Russian-Polish History and Cultural Dialogue]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Mulina, S.A., Krikh, A.A. & Legech, Ya. (eds) (2015) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiyskoy administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th century in the perception of the Russian administration, migrants and indigenous peoples of Siberia] Omsk: Poligraf. Tsentr KAN.
8. Oplakanskaya, R.V. (2001) *Pol'skaya diaspora v Sibiri v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka* [Polish Diaspora in Siberia in the late 18th – first half of the 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.

9. Karikh, E.V. (2001) *Mezhetnicheskie otosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya v XIX – nachale XX vv.* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development in the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
10. Mulina, S.A. (2005) *Uchastniki pol'skogo vosstaniya 1863 goda v zapadnosibirskoy ssylke* [Participants of the Polish uprising of 1863 in the West Siberian exile]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
11. Beregovaya, E.P. (2007) *Pol'skaya politicheskaya ssylka v Eniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Polish political exile in the Yenisei province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
12. Nedzelyuk, T.G. (2015) *Konfessional'noe soobshchestvo katolikov Sibiri: vliyaniye mirovozzreniya na povsednevnyuyu zhizn' (1830–1917 gg.)* [Confessional community of Catholics in Siberia: the influence of worldview on everyday life (1830–1917)]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
13. Ostrovsky, L.K. (2015) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy chetverti XX veka* [Poles in Western Siberia at the end of the 19th – first quarter of the 20th century]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
14. Shaidurov, V.N. (2016) *Formirovaniye i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye evropeyskikh obshchin v Zapadnoy Sibiri v usloviyakh obshchestvennykh transformatsiy XIX – nachala XX v.* [Formation and socio-economic development of European communities in Western Siberia during the social transformations of the 19th – early 20th century]. Abstract of History Dr. Diss. Barnaul.
15. Mulina, S.A. & Krikh, A.A. (2013) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri. Poslednyaya tret' XVIII – pervaya tret' XIX vekov. Biograficheskiy slovar'* [Poles in Western Siberia. The last third of the 18th – first third of the 20th centuries. A biographical dictionary]. Omsk: Poligraf. Tsentr KAN.
16. Brus, A. (2002) *Dannye o pol'skikh ssyl'nykh v Sibiri i v Rossii posle Yanvar'skogo vosstaniya* [Data on Polish exiles in Siberia and in Russia after the January uprising]. In: Sergeeva, G.V. (ed.) *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in the History and Culture of the Polish People]. Moscow: Ladomir. pp. 520–523.
17. Sulimov, V.S. (2007) *Pol'skie ssyl'nye v Tobol'skoy gubernii (1801–1881 gg.)* [Polish exiles in the 19th century]. Tobolsk: [s.n.].
18. Nikulina, I.N. (2013) *Ssyl'nye polyaki na Altae v XIX v.* [Polish exiles in Altai in the 19th century]. In: Nikulina, I.N. & Pavlova, N.G. (eds) *Polyaki na Altae – Altay v Pol'she (XVIII–XXI vv.)* [Poles in the Altai – Altai in Poland (18th – 21st centuries)]. Barnaul: Alt. dom pečati.
19. Kazaryan, P.L. (1999) *Chislennost' i sostav uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863–1864 gg. v Yakutskoy ssylke* [The number and composition of participants in the Polish uprising of 1863–1864 in the Yakut exile]. Yakutsk: IGIANRS.
20. Khanevich, V.A. (2013) *Ssyl'nye polyaki v Tomskoy gubernii (1804–1915 gg.): putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti* [Polish exiles in Tomsk province (1804–1915). The guide to the funds of the State Archive of Tomsk Region]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
21. Khanevich, V.A. (ed.) (2001) *Katolicheskiy nekropol' goroda Tomska (1841–1919 gg.)* [The Catholic necropolis in Tomsk (1841–1919)]. Tomsk: The State Archive of Tomsk Region.
22. Khanevich, V.A. (1999) *Katolicheskiy nekropol' Tomska kak baza dannykh ob istorii tomskoy polonii vtoroy poloviny* [Catholic necropolis of Tomsk as a database on the history of Tomsk Polonia of the second half of the 19th – early 20th century]. In: Khanevich, V.A. (ed.) (1999) *Sibirskaya poloniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Siberian Polonia: past, present, future]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 161–163.
23. Ostrovsky, L.K. (2015) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka (problemy vzaimootnosheniya s primamayushchim obshchestvom)* [Polish exiles in Siberia in the late 19th – early 20th century (problems of relations with the host society)]. In: Mulina, S.A., Krikh, A.A. & Legech, Ya. (eds) (2015) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiyskoy administratsii, pereselentsy i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th century in the perception of the Russian administration, migrants and indigenous peoples of Siberia] Omsk: Poligraf. Tsentr KAN. pp. 248–255.
24. Skubnevsky, V.A. (1998) *Pol'skoye naseleniye Sibiri po materialam perepisi 1897 g.* [Polish population of Siberia based on the census of 1897]. In: Valeev, R.M. & Sharifzhanov, I.I. (eds) *Pol'skaya ssylka v Rossii XIX–XX vekov: regional'nye tsentry* [Polish exile in Russia of the 19th – 20th centuries: regional centers]. Kazan: Master Layn. pp. 170–175.
25. Ostrovsky, L.K. (2011) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri (1890-e – 1930-e gody)* [Poles in Western Siberia (1890s – 1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering.
26. Shaidurov, V.N. (2018) *The Polish community in Western Siberia: Adaption and integration features in the second half of the 19th century.* *Acta Histriae*. 26(2). pp. 641–660. DOI 10.19233/AH.2018.26.
27. Zharova, A.S. (2015) *Vozniknoveniye i razvitiye pol'skoy obshchiny v Kurganskom uезде Tobol'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Emergence and development of the Polish community in the Kurgan Uezd of Tobolsk Province in the second half of the 19th – early 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Chelyabinsk.
28. Leonchik, S.V. (2002) *Polyaki yuga Eniseyskoy gubernii. Istoriya ssylok i zaseleniya* [Poles of the South of Yenisei Province. History of exile and settlement]. In: Sergeeva, G.V. (ed.) *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in the History and Culture of the Polish People]. Moscow: Ladomir. pp. 52–58.
29. Goncharova, T.A. (2012) *K voprosu ob istorii formirovaniya pol'skoy diaspory v Tomskoy oblasti* [On the history of the formation of the Polish Diaspora in Tomsk Region]. In: Galkina, T.V. & Goncharova, T.A. (eds) *Polyaki v Sibiri. Polyaki o Sibiri* [The Poles in Siberia. The Poles about Siberia]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 19–25.
30. Nam, I.V. (2015) *Pol'skie bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v Sibiri* [Polish refugees of the First World War in Siberia]. In: Mulina, S.A., Krikh, A.A. & Legech, Ya. (eds) (2015) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiyskoy administratsii, pereselentsy i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th century in the perception of the Russian administration, migrants and indigenous peoples of Siberia] Omsk: Poligraf. Tsentr KAN. pp. 274–284.
31. Shostakovich, B.S. (ed.) (2009) *Vospominaniya iz Sibiri: memuary, ocherki, dnevnikovyye zapisi politicheskikh ssyl'nykh v Vostochnoy Sibiri pervoy poloviny XIX stoletiya* [Memoirs from Siberia: Memoirs, essays, diary entries of political exiles in Eastern Siberia of the first half of the 19th century]. Irkutsk: Artizdat.
32. Legech, Ya. (ed.) (2019) *Uchastniki Yanvar'skogo vosstaniya, soslannyye v Zapadnuyu Sibir', v vospriyatii rossiyskoy administratsii i zhiteley Sibiri* [Participants of the January uprising, exiled to Western Siberia, in the perception of the Russian administration and residents of Siberia]. Kielce: Wydawnictwo Un-tu Jana Kochanowskiego.
33. Shostakovich, B.S. (1995) *Istoriya polyakov v Sibiri (XVII–XX vv.)* [History of the Poles in Siberia (17th – 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
34. Goncharov, Yu.M. (2010) *Sem'ya i protsessy akkul'turatsii i assilyatsii polyakov v Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Family and processes of acculturation and assimilation of the Poles in Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Churkin, M.K. (ed.) *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of the History of Siberia]. Vol. 1. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 44–50.
35. Goncharov, Yu.M. (2005) *Pol'skaya sem'ya v gorodakh Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Polish family in the cities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Skubnevsky, V.A. (ed.) *Protssesy urbanizatsii v Tsentral'noy Rossii i Sibiri* [Urbanization in Central Russia and Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 101–112.
36. Gonczarow, Ju.M. (2007) *Polska rodzina na Syberii w połowie XIX i na początku XX wieku.* *Zeslaniec*. 29. pp. 33–48.
37. Goncharov, Yu.M. (2018) *Jews and Poles in the Siberian society of the 19th – early 20th century: two models of interethnic communication and adaptation.* *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost'. Kul'turno-istoricheskoye nasledie v sotsial'noy kommunikatsii* [Communicative Culture: History and Modernity. Cultural and Historical Heritage in Social Communication]. Proc. of the 8th International Conference. Novosibirsk, November 1, 2018. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 13–15.
38. Leonchik, S.V. (2015) *Pol'skie ssyl'nye i pol'skie dobrovol'nye pereselentsy v Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka: prichiny poyavleniya, vzaimootnosheniya na novoy rodine* [Polish exiles and Polish voluntary migrants in Siberia at the end of the 19th – early 20th century: reasons for

- appearance, relationships in the new homeland]. In: Mulina, S.A., Krikh, A.A. & Legech, Ya. (eds) (2015) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii rossiyskoy administratsii, pereselen'tsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th century in the perception of the Russian administration, migrants and indigenous peoples of Siberia] Omsk: Poligraf. Tsentr KAN. pp. 263–274.
39. Matkhanova, N.P. (2013) Polyaki na gosudarstvennoy sluzhbe v Sibiri: problemy integratsii do i posle Yanvar'skogo vosstaniya [Poles in the civil service in Siberia: problems of integration before and after the January uprising]. In: Volos, M. & Matkhanova, N.P. (eds) (2013) *Problemy rossiysko-pol'skoy istorii i kul'turnyy dialog* [Problems of Russian-Polish History and Cultural Dialogue]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 133–142.
40. Konovalov, V.V. (ed.) (2000) *Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty* [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents]. Tyumen: Tyumen. izd. dom
41. Nikolaev, K. (2002) Leon Grinevitskiy – pervyy nachal'nik Chukotki [Leon Grinevitsky – the first Governor of Chukotka]. In: Sergeeva, G.V. (ed.) *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in the History and Culture of the Polish People]. Moscow: Ladomir. pp. 84–89.
42. Shaidurov, V. (2016) Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family) *International Business Management*. 10(3). pp. 194–199.
43. Skubnevsky, V.A. (2001) Predprinimatel'stvo polyakov v Sibiri. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Polish entrepreneurs in Siberia. The second half of the 19th – early 20th centuries.]. In: Skubnevsky, V.A. (ed.) *Predprinimateli i predprinimatel'stvo v Sibiri* [Entrepreneurs and entrepreneurship in Siberia]. Vol. 3. Barnaul: Altai State University. pp. 139–152.
44. Skubnevsky, V.A. (2013) Predprinimatel'skaya deyatel'nost' v Sibiri uchastnikov vosstaniya 1863 g. i ikh potomkov [Business activities of participants of the uprising of 1863 and their descendants in Siberia]. In: Dameshek, I.L. (ed.) *Sibir' v imperii – imperiya v Sibiri: imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVII– nachale XX vv.* [Siberia in the Empire – Empire in Siberia: Imperial processes on the outskirts of Russia in the 17th – early 20th centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 279–291.
45. Ostrovsky, L.K. (2016) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy chetverti XX veka* [Poles in Western Siberia in the late 19th – first quarter of the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering.
46. Kenskaya, N.V. (2007) Professiya moikh predkov – zheleznaya doroga [My ancestors' profession is the railway]. In: Leonchik, S.V. (ed.) *Pol'skaya intelligentsiya v Sibiri XIX–XX vv.* [Polish intelligentsia in Siberia of the 19th – 20th centuries]. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 197–200.
47. Zinoviev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial Cadres of Old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
48. Pilsudskij, B. (2002) Polyaki v Sibiri [Poles in Siberia]. In: Sergeeva, G.V. (ed.) *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in the History and Culture of the Polish People]. Moscow: Ladomir. pp. 13–30.
49. Kudryavtsev, F.A. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
50. Ostrovsky, L.K. (2013) Vklad polyakov v razvitie obrazovaniya, nauki i iskusstva Zapadnoy Sibiri (1890 – sredina 1920-kh gg.) [Contribution of the Poles to the development of education, science and art in Western Siberia (1890 – mid-1920s)]. In: Volos, M. & Matkhanova, N.P. (eds) (2013) *Problemy rossiysko-pol'skoy istorii i kul'turnyy dialog* [Problems of Russian-Polish History and Cultural Dialogue]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 325–331.
51. Beregovaya, E.P. (2007) Prosveshchenskaya deyatel'nost' ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 g. v Eniseyskoy gubernii [Educational activities of exiled participants of the Polish uprising of 1863 in Yenisei Province]. In: Leonchik, S.V. (ed.) *Pol'skaya intelligentsiya v Sibiri XIX–XX vv.* [Polish intelligentsia in Siberia of the 19th – 20th centuries]. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 135–139.
52. Vavilov, S.P. (2007) Pol'skaya muzyka i pol'skie muzykanty v Tomske [Polish music and Polish musicians in Tomsk]. In: Leonchik, S.V. (ed.) *Pol'skaya intelligentsiya v Sibiri XIX–XX vv.* [Polish intelligentsia in Siberia of the 19th – 20th centuries]. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 173–179.
53. Mulina, S.A. (2006) Pol'skie mediki v zapadnosibirskoy ssylke [Polish doctors in the West Siberian exile]. In: Leonchik, S.V. (ed.) *Istoriya i kul'tura polyakov v Sibiri* [History and Culture of the Poles in Siberia]. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 36–40.
54. Shaidurov, V.N. (2013) *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia of the 19th – early 20th century]. St. Petersburg: Nevsky Institute of Language and Culture.
55. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A biographical dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
56. Gagarin, A.V. (ed.) (2000) *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: biograficheskiy spravochnik* [Professors of Tomsk Polytechnic University: A biographical reference book]. Vol. 1. Tomsk: NTL.
57. Fominykh, S.F. (ed.) (2004) *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (Gosudarstvennogo Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta) 1878–2003 : biogr. slovar'* [Professors of the medical faculty of Imperial (State) Tomsk University – Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University) 1878–2003: A biographical dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
58. Lamin, V.A. (ed.) (2009) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. V 3-kh t.* [Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols]. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
59. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk ot A do Ya : kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: A brief encyclopedia of the city]. Tomsk: NTL.
60. Sofronov, V.Yu. & Pribyl'skiy, Yu.P. (2004) *Tobol'skiy biograficheskiy slovar'* [Tobolsk Biographical Dictionary]. Ekaterinburg: Uralskiy rabochiy.
61. Zalesov, V.G. (2004) *Arkhitektory Tomsk (XIX – nachalo XX veka)* [Architects of Tomsk (the 19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
62. Gubushkina, I.G. (2017) *Antony Martinkovskiy – muzykant, pedagog, obshchestvennyy deyatel'* [Antony Marcinkovsky – musician, teacher, public figure]. Barnaul: IP Kolmogorov I.A.
63. Nikulina, I.N. (2011) *Religiya i politicheskie ssyl'nye Zapadnoy Sibiri v XIX v. (20-e – pervaya polovina 70-h gg.)* [Religion and political exiles of Western Siberia in the 19th century (1820s – first half of 1870)]. 2nd ed. Irkutsk: Ottisk.
64. Nedzelyuk, T.G. (2009) *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v polietnicheskom prostranstve Zapadnoy Sibiri: 1818–1918 gg* [The Roman Catholic Church in the polyethnic space of Western Siberia: 1818–1918.]. Novosibirsk: Prometey.
65. Khanevich, V.A. (2009) *Katoliki v Kuzbasse (XVII–XX vv.) (Ocherki istorii, materialy i dokumenty)* [Catholics in Kuzbass (the 17th – 20th centuries) (Essays on history, materials and documents)]. Kemerovo: Kuzbass.
66. Andronovsky, A.K. (2017) *Istoriya sem'i kak otrazhenie sotsiokul'turnoy situatsii na Altai v XIX v.* [Family history as a reflection of the socio-cultural situation in the Altai in the 19th century]. *Polzunovskiy al'manakh*. 3(2). pp. 5–14.

УДК 93/94 +327.5
DOI: 10.17223/19988613/69/25

М.М. Стельмак

ОБРАЗ ЯПОНИИ В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРЕССЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А.В. КОЛЧАКА (НОЯБРЬ 1918 – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Рассматривается образ Японии в качестве союзника антибольшевистского движения на примере материалов официальной прессы Российского правительства А.В. Колчака, издававшейся на территории Западной Сибири с ноября 1918 г. по декабрь 1919 г. На протяжении данного периода Российское правительство А.В. Колчака испытывало необходимость в военных поставках и было особенно заинтересовано в помощи со стороны Японии. Параллельно Япония проводила в отношении России политику в своих интересах, поддерживая нелояльные омским властям силы. Нуждаясь в поддержке Японией антибольшевистского движения, правительственные издания Сибири демонстрировали уважение и благодарность за ее политику, характеризуя японцев как ценных союзников.

Ключевые слова: Гражданская война в России; антибольшевистское движение; Япония; союзники; пресса; международные отношения; Сибирь.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске прекратило свое существование Временное Всероссийское правительство (Директория). В результате военного переворота власть получает вице-адмирал (вскоре произведенный в полные адмиралы) А.В. Колчак. Установилась власть Российского правительства А.В. Колчака. На заседании Совета министров 18 ноября 1918 г. было принято решение о переходе от директоральной к единоличной форме правления [1. С. 88]. Естественно, новое правительство было нацелено сохранять курс на продолжение и укрепление отношений с иностранными союзниками антибольшевистского движения. Но особый вопрос встал по поводу продолжения сотрудничества с Японией. Во многом это было непосредственно связано с личностью Верховного правителя. Первые конфликты А.В. Колчака с японцами начались еще в Харбине, где он с 11 мая по 30 июня 1918 г. находился в должности главного инспектора охранной стражи, затем возглавлял все формирующиеся антибольшевистские отряды в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Именно там и происходили споры с японской военной миссией и поддерживаемым ею главой Отдельного Маньчжурского отряда Г.М. Семёновым. В то время представители японской военной миссии были недовольны действиями А.В. Колчака, в основном из-за его соперничества с атаманом Г.М. Семёновым [2. С. 249].

В отечественной историографии неоднократно поднимался вопрос о взаимодействии антибольшевистского движения с Японией в качестве союзника. Роль Японии в Сибири и на Дальнем Востоке, в основном через деятельность представителей японской православной церкви, была рассмотрена в работе Б.П. Кандидова [3]. Интервенция в Сибири была затронута в работе С.С. Григорцевича, посвятившего свое исследование действиям США и Японии на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны [4]. Работа поэтапно раскрывает внесенный вклад в Гражданскую войну со

стороны США и Японии, в ней уделяется особое внимание серьезным противоречиям между ними, которые были использованы советским правительством. Отдельно необходимо выделить работы хабаровского историка М.И. Светачева. Результат его кропотливых изысканий был опубликован в итоге в виде монографии [5]. В данной работе автор широко осветил действия иностранных союзников (в том числе и Японии) в период Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, показав их взаимодействие со всеми антибольшевистскими правительствами и политическими течениями. Большое внимание уделено анализу различных политических и военных деятелей союзных держав по отношению к интервенции, их дискуссии по вопросам о мерах помощи антибольшевистскому движению, выявлены причины оказания поддержки одним политическим группировкам и отказа другим. В диссертационном исследовании П.Л. Нестеренко проанализированы материалы сибирской печати, посвященные отношениям с иностранными союзниками, в том числе и с Японией [6]. Подробному анализу внешней политики Российского правительства А.В. Колчака посвящена монография А.В. Шмелева [7]. Автором проведен глубокий анализ действий дипломатов на международной арене, дана оценка ими собственных сил, показаны последствия принятия решений, отразившихся на итогах Гражданской войны, проанализированы вопросы, связанные с военной помощью со стороны Японии.

Целью данной статьи является изучение образа Японии в качестве союзника антибольшевистского движения на страницах официальных государственных органов печати Российского правительства А.В. Колчака. Данные издания выходили в Западной Сибири с ноября 1918 по конец 1919 г., когда с приходом Красной Армии в Западной Сибири закрылись все антибольшевистские издания. Также в статье ставится задача выявить сходства и различия образа Японии

в периодической печати Западной Сибири в 1918–1919 гг. с реальной расстановкой сил на международной арене. Необходимо учитывать, что в правительственной печати создавался образ Японии, необходимый омским властям, так как уже 12 декабря 1918 г. правительством А.В. Колчака была введена предварительная цензура печати, вскоре замененная постановлением, дававшим военным властям право закрывать неугодные издания [8. С. 103].

Несмотря на то, что А.В. Колчак, приехав в Омск 13 октября 1918 г., неодобрительно относился к действиям Японии из-за разногласий и недопонимания с японскими военными на Дальнем Востоке, в периодической печати данная размолвка не освещалась. Генерал-майор П.П. Иванов-Ринов в шифровке от 31 октября 1918 г. на имя министра финансов И.А. Михайлова писал о А.В. Колчаке, что он, «к сожалению, весьма нетактично произвел разрыв с японцами и вообще многое испортил на Востоке своей несдержанностью» [9. С. 101]. В другой шифровке, отправленной П.П. Ивановым-Риновым 13 ноября 1918 г., говорилось, что назначение вице-адмирала А.В. Колчака военным и морским министром Временного Всероссийского правительства некоторые политики в Японии встретили как враждебный акт [Там же. С. 178]. Впрочем, давние инциденты решили забыть. 3 декабря 1918 г. в Омске была получена телеграмма от морского агента Российского правительства в Японии, в которой сообщалось: «Японские военные круги считают адмирала Колчака другом Японии, и они обещают поддержать новое правительство» [10. Л. 3].

В первых публикациях, посвященных Японии, отмечалось, что ее войска в ближайшем будущем не собираются уходить [11. С. 2]. Вскоре «Правительственный вестник» перепечатывает из японской прессы заявления японских политиков, касающиеся экономической и финансовой политики Японии, чтобы у читателей сложилось представление о ней как о стране пусть и с имеющимися трудностями, но и с четкой программой их преодоления. Было опубликовано мнение министра финансов Японии барона Такахачи: «Во всех финансовых вопросах я соразмеряю свои действия таким образом, чтобы постепенно улучшить положение, не прибегая к шагам, способным вызвать резкие перемены. То, что до сих пор сделано для регулирования биржи, не представляет собою, по моему мнению, средства для прочного улучшения положения и рассчитано, очевидно, на самые острые вопросы момента. Иными словами, проблема еще не исчерпана. Моя цель – заложить основы для прочных и радикальных улучшений и постепенно получать результаты» [12. С. 2]. При этом западносибирская пресса не публиковала аналогичные высказывания политиков ведущих западных держав, показывая, что экономика России и Японии в будущем предстоит пройти через схожие этапы развития.

В прессе отмечалось, что в Японии помнят и чтят подвиг русских солдат на фронтах Первой мировой войны. В поздравлении, полученном от японского консула во Владивостоке Никучи, говорилось: «Имею честь сообщить, что, памятуя с благодарностью о кро-

ви, пролитой Россией совместно с ее союзниками, и приветствуя приближающийся момент достижения целей и их великих жертв, и вместе с Вами душевно радуясь победе союзников» [13. С. 3]. Прессой публиковались заявления японских политиков, свидетельствующие об их уважении к другим народам. Согласно утверждениям Иннукая, члена японского дипломатического совета, «Япония должна показать отсутствие стремлений к территориальным приобретениям, ибо подчинение одного народа другим – плохое средство обеспечения всеобщего мира» [14. С. 2].

Уже в конце ноября 1918 г. в публикациях, посвященных Японии, появляется тенденция, которая отсутствовала в материалах, касающихся других союзников: почти в трети статей деятельность Японии так или иначе связывают с политикой США. «Японская газета “Асахи”, касаясь будущей роли Японии в Сибири, говорит, что в результате аннулирования Брестского договора все активные германские деятели должны оставить Россию. Теперь только Америка и Япония располагает достаточными силами для оказания помощи России и Сибири» [15. С. 2].

Далее читатели могли узнать, что Япония готова активно оказывать экономическую помощь по примеру США, но тем не менее лишь Сибирь и Дальний Восток являются теми регионами, в которых японцы гораздо лучше смогут справиться с возложенными на них задачами: «Если японская нерешительность будет продолжаться, если Япония не возьмет также активной роли, то результат будет плачевный: японские руки должны быть там, где есть работа. Конечно, нечего в этом отношении заглядывать в центральную Европу, но Сибирь по природе является таким местом, где работа должна быть сделана японскими руками» [Там же. С. 2].

В следующей публикации на тему действий США и Японии в России представлены материалы из газеты «Осака Асахи». Благодаря им читатели узнавали, что и в Японии признается, что у США имеется серьезный потенциал для начала преобразований в Сибири. Однако и Япония способна оказать значительную помощь, особенно беженцам и голодающим, которая все еще не развернута в серьезном масштабе. «Почему же Япония не принимает участия в этой благородной работе? – с пафосом восклицает газета. – Если она пропустит случай, то результаты будут плачевные. Сибирь является той страной, где работа Японии может быть полезна. Теперь нельзя терять время, ибо японцы должны помнить тот урок, который им уже был дан Соединенными Штатами и который американцами будет повторен» [16. С. 2]. Печать указывала и на положительную финансовую политику Японии в вопросах размещения капиталов за рубежом [17. С. 22].

Другой аспект, характеризующий отношения омского правительства с Японией, заключался в сходстве политических режимов. Если Великобритания, США, Франция, Чехословакия уже являлись буржуазными демократиями, то в Японии еще сохранялась монархическая форма правления с зачатками парламентаризма, что вызывало симпатии в Омском правительстве ввиду того, что А.В. Колчак, по мнению историка В.Г. Хандорина, сам был сторонником авторитарной формы

правления и делал «реверансы» в сторону демократии лишь вынужденно [18. С. 238]. В предисловии к публикации, посвященной восприятию демократических идей в Японии, отдается дань уважения республиканским формам правления. Но при этом подчеркивается, что представители японской интеллигенции в лице профессора токийского университета Томидзу Кеанжина полагают, что для многих государств такого рода форма правления может привести к печальным последствиям: «Пусть во всех других странах торжествуют идеи демократизма, изменяя их конституцию – для Японии же нет никакого основания поддаваться влиянию общей тенденции делаться демократичной. Японии нечего бояться, что это будет иметь влияние на ее образ правления. Необходимо тем, кто стоит у кормила правления, обратить должное внимание на распространение таких опасных идей, содержащих в себе элемент социализма, который овладевает уже умами масс» [19. С. 2]. Подобная направленность была характерна для всей правительственной и военной прессы. Газета «Военные ведомости» отмечала, что по итогам обсуждения в Японии деятельности профсоюзов была признана преждевременность таких организаций. Там же было отмечено, что, по мнению бывшего премьер-министра Японии С. Окума, идея В. Вильсона о праве наций на самоопределение применима далеко не ко всем [20. С. 3].

Кроме мнения японской интеллигенции можно было узнать и точку зрения военных кругов. Прибывший в феврале 1919 г. в Омск адмирал К. Танака подчеркнул, что в Японии многие показывают горячее стремление оказать экономическую поддержку России [21. С. 2]. Важно отметить, что приезде К. Танаки уделялось немалое внимание. Из газет можно было узнать, что он долгое время жил в России, вместе с русскими инженерами принимал участие в извлечении из воды взорванного крейсера «Императрица Мария», где и познакомился с А.В. Колчаком [22. С. 3]. Вскоре корреспондент «Правительственного вестника» взял интервью у К. Танаки. Японский адмирал рассказывал о своей поездке по Сибири с удовлетворением, отмечал, что везде встречал к себе исключительно положительное отношение. Вместе с этим в пути он смог убедиться, что Российское правительство А.В. Колчака стоит на твердых основаниях. Адмирал подчеркнул, что в Японии общественность, народ очень сочувственно относятся к омскому правительству, многие высказываются за экономическую поддержку антибольшевистской России [23. С. 2]. Читатели газет могли увидеть, что в Японии не утихал интерес к событиям в России. Приводились материалы из японской печати, например о дискуссиях в японском парламенте. Так, читатель узнавал, что министр иностранных дел Японии Я. Утида считал Китайско-Восточную железную дорогу совместным предприятием России и Китая. Далее министр выражал надежду на здоровое развитие омского правительства и его скорейшее признание [24. С. 2].

В аналитической статье «Роль и значение России» давалась подробная оценка влияния мировых держав в различных регионах мира. Действия Японии в данной публикации были связаны с политикой США.

В Сибири и Китае США придется столкнуться с японским потоком товаров, что должно в будущем привести к самой ожесточенной борьбе за рынки в итоге может вызвать вооруженный конфликт. Причем победа в конфликте будет не на стороне Америки: «Если мы внимательно изучим географическую карту, то нам станет вполне ясно, что в случае конфликта между Японией и Америкой все преимущества будут на стороне первой. Все морские базы Америки страшно удалены от Японии, так что даже защита Филиппинских островов представляется для нее очень трудной, не говоря уже об агрессивных действиях» [25. С. 2]. Даже в самих Соединенных Штатах признавалась важность Японии в качестве союзника антибольшевистского движения. По мнению американского журналиста У. Уолтера, «Япония является на востоке единственным барьером против волны большевизма» [26. С. 2]. Одновременно в Омске политическим деятелям политика Японии виделась в ином свете. В секретной телеграмме председателя Совета Министров Российского правительства П.В. Вологодского Верховному уполномоченному на Дальнем Востоке генерал-лейтенанту Д.Л. Хорвату от 18 февраля 1919 г. говорилось, что «Япония не заинтересована в восстановлении единой и сильной России. Подобно своей деятельности в Китае, она будет и здесь стремиться к поддержанию гражданской войны до полного изнурения России, чтобы создать удобную почву для эксплуатации обессилившей страны» [27. С. 78].

Летом 1919 г. были перепечатаны материалы из японской газеты «Хочи симбун», в которых США упрекают за поучение: «Газета “Хочи” отмечает, Америка обуславливает признание требованием демократизации правительства. Это требование, по мнению “Хочи”, является вмешательством во внутренние дела, против чего столь резко судила сама Америка» [28. С. 3]. С сочувствием сообщалось, что, к сожалению, некоторые американские и британские газеты распространяли информацию о враждебном отношении к Великобритании и США в японской прессе. Причем критика Японии вызывала отторжение и в западных странах. В качестве доказательства было приведено анонимное мнение британского государственного деятеля: «Мировое положение Японии колоссально возвысилось полным достоинством поведения ее представителей на мирной конференции. Англия, Франция, Америка и Италия уверены, что Япония даст твердую базу для Лиги Наций на Дальнем Востоке» [29. С. 2]. Но в самой Японии ряд политических деятелей не видит Лигу Наций без России. Более того, Россия должна стать ее главным членом. Это связано еще с тем, что только совместные действия России и Японии смогут удержать китайский большевизм [30. С. 2].

В данных публикациях нашел отражение взгляд кадетской партии, выступающей за сближение с Японией. В то же время Япония представала в образе страны, несправедливо подвергавшейся критике со стороны США. В марте 1919 г. товарищ министра внутренних дел омского правительства В.Н. Пепеляев искал пути сближения с Японией. Впрочем, по воспоминаниям современников, В.Н. Пепеляев уже в сен-

тябре 1918 г. стоял совершенно определенно за ориентацию на японцев [31. С. 164]. По его мнению, данное сближение ко всему прочему могло бы способствовать усилению помощи со стороны остальных союзников, которые испугаются усиления влияния со стороны Японии [18. С. 289]. Вследствие этого именно летом 1919 г. печать демонстрировала японских военных в качестве деятелей, желающих взаимопонимания с российским населением. Так, сообщалось, что по инициативе японского генерала Сойи в Благовещенске для русских офицеров были организованы бесплатные курсы японского языка. В будущем японцы были намерены издавать русско-японский словарь для бесплатного распространения среди русского населения. Такая акция должна была устранить всякое недопонимание между русскими и японцами [32. С. 2]. Из беседы с управляющим японским консульством в Омске Ш. Шимадой следовало, что экономические отношения с Сибирью приобретают для Японии важное значение [33. С. 2]. Для устранения всякого недопонимания в России специально должно быть создано японское информационное бюро. Именно об этом было заявлено на торжественном обеде в Омске членом японского парламента Зумото. Причем в ответ на речь Зумото представители омской прессы заявили, что Россия всегда будет благодарна Японии за активное участие в борьбе с большевиками [34. С. 4]. По ряду публикаций у читателя могло сложиться мнение, что японцы настроены более решительно оказывать помощь, нежели остальные иностранные союзники антибольшевистского движения. В «Правительственном вестнике» отмечалось, что японская пресса упрекала Великобританию, Францию и США за то, что правительства данных стран все еще не признали омскую власть [35. С. 2].

Летом 1919 г. в Российском правительстве А.В. Колчака наметилась тенденция в сторону сближения с Японией. Видимо, подобные публикации были вызваны тем, что осведомительный отдел ставки А.В. Колчака огласил важное сообщение для омских властей. Стало известно, что член японской военной миссии полковник Фукуда заявил о том, что состоялся обмен мнениями между правительствами США и Японии о помощи антибольшевистскому движению. Япония настаивала на оказании помощи военной силой в широких масштабах [9. С. 251]. Управляющий министерством иностранных дел Российского правительства И.И. Сукин в письме послу антибольшевистской России в Токио В.Н. Крупенскому от 13 июля 1919 г. передавал просьбу А.В. Колчака повлиять на японское правительство, чтобы оно срочно обсудило вопрос о посылке двух дивизий на запад от Иркутска [36. С. 314]. Н.В. Устрялов, описывая в своем дневнике заседание «Блока четырнадцати» 15-16 июля 1919 г., отметил, что представители промышленников и казачества мечтают использовать японцев на фронте [37. С. 304].

В публикациях «Правительственного вестника» уделялось внимание дислокации военных частей союзников, их действиям на территории бывшей Российской империи. Но материалы, касающиеся японской армии, включали в себя многие подробности,

вплоть до расположения отдельных отрядов [38. С. 3]. Военные учения в Японии воспринимались положительно, видимо, был расчет, что после них войска придут на Дальний Восток с целью оказания помощи. «Согласно предначертанию, в ней примут участие сто пехотных батальонов, сорок пулеметных команд, сто батарей артиллерии, пятьдесят эскадронов кавалерии, двадцать отрядов инженерных войск и много всяких специальных войск, как то авиаторов, железнодорожных батальонов и т.д. Общее число участвующих войск дойдет приблизительно до ста тысяч» [39. С. 2]. Тем не менее часть японцев могли не разделять политику собственного правительства. Так, в 1919 г. во Владивостоке некоторые японские солдаты имели связи с политическими заключенными [40. С. 18]. В отличие от освещения деятельности других союзников, печатались сводки боев японских солдат с красными партизанами на Дальнем Востоке, выражалась благодарность за энергичность и решительные меры [41. С. 2]. Более того, ввиду решительных действий японцам даже удается оперативно выявлять и пресекать операции противника: «Во время последних боев в Амурской области японцами захвачены очень важные документы сенсационного характера. Они заключают разработанный до мельчайших подробностей, очень умелый план выступления большевистских организаций Амурской области» [42. С. 2].

Другим важным аспектом, напрямую затрагивающим внешнюю политику, стали отношения Российского правительства А.В. Колчака с атаманом Г.М. Семёновым, не признавшим военный переворот в Омске и взявшим правление в Забайкальской и Амурских областях в свои руки специальным приказом [43. С. 11]. Г.М. Семёнов пользовался поддержкой Японии, и это могло серьезно отразиться на отношениях Токио и Омска. Японские военные заявили, что не допустят никаких мер против Г.М. Семёнова, не остановятся даже для этого перед применением оружия [44. С. 178]. Но в «Правительственный вестник» данная информация не попала. Действия Г.М. Семёнова подвергались критике, но ничего не сообщалось о его иностранной поддержке [45. С. 2]. Напротив, сообщения о поддержке японцами Г.М. Семёнова специально опровергались: «Начальник управления военно-полевых сообщений японских войск Такеучи категорически опроверг приписанное ему одной из местных газет заявление о желании Японии защитить всеми силами атамана Семёнова. Генерал Такеучи обратился к главнокомандующему с просьбой объявить, что подобные сообщения вносят рознь в созидательную работу союзников и раздор в государственную работу русских» [46. С. 3]. Читинские газеты даже заняли антиамериканскую позицию, поддерживая Г.М. Семёнова и действия Японии [47. С. 277]. 27 мая 1919 г. А.В. Колчак издал приказ № 136 о реабилитации Г.М. Семёнова, хотя в Омске понимали, что в этом случае придется нести ответственность за все действия атамана [44. С. 182]. На образ Японии в печати не повлияла и поддержка решения Г.М. Семёнова, касающегося создания панмонгольского государства. В апреле 1919 г. делегация «правительства Объединенной Монголии»

даже выехала в Токио, где посетила союзные посольства, но встретила отказ со стороны западных держав, не разделявших японские намерения [5. С. 120]. Как признавал И.И. Сукин, омские власти находились в зависимости от помощи Японии и не могли обострять с ней отношения из-за Г.М. Семёнова [48. С. 17]. Представляет интерес по этому поводу сообщение из Японии, перепечатанное газетой «Сибирская жизнь». Японское осведомительное бюро благоприятно отзывалось о примирении А.В. Колчака и Г.М. Семёнова. При этом мир был заключен в значительной степени благодаря стараниям Японии, которая таким образом пыталась подготовить почву для признания омского правительства за рубежом [49. С. 2]. Но данное официальное примирение не изменило политику Г.М. Семёнова. В конце июня 1919 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего А.П. Будберг отмечал, что не проходит и нескольких дней без донесений о безобразиях и насилиях японских военных на подконтрольной Г.М. Семёнову территории [50. С. 148]. Однако из прессы читатель все равно мог узнать о благожелательном отношении со стороны японцев. Омские газеты указывали, что японская пресса настаивала на необходимости свержения большевизма. Для этого все союзники должны забыть о противоречиях и оказать всевозможную помощь омскому правительству. Но при этом именно Япония имеет наибольший интерес в поддержке А.В. Колчака [51. С. 2].

Начиная с осени 1919 г., когда в прессе начинают появляться первые публикации, критикующие действия западных союзников, образ Японии не подвергся кардинальным изменениям. Кроме того, «Правительственный вестник» сам часто цитирует высказывания японских газет, недовольных союзными странами. Например, газета пишет о недоумении японской прессы по поводу антияпонских намерений американцев, возвращающихся с Дальнего Востока [52. С. 3]. В газетных материалах образ Японии предстает как образ державы, готовой идти до конца. У читателя формируется мнение о том, что Япония не собирается выводить войска, скорее, наоборот: «Хотя союзники могут отозвать все свои войска, Япония оставит свои войска в Восточной Сибири и Приморской области, ввиду того что оживление деятельности большевиков является угрозой для благополучия Японии. Япония может даже оказаться вынужденной усилить борьбу с большевиками. У пяти дивизий, расположенных в Чите, намечается расширение операций против большевиков» [53. С. 1]. После того как 18 сентября 1919 г. генерал-майор Ой был назначен новым главнокомандующим японскими экспедиционными силами Сибири, А.В. Колчак отправил ему телеграмму с пометкой «спешно вне очереди», заканчивающуюся следующими заверениями: «Искренне желаю успешного выполнения Вашей высокой миссии для блага и укрепления дружественных отношений Японского и Русского народов» [54. С. 470].

Желая снова подчеркнуть отсутствие корыстных интересов японских союзников, в «Правительственном вестнике» было опубликовано сообщение, поступившее якобы из авторитетных японских источников. В нем

говорилось, что цель Японии заключается в открытии для нее сибирского рынка. Но японское правительство совершенно не интересуют ни территориальные приобретения в Сибири, ни концессии. Со стороны Японии был лишь интерес получить разрешение японским предпринимателям наравне с другими иностранцами основывать акционерные общества в Сибири. Причем бизнес не претендовал ни на особую юрисдикцию, ни на экстерриториальность этих обществ. Япония оставалась непоколебимой в решении поддерживать Российское правительство А.В. Колчака [55. С. 1]. В отношении омского правительства Япония была не намерена менять свою политику и желала продолжать помощь «вне зависимости от положения на фронте» [56. С. 1]. В октябре 1919 г. японский консул в Омске Т. Като, объясняя желание Японии помочь, уточнял, что уход ее войск зависит только от желания омского правительства [57. С. 2]. Данная мысль была им вскоре продолжена: «Мы помогаем вам бескорыстно, заявляю это совершенно категорически, ибо у нас с вами интересы общие. Не в области корысти и приобретения, нам, как и вам нужна здоровая и Великая Россия» [58. С. 1]. В одном из последних вышедших в Омске номеров «Правительственного вестника» подчеркивалось, что и державы Антанты признают, что только Япония сможет в итоге заменить остальные союзные силы, и это будет благоприятно для всех: «В дипломатических кругах сообщают, что в связи с предполагающимся уходом чехословацких войск из Сибири правительства Англии и Франции обратились к Японии с просьбой усилить свои войска в Сибири для замены чехословаков» [59. С. 2].

Немного ранее омское правительственное издание «Русское дело», освещая материалы японской прессы, сделало акцент на критике в ней западных союзников. Так, читатель мог увидеть, что, по мнению японской общественности, вся деятельность стран Антанты являлась сплошной неудачей, поскольку если бы союзники с самого начала действовали решительней, то могли давно взять Петроград и разгромить большевиков [60. С. 2]. При этом Япония все еще заинтересована судьбой Сибири и не собирается отзываться свои войска [61. С. 2]. Постройка промышленных предприятий и фабрик японцами на Дальнем Востоке не является следствием их агрессивных замыслов против России. Япония, скорее, жертва и стремится к союзу с Россией для противодействия Китаю, Корее и США [62. С. 3]. Япония не пойдет по примеру западных союзников и не будет выводить из России войска [63. С. 1]. По словам главнокомандующего экспедиционными силами в Сибири японского генерал-майора Оой, действия Японии и в будущем будут направлены к водворению законности и порядка в стране [64. С. 2]. Согласно другому заявлению генерал-майора Оой, Япония не позволит большевизму распространиться до берегов Тихого океана [65. С. 2]. В обращении к населению Амурской области от 17 ноября 1919 г., составленном от лица командующего японскими войсками в Амурской области генерал-майора С. Ямада и атамана Амурского казачьего войска полковника А.Д. Кузнецова, было указано: «Пребывание японских войска на

территории России имеет целью не вести войну для войны и заставлять от этого страдать мирное население, а войска настойчиво преследуют лишь тот элемент населения, который нарушает порядок и спокойствие и деятельность путей сообщения» [66. С. 124]. Несколько позднее в подобном обращении от японского командования амурским крестьянам говорилось, что Япония никогда не допустит победы большевиков. С ее стороны будет и впредь оказываться серьезная помощь, на данный момент Япония в состоянии отправить в Россию 100 дивизий. В обращении подчеркивалось, что японская политическая мысль утвердилась в том, что борьба с большевизмом должна быть беспощадной до полного уничтожения всех приверженцев этого течения [67. С. 1].

Образ Японии в качестве союзника антибольшевистского движения имел свой специфический характер. Во многом это было обусловлено численностью японского контингента в Сибири и на Дальнем Востоке – 50 тыс. солдат на 16 марта 1919 г. (впоследствии он был сокращен до 28 тыс.) [6. С. 25]. Япония, благодаря географическому фактору, имела гораздо больше возможностей оказывать помощь, чем остальные союзные государства. Конечно, Чехословацкий корпус уже находился на территории Сибири и Дальнего Востока, но в данный период Чехословакия зависела от западных государств. Именно в политике Японии виделись близкие правящим слоям антибольшевистских правительств тенденции: отсутствие традиций буржуазной демократии, курс на единую и неделимую империю, особый путь развития. А.В. Колчак резко негативно относился к демократическим формам правления, отдавая предпочтение единоличной власти [68. С. 149]. По своей сути он не переставал оставаться монархистом и после Февральской революции [69. С. 185]. «После Февраля 1917 г. у Колчака произошла смена политических ориентиров, но не взглядов, и его мировоззрение эволюционировало в сторону установления военной диктатуры и вовлечения армии в управление страной» [70. С. 191]. Российское правительство А.В. Колчака не соответствовало ни парламентской демократии, ни президентской республике, являясь авторитарным военным режимом [71. С. 50].

Политики антибольшевистского лагеря ближе к концу 1919 г. стали испытывать разочарование недостаточной (по их мнению) помощью западных держав. Например, либералы и консерваторы были недовольны «демократизмом» американского президента В. Вильсона и ориентировались на Японию [72. С. 212].

О ценности помощи Японии говорит и тот факт, что несмотря на конфликт с Г.М. Семёновым власти предпочли умолчать о роли Японии в его поддержке, хотя Г.М. Семёнов даже настраивал других военных против А.В. Колчака. В письме от 25 мая 1919 г. атаману Партизанской дивизии полковнику Б.В. Анненкову Г.М. Семёнов так охарактеризовал внешнюю политику Российского правительства А.В. Колчака: «...совершенно точно установленное и обнаружившееся германофильское направление в области внешней политики создает чрезвычайно трудные условия совместной работы с ними» [73. С. 133]. Однако сокрытие

информации о сотрудничестве японцев с Г.М. Семёновым имело свои причины. Сыграло немалую роль, что сам А.В. Колчак как человек милитаристских взглядов симпатизировал японской политической системе, о чем он сам утверждал в личной переписке [74. Л. 90–96]. 22 ноября 1919 г. А.В. Колчак в разговоре с В.Н. Пепеляевым заявил, что вместо налаживания отношений с Чехословацким корпусом он «поставил вопрос о сближении с Японией, которая одна в состоянии помочь нам реальной силой по охране железной дороги» [75. С. 245]. Как отмечал по этому поводу эсер Е.Е. Колосов, «история международной политики Колчака – это и есть история постепенно углублявшегося разрыва с чехами и нарастающей связи... с японцами» [76. С. 129]. Именно по этой причине в прессе образ Японии как ценного союзника даже в конце существования Российского правительства А.В. Колчака не подвергался существенным изменениям, в связи с чем «Правительственному вестнику» даже разрешалось подвергать критике остальных союзников.

Конфликты, связанные с действиями японского правительства, не афишировались, хотя прекрасно осознавались антибольшевистскими властями востока России. Еще в сентябре 1918 г. в докладе по министерству иностранных дел Временного правительства автономной Сибири говорилось о правонарушениях со стороны японских органов власти [77. С. 241]. В письме генерал-майора В.А. Степанова от 1 октября 1918 г. генералу от инфантерии М.В. Алексееву о положении на Дальнем Востоке говорилось, что японцы вели себя наглее всех. Согласно его мнению, вступление японцев было равносильно военной оккупации. В.А. Степанов указал, что в Хабаровске японцы присвоили себе канонерки и их дорогостоящую базу под предлогом военной добычи, отнятой у большевиков, для расплат с русским населением ввели особые боны, меняемые только на иены [78. С. 494]. Летом 1919 г. во Владивостоке произошло разоблачение фальшивомонетчиков-японцев, у которых при задержании было изъято подложных «омских» обязательств на 2,5 млн руб. [79. С. 81]. По свидетельству омского министерства финансов, в Японии даже печатались фальшивые «керенки» [80. С. 135]. Параллельно из Японии поставлялись материалы для бумажноденежного производства, в том числе высокосортная бумага [81. С. 267]. Даже земские структуры наладили свои школьные издательские программы, печатая учебники для российских школ в типографиях Японии [82. С. 374]. Одновременно за границей дипломатические представители антибольшевистской России делали все возможное для обеспечения помощи иностранными союзниками для победы над противником [83. С. 79].

В итоге А.В. Колчак в середине декабря повел речь о территориальных уступках Японии за увеличение ее помощи. Но в связи с ускорившимся поражением переговоров ни к чему не привели [84. С. 198]. Вероятно, данное предложение стало известно некоторым политическим деятелям. Это вызвало недовольство ведущего общественного деятеля, одного из руководителей сибирской кооперации А.В. Сазонова, имевшего прозвище «дедушка русской революции», который ранее

видел в А.В. Колчаке «русского Вашингтона». В открытом письме А.В. Колчаку он делал упрек Верховному правителю, который, пойдя на поклон к японцам, вычеркнул себя из игры реальных сил, борющихся на территории Сибири [85. С. 205].

В правительственной прессе Япония представляла в образе державы, до конца готовой оказывать поддержку антибольшевистскому движению в России. Причем за помощь Российскому правительству А.В. Колчака выступали различные категории населения Японии: военные, интеллигенция, предприниматели. За оказанную помощь Япония не требовала практически ничего взамен, ей не нужны территориальные приобретения в Сибири и на Дальнем Востоке. Из газет следовало, что японское правительство считает, что вывод и ввод контингента японских войск в Россию зависит только от желания омского правительства и местного населения. Не шло даже речи о навязывании чужой воли или неприемлемой для России формы правления. Именно сильная и единая антибольшевистская Россия была необходима Японии. В то же время остальные союзники антибольшевистского движения зачастую проявляли недружественное отношение к японскому правительству, главным образом такая политика исходила со стороны США. Правительственная пресса цитировала материалы японских газет с критикой союзников за недостаточную помощь, давая, таким образом, Японии кредит доверия. Ближе к концу 1919 г. Япония представляла в образе единственного способного оказывать антибольшевистской России помощь государства.

Создаваемый образ во многом был связан с особенностями Японии и ее ролью на мировой арене. Япония как страна, вышедшая из Первой мировой войны победительницей с наименьшими потерями,

могла оказать антибольшевистскому движению немалую помощь. Но в то же время ее интересы на Дальнем Востоке напрямую сталкивались с интересами других союзников, особенно США. В связи с этим, несмотря на зависимость от иностранных союзников, Российское правительство А.В. Колчака стремилось лавировать между ними, стараясь использовать их противоречия. Географическое расположение Японии позволяло ей гораздо оперативней оказывать военную поддержку антибольшевистскому движению. В отличие от западных держав, антивоенное движение в этой стране не пыталось оказывать влияние на политику правительства. Появившиеся осенью 1919 г. публикации, ставившие Японию в пример другим союзникам, были также связаны с политической ситуацией. В сентябре 1919 г. Верховный совет Антанты принял решение о выводе своих воинских формирований из других районов России [86. С. 352]. В связи с этим формируемым образом Японии ставилась цель сделать укор союзнической политике. Из-за важности оказываемой Японией помощи приходилось не обсуждать, особенно в прессе, негативные стороны ее политики, такие как финансовая деятельность, поддержка Г.М. Семёнова, которому в 1918–1919 гг. принадлежала в Забайкалье вся полнота власти [87. С. 6]. Но в связи с поражением Российского правительства А.В. Колчака, его неудачами во внутренней политике помощь Японии не приобрела желаемых для антибольшевистского движения масштабов. Созданный образ Японии показывает важность внешней помощи для омского правительства, поэтому и держава, имеющая свои стратегические цели на Дальнем Востоке России, усиленно представляла в антибольшевистской прессе Западной Сибири в качестве надежного друга и союзника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишкин В.И. К истории государственного переворота в Омске (18–19 ноября 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2002. Т. 1, вып. 3: История. С. 87–97.
2. Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и адмирал Колчак. Публикация А.А. Петрова // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2010. С. 243–254.
3. Кандидов Б.П. Японская интервенция в Сибири и церковь. М. : ОГИЗ, 1932. 64 с.
4. Григорьевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. М. : Госполитиздат, 1957. 199 с.
5. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922). Новосибирск : Наука, 1983. 338 с.
6. Нестеренко П.Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала Колчака с союзниками: источниковедческий аспект : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. 171 с.
7. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала А.В. Колчака (1918–1919). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2017. 266 с.
8. Якимов О.Д. Печать Восточной Сибири под властью А.В. Колчака // Вестник Томского университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 100–104.
9. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М. : Воениздат, 1966. 384 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119.
11. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1918. 22 нояб.
12. Экономическая политика нового японского правительства // Правительственный вестник (Омск). 1918. 23 нояб.
13. Перемирие // Правительственный вестник (Омск). 1918. 24 нояб.
14. Японские деятели и пресса о проблемах мира // Русская Армия (Омск). 1918. 26 нояб.
15. За границей // Правительственный вестник (Омск). 1918. 27 нояб.
16. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1918. 10 дек.
17. Японский промышленный банк // Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. 11 янв.
18. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 368 с.
19. Мнение японского профессора о демократии // Правительственный вестник (Омск). 1918. 28 нояб.
20. Телеграммы // Военные ведомости (Новониколаевск). 1918. 22 нояб.
21. Россия и Япония // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 21 фев.
22. Приезд японского адмирала Котаро Танака // Правительственный вестник (Омск). 1919. 13 фев.
23. Беседа с адмиралом Танака // Правительственный вестник (Омск). 1919. 18 фев.
24. Российское правительство в японском парламенте // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 10 марта.
25. Роль и значение России // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 19 марта.

26. Последние известия // Алтайский вестник (Барнаул). 1919. 30 апр.
27. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / сост. И.И. Минц. М. : Централрхив, 1934. 235 с.
28. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 13 июня.
29. В Японии // Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 18 июля.
30. К взаимоотношениям России и Японии // Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 19 июля.
31. Звягин С.П. В.Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века / Юргинский технолог. ин-т. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. 342 с.
32. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 12 июня.
33. На Дальнем Востоке // Правительственный вестник (Омск). 1919. 25 июля.
34. К приезду японской миссии // Правительственный вестник (Омск). 1919. 26 июля.
35. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 авг.
36. Гражданская война в России (1918–1921 гг.) : хрестоматия / сост. С.А. Пионтовский. М. : Изд. Ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1925. 708 с.
37. Устрялов Н.В. Белый Омск (дневник колчаковца) // Русское прошлое : ист.-документ. альманах. СПб. : Светлен, 1991. № 2. С. 283–338.
38. Дислокация японских войск // Правительственный вестник (Омск). 1918. 29 нояб.
39. Чрезвычайные военные маневры в Японии // Правительственный вестник (Омск). 1918. 1 дек.
40. Шурыгин А. Революционные волнения в интервентских войсках на Дальнем Востоке. Хабаровск : Дальневост. краевое гос. изд-во, 1938. 40 с.
41. Борьба с большевиками // Правительственный вестник (Омск). 1919. 28 фев.
42. Борьба с большевиками // Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 марта.
43. Атаман Семёнов. Вопросы государственного строительства : сб. документов и материалов. Чита : Поиск, 2002. 128 с.
44. Лившиц С.Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семёнов (к истории «семёновского инцидента») // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск : Наука, 1985. С. 176–184.
45. Ликвидация «Семёновщины» // Правительственный вестник (Омск). 1918. 8 дек.
46. Внутренние известия // Правительственный вестник (Омск). 1918. 17 дек.
47. Конев К.А. «Доблестные союзники» или «симулированные друзья»: интервенция США в изображении периодической печати Сибири и Дальнего Востока // Вестник Кемеровского университета. 2015. № 2-6 (62). С. 275–280.
48. Савченко С.Н. Примирение Верховного правителя России А.В. Колчака и атамана Г.М. Семёнова весной 1919 года // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 13–19.
49. Ликвидация недоразумения с атаманом Семёновым // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 22 июня.
50. Будберг А.П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. 336 с.
51. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 18 авг.
52. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 сен.
53. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 27 сен.
54. Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. : сб. документов / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2012. 560 с.
55. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 окт.
56. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 1 нояб.
57. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 12 окт.
58. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 16 окт.
59. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 29 окт.
60. Японцы о союзниках // Русское дело (Омск). 1919. 23 окт.
61. Япония заинтересована // Наша газета (Томск). 1919. 7 нояб.
62. Японские предприятия на Дальнем Востоке // Наша газета (Томск). 1919. 15 нояб.
63. Япония и Сибирь // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 7 нояб.
64. Россия и союзники // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 14 нояб.
65. Заявление японского генерала // Родина (Томск). 1919. 25 нояб.
66. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке : документы и материалы. Владивосток : ИИАЭН ДВО РАН, 1995. 216 с.
67. Обращение японского командования к амурским крестьянам // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 6 дек.
68. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск : Изд-во Том. гос. архитектурно-строит. ун-та, 2006. 269 с.
69. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. 260 с.
70. Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. 200 с.
71. Бучко Н.П., Ципкин, Ю.Н. Политические взгляды и деятельность А.В. Колчака в 1917–1920 гг. // Армия и общество : науч.-инф. журнал. 2014. № 6 (43). С. 46–51.
72. Конев К.А. Образ президента США В. Вильсона в периодической печати Сибири и Дальнего Востока // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов II Всерос. молодежной науч. конф. / отв. ред. Р.Е. Романов; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : Nonпарель, 2012. С. 205–212.
73. Ганин А.В. Новый документ о сепаратизме атаманов Б.В. Анненкова и Г.М. Семёнова // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв. : сб. науч. ст. Хабаровск, 2014. Вып. 4. С. 131–134.
74. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-3436. Оп. 1. Д. 5.
75. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. : Мысль, 1983. 294 с.
76. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. Петроград : Былое, 1923. 190 с.
77. Петин Д.И. Документы Временного правительства автономной Сибири о хождении военных денег Сибирской экспедицией японских войск // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 236–246.
78. Деникин А.И. Очерки русской смуты. 2-е изд., испр. и доп. М. : Айрес-пресс, 2013. Кн. 2, т. 2: Борьба генерала Корнилова; т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. 736 с.
79. Петин Д.И. Фальшивые краткосрочные обязательства государственного казначейства правительства А.В. Колчака: источниковедческий подход в изучении бумажных денежных знаков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2010. № 1. С. 79–84.
80. Петин Д.И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917 – ноябрь 1920 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 293 с.
81. Петин Д.И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот опрос с мёртвой точки...»: положение Экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 256–270.
82. Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. 440 с.
83. Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920 : документы Исторического архива Омской области : сб. документов / авт.-сост., науч. ред. Д.И. Петин; вступ. сл. А.В. Сушко. Омск : Амфора, 2014. 224 с.

84. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала А.В. Колчака (1918–1919). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2017. 266 с.
85. Пивоваров Н.Ю. «За вами не осталось ничего политически честного». Открытое письмо А.В. Сазонова Правительству адмирала А.В. Колчака // Исторический архив. 2010. № 4. С. 202–207.
86. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
87. Петин Д.И. Предисловие // Чащин А.И. Бумажные свидетели истории Восточного Забайкалья. Новосибирск : Дом мира, 2016. 296 с.

Maksim M. Stelmak, Historical archive of Omsk region (Omsk, Russian Federation). E-mail. stelmakmm@mail.ru

THE IMAGE OF JAPAN IN THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENT PRESS OF THE WEST SIBERIA AT THE TIME OF THE RUSSIAN GOVERNMENT A.V. KOLCHAK (NOVEMBER 1918 - DECEMBER 1919)

Keywords: Russian Civil War; anti-bolshevik movement; Japan; France; allies; the press; foreign affairs; Siberia.

The purpose of this article is to study the image of Japan that was an important ally of Omsk government. To solve this problem, it is necessary to analyze foreign policy course of the Russian government of A.V. Kolchak on the pages of the periodical press of Western Siberia in 1918-1919 and to determine the reasons for the formation of the image of Japan as an ally of the anti-bolshevik movement.

The main principle underlying the article is the principle of historicism. The use of this method made it possible to study in detail the image of Japan as a foreign ally on the pages of the anti-Bolshevik government periodical press of Western Siberia in 1918-1919 in the context of the domestic political and foreign policy situation on the territory of the former Russian Empire during the Civil War, taking into account the built-up relations with the world powers.

For the purpose of a detailed study of the materials of each issue of the newspapers devoted to Japan, the frontal method was used. To analyze the content of the press, a method of content-analysis was used, aimed at identifying applications, statements, various calls to action that are contained in the periodical press. With the help of the method of content-analysis, the dynamics of the formation of the image of Japan was revealed in connection with the peculiarities of the relations of anti-bolshevik governments with foreign states.

The main source for the claimed problem is the West Siberian government anti-bolshevik periodical press of 1918-1919. The image of Japan, presented in the periodical press, makes it possible to determine the degree of importance of Japanese military assistance and the level of confidence in it from the Russian government of A.V. Kolchak.

In the course of the conducted research the author came to the following conclusion: a positive image of Japan was needed by the Russian government of A.V. Kolchak, because this country had the potential to provide quick and effective assistance to the anti-Bolshevik movement and to influence the policies of the western powers; the main theme of the publications in the anti-Bolshevik government press was the demonstration of unity between the Russian anti-Bolshevik movement and the Japanese government; Japan was interested in a strong anti-Bolshevik Russia, according to the newspapers.

REFERENCES

1. Shishkin, V.I. (2002) K istorii gosudarstvennogo perevorota v Omske (18–19 noyabrya 1918 g.) [On the history of the coup d'etat in Omsk (November 18-19, 1918)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology.* 1(3). pp. 87–97.
2. Orlov, N.V. (2010) Smutnye dni v Kharbine i admiral Kolchak. Publikatsiya A.A. Petrova [Troubled days in Harbin and Admiral Kolchak. Published by A.A. Petrov]. In: Gritzenko, N.F. (ed.) *Ezhogodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna* [Yearbook of the A. Solzhenitsyn House of Russian Diaspora]. Moscow: Dom Russkiy put'. pp. 243–254.
3. Kandidov, B.P. (1932) *Yaponskaya interventsia v Sibiri i tserkov'* [Japanese Intervention in Siberia and the Church]. Moscow: OGIZ.
4. Grigortsevich, S.S. (1957) *Amerikanskaya i yaponskaya interventsia na sovetskom Dal'nem Vostoke i ee razgrom* [American and Japanese Intervention in the Soviet Far East and its Defeat]. Moscow: Gospolitizdat.
5. Svetachev, M.I. (1983) *Imperialistskaya interventsia v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922)* [Imperialist intervention in Siberia and the Far East (1918–1922)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Nesterenko, P.L. (2000) *Sibirskaya periodicheskaya pechat' o vzaimootnosheniyakh pravitel'stva admirala Kolchaka s soyuznikami: istochnikovedcheskiy aspekt* [Siberian periodicals on the relationship between Admiral Kolchak's Government and the allies: the source study aspect]. History Cand. Diss. Tomsk.
7. Shmelev, A.V. (2017) *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka (1918–1919)* [The foreign policy of Admiral Kolchak's Government (1918–1919)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
8. Yakimov, O.D. (2010) The press of Eastern Siberia under A.V. Kolchak (June 1918 – November 1919). *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 2(10). pp. 100–104. (In Russian).
9. Eikhe, G.Kh. (1966) *Oprokinutyi tyl* [Overturned Rear]. Moscow: Voenizdat.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-200. List 1. File 119.
11. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918a) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 22nd November.
12. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918b) Ekonomicheskaya politika novogo yaponskogo pravitel'stva [Economic policy of the new Japanese government]. 23rd November.
13. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918c) Peremirie [Truce]. 24th November.
14. *Russkaya Armiya (Omsk)*. (1918) Yaponskie deyateli i pressa o problemakh mira [Japanese figures and the press about the problems of the world]. 26th November.
15. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918d) Za granitse [Abroad]. 27th November.
16. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918e) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 10th December.
17. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli (Omsk)*. (1919) Yaponskiy promyshlennyi bank [Japanese industrial bank]. 11th January.
18. Khandorin, V.G. (2010) *Ideyno-politicheskaya evolyutsiya liberalizma v Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Ideological and political evolution of liberalism in Siberia during the revolution and the Civil War]. Tomsk: Tomsk State University.
19. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918f) Mnenie yaponskogo professora o demokratii [A Japanese Professor about Democracy]. 28th November.
20. *Voennye vedomosti (Novonikolaevsk)*. (1918) Telegrammy [Telegrams]. 22nd November.
21. *Vestnik Tomskoy gubernii (Tomsk)*. (1919a) Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan]. 21st February.
22. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918g) Priezd yaponskogo admirala Kotaro Tanaka [The arrival of the Japanese admiral Kotaro Tanaka]. 13th February.
23. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919a) Beseda s admiralom Tanaka [Conversation with Admiral Tanaka]. 18th February.

24. *Vestnik Tomskoy gubernii (Tomsk)*. (1919b) Rossiyskoe pravitel'stvo v yaponskom parlamente [The Russian government in the Japanese parliament]. 10th March.
25. *Vestnik Tomskoy gubernii (Tomsk)*. (1919c) Rol' i znachenie Rossii [The role and importance of Russia]. 19th March.
26. *Altayskiy vestnik (Barnaul)*. (1919) Poslednie izvestiya [Latest news]. 30th April.
27. Mints, I.I. (1934) *Yaponskaya interventsia 1918–1922 gg. v dokumentakh* [Japanese intervention of 1918–1922 in documents]. Moscow: Tsentrarkhiv.
28. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919b) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 13th June.
29. *Voennye vedomosti (Novonikolaevsk)*. (1919a) V Yaponii [In Japan]. 18th July.
30. *Voennye vedomosti (Novonikolaevsk)*. (1919b) K vzaimootnosheniyam Rossii i Yaponii [On the relationship between Russia and Japan]. 19th July.
31. Zvyagin, S.P. (2012) *V.N. Pepelyaev: sud'ba liberala iz Sibiri v nachale XX veka* [V.N. Pepeliaev: the fate of a Siberian liberal in the late 20th century]. Tomsk: Tomsk State Polytechnic University.
32. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919c) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 12th June.
33. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919d) Na Dal'nem Vostoke [In the Far East]. 25th July.
34. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919e) K priezdu yaponskoy missii [For the arrival of the Japanese mission]. 26th July.
35. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919f) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 19th August.
36. Piontovskiy, S.A. (1925) *Grazhdanskaya voyna v Rossii (1918–1921 gg.)* [Civil war in Russia (1918–1921)]. Moscow: Ya.M. Sverdlov University.
37. Ustryalov, N.V. (1991) *Belyy Omsk (dnevnik kolchakovtsa)* [White Omsk (Kolchak's Diary)]. In: Bortnevskiy, V.G. (ed.) *Russkoe proshloe: ist.-dokument. al'manakh* [Russian Past: A Historical Documentary Almanac]. Vol. 2. St. Petersburg: Svelen. pp. 283–338.
38. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918h) Dislokatsiya yaponskikh voysk [Dislocation of Japanese Troops]. 29th November.
39. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918i) Chrezvychaynye voennye manevry v Yaponii [Emergency military maneuvers in Japan]. 1st December.
40. Shurygin, A. (1938) *Revolutsionnye volneniya v interventsionnykh voyskakh na Dal'nem Vostoke* [Revolutionary unrest in the interventionist troops in the Far East]. Khabarovsk: Dal'nevost. kraevoe gos. izd-vo.
41. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919g) Bor'ba s bol'shevikami [Fight against the Bolsheviks]. 28th February.
42. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919h) Bor'ba s bol'shevikami [Fight against the Bolsheviks]. 11th March.
43. Vasilevskiy, V.I. (ed.) (2002) *Ataman Semenov. Voprosy gosudarstvennogo stroitel'stva* [Ataman Semyonov. State Building Issues]. Chita: Poisk.
44. Livshits, S.G. (1985) "Verkhovnyy pravitel'" Kolchak i ataman Semenov (k istorii "semenovskogo insident") ["Supreme Ruler" Kolchak and Ataman Semyonov (on the history of the "Semyonov incident")]. In: Korablev, Yu.I. (ed.) *Iz istorii interventsii i grazhdanskoj vojny v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [From the History of Intervention and Civil War in Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka. pp. 176–184.
45. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918j) Likvidatsiya "Semenovshchiny" [Liquidation of "Semyonovshchina"]. 8th December.
46. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1918k) Vnutrennie izvestiya [Internal news]. 17th December.
47. Konev, K.A. (2015) "Gallant allies" or "simulated friends": the U.S. Intervention in the conception of the periodical press of Siberia and the Far East. *Vestnik Kemerovskogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2-6(62). pp. 275–280. (In Russian). DOI:
48. Savchenko, S.N. (2011) Primirenje Verkhovnogo pravatelya Rossii A.V. Kolchaka i atamana G.M. Semenova vesnoy 1919 goda [Reconciliation of the Supreme Ruler of Russia A.V. Kolchak and ataman G.M. Semyonov in the spring of 1919]. *Voenna-istoricheskij zhurnal*. 3. pp. 13–19.
49. *Sibirskaya zhizn' (Tomsk)*. (1919a) Likvidatsiya nedorazumeniya s atamanom Semenovym [Eliminated misunderstanding with Ataman Semyonov]. 22nd June.
50. Budberg, A.P. (2001) *Dnevnik belogardeytsa: Vospominaniya. Memuary* [Diary of a White Guard: Memoirs]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
51. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919i) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 18th August.
52. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919j) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 17th September.
53. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919k) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 27th September.
54. Zhuravlev, V.V. (2012) *Privetstvennye poslaniya Verkhovnomu Pravatelyu i Verkhovnomu Glavnokomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr' 1918 – noyabr' 1919 g.* [Greetings to the Supreme Ruler and the Supreme Commander-in-Chief Admiral A.V. Kolchak. November 1918 – November 1919]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
55. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919l) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 1st October.
56. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919m) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 1st November.
57. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919n) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 12th October.
58. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919o) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 16th October.
59. *Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk)*. (1919p) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 29th October.
60. *Russkoe delo (Omsk)*. (1919) Yapontsy o soyuznikakh [The Japanese about their allies]. 23rd October.
61. *Nasha gazeta (Tomsk)*. (1919a) Yaponiya zainteresovana [Japan is interested]. 7th November.
62. *Nasha gazeta (Tomsk)*. (1919b) Yaponskie predpriyatiya na Dal'nem Vostoke [Japanese enterprises in the Far East]. 15th November.
63. *Sibirskaya zhizn' (Tomsk)*. (1919b) Yaponiya i Sibir' [Japan and Siberia]. 7th November.
64. *Vestnik Tomskoy gubernii (Tomsk)*. (1919) Rossiya i soyuzniki [Russia and the allies]. 14th November.
65. *Rodina (Tomsk)*. (1919) Zayavlenie yaponskogo generala [Statement of the Japanese general]. 25th November.
66. Mukhachev, B.I. & Svetachev, M.I. (1995) *Kolchak i interventsia na Dal'nem Vostoke* [Kolchak and intervention in the Far East: documents and materials]. Vladivostok: RAS.
67. *Sibirskaya zhizn' (Tomsk)*. (1919c) Obrashchenie yaponskogo komandovaniya k amurskim krest'yanam [Appeal of the Japanese command to the Amur peasants]. 6th December.
68. Khandorin, V.G. (2006) *Admiral Kolchak: pravda i mify* [Admiral Kolchak: Truth and Myths]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
69. Kozhevnikov, V.L. (2011) *Rossiyskoe ofitserstvo i Fevral'skiy revolyutsionnyy vzryv* [Russian Officers and the February Revolutionary Explosion]. Omsk: Omsk State University.
70. Smolin, A.V. (2012) *Dva admirala: A.I. Nepenin i A.V. Kolchak v 1917 g.* [Two Admirals: A.I. Nepenin and A.V. Kolchak in 1917]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
71. Buchko, N.P. & Tsipkin, Yu.N. (2014) Politicheskie vzglyady i deyatel'nost' A.V. Kolchaka v 1917–1920 gg. [Political views and activities of A.V. Kolchak in 1917–1920]. *Armia i obshchestvo*. 6(43). pp. 46–51.
72. Konev, K.A. (2012) Obraz prezidenta SShA V. Vil'sona v periodicheskoy pechati Sibiri i Dal'nego Vostoka [The image of the US President V. Wilson in the periodicals of Siberia and the Far East]. In: Romanov, R.E. (ed.) *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical Problems of Historical Research: Young Scholars' Perspective]. Novosibirsk: Nonparel'. pp. 205–212.
73. Ganin, A.V. (2014) Novyy dokument o separatizme atamanov B.V. Annenkova i G.M. Semenova [A new document on the separatism of Atamans B.V. Annenkov and G.M. Semyonov]. In: Sergeev, O.I. & Shestakov, A.V. (eds) *Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII–XXI vv.* [Cossacks of the Russian Far East in the 17th – 21st centuries]. Vol. 4. Khabarovsk: The N.I. Grodekov Khabarovsk Regional Museum. pp. 131–134.
74. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). Fund R-3436. List 1. File 5.
75. Ioffe, G.Z. (1983) *Kolchakovskaya avantюра i ee krakh* [Kolchak's Adventure and its Collapse]. Moscow: Mysl'.
76. Kolosov, E.E. (1923) *Sibir' pri Kolchake: vospominaniya, materialy, dokumenty* [Siberia under Kolchak: Memoirs, Materials, Documents]. Petrograd: Byloe.

77. Petin, D.I. (2015) 'Documents of Provisional Government of Autonomous Siberia about eating military money Siberian expedition of Japanese troops'. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3(14). pp. 236–246. (In Russian).
78. Denikin, A.I. (2013) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian Troubles]. 2nd ed. Vol. 2(2). Moscow: Ayres-press.
79. Petin, D.I. (2010) Fal'shivye kratkosrochnnye obyazatel'stva gosudarstvennogo kaznacheystva pravitel'stva A.V. Kolchaka: istochnikovedcheskiy podkhod v izuchenii bumazhnykh denezhnykh znakov [Fake short-term liabilities of the A.V. Kolchak's Government State Treasury: the source study approach to the paper banknotes]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 1. pp. 79–84.
80. Petin, D.I. (2011) *Denezhno-emissionnaya politika sovetской vlasti i antibol'shevistskikh rezhimov v Sibiri (oktyabr' 1917 – noyabr' 1920 g.)* [Monetary policy of the Soviet regime and anti-Bolshevik regimes in Siberia (October 1917 – November 1920)]. History Cand. Diss. Barnaul.
81. Petin, D.I. (2017) "Tol'ko zhivoe slovo na meste sposobno skoree sdvinut' etot opros s mertvoy tochki...": polozhenie Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag v Irkutsk v nachale 1920 g. ["Only a living word on the spot can sooner move this poll off the ground ...": the position of the Expedition of State Papers Procurement in Irkutsk in the early 1920s]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3. pp. 256–270.
82. Rynkov, V.M. (2008) *Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918 – 1919 g.)* [Social policy of anti-Bolshevik regimes in the east of Russia (second half of 1918 – 1919)]. Novosibirsk: SB RAS.
83. Petin, D.I. (ed.) (2014) *Finansovaya politika i denezhnoe obrashchenie v Sibiri. 1917–1920: dokumenty Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti* [Financial Policy and Monetary Circulation in Siberia. 1917–1920: Documents of the Historical Archive of Omsk Region]. Omsk: Amfora.
84. Shmelev, A.V. (2017) *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka (1918–1919)* [The foreign policy of Admiral A.V. Kolchak's Government (1918–1919)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
85. Pivovarov, N.Yu. (2010) "Za vami ne ostalos' nichego politicheskogo". Otkrytoe pis'mo A.V. Sazonova Pravitel'stvu admirala A.V. Kolchaka ["There is nothing politically honest behind you". A.V. Sazonov's open letter to Admiral A.V. Kolchak's Government]. *Istoricheskiy arkhiv*. 4. pp. 202–207.
86. Shilovsky, M.V. (2003) *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg.* [Political processes in Siberia during the social cataclysms of 1917–1920]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
87. Petin, D.I. (2016) Predislovie [Foreword]. In: Chashchin, A.I. *Bumazhnye svideteli istorii Vostochnogo Zabaykal'ya* [Paper witnesses to the history of the Eastern Transbaikalia]. Novosibirsk: Dom mira.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94(47) 623-9
DOI: 10.17223/19988613/69/26

В.П. Кирьянов

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВИАЦИОННЫХ ПРИЦЕЛОВ РККА И ЛЮФТВАФФЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Рассматриваются авиационные прицелы различных типов Рабоче-крестьянской Красной Армии и армии Германии, использовавшиеся в военных действиях в период Великой Отечественной войны. Проводится сравнение технических характеристик авиационных прицелов. Оценивается практическая значимость выявленных достоинств и недостатков прицелов в боевых условиях. Основываясь на обозначенном сравнении, выявлено отсутствие превосходства авиационных прицелов Германии над авиационными прицелами Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Ключевые слова: авиационный прицел; Советская Армия; вермахт; технические характеристики.

Самым надежным источником оперативной информации об окружающей обстановке, в том числе в боевых условиях, является зрение. Все основные операции по обнаружению и идентификации противника, а также по прицеливанию и определению координат осуществляются при помощи зрительного контакта. Однако человеческое зрение довольно ограничено. Соответственно, глазам военнослужащего в боевой обстановке необходима помощь для эффективного противодействия противнику. Средством такой помощи является оптический прицел.

В суждениях экспертов об авиации времен Великой Отечественной войны нередко встречаются мнения о превосходстве авиационных прицелов вермахта над прицелами авиации Советского Союза [1]. Цель данной статьи – сравнить характеристики авиационных оптических прицелов Красной Армии и вермахта в период Великой Отечественной войны и доказать сравнительные преимущества авиационных прицелов армии СССР. Сравнение будет проводиться по доступным для изучения характеристикам авиационных прицелов [2].

Развитие военной оптики началось еще в глубокой древности, а именно в античную эпоху. С того времени развитие военной оптики шло непрерывно, но в разном темпе. Например, прицеливание «на глаз» при использовании гладкоствольного оружия снизило необходимость в развитии оптики в силу нецелесообразности такого процесса. Ситуация изменилась с появлением нарезного оружия в середине XIX в., когда увеличилась точность и дальность стрельбы. Как итог – развитие прицельной техники приобрело актуальность и продолжило свое стремительное развитие.

Оптические приборы используются большинством армий развитых стран мира. Оптические приборы авиации являются необходимым условием успешного ведения воздушного боя и поражения сил и средств противника на земле. Можно сказать, что авиация слепа без оптических приборов.

Опыт Первой мировой войны ярко продемонстрировал необходимость, во-первых, самого применения оптических прицелов, во-вторых, развития собственной оптической промышленности, базис для которой – Государственный оптический институт – был создан в 1918 г. [3]. Несмотря на это, СССР еще несколько лет не мог отказаться от импорта иностранных оптических стекол. Однако к началу Великой Отечественной войны оптическая промышленность Советского Союза уже смогла достичь уровня бывших импортеров. Также можно отметить, что Советский Союз был одним из государств, которые по достоинству оценили коллиматорные прицелы и стали брать их на вооружение. «Коллиматором называется оптическое устройство, состоящее из объектива и сетки, поставленной в фокальной плоскости объектива. Лучи света, пройдя через сетку и объектив, выходят из последнего параллельными пучками, проектируя изображение сетки в бесконечность» [4. С. 6].

Одним из наиболее популярных коллиматорных прицелов являлся «коллиматорный прицел ПБП-1 для прицеливания при стрельбе из неподвижного оружия и бомбометания с пикированием в дневное и ночное время. Устанавливался на истребителях МиГ-3, ЛаГГ-3, Ла-5, Як-1, Як-3, Як-7Б, Як-9 и пикирующих бомбардировщиках Пе-2 и Ту-2» [2. С. 331]. Одна из его модификаций – коллиматорный прицел ПБП-1Б (рис. 1) – был не менее популярным, чем предшественник, и устанавливался на такие модели легендарных самолетов, как штурмовик Ил-2, истребитель Як-3 и пр. Основными характеристиками авиационного прицела ПБП-1Б являются: фокусное расстояние объектива – 110 мм; световой диаметр объектива – 50 мм; удаление зрачка глаза от большого кольца прицела – 240 мм; удаление зрачка глаза от малого кольца прицела – 350 мм; угловая величина радиуса большого кольца прицела – 6°; угловая величина радиуса малого кольца прицела – 4° (оптические данные); отклонение визирной линии от нулевого положения: вниз – на 20°, вверх –

на 5° ; цена делений шкалы углов упреждения: малого – $30'$, среднего – 1° , большого – 2° (конструктивные данные); высота прицела – 185 мм; ширина – 145 мм; длина с осветителем – 148 мм; длина со снятым осветителем – 125 мм; вес прицела – 1,5 кг (габариты и вес) [4].

Прицел ПБП-1Б также имел диапазон высот 400–4 000 м, неограниченное поле зрения; кратность, равную 1.

В 1942 г. на смену коллиматорному ПБП-1Б пришел механический ВВ-1 (см. рис. 1), более удобный для боевых условий. Прежний авиационный прицел

существенно ограничивал качество прицеливания и поражения цели, так как на большой высоте прицеливанию при горизонтальном полете мешал капот двигателя, а на низкой высоте внимание военного пилота было сосредоточено на управлении боевой машиной, а не на прицеливании. Пришедший на смену ВВ-1 был очень прост в конструкции: на капоте двигателя была расположена мушка, а также нанесены дугообразные линии, которые помогали летчику выбрать момент для сброса бомб; на лобовом бронестекле были нанесены горизонтальные метки.

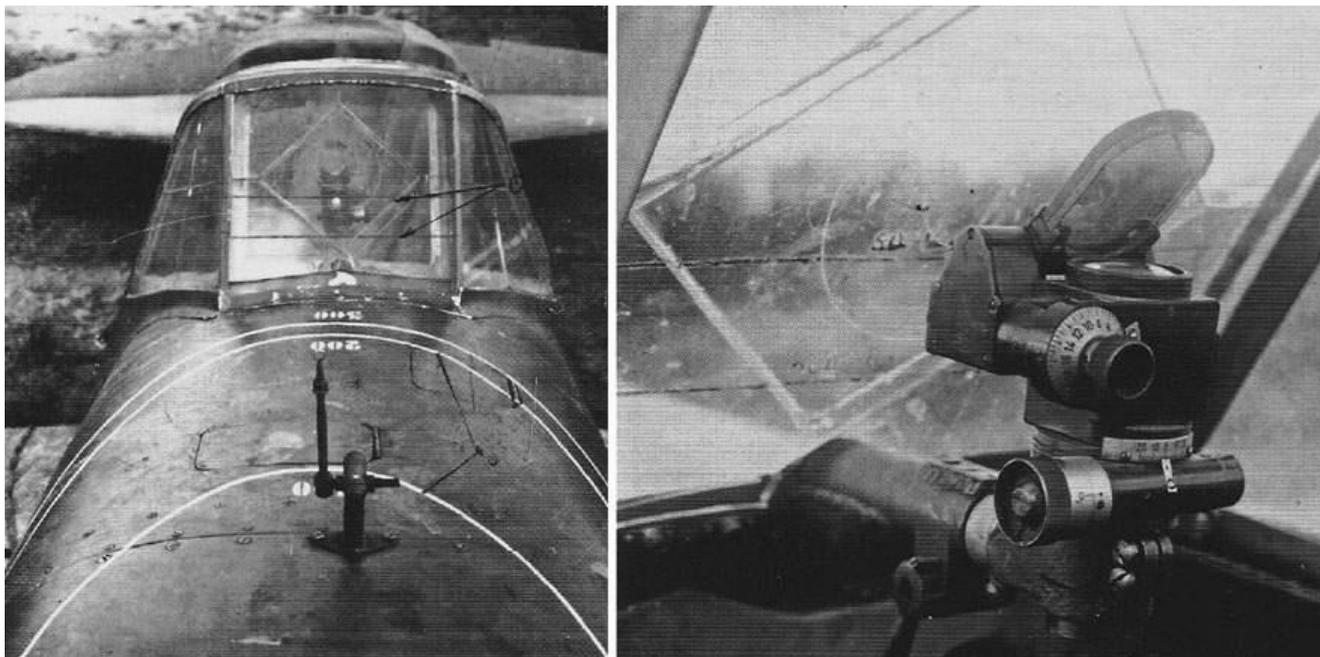

Рис. 1. Прицел ВВ-1 (слева) и прицел ПБП-1Б (справа) [5, 8]

Один из легендарных советских бомбардировщиков Пе-2 оснащался бомбовым прицелом ОПБ-1м (рис. 2). Тип прицела – визир. Имеет диапазон высот 600–6 000 м, поле зрения 31° , увеличение $\times 1,2$, диапазон углов прицела от $+75^\circ$ до -15° . Вес прицела – 6 кг.

Не стоит забывать и об истребителях. Если о прицеле ПБП-1Б, установленном на истребителях МиГ-3, Лагг-3, Як-3 мы поговорили, то обошли вниманием истребитель И-16 и его авиационный прицел ОП-1 (рис. 3, таблица).

Теперь необходимо обозначить, какие авиационные прицелы использовались летчиками вермахта в боевых действиях, и определить их технические характеристики. К сожалению, данных об использовавшихся прицелах мало, а их описаний в открытом доступе еще меньше. Следовательно, весь спектр использовавшихся вермахтом авиационных прицелов охватить в данном исследовании не удастся.

Удалось определить, что на самолеты вермахта, например на легендарные Fw-190, Me-262, Bf.109, во времена Второй мировой войны устанавливались прицелы Revi C-12 и его различные модификации, Revi EZ-40, Revi EZ-42, а также бомбовый прицел Lotfe 7 с различными модификациями. Revi C-12 являлся стандартным прицелом авиации люфтваффе.

Изображение прицела Revi C/12 N представлено на рис. 4.

В целом можно заметить как минимум внешнее сходство коллиматорного прицела вермахта с коллиматорным прицелом ПБП-1 авиации Советского Союза. Теперь сравним технические характеристики Revi C/12 N с характеристиками ПБП-1 и других коллиматорных прицелов советской авиации. Немецкий прицел имел поле обзора 15° , в то время как советский прицел имел неограниченное поле зрения. Немецкий прицел имел габариты длины, ширины и высоты 220, 103 и 170 мм соответственно. Вес немецкого прицела – 1,4 кг. Советский ПБП-1 имел следующие габариты длины, ширины и высоты: 148, 145, 185 мм соответственно. Вес ПБП-1 составлял 1,5 кг. Расстояние от зрачка глаза до рефлекторного стекла Revi C/12 N составляло от 200 до 450 мм, в то время как у ПБП-1 это показатель равнялся значениям от 240 до 350 мм.

Таким образом, несмотря на небольшое количество доступных технических характеристик прицелов ПБП-1 и Revi C/12 N, можно провести сравнение и сказать, что по габаритам трудно сравнивать оба прицела, так как и тот и другой имеют свои преимущества и недостатки. Так, немецкий прицел имеет меньшие значения ширины и высоты, что при прочих равных усло-

виях улучшало обзор летчикам вермахта. Однако, несмотря на улучшение обзора, немецкий прицел существенно проигрывал в длине советскому коллиматорному прицелу, что могло сказаться на безопасности

летчика при вынужденной посадке. Именно по причине небезопасности во время посадок советские летчики стали постепенно переходить на механический прицел ВВ-1.

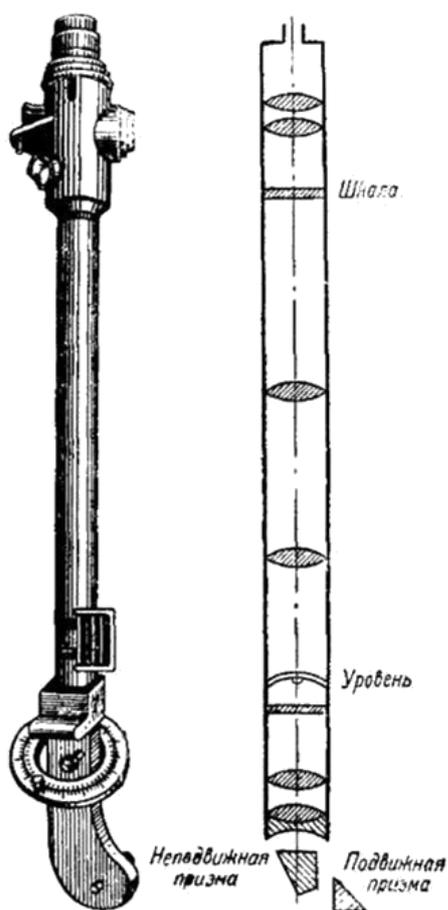

Рис. 2. Навигационный визир ОПБ-1м [6. С. 338]

Рис. 3. Прицел оптический прямой наводки ОП-1 [7]

Характеристики авиационного прицела ОП-1 [7]

Характеристики	ОП-1
Увеличение	от 3,15 до 3,85 крат
Поле зрения, не менее	12,5°
Диаметр зрачка выхода, не менее	4,3 мм
Удаление зрачка выхода от последней поверхности окуляра, не менее	22 мм
Предел разрешения, не более	15 крат
Параллакс между изображением бесконечно удаленного предмета и плоскостью сетки, не более	2°
Параллакс между плоскостью сетки и нитью, не более	-2°
Светопропускание, не менее	50%
Предел диоптрийной установки окуляра	от -0,5 до -1,5 дптр
Масса, не более	2,1 кг
Габаритные размеры, не более	362 × 78 × 110 мм

Опираясь на доступные оптические и конструктивные характеристики прицелов ПБП-1 и Revi C/12 N, можно сказать, что прицел вермахта уступал советскому прицелу. Бесспорным преимуществом советского прицела следует признать то, что он имел гораздо более широкое поле обзора. Теоретическое преимущество советского прицела над немецким можно признать также за счет большего удаления зрачка глаза от рефлекторного стекла прицела. Теоретически, пи-

лоту меньше нужно было отвлекаться от управления самолетом, чтобы, сократив расстояние между глазами и прицелом, вести прицельный огонь. Однако на практике разница этого значения у прицелов составляла несколько сантиметров. Соответственно, можно сказать, что авиационные прицелы СССР и вермахта в незначительной степени отличались по характеристикам, однако имелось некоторое превосходство прицелов советской авиации.

Говоря о схожести авиационных прицелов армий противников, можно упомянуть сходство не только самых популярных прицелов Revi C12/ N и ПБП-1, но и бомбовых прицелов ПС-1 (рис. 5) и Lofto 7 (рис. 6). Основываясь на внешнем сходстве бомбовых прицелов и практически идентичном расположении составных частей и элементов прицелов, можно предположить, что оба прицела имеют примерно идентичные технические характеристики.

Даже если не имеется возможности сравнить механические прицелы Красной Армии и вермахта, то сто-

ит упомянуть пусть и не о техническом совершенстве советского прицела ВВ-1, но о его эффективности в боевой обстановке, удобстве и безопасности для советских летчиков. В первую очередь, прицел ВВ-1 устанавливался на штурмовиках Ил-2, на превосходство которых в небе указывал даже генерал вермахта Вальтер Швабедиссен в своей книге «Сталинские соколы. Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг.»: «советская штурмовая авиация оказалась значительно более действенной, чем это предполагалось перед началом кампании...» [10].

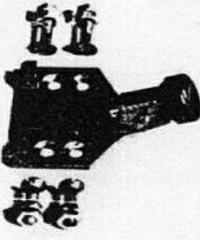
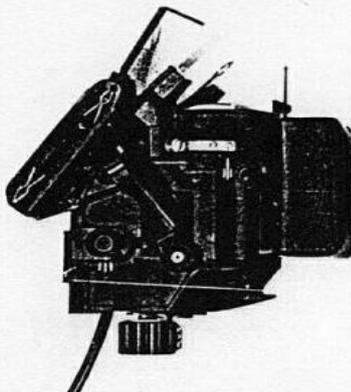
 127—22 N/1	Kennblatt Revi C/12 N Fl 52 394	Stand vom: März 1944 Ausfertigung 16
Kennzeichnung: Das Revi C/12 N ist ein optisches Visiergerät für starr im Flugzeug eingebaute Maschinenwaffen. Es unterscheidet sich vom Revi C/12 D nur durch eine Spezialstrichplatte.		
 Befestigungsplatte mit 4 Schrauben 3187	 Revi C/12 N Linke Bedienungsseite 3188	
Technische Angaben		
Gerätesystem: Reflexvisier mit mechanischer Justierung und Verdunklungswiderstand. Optische Werte: Gesichtsfeld . . . . . 15° Austrittspupille . . . . . 50 mm Augenabstand vom Reflexglas . . . . . 200 bis 450 mm Optische Visierlinie: Leuchtendes Strichkreuz mit unterbrochenen Linien und durchgehendem Zielstachel. Vorhaltekreis — 10 "» der Entfernung. Strichlänge sowie Unterbrechung des Strichbildes — 1 "» der Entfernung. Mechanische Visierlinie: Mechanisches Hilfsvisier, dargestellt durch Zielstachel und Kreiskorn. Justierbereich: Höhe . . . . . etwa ± 3° Seite . . . . . etwa ± 3° (optische und mechanische Visierlinie werden gleichzeitig justiert).	Elektrische Angaben: Stromart . . . . . Gleichstrom Betriebsspannung . . . . . etwa 24 bis 30 V Leistungsverbrauch . . . . . etwa 20 W Maße und Gewicht: Länge . . . . . etwa 220 mm Breite . . . . . etwa 103 mm Höhe . . . . . etwa 170 mm Gewicht . . . . . etwa 1,4 kg Einbau im Flugzeug: Für den Einbau des Revi C/12 N wird die Befestigungsplatte Fl 52 108—1 benötigt. Die Befestigungsplatte muß so eingebaut sein, daß die Visierlinie des eingesetzten Revi in der Seiten- und Höhenrichtung parallel zur Flugzeuglängsachse liegt und das Revi-Strichkreuz aufrecht steht. Der elektrische Anschluß an das 24 Volt-Bordnetz erfolgt durch das am Revi-Gehäuse befindliche Kabel mit Stecker.	

Рис. 4. Авиационный прицел Revi C/12 N и его характеристики [9]

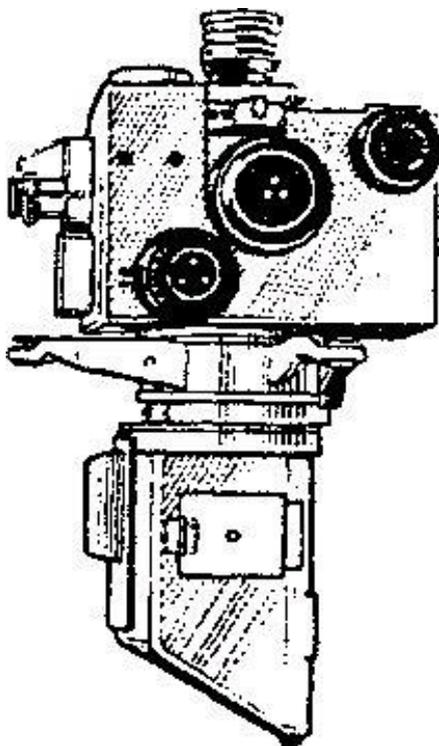

Рис. 5. Бомбовый прицел ПС-1 [9]

В заключение хотелось бы отметить в целом роль советской авиации в Великой Отечественной войне. В период Великой Отечественной войны советскими летчиками было сделано более трех миллионов боевых вылетов. Противник в результате действий советской авиации потерял более пятидесяти тысяч боевых самолетов. Конечно, к началу Великой Отечественной войны Советский Союз отставал от вермахта в качестве техники и вооружения, но не по всем технологиям. К тому же грамотные действия советского руководства и личностные качества конструкторов позволили дать отпор противнику, в короткое время создав новые образцы вооружения и техники. Свой вклад в победу

над противников внесли и авиационные прицельные приспособления, без которых советским летчикам было бы крайне трудно одерживать победы в воздушных боях и уничтожать силы противника на земле. Бытует мнение, даже среди исследователей-историков, о превосходстве боевой техники и авиации вермахта над силами Советского Союза. Однако это утверждение оказалось не совсем верным в отношении авиации и, в частности, авиационных прицелов Красной Армии. Сравнение по доступным для анализа характеристикам прицелов показало, что прицелы советской авиации не только не уступали, но даже превосходили авиационные прицелы Люфтваффе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев В.И. Сравнительный анализ конструкций и летно-технических данных советских и германских истребителей принимавших участие в ВОВ. URL: http://vspomniv.ru/iak_protiv_messera.htm (дата обращения: 11.01.2021).

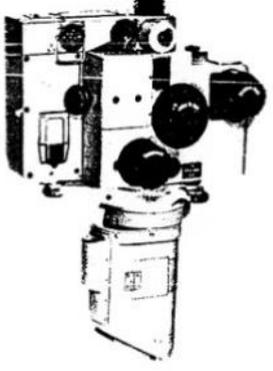
 127-25 C.1	Kennblatt Lotfe 7C FI 52611	Stand vom: März 1944 Ausfertigung 16																																																
Kennzeichnung: Das Lotfe 7C ist ein Zielgerät für den Bombenwurf im Horizontal- und Gleitflug auf feste und gleichmäßig geradlinig bewegte Ziele.																																																		
Lotfe 7C Ansicht von links		Lotfe 7C Ansicht von rechts																																																
<table border="0"> <thead> <tr> <th colspan="2" data-bbox="927 853 1129 875">Technische Angaben</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td data-bbox="635 887 762 909">Gerätesystem:</td> <td data-bbox="1043 887 1362 920">Stabilisierung für Hilfsvisier in der Längsrichtung . . . . . 10°</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 909 1023 954">Bombenzielgerät nach dem Synchronverfahren mit Kreisestabilisierung.</td> <td data-bbox="1043 920 1422 954">Stabilisierung für opt. Visierlinie nach Kreisel . . . . . 20°</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 976 778 999">Optische Werte:</td> <td data-bbox="1043 954 1422 999">nach allen Seiten . . . . . 10°</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 999 1023 1032">Vergrößerung . . . . . 1,1</td> <td data-bbox="1043 1010 1230 1032">Elektrische Angaben:</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1032 1023 1066">Gesichtsfeld . . . . . 35°</td> <td data-bbox="1043 1032 1406 1066">Stromart . . . . . Gleichstrom</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1066 1023 1099">(linear 630 m auf 1000 m Entfernung)</td> <td data-bbox="1043 1066 1406 1099">Betriebsspannung . . . . . 21 bis 30 Volt</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1099 1023 1133">Austrittspupille . . . . . 10 mm ∅</td> <td data-bbox="1043 1099 1422 1133">Lotfe-Motor</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1133 1023 1167">(quadratisch beschnitten auf 8,5 mm)</td> <td data-bbox="1043 1133 1422 1167">geregelter Gleichstrommotor . . . . . 24 Volt</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1167 1023 1200">Okulareinstellung . . . . . ± 2 dptr.</td> <td data-bbox="1043 1167 1422 1200">Drehzahl . . . . . n 3000 U/min</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1211 778 1234">Arbeitsbereiche:</td> <td data-bbox="1043 1200 1422 1234">Leistungsverbrauch . . . . . etwa 33 Watt</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1234 1023 1267">Höhe über Ziel</td> <td data-bbox="1043 1234 1422 1267">Kreisel-Motor</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1267 1023 1301">nicht synchronisierbar . . . . . 100 bis 850 m</td> <td data-bbox="1043 1267 1422 1301">Nebenschluß-Röhrenmotor . . . . . 21 Volt</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1301 1023 1335">synchronisierbar . . . . . 850 bis 10 000 m</td> <td data-bbox="1043 1301 1422 1335">Leistungsverbrauch . . . . . etwa 15 Watt</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1335 1023 1368">Geschwindigkeit über Grund . . . . . 150 bis 600 km/h</td> <td data-bbox="1043 1335 1422 1368">Gesamte Leistungsaufnahme bei Außentemperatur</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1368 1023 1402">Blickwinkel für Fernrohr . . . . . + 80° bis - 20°</td> <td data-bbox="1043 1368 1422 1402">über ± 5° (ohne Heizung) . . . . . etwa 90 Watt</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1402 1023 1435">Blickwinkel für Hilfsvisier . . . . . + 80° bis 0°</td> <td data-bbox="1043 1402 1422 1435">unter ± 5° (mit Heizung) . . . . . etwa 190 Watt</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1435 1023 1469">Seitentriftwinkel . . . . . ± 20°</td> <td data-bbox="1043 1447 1225 1469">Maße und Gewichte:</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1469 1023 1503">1 Umdrehung des Kavi-Anschlußstutzens</td> <td data-bbox="1043 1469 1422 1503">Lotfe:</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1503 1023 1536">6° Seitentriftwinkel</td> <td data-bbox="1043 1503 1422 1536">Höhe . . . . . etwa 663 mm</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1536 1023 1570">Rücktrift . . . . . 0 bis 25 %</td> <td data-bbox="1043 1536 1422 1570">Breite . . . . . etwa 350 mm</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1570 1023 1603">Rücktrift am Ausblickkopf . . . . . 0 bis 25 %</td> <td data-bbox="1043 1570 1422 1603">Tiefe . . . . . etwa 390 mm</td> </tr> <tr> <td data-bbox="635 1603 1023 1637">Reihewurfvorlage . . . . . 0 bis 30 %</td> <td data-bbox="1043 1603 1422 1637">Gewicht ohne Federpuffer . . . . . etwa 26,5 kg</td> </tr> <tr> <td></td> <td data-bbox="1043 1637 1422 1671">Gewicht der drei Federpuffer . . . . . etwa 1,5 kg</td> </tr> </tbody> </table>			Technische Angaben		Gerätesystem:	Stabilisierung für Hilfsvisier in der Längsrichtung . . . . . 10°	Bombenzielgerät nach dem Synchronverfahren mit Kreisestabilisierung.	Stabilisierung für opt. Visierlinie nach Kreisel . . . . . 20°	Optische Werte:	nach allen Seiten . . . . . 10°	Vergrößerung 1,1	Elektrische Angaben:	Gesichtsfeld . . . . . 35°	Stromart . . . . . Gleichstrom	(linear 630 m auf 1000 m Entfernung)	Betriebsspannung . . . . . 21 bis 30 Volt	Austrittspupille . . . . . 10 mm ∅	Lotfe-Motor	(quadratisch beschnitten auf 8,5 mm)	geregelter Gleichstrommotor . . . . . 24 Volt	Okulareinstellung . . . . . ± 2 dptr.	Drehzahl . . . . . n 3000 U/min	Arbeitsbereiche:	Leistungsverbrauch . . . . . etwa 33 Watt	Höhe über Ziel	Kreisel-Motor	nicht synchronisierbar . . . . . 100 bis 850 m	Nebenschluß-Röhrenmotor . . . . . 21 Volt	synchronisierbar . . . . . 850 bis 10 000 m	Leistungsverbrauch . . . . . etwa 15 Watt	Geschwindigkeit über Grund . . . . . 150 bis 600 km/h	Gesamte Leistungsaufnahme bei Außentemperatur	Blickwinkel für Fernrohr . . . . . + 80° bis - 20°	über ± 5° (ohne Heizung) . . . . . etwa 90 Watt	Blickwinkel für Hilfsvisier . . . . . + 80° bis 0°	unter ± 5° (mit Heizung) . . . . . etwa 190 Watt	Seitentriftwinkel . . . . . ± 20°	Maße und Gewichte:	1 Umdrehung des Kavi-Anschlußstutzens	Lotfe:	6° Seitentriftwinkel	Höhe . . . . . etwa 663 mm	Rücktrift . . . . . 0 bis 25 %	Breite . . . . . etwa 350 mm	Rücktrift am Ausblickkopf . . . . . 0 bis 25 %	Tiefe . . . . . etwa 390 mm	Reihewurfvorlage . . . . . 0 bis 30 %	Gewicht ohne Federpuffer . . . . . etwa 26,5 kg		Gewicht der drei Federpuffer . . . . . etwa 1,5 kg
Technische Angaben																																																		
Gerätesystem:	Stabilisierung für Hilfsvisier in der Längsrichtung . . . . . 10°																																																	
Bombenzielgerät nach dem Synchronverfahren mit Kreisestabilisierung.	Stabilisierung für opt. Visierlinie nach Kreisel . . . . . 20°																																																	
Optische Werte:	nach allen Seiten . . . . . 10°																																																	
Vergrößerung 1,1	Elektrische Angaben:																																																	
Gesichtsfeld . . . . . 35°	Stromart . . . . . Gleichstrom																																																	
(linear 630 m auf 1000 m Entfernung)	Betriebsspannung . . . . . 21 bis 30 Volt																																																	
Austrittspupille . . . . . 10 mm ∅	Lotfe-Motor																																																	
(quadratisch beschnitten auf 8,5 mm)	geregelter Gleichstrommotor . . . . . 24 Volt																																																	
Okulareinstellung . . . . . ± 2 dptr.	Drehzahl . . . . . n 3000 U/min																																																	
Arbeitsbereiche:	Leistungsverbrauch . . . . . etwa 33 Watt																																																	
Höhe über Ziel	Kreisel-Motor																																																	
nicht synchronisierbar . . . . . 100 bis 850 m	Nebenschluß-Röhrenmotor . . . . . 21 Volt																																																	
synchronisierbar . . . . . 850 bis 10 000 m	Leistungsverbrauch . . . . . etwa 15 Watt																																																	
Geschwindigkeit über Grund . . . . . 150 bis 600 km/h	Gesamte Leistungsaufnahme bei Außentemperatur																																																	
Blickwinkel für Fernrohr . . . . . + 80° bis - 20°	über ± 5° (ohne Heizung) . . . . . etwa 90 Watt																																																	
Blickwinkel für Hilfsvisier . . . . . + 80° bis 0°	unter ± 5° (mit Heizung) . . . . . etwa 190 Watt																																																	
Seitentriftwinkel . . . . . ± 20°	Maße und Gewichte:																																																	
1 Umdrehung des Kavi-Anschlußstutzens	Lotfe:																																																	
6° Seitentriftwinkel	Höhe . . . . . etwa 663 mm																																																	
Rücktrift . . . . . 0 bis 25 %	Breite . . . . . etwa 350 mm																																																	
Rücktrift am Ausblickkopf . . . . . 0 bis 25 %	Tiefe . . . . . etwa 390 mm																																																	
Reihewurfvorlage . . . . . 0 bis 30 %	Gewicht ohne Federpuffer . . . . . etwa 26,5 kg																																																	
	Gewicht der drei Federpuffer . . . . . etwa 1,5 kg																																																	

Рис. 6. Бомбовый прицел Lotfe 7C [Там же]

2. Романов Д.И. Оружие воздушного боя. URL: <http://www.airforce.ru/history/romanov/index.htm> (дата обращения: 11.01.2021).
3. Истрия АО ГОИ // АО «Государственный оптический институт им. С.И. Вавилова». URL: <http://www.npkgoi.ru/?module=articles&c=history&b=1> (дата обращения: 10.12.2020).
4. Бах И.В., Вернидуб И.И., Демкина Л.И. и др. Оружие победы / под общ. ред. В.Н. Новикова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Машиностроение, 1987. 512 с.
5. Описание и инструкция по обслуживанию. Прицел ПБП-1Б. М., 1945. 31 с.
6. Брацлавский Д.А., Логунов С.С. Приборы на самолете. М. : Изд-во и тип. Оборонгиза, Гл. ред. авиац. лит., 1947. 524 с.
7. Прицелы оптические прямой наводки ОП-1, ОП-4 // ГП Изюмский приборостроительный завод. URL: http://www.ipz.com.ua/index.php?catid=51:2012-05-17-07-19-02&id=169:-1-4&Itemid=97&option=com_content&view=article (дата обращения: 11.12.2020).
8. Люди и самолеты // Авиация Второй мировой. URL: <https://airpages.ru/img/vv2.shtml> (дата обращения: 12.12.2020).
9. Славнин С.Н. Оружие победы. М. : Вече, 2005 // ЛитМир : электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=558176&p=25> (дата обращения: 15.12.2020).
10. Легенды и мифы Великой Отечественной. Человеческий фактор ВВС РККА и Люфтваффе // Авиация : военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/170953-legendy-i-mify-velikoj-voyny-chelovecheskij-faktor-vvs-rkka-i-ljuftvaffe.html> (дата обращения: 12.12.2020).

Victor P. Kirianov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirianov1970@gmail.com

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF AVIATION SIGHTS OF THE RKKA AND LUFTWAFFE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Keywords: air sight; Soviet army; Wehrmacht; technical characteristics.

The article examines the aviation sights of various types of the Workers and Peasants Red Army and the German army, used in hostilities during the Great Patriotic War. Comparison of technical characteristics of air sights is given. The practical significance of the revealed advantages and disadvantages of sights in combat conditions is given. Changes in the tactical and technical characteristics of sights are analyzed.

The purpose of this work is a detailed coverage of the history of the evolution of optical instruments for observing combat aircraft of the Red Army.

A wide range of sources and literature was used as research materials, namely scientific and technical manuals and textbooks covering the tactical and technical characteristics of observation devices. Military literature describing the pages of the feat of the Soviet people. Electronic resources that supplement the circumstances of the events that took place and give a more detailed picture of the interaction between humans and optical devices during hostilities.

Speaking about the research methodology, this article is based on the comparative historical method.

The work consistently analyzes the history of the creation of optical observation and sighting devices on various aircraft. Putting the first experimental samples into service, as well as their use during hostilities. On specific historical examples, the work demonstrates the importance and necessity of the development of technologies in the field of optics.

The article concludes that since the creation of the sights, engineers have gradually increased the importance of optical observation devices through the introduction and modernization of technologies that ensured the increasing efficiency and survivability of combat units.

Optical devices have become an obligatory part of the equipment of all combat aircraft. Indeed, thanks to them, the pilots in the Red Army were able to quickly destroy the enemy, monitor him and adjust fire. There is an opinion, even among historians, about the superiority of the military equipment and aviation of the Wehrmacht over the forces of the Soviet Union. However, this statement turned out to be not entirely true in relation to aviation and, in particular, the aviation sights of the Soviet army.

Comparison of the characteristics of the sights available for analysis showed that the sights of the Soviet aviation were not only not inferior, but even superior to the Luftwaffe air sights.

REFERENCES

1. Kondratiev, V.I. (n.d.) *Sravnitel'nyy analiz konstruksiy i letno-tekhnicheskikh dannykh sovetskikh i germanskikh istrebiteley prinimavshikh uchastie v VOV* [Comparative analysis of designs and performance data of Soviet and German fighters that took part in the Second World War]. [Online] Available from: http://vspomniv.ru/iak_protiv_messera.htm (Accessed: 11th January 2021).
2. Romanov, D.I. (n.d.) *Oruzhie vozdušnogo boya* [Air Combat Weapons]. [Online] Available from: <http://www.airforce.ru/history/romanov/index.htm> (Accessed: 11th January 2021).
3. The Vavilov State Optical Institute. Official website. [Online] Available from: <http://www.npkgoi.ru/?module=articles&c=history&b=1> (Accessed: 10th December 2020).
4. Bakh, I.V., Vernidub, I.I., Demkina, L.I. et al. (1987) *Oruzhie pobedy* [Weapons of Victory]. 2nd ed. Moscow: Mashinostroenie.
5. Anon. (1945) *Opisanie i instruksiya po obsluzhivaniyu. Pritsel PBP-1B* [PBP-1B Sight. Description and instructions for service]. Moscow: [s.n.].
6. Bratslavsky, D.A. & Logunov, S.S. (1947) *Pribory na samolete* [Tools on the plane]. Moscow: Izd-vo i tip. Oborongiza, Gl. red. aviats. lit.
7. GP Izyum Instrument-Making Plant. (n.d.) *Pritsely opticheskie pryamoy navodki OP-1, OP-4* [Optical sights of direct fire OP-1, OP-4]. [Online] Available from: http://www.ipz.com.ua/index.php?%20catid=51:2012-05-17-07-19-02&id=169:-1-4&Itemid=97&option=com_content&view=article (Accessed: 11th December 2020).
8. Airpages.ru. (n.d.) *Lyudi i samolety. Aviatsiya Vtoroy mirovoy* [People and Planes. Aviation of the Second World War]. [Online] Available from: <https://airpages.ru/img/vv2.shtml> (Accessed: 12th December 2020).
9. Slavnin, S.N. (2005) *Oruzhie pobedy* [Weapon of Victory]. Moscow: Vechе. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=558176&p=25> (Accessed: 15th December 2020).
10. Skomorokhov, R. (2020) *Legendy i mify Velikoy Otechestvennoy. Chelovecheskiy faktor VVS RKKA i Lyuftvaffe* [Legends and myths of the Great Patriotic War. The human factor of the Air Force of the Red Army and the Luftwaffe]. [Online] Available from: <https://topwar.ru/170953-legendy-i-mify-velikoj-voyny-chelovecheskij-faktor-vvs-rkka-i-ljuftvaffe.html> (Accessed: 12th December 2020).

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 364:304

DOI: 10.17223/19988613/69/27

М.В. Берсенева, В.И. Зиновьева

БЕЗБАРЬЕРНАЯ СРЕДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА: АЛГОРИТМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, Госзадание «Наука» Г/Б 5/20/3.

Статья посвящена исследованию образовательного пространства томских вузов в контексте экологического подхода. Практическая часть статьи построена на исследовании в октябре–ноябре 2020 г. основных элементов инклюзии в шести томских вузах: нормативного обеспечения, сайтов, работы приемной комиссии, работы сотрудников вузов, ответственных за инклюзию, безбарьерной архитектурной среды. Выявлены основные достоинства и недостатки такой работы. Создан алгоритм формирования инклюзивного пространства вуза.

Ключевые слова: инклюзия в вузе; инвалиды; эоинклюзия; образовательное пространство вуза.

В России переход к инклюзии в образовательном пространстве был определен законами РФ, принятыми в период 1995–2012 гг. [1–3]. К настоящему моменту в публикациях ряда авторов складывается модель инклюзии, обоснованная имеющимся опытом работы с учащимися с инвалидностью и лицами с ограниченными возможностями здоровья; вместе они образуют целевую группу социальной работы в вузе: студенты с ограниченными возможностями (или – специальными потребностями). Эта группа становится в большей или меньшей степени объектом воздействия со стороны управленческого аппарата высшей школы. В опубликованной литературе по теме инклюзии авторами выделяется ряд проблем. Э.К. Наберушкина предложила разделять инфраструктурную, образовательную и социальную инклюзию [4]. Предметом рассмотрения в этом плане становится опыт тех или иных учебных заведений: МГТУ им. Баумана [5], Новгородского государственного университета [6], Томского политехнического университета [7], Красноярского государственного педагогического университета [8] и др. Авторы подчеркивают необходимость утверждения инклюзии в вузе, отмечают ее благотворное влияние на всех участников образовательного процесса, а также освещают трудности этого процесса, такие как необходимость подготовки кадров, изменения среды, корпоративной культуры вуза и т.д. Поставлен также вопрос об экопространстве вуза. Отношение к инклюзии, уровень ее практической реализации зависят, по мнению исследователей, от финансовых возможностей вуза и понимания важности этой проблемы [9]. В общем ряду выделяются столичные вузы, а также те, которые получают преимущества и финансовую поддержку на решение этой задачи достаточно долгое время, имеют уже результаты и опыт, на которые могут опереться другие учебные заведения. Вместе с тем

продолжает преобладать мнение, что на местах вузы могут сделать очень немного в этой области из-за отсутствия финансирования, что это проблема долгих десятилетий, и поэтому можно не торопиться с ее решением.

В общественном пространстве данная тема активно обсуждается в контексте равенства прав людей с ограниченными возможностями со всеми остальными при получении высшего образования и, соответственно, на рынке труда, а также с точки зрения поиска практических вариантов ее решения при скромных материальных возможностях. Более 50% респондентов среди студентов и преподавателей, по данным социологических опросов, положительно относятся к инклюзии, в том числе в группах, где уже обучаются студенты-инвалиды [9]. Основным убеждением общества становится понимание того, что переход к инклюзивному образованию становится возможным в результате формирования безбарьерной среды.

Таким образом, приближается момент, когда университетам потребуется методическое и инструментальное обеспечение принятия решений по управлению этим процессом. В связи с тем, что переход от школы к вузу учащихся с ограниченными возможностями также относится к проблемам прежде всего вуза, целесообразно разделить два этапа инклюзии в высшей школе:

- 1) поступление таких абитуриентов в вуз;
- 2) сопровождение студентов данной целевой группы в вузе.

Целью настоящей публикации является рассмотрение алгоритмов формирования безбарьерной среды университета для решения задач управления этим процессом в вузах г. Томска, который представляет собой уникальный образовательный центр страны.

Процесс инклюзии как включения людей в то или иное сообщество в реальной действительности необ-

ходимо рассматривать не как линейный процесс, когда один фактор воздействует на другой в определенный период времени, а с учетом взаимной причинной связи, принимая во внимание экологический фактор, воздействие на людей окружающей среды, их ответных действий в ходе непрерывного взаимного обмена информацией, как результат взаимодействия, не исключая в том числе наличие противостояний. «Экологические идеи, – по мнению К. Джермэн и А. Гиттермана, – становятся превалирующими в ряде областей на фоне растущего внимания к окружающей среде и качеству жизни. Являясь в большей мере производным жизненного опыта, нежели теоретических наук, этот подход должен быть менее абстрактным, более близким человеку. При моделировании личности также необходимо учитывать воздействующую на нее окружающую среду» [10. С. 437]. В вопросах обучения лиц с инвалидностью такой окружающей средой в вузе необходимо признать процесс создания безбарьерной среды. Экопространство в том виде которое есть в реальности, формирует жизненное пространство человека, оно также есть и психологическое пространство индивида, состоящее (по К. Левину) из разных секторов, и в подтверждение этого исследователь отмечает, что поведение человека определяется не его внутренним миром и не окружающей средой, а только и всегда сочетанием этих двух факторов [11].

Отечественные авторы в последнее время также предполагают, что при изучении общества важно переходить к социально-экологическому подходу. Так, Я.Н. Яницкий утверждает, что общество – это неоднородная, множественная структура власти и влияния, сложно организованный, эволюционирующий и саморазвивающийся конструктор, поэтому учет взаимодействия между его частями, выстраивания баланса и его соблюдения является важной задачей при его изучении и целенаправленном преобразовании [12]. И.В. Катерный считает, что актуальная задача общественных преобразований – сделать весь мир пригодным, «родным», приспособленным для любого человека [13]. Этот подход, по мнению авторов, применительно к широкому жизненному процессам позволил разделить жизненное пространство людей на три разные сферы: жизненные переходы, межличностные процессы и свойства окружающей среды. Жизненные переходы определяют стадии развития личности, изменение социальных ролей. Межличностные процессы – это собственно взаимодействия, их динамика, свойства среды, т.е. факторы непосредственного влияния [10. С. 440]. Так, к примеру, абитуриенты из числа лиц с ограниченными возможностями могут столкнуться на этапе жизненного перехода с неблагоприятной ситуацией в межличностных взаимодействиях и свойствах окружающей среды, что может привести к личностным кризисам и дезорганизации. Этот вариант необходимо учитывать и предотвращать при управлении процессами создания безбарьерной среды.

Актуальным примером взаимодействия человека и окружающей среды является адаптация лиц с инвалидностью в высшем учебном заведении. Поэтому правомерно уже распространенное понятие «экопро-

странство вуза» дополнить понятием «экоинклюзия», контекст которого указывает на создание поддерживающих элементов для адаптации и обучения рассматриваемой целевой группы в вузовской среде. С одной стороны, человек тратит усилия на достижение личностных перемен в соответствии с окружающей средой и ее требованиями, с другой – человек изменяет воздействие окружающей среды, затрачивая усилия, чтобы она больше соответствовала его потребностям и целям. Таким образом, окружающая среда включает в себя социальные и физические условия, изменяющие и формирующие друг друга. В ней имеются оформленные структуры и системы (то, что принято, что дает средства к существованию), транспорт, средства коммуникации, архитектурные и жилищные объекты, создающие те или иные условия для взаимоотношений людей. Эти условия могут быть источником стресса (недоступная, барьерная среда), объектами перемен (несущими изменения), инструментами помощи. Экологический подход позволяет формировать горизонтальные связи в экопространстве вуза, которые могут стать новыми системами поддержки для студентов с ограниченными возможностями. Последний аспект представляет особый интерес для решения поставленных задач на этапе экоинклюзии.

Теоретики экологического подхода выделяют в роли таких поддерживающих систем для рассматриваемой целевой группы следующие факторы: родственность, навык, самосовершенствование, самоуважение [Там же. С. 438]. Наибольший интерес для нас представляет понятие «родственность», оно означает наличие в ближайшем окружении инвалида родственников, друзей, коллег, соседей, преподавателей, административных лиц, которые могут оказать открытую поддержку, и даже домашних растений, животных, которые смягчают ситуацию стресса. Далее, наличие навыков, знаний у самого индивида формирует «чувство эффективности своих действий», понимание влияния на окружающую среду, способность осуществлять обратную связь. Следующее условие позитивной адаптации рассматривается как развитие самосовершенствования, т.е. результаты когнитивных процессов, способности подавления деструктивных факторов, активность в защите ценности, духовная сила. Кроме того, акцентируется внимание на самоуважении индивидов, их адекватной самооценке. Предметом рассмотрения в данной статье стал фактор родственности, т.е. формирование систем поддержки в экопространстве вуза.

Обследования состояния внешнего жизненного пространства для целевой группы были проведены в октябре–ноябре 2020 г. членами Автономной некоммерческой организации «Межвузовский центр социально-культурной адаптации студентов с инвалидностью “Интегро”» для выполнения задания Президентского гранта по теме: «Содействие формированию проактивной инклюзивной среды в вузах г. Томска». В состав группы вошли преподаватели кафедры истории и социальной работы ТУСУРа: доценты М.В. Берсенов (руководитель), В.И. Зиновьева, М.П. Шульмин, старший преподаватель М.Н. Баранова, ассистент О.С. Терентьева, выпускники кафедры Т.В. Чуржакова, Р.Р. Гибазов.

Задачами исследования стали выявление степени сформированности доступной безбарьерной среды в вузах г. Томска, а также возможностей ее развития. Исполнители проекта при обработке данных изначально выделили две стороны доступной среды в вузе: инфраструктурную и образовательную.

Исследование было проведено по шести направлениям:

1) анализ сайтов вузов с точки зрения их удобства для студентов с ограниченными возможностями;

2) анализ документов, касающихся положения лиц с ограниченными возможностями в вузах;

3) контрольные закупки в приемных комиссиях с учетом нозологий (под контрольными закупками мы подразумеваем обращения в роли абитуриента (очно или заочно) в приемные комиссии вузов с просьбой ответить на ряд вопросов об обучении лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья;

4) интервью с представителями вузов, осуществляющими сопровождение студентов с ограниченными возможностями;

5) анкетирование студентов;

6) организация посещения абитуриентом на инвалидной коляске тех учебных корпусов вузов, которые, согласно паспортам доступности, выложенным на сайтах, оборудованы элементами безбарьерной среды.

Инфраструктура вузов в Томске развивается невысокими темпами, однако некоторые успехи в формировании среды без барьеров для инвалидов на этом направлении есть. Первоначально мы как оценщики визуально исследовали те здания, которые наиболее известны в городе (главные и некоторые другие учебные корпуса университетов). Поскольку в связи с пандемией коронавируса проход в ряд корпусов оказался закрыт, итоги были подведены на том материале, который удалось собрать.

Всего было обследовано 27 зданий. В соответствии с принятыми стандартами безбарьерная среда начинается с проезда (прохода) от остановки общественного транспорта или стоянки такси до входа в учебный корпус. Практически у всех исследованных учебных корпусов (исключение составляет 19-й корпус ТПУ) отсутствует возможность попасть на инвалидном кресле без барьеров от остановки транспорта. Парковки рядом с корпусами оборудованы местами для инвалидов, однако разметка на местах для инвалидов нанесена вплотную к остальным парковочным местам. Это может создавать проблемы для выхода из машины людей с инвалидностью: им необходимо открывать дверь автомобиля во всю ширину, а припаркованный рядом автомобиль может помешать это сделать. Все старые здания, в которых находятся учебные корпуса, обладают массивными дверями, которые сложно открыть, находясь в инвалидном кресле. Кнопка вызова персонала зачастую не работает или расположена слишком высоко для колясочников. Неудобства старых зданий этим не исчерпываются. Как правило, в них нет лифтов, к ним неудобно строить пандусы. Это общее слабое место всех вузов. Тем не менее такие здания являются просторными, в них есть место для разворота человека в инвалидном кресле. Попад в здание,

инвалид обнаружит себя в достаточно комфортной среде, если речь идет о передвижении по одному этажу. Все корпуса обладают рядом недоработок (высокие пороги при входе в аудитории, отсутствие табличек на ряде кабинетов и маршрутных указателей). Гардеробные в главных корпусах ТУСУРа и СибГМУ расположены в цокольном этаже, и добраться до них студентам-«копорникам» на инвалидной коляске невозможно. Только в главном корпусе СибГМУ нет специально оборудованной комнаты общего пользования для инвалидов, в ТПУ в настоящий момент проводятся работы по ее переоборудованию. В остальных вузах такие комнаты присутствуют, но преимущественно только на первом этаже и не без недостатков: в ТУСУРе не хватает крючков, на которые можно было бы повесить личные вещи, в ТГУ стационарный поручень перекрывает проход, в других не хватает поручней; во всех вузах либо отсутствуют таблички на дверях таких комнат, либо нет их дублирования шрифтом Брайля. Практически во всех обследованных учебных корпусах присутствуют подъемники, которые позволяют человеку в инвалидном кресле перемещаться с этажа на этаж по лестнице, однако самостоятельно этими подъемниками инвалиды воспользоваться не смогут, обязательно требуется помощник. На других этажах, помимо первого, как правило, отсутствуют таблички и указатели и, таким образом, пребывание человека в инвалидном кресле на верхних этажах не может быть долговременным.

В плане инфраструктурной доступности мы предлагаем выделить следующие уровни:

1. Минимальный (наличие некоторых элементов).

2. Общественно приемлемый уровень (более 50% элементов).

3. Доступная безбарьерная среда (100%).

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что безбарьерная среда в вузах складывается, и в большинстве учебных корпусов есть ее минимальный уровень. Студент-инвалид, опираясь на помощь окружающих его людей, может зайти или заехать на коляске в то или иное здание. Тем не менее вузам следует работать с городской администрацией по устранению препятствий по дороге от остановок общественного транспорта к учебным корпусам, а также усиливать меры по достижению общественно приемлемого уровня инфраструктурной доступности. Остальные проблемы, наподобие нехватки табличек на дверях аудиторий, можно решить в рабочем порядке, и это не потребует особых затрат.

При изучении образовательной инклюзии мы смоделировали стандартный путь перехода от состояния абитуриента с ограниченными возможностями к состоянию студента. Алгоритм этого перехода содержит следующие этапы:

1) изучение сайтов вузов;

2) получение консультаций по определенному вопросу в приемных комиссиях;

3) закупка услуги в связи с имеющейся нозологией;

4) получение сведений о наличии в вузе практики по специальным условиям обучения лиц с ограниченными возможностями и специальных служб или от-

ответственных за сопровождение студентов-инвалидов, назначенных приказом ректора;

5) компетентность сотрудников вуза относительно содержания специальных условий обучения и сопровождения.

Принимая решение о поступлении в вуз, абитуриент прежде всего заходит на сайты вузов, с тем чтобы подробнее узнать о направлениях подготовки, условиях обучения, доступности инфраструктуры и т.п. Мы проанализировали содержание сайтов всех университетов города. По информационной насыщенности и понятности для абитуриентов выигрывает ТУСУР, у него ссылка на информацию для инвалидов находится на самом видном месте сайта, вверху главной страницы, есть информация о лицах, занимающихся проблемами набора и обучения студентов с инвалидностью, их контактные данные, но в целом информация недостаточно структурирована. Сайты других вузов менее информативны. Сайт СибГМУ ориентирует таких абитуриентов на поступление преимущественно в медицинский колледж, на сайтах ТГАСУ и ТПУ информация плохо структурирована, после ее изучения непонятно, какие права и льготы имеет абитуриент и студент с ограниченными возможностями. На сайте ТГПУ нет версии для слабовидящих, в разделе для абитуриентов с инвалидностью даются выдержки из законов РФ без комментариев, что затруднительно для понимания молодыми людьми с небольшим жизненным опытом. На сайтах всех вузов разная информация по теме безбарьерной среды размещается в различных рубриках, и ее сложно найти сразу.

При попытке обратиться к представителям вузов за консультацией мы также выявили ряд проблем. На письма, посланные через почтовую связь, не поступило ни одного ответа ни от одной из вузовских приемных комиссий. Впрочем, почта является не самым распространенным способом общения современных молодых людей. На сайтах всех вузов, кроме СибГМУ, были найдены формы для обратной связи. Для того, чтобы задать вопрос, пришлось зарегистрироваться на сайте в качестве абитуриента. Однако ответы на вопросы по этой форме мы получили только от двух вузов – ТГУ и ТУСУРа, при этом время ожидания ответа от ТГУ составило 3 часа, от ТУСУРа – один день, что в целом приемлемо, если учесть, что исследование проводилось в октябре, а не в разгар приемной кампании. Тем не менее по содержанию это были ответы общего характера, наши собеседники не упоминали ссылок на статьи законов или внутренних документов вуза, на основании которых они давали те или иные рекомендации. Не смогли ответить члены приемных комиссий и на вопрос о том, какие специальные условия и льготы студенту с ограниченными возможностями будут предоставлены при поступлении и в обучении по специальности. Запрос по электронной почте дал такие же результаты, ответы были получены также из двух вузов: ТГУ и ТУСУРа, запросы в другие вузы остались без ответа. По содержанию это также была информация общего плана.

Следующим этапом стали социальные закупки. Закупка – процесс приобретения услуги, состоящий

в выявлении потребности, поиске и выборе поставщика. К интеллектуальному виду услуг применяются особые процедуры. При закупках таких услуг допускаются прямые переговоры, и цена результата может быть несопоставима с затратами, которые будут приняты человеком с определенной нозологией. Закупка – это фактически процедура получения услуг, в ходе которой устанавливается необходимость этих услуг и происходит отбор поставщиков. По отношению к приемным комиссиям вузов в роли закупщиков (оценщиков) выступали участники исследовательской группы, включая преподавателя и выпускника специальности «социальная работа», имеющих инвалидность. Были выбраны два способа контактов с приемными комиссиями – по телефону и при личной встрече. На звонок закупщиков ответили представители всех вузов, но все они оказались неспособны сразу дать полные ответы на заданные вопросы. Сотрудники приемных комиссий ТУСУРа и ТГУ перенаправили нас на специалистов по сопровождению студентов-инвалидов, которые дали более развернутые и компетентные ответы, хотя для этого потребовалось ждать некоторое время. Сотрудники приемных комиссий ТГАСУ и ТПУ не обладали необходимой информацией по обучению студентов с ограниченными возможностями в своих вузах и не предоставили для переговоров более компетентного специалиста. В ТГАСУ также утверждали, что слепых обучать в их вузе невозможно, а сотрудники СибГМУ настойчиво предлагали нашему закупщику с инвалидностью I степени по зрению обучаться в медицинском колледже. Отметим, что сотрудники всех приемных комиссий, кроме комиссии медицинского вуза, были вежливы при разговоре.

В личной консультации и визите непосредственно в сам вуз нам было отказано в ТПУ и ТГУ со ссылкой на карантин. Нас перенаправили на электронные средства связи и сайты своих вузов, о которых мы уже имели представление. Если учесть, что электронные средства связи ТПУ не работают, наш гипотетический студент-инвалид остается в этой ситуации только с одним каналом связи: телефоном. В СибГМУ беседу с закупщиком провели через посредника, поскольку помещение приемной комиссии для инвалида-колясочника оказалось недоступным из-за узких дверных проемов и лестниц без пандусов. Несмотря на дискомфортные обстоятельства, сотрудники комиссии подробно отвечали на вопросы, но не смогли разъяснить, как колясочнику, если он поступит в их вуз, предположительно на специальность «клиническая психология», можно будет передвигаться по многочисленным лестницам учебных корпусов и клиник. При посещении ТГПУ закупщик точно так же не смогла на коляске попасть в помещение приемной комиссии и была проконсультирована в коридоре. Однако сведениями об особенностях обучения инвалидов в вузе в приемной комиссии не владели и консультировали только по вопросам поступления. В ТГАСУ приемная комиссия находится на втором этаже, наш закупщик в инвалидной коляске самостоятельно подняться не мог, и ему помогли добраться туда по пандусу работники вахты. В приемной комиссии выслу-

шали и попытались дать ответы на вопросы закупщика, но по содержанию ответов трудно было понять, на какие специальности абитуриенту лучше поступать и насколько хорошо организована безбарьерная среда для обучения. В ТУСУРе приемная комиссия оказалась доступной (не считая проблем с кнопкой на входе в здание, которая была слишком высоко поднята), оказалось, что это наиболее организованный в плане приема инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья вуз. Закупщику подробно рассказали о возможностях обучения, хотя затруднились с подробными характеристиками безбарьерной среды.

Исследуя процесс сопровождения студентов-инвалидов в университетах, мы провели беседы с сотрудниками вузов, в обязанности которых входит ответственность за инклюзию. Мы выяснили, что только в ТУСУРе это направление институционализировано, здесь приказом ректора утверждено Положение об организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (2018) и еще с 2011 г. организован Центр сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ), переименованный согласно приказу ректора в 2019 г. в Центр доступности образования (ЦеДО), поскольку расширилась целевая группа: в вуз стали поступать не только студенты с инвалидностью, но и студенты с ограниченными возможностями здоровья. Центр доступности образования осуществляет координацию деятельности по сопровождению студентов-инвалидов в рамках образовательной и социальной инклюзии на всех факультетах. Ежегодно все студенты с ограниченными возможностями (в 2020 г. их численность составила 87 человек, включая ФДО – факультет дистанционного обучения) заполняют заявления о согласии или отказе от специальных условий обучения, которые им предлагаются по закону. На уровне деканатов факультетов также назначены сотрудники, отвечающие за обучение лиц с ограниченными возможностями. За формирование и деятельность ЦеДО в Учебном управлении отвечает кафедра истории и социальной работы. В ТУСУРе вводится повышающий коэффициент к базовому нормативу финансирования, отражающий особенности реализации государственной услуги в сфере образования в отношении инвалидов-студентов. В результате проблемы, возникающие у студентов, решаются всеми этими структурами. Вместе с тем признается принцип: студент-инвалид имеет право на собственную позицию в вопросе сопровождения его обучения в вузе.

В ТГПУ и ТПУ этими вопросами занимаются различные специалисты, на одного из которых возложена ответственность за данное направление. Единой координацией процессов там не занимаются, каждое обращение обрабатывают как индивидуальный случай. В ТГАСУ это задача проректора по социальным вопросам, но о практике сопровождения таких студентов нам ничего не удалось узнать. В ТГУ и СибГМУ за этот вопрос отвечает назначенный сотрудник, но без четкого определения его функций.

Таким образом, можно сделать главный вывод, что решение проблем инклюзивного образования в томских вузах не является первоочередной задачей, реко-

мендации Минобрнауки, касающиеся обучения инвалидов, не выполняются. Можно понять ситуацию с созданием безбарьерной архитектурной среды для инвалидов (пандусы, лифты, специально оборудованные комнаты общего пользования), разрешение которой требует значительных материальных затрат. Однако принятие и реализация вузами Положения об организации обучения инвалидов, создание центров сопровождения лиц с инвалидностью, специальных условий обучения инвалидов в соответствии с законом «Об образовании в РФ» (2012) не нуждаются в больших средствах. Видимо, наступило время изменить отношение к проблеме обучения инвалидов в вузах. Это серьезный ресурс человеческого капитала страны.

По результатам исследования мы можем сформировать оптимальный вариант алгоритма выстраивания безбарьерной среды, который может постепенно сформировать эоинклюзивную среду вокруг абитуриентов и студентов с ограниченными возможностями. В идеальной модели инклюзии студенты-инвалиды имеют реальную возможность на равных с остальными студентами посещать все учебные аудитории, специальные средства сопровождения (включая технические: программы электронного доступа для слепых, индукционная петля для глухих и т.д.) смогут выровнять их возможности в обучении и получении профессии, а дифференциация между студентами будет проводиться только по уровню знаний.

На первом этапе, при минимальном уровне инфраструктурной доступности, студенты-инвалиды должны иметь возможность самостоятельно заходить и передвигаться хотя бы по первым этажам всех или большинства учебных корпусов, иметь доступ к комнате общего пользования и специальной аудитории, в которой такой студент может встретиться с преподавателями по специальным и общим дисциплинам, представителями необходимых ему университетских служб. Для невидящих на дверях помещений следует прикрепить таблички с дублированием названия аудитории шрифтом Брайля (эта работа во всех вузах проведена только частично). Также лишен барьеров должен быть и путь студента от трамвайной, автобусной остановки или стоянки автомобилей к необходимому корпусу вуза и проход вовнутрь.

На втором этапе, при общественно приемлемом уровне инфраструктурной инклюзии, не менее 50% корпусов должно быть оснащено подъемниками на второй и последующий этажи, на каждом из этих этажей должны быть оборудованы комнаты общего пользования, места отдыха, проезды для колясок достаточной ширины, чтобы можно было проехать по коридорам, не мешая другим участникам движения, и развернуться. В настоящее время подъемники есть практически во всех вузах, кроме главного корпуса ТГПУ. Через равные промежутки следует оснастить места для отдыха как инвалидов, так и сопровождающих их лиц. Рекреационные зоны учебных корпусов всех вузов позволяют создать такие зоны без особых проблем. Аудитории на доступных этажах надо сделать также доступными для заезда коляски (это общая задача для всех вузов). Следует размещать тактильные планы и таблички на всех

этажах, доступных для инвалидов по зрению. Кроме того, весь путь студента от оборудованного общежития до учебного корпуса должен быть лишен барьеров.

На третьем этапе доступной безбарьерной среды должна обеспечиваться доступность любой аудитории вуза, в которую необходимо попасть студенту с любой нозологией: лифты и подъемники на все этажи, тактильные планы и таблички на всех дверях, комнаты общего пользования на всех этажах. Максимальное оснащение всех учебных аудиторий техническими средствами, экранами и проекторами, столами с регулируемой высотой столешницы, в нескольких местах – специализированными компьютерами с установленной программой экранного доступа типа Jaws for Windows. Это идеал, который, представляется сегодня недостижимым, но к нему следует стремиться.

С точки зрения образовательной инклюзии мы также можем выделить три этапа развития.

Применительно к первому (минимальному) этапу важнейшими элементами практики являются:

1. Полнота и доступность информации о правилах поступления, льготах, специальных условиях обучения, о том, как учитываются нозологии (отсутствие слуха, зрения, ограниченность передвижения или атрофия разной степени верхних конечностей, дислексия и пр.) в учебном процессе при сдаче экзаменов и в дальнейшем обучении по направлениям подготовки. Здесь необходимо уделить особое внимание содержащейся на сайте информации, а также инструктированию сотрудников приемных комиссий.

2. Наличие в вузе официального лица, по приказу ректора отвечающего за сопровождение студентов с инвалидностью. Это лицо будет координировать всю деятельность по инклюзии в вузе и продвигать изменения к лучшему в этом вопросе.

3. Обучение преподавателей, обеспечивающих дисциплины основного цикла, правилам обращения со студентами с инвалидностью, инструктирование всех сотрудников вуза об этих правилах.

Второй (общественно приемлемый) включает в себя следующие элементы:

1. Наличие в вузе утвержденного приказом ректора «Положения об организации образовательной деятельности для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья».

2. Наличие специального подразделения, отвечающего за сопровождение студентов с инвалидностью, в структуре Учебного отдела вуза, напрямую подчиняющегося одному из проректоров (Служба сопровождения, Центр доступности и пр.), и утвержденного ректором Положения о направлениях его деятельности.

3. Компетентность сотрудников указанных структур вуза в вопросах специальных условий обучения лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья [3. Ст. 79], относительно повышающего коэффициента к базовому нормативу финансирования, отражающего особенности реализации государственной услуги в сфере образования в отношении инвалидов-студентов.

4. Ежегодный учет численности студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья

в вузе, заполнение ими заявлений о согласии или отказе от специальных условий обучения.

5. Постоянное взаимодействие с Региональным учебно-методическим центром с целью изучения лучших практик в деле развития инклюзии.

6. Обратная связь со студентами с ограниченными возможностями: как прямая (после завершения карантина), во время приемных часов в Центре, так и на сайте, в форме обратной связи.

7. Планирование и реализация мер по социальной инклюзии, преодолению студентами целевой группы коммуникативных барьеров, формирование позитивной атмосферы в вузе.

8. Признание принципа: студент-инвалид имеет право на собственную позицию в вопросе сопровождения его обучения в вузе.

9. Прохождение курсов повышения квалификации по вопросам инклюзии более чем половиной состава сотрудников вуза;

Третий этап идеала в образовательной инклюзии включает в себя все вышеперечисленное, а также:

1. Наличие штата сотрудников в Центре сопровождения, в том числе для ежедневных дежурств и возможности организации ежедневного приема студентов-инвалидов.

2. Обучение 100% персонала вуза, включая и технических работников, и профессорско-преподавательский состав, принципам инклюзии.

3. Наличие штата оплачиваемых ассистентов, тьюторов, сурдопереводчиков.

4. Проведение службами вуза регулярных мероприятий, направленных на повышение солидарности студентов, их толерантности к студентам-инвалидам, регулярная организация совместных мероприятий для инвалидов и неинвалидов.

5. Студенту с ограниченными возможностями должны бесплатно предоставляться специальные учебные пособия, технические средства (с учетом возврата в конце периода обучения).

Таким образом, каждый вуз может определить для себя, какие из этих мероприятий надо организовывать прямо в настоящий момент. Если у вуза по какому-то вопросу не достигнут еще минимальный уровень, надо сосредоточить усилия на решении этих вопросов. В результате все вузы обеспечат минимальную доступность студентов-инвалидов к их услугам. Если минимальный уровень по всем критериям будет достигнут, надо решать вопросы перехода на следующий этап, к общественно приемлемому уровню инклюзии. Это довольно большой перечень мероприятий, которому вузы посвятят, скорее всего, все ближайшее и часть отдаленного будущего. К осуществлению программы-идеала следует приступать, если большинство пунктов программы построения общественно приемлемой инклюзии уже выполнено. Однако надо понимать, что в целом построение идеала инклюзии – это путь, который будет трансформировать массовое сознание, конструировать новую социальную реальность, создавать новое психологическое пространство индивида, как человека с ограниченными возможностями, так и индивидов в общем экопространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. О социальной защите инвалидов в РФ : федеральный закон от 24.11.1995 №181-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9014513> (дата обращения: 14.01.2021).
2. О ратификации Конвенции ООН «О правах инвалидов» : федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902344657> (дата обращения: 14.01.2021).
3. Об образовании в РФ : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902389617> (дата обращения: 14.01.2021).
4. Наберушкина Э.К. Ориентиры развития инклюзии в пространстве высшей школы // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 4. С. 18–28.
5. Орешкина О.А. Поддержка студентов с инвалидностью в освоении естественнонаучных дисциплин в техническом вузе в инклюзии // Наука и образование : научное издание МГТУ им. Баумана. 2016. № 7. С. 315–325.
6. Певзнер М.Н., Петряков П.А. Инклюзия как организационная стратегия современного вуза // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 5. С. 90–93.
7. Лукьянова Н.Н., Шукина Н.И., Фелл Е.В. Инклюзия в корпоративной культуре вуза: подходы к пониманию и направления изменения // Вестник науки Сибири. 2016. № 1. С. 101–110.
8. Козырева О.А. Образовательная среда вуза как ресурс формирования готовности будущих педагогов к инклюзии // The Newman in Foreign Policy. 2020. Т. 3, № 54. С. 33–37.
9. Лапина Н.В. Групповое проектное обучение и развитие социальной инклюзии в Томском университете систем управления и радиоэлектроники // Научная сессия ТУСУР – 2020 : материалы Междунар. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 13–30 мая 2020 г. Томск : В-Спектр, 2020. Ч. 3. С. 171–173.
10. Энциклопедия социальной работы : в 3 т. : пер. с англ. / ред. Л.Э. Кунельский, М.С. Мацковский. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 1993. Т. 3. 498 с.
11. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. Е. Сурпина. М. : Акад. проект, 2019. 313 с.
12. Яницкий Я.Н. Экосоциология как перспектива // Россия реформирующаяся : ежегодник. М. : Ин-т социологии РАН, 2009. Вып. 8. С. 36–57.
13. Катерный И.В. Экологическая перспектива социологии: за и против // Мониторинг общественного мнения. 2004. № 2. С. 78–86.

Maksim V. Bersenev, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com

Valentina I. Zinovieva, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

BARRIER-FREE ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY EDUCATIONAL ENVIRONMENT: CREATING ALGORITHMS

Keywords: inclusion in the university; people with disabilities; eco-inclusion; university environment.

One of the actual issues of the agenda of the university educational space is creating barrier-free environment, which is considered in this article, firstly, as a barrier-free infrastructure and, secondly, as an educational inclusion. The target group that needs this issue to be solved is students with disabilities. This category has the right to be supported at the university.

From the point of view of the ecological approach, the inclusion of these persons into social relations corresponds the principles of equality and justice. It is considered today not as a linear process, when one factor influences another at a certain period of time, but, from the point of view of the university environment, taking into account the mutual causality, attention to the impact on people of the environment, their responses in the course of continuous mutual exchange of information, as a result of joint interaction. These processes are especially important at the stage of transition from school to university and adaptation at the university. This interaction itself can be considered as an eco-inclusion.

The ecological approach allows the creation of horizontal links in the eco-environment of the university, which can become a new support system for disabled students in the environment. The analysis of the creation of such support systems has become the subject of research in this work. The process of including persons with disabilities in social relations is at the stage of decision when it depends to a large extent on the coordination of actions of management structures and university staff.

The material of the article is based on the results of a survey of the main elements of inclusion in Tomsk universities, conducted in October–November 2020. The research was conducted in six directions: 1) analysis of university websites in terms of their convenience for students with disabilities; 2) analysis of documents, dedicated to the persons with disabilities in universities; 3) test purchases in admissions offices, taking into account types of disability (appeals as an applicant (in person or in absentia) to the admissions offices of universities with a request to answer a number of questions about the training of persons with disabilities); 4) interviews with representatives of universities who accompany students with disabilities; 5) questioning students; 6) organization of visits by the wheelchair person to those educational buildings of universities, which are posted on to be equipped with elements of a barrier-free environment.

The main criteria for the attainable levels of a barrier-free environment were identified as: 1) minimum (presence of some elements); 2) socially acceptable level (more than 50% of elements); 3) accessible barrier-free environment (100%). The characteristics of the levels of the educational barrier-free environment were also highlighted, the algorithm for the formation of the inclusive space of the university was substantiated.

REFERENCES

1. Russia. (1995) *O sotsial'noy zashchite invalidov v RF: federal'nyy zakon ot 24.11.1995 №181-FZ* [On social protection of disabled people in the Russian Federation: Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/9014513> (Accessed: 14th January 2021).
2. Russia. (2012) *O ratifikatsii Konventsii OON "O pravakh invalidov": federal'nyy zakon ot 03.05.2012 № 46-FZ* [On the ratification of the UN Convention "On the Rights of Persons with Disabilities": Federal Law No. 46-FZ dated May 3, 2012]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902344657> (Accessed: 14th January 2021).
3. Russia. (2012) *Ob obrazovanii v RF: federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ* [On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902389617> (Accessed: 14th January 2021).
4. Naberushkina, E.K. (2017) *Orientiry razvitiya inklyuzii v prostranstve vysshey shkoly* [Landmarks for the development of inclusion in higher education]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4. pp. 18–28.

5. Oreshkina, O.A. (2016) Podderzhka studentov s invalidnost'yu v osvoinii estestvennonauchnykh distsiplin v tekhnicheskom vuze v inklyuzii [Support for students with disabilities studying natural sciences at a technical university in inclusion]. *Nauka i obrazovanie – Science and Education*. 7. pp. 315–325.
6. Pevzner, M.N. & Petryakov, P.A. (2016) Inclusion as an organizational strategy for the modern university. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NovSU*. 5. pp. 90–93. (In Russian).
7. Lukyanova, N.N., Shchukina, N.I. & Fell, E.V. (2016) Inklyuziya v korporativnoy kul'ture vuza: podkhody k ponimaniyu i napravleniya izmeneniya [Inclusion in the corporate culture of the university: approaches to understanding and directions of change]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 1. pp. 101–110.
8. Kozyreva, O.A. (2020) The educational environment of the university as a resource for the formation of the readiness of future teachers for inclusion. *The Newman in Foreign Policy*. 3(54). pp. 33–37. (In Russian).
9. Lapina, N.V. (2020) Gruppovoe proektnoe obuchenie i razvitie sotsial'noy inklyuzii v Tomskom universitete sistem upravleniya i radioelektroniki [Group project training and development of social inclusion at Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics]. *Nauchnaya sessiya TUSUR – 2020* [Scientific Session of TUSUR – 2020]. Proc. of the International Conference. Tomsk, May 13–30, 2020. Vol. 3. Tomsk: V-Spekt. pp. 171–173.
10. Kunelsky, L.E. & Matskovsky, M.S. (eds) (1993) *Entsiklopediya sotsial'noy raboty: v 3 t.* [Encyclopedia of Social Work: in 3 vols]. Vol. 3. Translated from English by A.Yu. Drugov et al. Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tselestey.
11. Levin, K. (2019) *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field Theory in Social Sciences]. Translated from English by E. Surpin. Moscow: Akad. Proekt.
12. Yanitsky, Ya.N. (2009) Ekosotsiologiya kak perspektiva [Ecosociology as a Perspective]. In: Gorshkov, M.K. (ed.) *Rossiia reformiruyushchayasya* [The Reforming Russia]. Vol. 8. Moscow: RAS. pp. 36–57.
13. Katernyy, I.V. (2004) Ekologicheskaya perspektiva sotsiologii: za i protiv [Environmental perspective of sociology: pros and cons]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2. pp. 78–86.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94 (571)

DOI: 10.17223/19988613/69/28

М.К. Чуркин

**РЕЦЕНЗИЯ: КОМЛЕВА Е.В. СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО: ВКЛАД В ХОЗЯЙСТВЕННОЕ
ОСВОЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ : МОНОГРАФИЯ /
Е.В. КОМЛЕВА; ОТВ. РЕД. Н.П. МАТХАНОВА; РОС. АКАД. НАУК, СИБ. ОТД-НИЕ,
ИН-Т ИСТОРИИ. НОВОСИБИРСК : ПАРАЛЛЕЛЬ, 2018. 398 с.**

Публикация посвящена анализу монографии Е.В. Комлевой «Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии». Отмечаются антропоцентричность подхода к исследованию проблемы, продуктивная модель иерархии источников, профессиональная постановка задач исследования и неординарность выводов, что открывает исследовательские перспективы в изучении социальных групп и локальных сообществ России в имперский период.

Ключевые слова: сибирское купечество; освоение Евразии; мемуарно-биографический дискурс.

Формирование современной историографической ситуации характеризуется изменением подходов к оценке знаковых сюжетов исторической реальности, которые давно находятся в исследовательской «оптике» ученых. В ситуации «антропологического поворота», ставшего основной парадигмой новой исторической науки, складывается и принципиально иной стиль историописания, в системе координат которого научное сообщество постепенно переориентируется с характеристик событийного нарратива к рефлексии состояний: структур повседневности сословий, локальных сообществ и социальных групп; социокультурной идентичности, а также представлений о людях и явлениях.

Рецензируемая монография Евгении Владиславовны Комлевой в полной мере соответствует современному вектору гуманизации исторического знания, процессам преодоления духа сциентизма, стремления исследователей увидеть за конкретным уникальным явлением социокультурные и интеллектуальные контексты времени.

Актуальность и научная новизна обращения автора к проблеме участия сибирского купечества в освоении и изучении Северо-Восточной Евразии определяется несколькими составляющими.

Во-первых, и в историографии, и в массовом сознании сложился противоречивый образ купечества, сотканный как из позитивных, так и из негативных представлений. Симптоматично, что образ купца-благотворителя и купца-культуртреггера всегда являлся периферийным, тогда как на первый план выдвигались предпринимательские качества сообщества, стремление к обладанию и приумножению капитала, что активно тиражировалось в общественном мнении, становясь предметом репрезентаций публицистики, художественной литературы, исторических сочинений. В данной связи привлечение автором широкой палитры эго-материалов, исходящих от самого купечества, а также

региональных групп сибирского дворянства и чиновничества, открывает перспективы легитимизации сибирского купечества как субъекта и действующего актора культурной и общественно-политической жизни Сибири.

Во-вторых, купечество являлось важной и наиболее социально активной частью городского сословия, окончательно оформившегося, по утверждению Б.Н. Миронова, к концу XVIII столетия [1. С. 150]. Купечество, будучи высшей стратой локального сообщества горожан до второй четверти XIX в., во многом определяло образ жизни городского населения, системность хозяйственно-экономических связей и отношений, повседневные стратегии и практики поведения. При этом необходимо иметь в виду особый статус сибирских городов, образованных раньше сельских поселений, что способствовало интенсивному включению сибирского купечества в решение колониционных задач Российской империи на востоке страны. Фон «внутренней» колонизации ставил местное купечество в особые условия отношений с имперской властью: в меньшей степени, чем крестьянство как пассивный субъект колонизации, купечество определялось империей в качестве «субалтерна», что объяснялось не только его финансовыми возможностями, но и более высоким уровнем образования и социальной мотивации, открывавшими перспективы привлечения лиц купеческого звания к экспертной работе по изучению региона, выполнению административно-управленческих задач и реализации государственных колониционных программ и проектов в различных частях сибирского региона.

Структура монографии Е.В. Комлевой представляется логичной и тщательно продуманной. Двигаясь от конструирования историографического «ландшафта» работы и ее методологического инструментария, выстраивая авторскую иерархию источников, востребованных для решения ключевых научных задач моно-

графии, Е.В. Комлева последовательно воссоздает хозяйственные практики сибирского купечества в обширных временных границах конца XVIII – XIX в. Такой подход позволяет выявить включенность сообщества в региональные экономические процессы, обосновать стратегии хозяйственного поведения купечества в условиях конкуренции традиционных и инновационных моделей организации российской экономики, выявляет составляющие морально-этического облика купечества, во многом определившего формы и содержание предпринимательских практик, реконструирует пространство научно-образовательной коммуникации сословия и масштаб деятельности купечества, направленной на изучение Северо-Восточной Евразии.

В качестве организующего исследовательские выводы критерия Е.В. Комлевой заявлены репрезентации восприятия современниками купечества как локального сообщества, инкорпорируемого в социокультурное пространство региона, что дает шанс значительно расширить и видоизменить представления об образе сибирских предпринимателей, выйти за рамки оценочных суждений, в которых хозяйственно-экономическая сфера функционирования купечества абсолютно доминировала.

В основной части монографии автор предпринимает удачную попытку «вписать» сюжеты истории регионального купечества в сложные контекстуальные условия государственно-колониационной политики на восточных окраинах империи, а также «политики населения», в рамках которой формировались и утверждались воззрения власти на социум как область активного государственного вмешательства. Е.В. Комлева справедливо фиксирует факт отсутствия последовательной государственной политики в отношении предпринимательства в XVIII – первой половине XIX в., подчеркивая ее прецедентный характер, столь характерный для имперского управления окраинами в домодернизационный период. Вместе с тем исследователь констатирует, что во второй половине XIX столетия такие общероссийские тенденции, как сословное обособление купечества, с одной стороны, и утрата сословной целостности – с другой, требовали более активного включения имперской власти в процессы нормативно-правового регулирования статуса купечества в условиях полиэтничности и поликонфессиональности сибирского региона.

Рефлексируя вопрос об общих и специфических региональных чертах купеческого предпринимательства, Е.В. Комлева верно отмечает универсальность ряда факторов его организации: преобладание торгового капитала над промышленным, точечная отраслевая специализация и регулярная смена видов хозяйственной деятельности. В то же время, выделяя контекстуально-региональные особенности функционирования предпринимательской сферы в Сибири, автор лишь повторяет очевидное и давно известное: близость к границам, мультикультурная контактная среда, доминирование казенного капитала в промышленности. При этом промежуточные выводы декларативны, отсутствуют какие бы то ни было характеристики коммуникативного пространства хозяйственной деятельности купечества в специфических условиях региона. Вызывает вопросы и некоторый дисбаланс между заявленными хроноло-

гическими параметрами исследования региональных аспектов купеческого предпринимательства (весь XIX в.) и авторским фактическим материалом, покрывающим временной промежуток до 1860–1870-х гг.

Проблемы хозяйственной деятельности купцов, принадлежащих к разным этническим сообществам, осваиваются Е.В. Комлевой в тесной связи с осмыслением колониационной специфики российской периферии. Трудно не согласиться с авторским пониманием имперских задач России на восточных окраинах, которые во многом являлись фрагментом реализации окраинной политики в других регионах. При этом необходимо отметить, что колониационный контекст этнического предпринимательства требует и расшифровки. Так, например, ссыльная практика в отношении польских инсургентов включалась в общий концепт безопасности империи и преодоления сепаратистских тенденций на государственном уровне. Отсутствие нормативно-правовых ограничений участия в предпринимательской деятельности по признаку этничности не только предоставляло равные возможности реализации экономических планов различных этнических групп, но и обеспечивало политическую стабильность в отдаленном секторе империи. К сожалению, в резюмирующей части раздела, посвященной оценке этнической составляющей предпринимательской деятельности купеческого сообщества, недостаточно рельефно отражена данная взаимосвязь. Кроме того, Е.В. Комлева, детально характеризуя этническую мозаичность сибирского купечества, обходит стороной и вопрос о наличии / отсутствии корреляции между этнической идентичностью предпринимателей и отраслевой спецификой хозяйственных занятий, выбором того или иного вида экономической деятельности.

В части монографии, посвященной морально-этическим основаниям и культуре купеческого предпринимательства, автором успешно выявлены условия и социокультурные обстоятельства формирования деловой этики купечества, к разряду которых Е.В. Комлевой отнесены семья, выполнявшая форматирующую функцию организации бизнес-практик, и система партнерских коммуникаций, в рамках которой в соответствии с этическими принципами реализовывались хозяйственно-экономические задачи купечества. Автором детально вскрыта логика межпоколенческого движения купеческого капитала, справедливо отмечается факт перманентного внутрисемейного дробления финансовых сбережений сибирских предпринимателей, что требовало постоянной концентрации, способствовало поддержанию регулярной деловой активности купечества и, несомненно, являлось основной чертой морально-этического облика сообщества.

Очевидным достоинством раздела можно признать стремление автора к реконструкции морально-этического образа купечества с опорой на представления о нем сибирских горожан, репрезентируемые в мемуарно-эпистолярном наследии конца XVIII – XIX в. По мнению Е.В. Комлевой, в городской среде этого периода складывались представления о «совершенном» купце, идеальном его образе, что дает исследователю возможность установить расхождения между должным и

сущим, тем самым раскрыть содержание морально-этических свойств купечества, выявить факторы, оказавшие влияние на формирование нравственных конвенций предпринимательского сословия. Остается только сожалеть о манкировании автором таким понятием, как этос, определяемый в современной науке не только как совокупность морально-нравственных характеристик человека или группы, но и как важный элемент самосознания, ответственный за формирование корпоративной этики, включающей как практические рекомендации, так и идеальные ориентиры [2]. В этой связи характеристика Е.В. Комлевой морально-этического базиса купеческого предпринимательства могла бы выглядеть более полной и релевантной, обратись она к непроизводственной повседневности сообщества, сюжетам частной жизни купцов, оставшимся за пределами исследовательской «оптики» автора. Внедрение в канву работы и оперирование понятием «этос», на наш взгляд, предоставило бы автору монографии неплохой шанс в поиске ответов на вопрос о причинах более высокого уровня доверия к купечеству в системе координат сибирского социума.

Важным сегментом монографии Е.В. Комлевой выступает характеристика усилий сибирского купечества в сфере изучения и трансляции знаний о Северо-Восточной Евразии. Бесспорным является то, что в масштабах исследовательского проекта автором была качественно переосмыслена шаблонная модель представлений о купечестве как сословии, ориентированном только на реализацию своекорыстных побуждений. На страницах монографии оказался отчетливо очерчен вектор культуртрегерской деятельности сообщества, которая не могла бы реализоваться в условиях низкого образовательного и духовного потенциала сибирских предпринимателей. Исследователь весьма уместно говорит в разделе о сложной интеллектуальной эволюции купечества, подчеркивая, что в XIX столетии практикоориентированное отношение сибирских купцов к образованию, предполагавшее необходимость получения элементарных умений и навыков, «дрейфовало» к осознанию важности систематического гимназического и университетского образования. Реальным проявлением такой эволюции, по мнению Е.В. Комлевой, стала широкая благотворительная деятельность лиц купеческого звания в просветительской сфере, области музейного дела и церковного строительства. Меняющаяся идентичность купечества, важные трансформации в представлениях о собственном назначении и смысле жизни находили выражение в интенсивном включении региональных предпринимателей в решение колонизационных задач Российской империи на востоке страны: экспертную деятельность, связанную с изучением региона и его ментальной географии, участие в экспедиционной деятельности и т.д. И здесь вновь можно говорить о некоторой незавершенности авторских умозаключений, поверхностности выводов, где не нашлось места для тезиса, частично озвученного на страницах параграфа: во второй половине XIX в. стремительно менялось коммуникативное пространство купеческого бытия, что было связано с интенсивным переселенческим движением, количественными

и качественными переменами в организации административно-политического управления Сибири. В новых условиях происходили интеллектуальное раскрепощение купечества, освобождение сообщества от пут культурного изоляционизма, что значительно ускорило процессы инкорпорации сословия в сибирский социум, видоизменило традиционные представления о купечестве с преобладанием отрицательных коннотаций в конструировании образа социальной группы.

В известной степени данный пробел устраняется в последней главе монографии, где производится попытка конструирования законченного образа сибирского купечества с опорой на представления референтных групп регулярного сибирского населения, а также иностранцев, оставивших фрагментарные свидетельства о купеческом сообществе.

Как положительный момент отметим достойное уважения стремление автора представить восприятие купечества современниками в формате конкуренции мемуарно-биографических дискурсов (воспоминаний купцов, чиновников, декабристов, иностранных подданных). Следуя заданной модели, рассматривая воспоминания различных групп сибирского общества системно, Е.В. Комлева получила документальные основания для определения статуса купечества как составной части элиты сибирского общества, тесно связанной с другими социальными стратами населения региона. Опираясь на эго-тексты, автор монографии сумела точно обозначить специфику инкорпорации сибирских предпринимателей в социальное пространство сибирского общества. Совершенно очевидно, что территориальная отдаленность Сибири от центра империи, социокультурная «отдельность» окраины от России запускали и особые алгоритмы межсословных и межгрупповых коммуникаций. В данном плане сибирское купечество выполняло функцию своеобразного middle class, на равных взаимодействующего с представителями властных региональных элит (чиновничество) и дворянской аристократией (декабристы). В условиях контактной социальной среды сибирское купечество получало дополнительные преференции для повышения своего социального статуса и политического веса в региональной общественной иерархии, что позволяет увидеть за традиционным фасадом восприятия данной группы (Кондрат – благодуществующий) [3. С. 48–51] эффективно действующего актора инкорпорации имперской окраины в социокультурное поле российского общества.

В целом можно констатировать, что монография Е.В. Комлевой является знаковым событием в историографической традиции сибирского предпринимательства, и в частности купечества как социокультурного феномена. Оригинальность авторской модели осмысления образа купечества и оценка вклада сообщества в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии обусловлены антропоцентрическим подходом, в рамках которого происходит актуализация интереса к человеку «второго плана в истории», что существенно расширяет возможности конструирования и интерпретации традиционных сюжетов исторического прошлого России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. XL, 548 + 583 с.
2. Кудряшов И. Несколько слов о профессиональном этосе (на примере философского сообщества) // Ликбез : литературный альманах. 2011. № 83. URL: http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number4352/zine_clever4357/publication4383 (дата обращения: 19.11. 2020).
3. Ядринцев Н.М. Кондрат благодуществующий и Кондрат утопающий // «Я сын девственной и могучей страны...» : сб. статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2004. 243 с.

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation); Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

REVIEW: E.V. KOMLEVA. SIBERIAN MERCHANTS: CONTRIBUTION TO ECONOMIC DEVELOPMENT AND STUDY OF NORTH-EASTERN EURASIA: MONOGRAPH / E.V. KOMLEVA., EXECUT. ED. N.P. MATKHANOVA; RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, SIBERIAN BRANCH, INSTITUTE OF HISTORY. NOVOSIBIRSK: PARALLEL, 2018. 398 P.

Keywords: Siberian merchants; development of Eurasia; memoir and biographical discourse.

The publication is devoted to the analysis of the monograph by E.V. Komleva “Siberian merchants: contribution to economic development and study of North-Eastern Eurasia”. The anthropocentric approach to the study of the problem, the productive model of the hierarchy of sources, the professional formulation of research tasks and the originality of the conclusions are noted, which opens up research prospects in the study of social groups and local communities in Russia in the imperial period.

REFERENCES

1. Mironov, B. N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Imperial Russia (the 18th – early 20th centuries)]. 3rd ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Kudryashov, I. (2011) Neskol'ko slov o professional'nom etose (na primere filosofskogo soobshchestva) [A few words about the professional ethos (a case study of the philosophical community)]. *Likbez: literaturnyy al'manakh*. 83. [Online] Available from: http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number4352 (Accessed: 19th November 2020).
3. Yadrincev, N.M. (2004) “*Ya syn devstvennoy i moguchey strany ...*”. *sb. statey, ocherkov, fel'etonov* [“I am the son of a virgin and mighty country ...”]: A collection of articles, essays, feuilletons]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЮКОВА Светлана Вениаминовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: andryukova@gambler.ru

АТНАГУЛОВ Ирек Равильевич, доктор исторических наук, заведующий центром этноистории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург). E-mail: i.atnagulov@mail.ru

БЕН Надежда Сергеевна, лаборант лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ben.nadezhda@gmail.com

БЕРСЕНЕВ Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: m.bersenev@gmail.com

БОБРОВ Леонид Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: spsml@mail.ru

БОГДАНОВ Андрей Евгеньевич, младший научный сотрудник отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). E-mail: pereswetstation@yandex.ru

БУРАЕВ Алексей Игнатьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: buraev1961@mail.ru

ВЕРЕТЕННИКОВ Алексей Васильевич, старший инженер лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: veretennikov862@gmail.com

ГЕРМАН Павел Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: lithos@mail.ru

ГОНЧАРОВ Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: yuriig@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВ Артем Петрович, аспирант кафедры биологии, экологии и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: grap9@bk.ru

ДАШКОВСКИЙ Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

ЕФРЕМОВА Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: ens77@mail.ru

ЗАЙКА Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, заведующий Музеем археологии и этнографии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск). E-mail: zaika_al@mail.ru

ЗИНОВЬЕВА Валентина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

КИРЬЯНОВ Виктор Парфенович, старший преподаватель цикла подготовки офицеров запаса кафедры разведки и общевойсковой подготовки при Военном учебном центре, аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kiryanov1970@gmail.com

КОСЫХ Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: history@tsuab.ru

ЛУЙЛИ Франческа, PhD, президент и директор исследовательских проектов Итальянской ассоциации этноархеологии (Рим, Италия). E-mail: luglifrance@gmail.com

ЛЫКОВА Алёна Алексеевна, аспирант кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национально-исследовательского Томского государственного университета. E-mail: alena.lykova.1995@mail.ru

МАЙНИЧЕВА Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусства. E-mail: annmaini@gmail.com

МАРОЧКИН Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: comcon@yandex.ru

МАРТЫНОВА Елена Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. E-mail: ep_martynova@mail.ru

НИКОЛАЕВ Василий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск). E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

ОЖЕРЕДОВ Юрий Иванович, кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея истории Томска. E-mail: nohoister@gmail.com

ОСИПОВ Дмитрий Олегович, доктор исторических наук, научный сотрудник Государственного исторического музея, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dmitriyosipov@mail.ru

ПЛАЦ Иван Андреевич, младший научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: ivanplac@yandex.ru

ПЛЕТНЁВА Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и этнографии Томского государственного педагогического университета. E-mail: tspu_kae@mail.ru

ПОПОВА Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела «История и этнология» Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск). E-mail: rusina-porova@yandex.ru

РЫБАКОВ Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dima0183@yandex.ru

САВЕЛЬЕВА Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово). E-mail: antverpen@mail.ru

СКУБНЕВСКИЙ Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: Yuriig@yandex.ru

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории факультета гуманитарного образования Омского государственного технического университета. E-mail: stelmakmm@mail.ru

СТЕПАНОВА Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Барнаул). E-mail: nstepanova10@mail.ru

ТАДЫШЕВА Наталья Олеговна, кандидат исторических наук, заместитель директора Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск). E-mail: tadisheva@mail.ru

ТАТАУРОВ Сергей Филиппович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: tatsf2008@rambler.ru

ТАТАУРОВА Лариса Вениаминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: li-sa65@mail.ru

ТИХОНОВ Сергей Семёнович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: semchi957@gmail.com

ФАДЕЕВ Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: fadeevk@rambler.ru

ФЕДОСОВ Егор Андреевич, ассистент кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yandex.ru

ХОХЛОВ Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

ЧЕМЧИЕВА Аржана Петровна, кандидат философских наук, младший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: chemchieva@gmail.com

ЧЕМЯКИН Юрий Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин, заведующий учебно-методической археологической лабораторией Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург). E-mail: yury-che@yandex.ru

ЧЁРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, директор НОЦ «Институт археологии, этнографии и физической антропологии», заведующая лабораторией археологических и этнографических исследований Западной Сибири, заведующая кафедрой археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mariakreml@mail.ru

ЧЕРНЫХ Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (Ижевск). E-mail: emch59@mail.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, главный научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2021 № 69

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 24.02.2021 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 25,75. Усл. печ. л. 23,95. Тираж 50 экз. Заказ № 4507. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.02.2021 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – А.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru